

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. В. ПРУДНИКОВ

Deus adiuvā!

Норманнские рыцари в Анатолии
XI–XII вв.

Москва
ИВ РАН
2019

ББК 63.3(0)4
П85

К 200-летию
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор

Д. Д. Васильев

Рецензенты

Д. М. Тимохин

А. Д. Васильев

Прудников В. В.

П85 *Deus adiuvā!* Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв. / Отв. ред. Д. Д. Васильев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 312 с., ил.

ISBN 978-5-89282-913-7

Монография посвящена одному из ярчайших эпизодов экспансии на Ближний Восток выходцев из герцогства Нормандия. Эти рыцари-норманны не только стали предтечей крестоносного движения по границам христианского мира в Испании, Сицилии, Византии, но и сыграли важнейшую роль в организации и проведении Первого крестового похода. Именно им принадлежит честь создания наиболее жизнеспособного государства крестоносцев на Востоке — Антиохийского княжества.

Книга рассчитана на специалистов-историков, студентов исторических факультетов и широкий круг читателей-гуманитариев.

ISBN 978-5-89282-913-7

ББК 63.3(0)4

В оформлении обложки использована прорисовка фрагмента ковра из Байе (конец XI в.), на которой изображены ведущие преследование противника норманнские рыцари в битве при Гастингсе.

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Обзор источников и начального этапа историографии	
1.1. Источники.....	9
1.2. Историография	22
Глава 2. Кто такие норманны?	
Проблема норманнской идентичности	
2.1. Проблема норманнской идентичности в историографии XX – н. XXI вв.	26
2.2. Внешний телесный облик норманнов в представлении средневековых авторов.....	42
2.3. Норманны и борода.....	52
2.4. Речь норманнского рыцаря на войне по данным итало-норманнских авторов XI–XII вв.....	58
2.5. Каннибализм Первого крестового похода – норманнский трюк?.....	68
2.6. Антропоним «Malacorona» в латинских хрониках XII в.	73
Глава 3. Норманны в Малой Азии перед Первым крестовым походом	
3.1. Норманны и византийцы: историография XIX–XX в.	79
3.2. Взаимные представления норманнов и византийцев по данным латинских и византийских авторов XI–XII вв.	100
3.3. Первые контакты норманнов и тюрок-сельджуков в Малой Азии	127

Глава 4. Норманны в Малой Азии в эпоху Первого крестового похода

4.1. Участие норманнов в Первом крестовом походе: историографический аспект	147
4.2. Участие норманнов в Первом крестовом походе глазами средневековых авторов (латинских и византийских хронистов)	161
4.3. Взгляд с Востока: представления о норманнах у восточно-христианских и мусульманских авторов	181

Глава 5. Норманны и тюрки-сельджуки в Малой Азии по данным средневековых латинских авторов

5.1. Историографический обзор	201
5.2. Легенда о троянском происхождении норманнов и тюрок-сельджуков в средневековой латинской традиции XI–XII вв.	209
5.3. Боэмунд в Никсаре (1100–1103 гг.)	226
5.4. Норманнская и сельджукская конница в Малой Азии в XI–XII вв.: копье и лук как преимущества завоевателей	241
Заключение	262
Источники	268
Литература	281

ВВЕДЕНИЕ

В истории Малой Азии с первобытности до современности можно выделить ряд цивилизационных этапов: древнейший, античный, раннехристианский, византийский, сельджукский и османский. Далеко не все из них получили должное освещение, что в первую очередь связано с недостаточной изученностью в междисциплинарном и источниковедческом аспектах.

История Малой Азии в XI–XII вв. характеризуется ослаблением мощи Византийской империи, образованием тюркских эмиратов и владений крестоносцев, началом активных контактов между западно-христианской и мусульманской цивилизациями. В этот период на исторической арене появляются новые народы-завоеватели: тюрки-сельджуки и норманны.

Норманны являлись выходцами из Нормандии – герцогства, основанного на севере Франкии по договору между королем франков Карлом Простоватым и предводителем викингов Роллоном в 911 г. В течение X в. норманны переняли новую для себя культуру, религию и язык¹. В то же время скандинавское наследие оказывало мощное влияние на многие аспекты существования норманнского общества как в Нормандии, так и за ее пределами. По этому поводу французский историк Поль Зюмтор говорил: «И все-таки долго еще в Нормандии не забывали скандинавского Тора: хотя христианизация герцогства в основном завершилась к 1000 году, однако еще в начале правления Вильгельма Завоевателя на боевой клич воинов молодого герцога «Dieus aie!» («Да поможет нам Бог!») порой отзывалось эхо «Thor aie!» («Да поможет нам Тор!»)»².

В Малой Азии норманны вступали во взаимодействие с различными народами, издавна населявшими этот регион: греками-византийцами, армянами, арабами и тюрками-сельджуками. Межэтнические контакты не могли пройти бесследно ни для одной из сторон: результаты взаимодействия культур оставили свой след в сознании авторов исторических произведений.

¹ Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. М., 2004. С. 231 и сл., 419 и сл.

² Зюмтор П. Вильгельм Завоеватель. М., 2010. С. 74.

Актуальность обращения к данной тематике неоднократно подчеркивалась в отечественной историографии. Ф.И. Успенский отмечал, что «норманнский вопрос принадлежит к числу первостепенных в истории Византии как в XI, так и в последующих веках»³. В.В. Бартольд в работе «Турция, ислам и христианство» говорил о недостаточной изученности темы контактов рыцарей-«франков» и тюрок-сельджуков в Малой Азии⁴. В более поздний период подобные мысли высказывали Р.А. Гусейнов⁵ и М.А. Заборов⁶.

В современном мире в условиях развития процесса глобализации и информатизации на первое место по актуальности выходят исследования, посвященные проблемам миграций, роли этнического самосознания⁷, вопросам взаимодействия культур на уровне этноса и цивилизации⁸. Адекватным ответом на вызовы современности явилось создание исторической имагологии, направленной на изучение «культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, этнических и национальных стереотипов, путей их формирования, способов функционирования и процессов трансформации в контексте отношений “мы и они”, “свой и чужой”»⁹. Изучение этих проблем неразрывно связано с процессом формирования индивидуальной и коллективной идентичности¹⁰.

Существующие историографические подходы подробно рассмотрены в начале каждой из глав. По существу, можно отметить, что вопросы о пребывании норманнов на Востоке поднимались историками еще в XVII в. На рубеже XIX–XX вв. появляются работы, посвященные норманнам на византийской службе, а также их участию в Первом крестовом походе. В ходе исследований был собран и проанализирован богатый фактический материал. Однако в рамках данных подходов невозможно представить целостную и непротиворечивую картину норманнского присутствия в Малой Азии.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 11.

⁴ Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / подг. к изд. А.Б. Халидов, отв. ред. И.Н. Винников. М.: Наука, 1966. Т. 6. С. 421.

⁵ Гусейнов Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 32.

⁶ Заборов М.А. Советская историография крестовых походов // Средние века. 1964. Вып. 25. С. 279.

⁷ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 10.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 286.

С середины XX в. берет начало новое направление в историографии, в рамках которого исследуются вопросы самосознания норманнов и их хронистов. Данная проблема получила в историографии условное обозначение «Normannitas» и «по сути дела сводится к проблеме самоидентификации норманнов в иноэтнической среде»¹¹. На сегодняшний день существует большое количество работ, в которых исследуется «Normannitas» в Южной Италии и Сицилии, но только некоторые из них обращены непосредственно к проблеме идентификации норманнов в Малой Азии.

В этой книге рассматриваются вопросы, связанные с пребыванием норманнов в Малой Азии и сопредельных регионах во второй половине XI – первой трети XII в. В фокус исследования попали представления, оценочные суждения, описания, сравнительные характеристики в нарративных источниках, отражающие образ норманнов и его трансформации в сознании хронистов.

Рассмотрение вопроса о пребывании норманнов в Малой Азии перед Первым крестовым походом тесно связано с изучением норманно-византийских отношений. На всей территории империи существовала норманно-византийская общность, в рамках которой норманнам предоставлялся выбор: либо полностью ассимилироваться, либо попытаться сохранить собственную идентичность. Контакты норманнов с тюрками-сельджуками в Малой Азии были направлены на установление общих ценностей и целей. Результатом данного взаимодействия стало ослабление византийского могущества в регионе. Участие норманнов в Первом крестовом походе ознаменовало собой новый этап проникновения в Малую Азию. Главную роль в этом движении сыграли итальянские норманны. Благодаря своим знаниям и опыту в конкурентной борьбе с византийцами, тюрками-сельджуками и другими народами они сумели создать наиболее жизнеспособное латинское государство на Востоке – Антиохийское княжество. В глазах восточных христиан и мусульман норманны являлись едва ли не главными предводителями «франков». Если первые видели в них новых «римлян», единоверцев и освободителей, то вторые смотрели на них как на врагов. В то же время некоторые арабоязычные авторы рассматривали норманнов в качестве очередных завоевателей наподобие сельджуков. Проникновение в Малую Азию способствовало развитию в латинской историографической традиции политических мифов и легенд, которые возникли в результате взаимодействия норманнов с народами Малой Азии. К числу подобных можно отнести легенду о троянском происхождении

¹¹ Якуб А.В. Образ норманна в западноевропейском обществе IX—XII вв. Становление и развитие историографической традиции. Омск, 2008. С. 49.

тюрок-сельджуков и легенду о пребывании князя Антиохии Боэмунда в плену у Данышменда, правителя Сиваса.

Целью исследования является изучение процесса формирования образа норманнов в Малой Азии в представлениях средневековых авторов, принадлежавших к различным историческим традициям (латинской, византийской, армяноязычной, сирийской, арабоязычной).

Первая глава содержит общий обзор источников и начального периода историографии. Во второй главе освещены вопросы идентификации норманнов в историографии и источниках. Особое внимание уделяется изучению внешнего телесного облика норманнов. Проводится анализ системы ценностей в речах норманнских рыцарей из хроник авторов XI–XII вв. На примере широко известного явления канныализма Первого крестового похода сделана попытка проследить его связь с традиционными для норманнов способами достижения превосходства в войне за счет деморализации противника. В третьей главе рассматриваются взаимные представления норманнов и византийцев по данным латинских и византийских авторов; собраны сведения латинских, византийских, армяноязычных и мусульманских источников о первых контактах норманнов и тюрок-сельджуков. Четвертая глава посвящена вопросу о том, как воспринималось участие норманнов в Первом крестовом походе латинскими, византийскими, армянскими, сирийскими и мусульманскими авторами. В пятой главе проводится изучение легенды о троянском происхождении норманнов и тюрок-сельджуков в латинской исторической традиции; исследованы основные версии латинских авторов о пребывании Боэмунда в плену у Гюмюштекина ибн Данышменда; проводится сравнение норманнской и сельджукской конниц. В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Автор выражает горячую признательность сотрудникам отдела истории Востока Института востоковедения РАН и ответственному редактору, руководителю отдела Д.Д. Васильеву за поддержку и помощь, оказанную при написании этой книги. Отдельные слова благодарности — С.М. Крыкину и Г.А. Ртищевой за внимание и участие, проявленное на ранних этапах работы; А.В. Андрееву за труд при составлении карт; В.Н. Настичу и Е.Ю. Гончарову за ценные замечания в области нумизматики; Т.А. Аникеевой, А.Д. Васильеву, И.В. Зайцеву, Д.В. Микульскому, Д.М. Тимохину, В.В. Тишину за важные консультации и переводы избранных мест из арабо-персидских источников и литературы на турецком языке; Р.М. Шукурову за советы при работе с византийскими источниками. Особую признательность автор испытывает к родным и близким за проявленное ими терпение и понимание.

ГЛАВА 1

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Источники

В соответствии с целями и задачами исследования были отобраны разные источники, которые можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся хроники средневековых латинских авторов, в которых содержатся важные сведения о норманнах, проявивших себя в Малой Азии в XI–XII вв.

О том, как норманны воспринимали самих себя и окружающие их народы в различные периоды времени и на различных территориях, можно узнать у латинских авторов, принадлежавших к норманнской историографической традиции. Ее основателем считается Дудо из Сен-Кантена, который между 1015 и 1025 гг. составил хронику «Об обычаях и деяниях первых герцогов Нормандии»¹². Его дело продолжил Вильгельм Жюмьежский¹³, который многое заимствовал у своего предшественника и довел хронику «Деяния норманнских герцогов» до 1070 г.

Завоевания норманнов в Южной Италии и Сицилии вызвали к жизни целую плеяду итало-норманнских историков, которые являлись наиболее

¹² Dudonis Sancti Quintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Caen, 1865.

¹³ Guillaume de Jumezges. Gesta Normannorum ducum / ed. J. Marx. Rouen, 1914.

информированными в Западной Европе о событиях, происходивших в Малой Азии накануне Первого крестового похода. Монах бенедиктинского монастыря Амато де Монтекассино после 1080 г. написал «Историю норманнов»¹⁴. До нас дошел вариант «Истории» в копии XIV в. на старофранцузском языке. Отрывки, повествующие о деяниях норманнских предводителей на византийской службе Русселя де Баллиоля и Роберта Криспина, изданы в переводе на английский язык Э. ван Хоутс¹⁵.

Монах ордена святого Бенедикта Гауфред Малатерра по просьбе графа Рожера написал хронику «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и его брата герцога Апулии Роберта Гвискара»¹⁶. Его сочинение охватывает период с 40-х гг. XI вв. по 1099 г. включительно и содержит описание завоеваний норманнов в Южной Италии и Сицилии. Малатерра сообщает об участии Русселя да Баллиоля в битве при Серами, а также дает ряд ценных свидетельств о присоединении норманнов к подготовке Первого крестового похода.

Наибольший интерес к событиям в Малой Азии проявил Вильгельм Апулийский, который, который в конце XI в. создал поэму «Деяния Роберта Гвискара»¹⁷ (по заказу сына Роберта — герцога Апулии Рожера Борсы).

Анонимный автор хроники «Деяния франков и других иерусалимцев»¹⁸, которая представляет собой записи рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения, который в начале Первого крестового похода служил Боэмунду, а затем перешел на службу к Раймонду Сен-Жильскому.

Именно книгу итальянского рыцаря Анонима Ордерик Виталий использовал в качестве основного источника для написания четвертой книги «Церковной истории». Это сочинение также послужило основой для создания хроник ряда других западноевропейских авторов XII–XIII вв.: «Истории Иерусалимского

¹⁴ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino*, ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935; Ammatus of Montecassino. *The History of the Normans* / Revised with introd. and notes by G.A. Loud. Woodbridge, 2004.

¹⁵ Van Houts E.M.C. *The Normans in Europe*. Manchester; New York, 2000. P. 267—268, P. 270—271.

¹⁶ Malaterra G. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. T. 5. Bologna, 1928.

¹⁷ Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscar* / ed., traduct., comment. et introduct. par M. Mathieu. Palermo, 1961; Guillelmi Appuli. *Historicum poema de rebus Normannorum in Sicilia, Appulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardi Ducis* // *Rerum Italicarum scriptores*. Mediolanum, 1724. T. V. P. 245—278; Guillelmi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi* / ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. Rudolfo Köpke. Hannover, 1851. T. IX. P. 239—298.

¹⁸ *Histoire anonyme de la premiere croisade* / texte etabli et traduit par L. Brehier. P., 1924.

похода» священника Сервейского Петра Тудебоды¹⁹; «Деяний Бога через франков» Гвиберта Ножанского²⁰ (1053–1121), «Иерусалимской истории» Бодри Дольского²¹ (1046–1130) и других²². С XVII в. «Деяния франков» неоднократно издавались²³, а также полностью переводились на европейские языки²⁴.

Рауль Канский (1080–1120) создал произведение, воспевающее подвиги Танкреда, племянника Боэмунда: «Свершения князя Танкреда в походе на Иерусалим»²⁵. Рауль в 1107 г. присоединился к походу на Балканы Боэмунда против Византии. Его мечтам о карьере иторика при дворе Антиохийского князя не суждено было сбыться. Сложное положение христиан в Сирии заставило его оставить научные занятия и обратиться к изучению военных дисциплин. В последующем он продолжил службу в Сирии под знаменами правителя Антиохии Танкреда. Гуальтерий Канцлер написал две книги «Антиохийских войн»²⁶, в которых нашли отражение важнейшие события в норманнском княжестве с 1115 по 1119 г.

Дополнительным источником огромной важности является многотомная «Церковная история»²⁷ англо-норманнского автора Ордерики

¹⁹ Peter Tudebod. *Historia de Hierosolymitano Itinere* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome troisième. P., 1866. P. 1—119.

²⁰ Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. P., 1869. P. 113—221.

²¹ Baldrici, Episcopi Dolensis, *Historia Jerosolimitana* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. P., 1869. P. 1—89.

²² Jamison E. Some notes on the Anonymi *Gesta Francorum* with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // *Studies in french language and medieval literature*. Manchester, 1939. P. 183—184.

²³ *Gesta Dei per Francos, sive, Orientalium expeditionum et regni Francorum Hierosolomitani historia* / ed. J. Bongars. Hannoviae, 1611; *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum mit Erläuterungen* hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1890; *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / ed. B.A. Lees. Oxford, 1924.

²⁴ *Histoire anonyme de la premiere croisade / texte etabli et traduit par L. Brehier*. P., 1924; *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum: The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem* / ed. and trans. R. Hill. London: T. Nelson, 1962; *Le Gesta dei Franchi e degli altri pellegrini gerosolymitani* / a cura di L. Russo. Alessandria, 2003; Nirmal Dass. *The Deeds of the Franks and Other Jerusalem-Bound Pilgrims*. Lanham, Maryland, 2011.

²⁵ Radulfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolymitana* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J. Migne. T. 155. P., 1854. P. 189—590; *The Gesta Tancredi of Ralph of Caen: A History of the Normans on the First Crusade* / ed. and tr. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. Aldershot, 2005.

²⁶ *Galterii cancellarii Bella antiochena / mit erläuterungen und einem anhang* hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Innsbruck, 1896; *Walter the Chancellor's The Antiochene Wars: A Translation and Commentary* / ed. and tr. Thomas S. Asbridge, Susan B. Edgington. Aldershot, 2005.

²⁷ Orderici Vitalis Angligenae Coenobii Uticensis Monachi. *Historia Ecclesiastica* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1855. T. 188. P. 17—984.

Виталия (1075–1142), которая является своего рода энциклопедией сведений о деяниях норманнов не только в Европе, но и далеко за ее пределами. Создавая «Церковную историю» в течение двадцати пяти лет с 1115 по 1140 г., Ордерик объединил в одно целое норманнскую историографию от Англии до Малой Азии. Одно из первых изданий «Церковной истории»²⁸ было предпринято в XVII в. французским королевским историографом Андре Дюшеном (1584–1640).

Немало ценных сведений об участии норманнов в Первом крестовом походе можно почерпнуть из четвертой книги «Деяний английских королей» англо-норманнского автора Вильгельма Мальмсберийского (1096–1143)²⁹. Продолжателем традиций норманнской историографии в 1139 г. выступил англо-норманнский хронист Роберт де Торињи (около 1110–1186). В 1128 г. Роберт стал монахом Бекского монастыря, в котором занял место приора в 1149 г., а в 1154 г. возглавил монастырь Мон-Сен-Мишель в Нормандии.

Роберт дополнил труды Вильгельма Жюмьежского и Ордерика Виталия и довел хронику «Деяния герцогов Нормандии»³⁰ до 1086 г. В своей работе историка Роберт отличался сухостью стиля и предпочитал придерживаться только фактов, избегая намеков на романтические детали. Хроника Роберта де Торињи является ценным источником по изучению истории норманнов не только в Англии, Нормандии, Южной Италии, но и на Востоке.

Особый интерес представляют работы историков, не связанных с норманнской исторической традицией, которые позволяют взглянуть на них со стороны, глазами представителей других народов и социальных групп Западной Европы.

В этом ряду следует упомянуть хронистов Первого крестового похода: провансальского автора Раймунда Ажильского³¹, Фульхерия Шартрского³²

²⁸ *Historiae Normannorum scriptores antiqui, res ab illis per Galliam, Angliam, Apuliam, aptae principatum, Siciliam et Orientem gestas explicantes, ab anno 838 ad annum 1220, insertae sunt monasteriorum fundationes variae, series episcoporum ac abbatum, genealogiae regum, ducum, comitum, & nobilium, plurima denique alia vetera, tam ad profanam quam ad sacram illorum temporum historiam pertinentia / ex mss. codd. omnia fere nunc primum edidit Andreas Duchesnius Turonensis. Lutetiae Parisiorum, 1619.*

²⁹ *Willelmi Malmesbiriensis monachi. De gestis regum Anglorum libri quinque: Historiae novellae libri tres / ed. by W. Stubbs. L., 1889. Vol. II.*

³⁰ *Chronique de Robert de Torigni / ed. L. Delisle, P., 1872. Vol. I; 1873. Vol. II.*

³¹ *Raimundi de Aguilers canonici Podiensis historia Francorum qui ceperunt Iherusalem // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1866. T. III.*

³² *Foulcher de Chartres, Heinrich Hagenmeyer. Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana (1095–1127). Heidelberg, 1913.*

(1059–1128) и Альберта Ахенского³³, а также Вильгельма Тирского³⁴ (1130–1186) и Эккехарда из Ауры³⁵ (ум. 1126).

К этой же группе следует отнести некоторые «шансон де жест», в которых описываются события Первого крестового похода: «Песнь об Антиохии»³⁶ и «Пленники»³⁷.

Большое значение имеет изучение актового материала: грамот норманнских правителей, монастырей. Аббат монастыря святого Илии в Ното Рокко Пирри (1577–1651) подготовил несколько научных трудов, которые в последующем были объединены в общий сборник «*Sicilia sacra*»³⁸. На страницах своих сочинений Пирри опубликовал большое количество грамот из архивов монастырей Южной Италии и Сицилии. Он также осведомлен о тех щедрых вкладах, которые делали «благочестивые» норманны в монастыри Святой земли³⁹. Изданные им грамоты содержат ценную информацию о норманнах — участниках Первого крестового похода.

Немецкий историк Рейнгольд Рерихт (1842–1905) в 1883 и 1904 гг. издал регесты Иерусалимского королевства с 1097 по 1291 г.⁴⁰, в которых собрал документы норманнских правителей в Святой земле. Полезную информацию можно отыскать в собраниях грамот основанных крестоносцами монастырей: аббатство Святой Марии долины Иосафата⁴¹, церковь Гроба Господня в Иерусалиме⁴².

Вторую группу источников составляют сочинения византийских авторов XI–XII вв. Первым в этом ряду необходимо назвать «Алексиаду» Анны

³³ Edgington S. B. *Albert of Aachen: Historia Ierosolimitana, History of the Journey to Jerusalem*. Clarendon, 2007.

³⁴ Guillaumus Tyrenus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J. P. Migne. P., 1855. T. 201. P. 209—892.

³⁵ Ekkehardus Uraugiensis. *Chronica* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 154.

³⁶ *The Chanson d'Antioche: An Old-French Account of the First Crusade* / ed. and trans. by S. Edgington, C. Sweetenham. Farnham, 2013.

³⁷ *Les chétifs* / ed. G.M. Myers. Tuscaloosa, 1981.

³⁸ Pirri Rocco. *Sicilia sacra disquisitionibus et notiitiis illustrata* / auctore Don Rocco Pirro, editio tercia emendata continuatione aucta cura studia A. Mongitore, accessere V.M. Amico. Panormi, 1733.

³⁹ *Ibid.* T. II. P. 1309.

⁴⁰ *Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI)* / ed. R. Röhricht. Oeniponti, 1893; *Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII—MCCXCI): Additamentum* / ed. R. Röhricht. Oeniponti, 1904.

⁴¹ *Chartes de Terre Sainte* provenant de l'abbaye de N.-D. de Josaphat / publiées par H.-François Delaborde. P., 1880.

⁴² *Cartulaire de l'église du Saint-Sépulcre de Jérusalem*, publié d'après les manuscrits da Vatican, par M. Eugène de Rozière. P., 1849.

Комнины (1083–1153)⁴³. Этот беспрецедентный труд она посвятила описанию жизни и карьеры своего отца – византийского императора Алексея I Комнина. Восхождение к верховной власти он начал в 1074 г. с подавления мятежа Русселя де Баллиоля в Малой Азии⁴⁴. В 1081 г. ему пришлось сдерживать натиск норманнов во главе с Робертом Гвискарсом на Балканах⁴⁵. Анна родилась в 1083 г., когда ее отец возвращался с победой из Македонии с отрядами норманнов, которые перешли к нему на службу. Некоторые из них, как, например, Петр Алифа, рассказывали византийской принцессе о славных битвах ее отца с герцогом Робертом Гвискарсом⁴⁶.

Муж Анны Никифор Вриенний (1062–1137) является автором «Исторических записок»⁴⁷. Он с большим вниманием относился к норманнам на византийской службе и составил описание мятежа Русселя де Баллиоля в Малой Азии, которое в дальнейшем было использовано в «Алексиаде».

Помимо «Алексиады» и «Исторических записок» для изучения восприятия византийцами норманнов большое значение имеют произведения византийских авторов: «История» Михаила Атталиата⁴⁸, «Хронография» Михаила Пселла⁴⁹, «Обозрение истории» Иоанна Скилицы⁵⁰ и Георгия Кедрина⁵¹, «Всемирная история» Иоанна Зонары⁵², «Хронография» Михаила Глики⁵³.

К третьей группе относятся армяноязычные и грузинские исторические сочинения.

⁴³ Анна Комнина. Алексиада / пер. с греческого Я.Н. Любарского. СПб., 1996; Anna Comnena. Alexiadis libri XV / ed. C.F. Niebuhr, L. Schopenus, A. Reifferscheid. Bonnae, 1839. При ссылках на данный источник, в основном, будут даваться номер книги римскими цифрами, арабскими цифрами разделы и номера страниц по русскоязычному переводу. В отдельных случаях ссылка на Боннское издание обозначена отдельно.

⁴⁴ Анна Комнина. I, 1—3, С. 57—60.

⁴⁵ Анна Комнина. III, 9, С. 132; V, 7, С. 170; VI, 1, С. 176; VI, 7, С. 187.

⁴⁶ Анна Комнина. IV, 6, С. 152.

⁴⁷ Никифор Вриенний. Исторические записки (976—1087) / отв. ред. и автор комментариев А.А. Калинин. М., 1997; Nicefori Bryennii. Commentarii / ed. C.F. Niebuhrii, A. Meineke, P. Possinus. Bonnae, 1886.

⁴⁸ Michael Attaliota. Historia / ed. C.F. Niebuhrii, W. Bruneto de Presule, I. Bekkerus. Bonnae, 1853.

⁴⁹ Михаил Пселл. Хронография / введ., пер. и комм. Я.Н. Любарского. М., 1978.

⁵⁰ Ioannis Scylitzae. Synopsis historiarum / ed. J. Thurn. Berlin, 1973.

⁵¹ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. Ope. ab I. Bekkero supplrtus et emendatus. Bonn, 1839.

⁵² Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XVIII / ed. C.F. Niebuhrii, M. Pinderi, T. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. T. III.

⁵³ Michaelis Glicae. Annales / ed. C.F. Niebuhrii, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836.

«Повествование» Аристакэса Ластивертци⁵⁴ (род. до 1022 в обл. г. Эрзерума — ум. между 1072–1087) передает взгляд современника и очевидца на описываемые им события. Двадцать пять глав «Повествования» охватывают исторический период с 1000 по 1071 г. Основными темами «Повествования» являются Византия, армяно-византийские отношения и нашествие тюрок-сельджуков. Аристакэс обращает внимание на пришельцев из Западной Европы, которые несли службу на восточных границах империи, варягов и «франков» (под которыми с середины XI в. часто подразумевались норманны)⁵⁵.

Матфей Эдесский (ум. 1144) родился и провел всю жизнь в городе Эдессе (Урха). По этой причине в своем историческом труде, который называется «Хронография», автор уделяет особое внимание истории своего родного города и сопредельных регионов. При работе над книгой были использованы следующие переводы «Хронографии» с армянского языка: два французских перевода Дюлорье⁵⁶, выполненные в середине XIX в., и английский перевод А.Э. Достурiana⁵⁷. Наибольший интерес представляют вторая и третья части «Хронографии», в которых охвачен период с 1051 по 1101 г. во второй и с 1101 по 1136/37 гг. в третьей части, когда историк был современником описываемых им событий. Матфей Эдесский является наиболее информированным источником из армяноязычных авторов о норманнах на востоке Малой Азии и Северной Сирии.

Ценные сведения о результатах взаимодействия норманнов с народами Малой Азии предоставляют армяноязычные источники XIII в.: «Хроника»⁵⁸ канцлера Киликийской Армении Ваграма Рабуни, «Летопись»⁵⁹ Смба

⁵⁴ Аристакэс Ластивертци. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / пер. с древнеарм., вступ. ст., комм. и прил. К.Н. Юзбашьян. М., 1968; Aristakès de Lastivert. Récit des malheurs de la nation arménienne / éd. et trad. M. Canard et H. Berbérian. Bruxelles, 1973.

⁵⁵ Юзбашьян К.Н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакеса Ластивертци // Византийский Временник. 1959. Т. 16 (41). С. 17.

⁵⁶ Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162. Paris, 1858; Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Arméniens. P., 1869. T. I.

⁵⁷ Armenia and the Crusades: tenth to twelfth centuries : the Chronicle of Matthew of Edessa / trans. from the original Armenian with a comm. and introd. by Ara Edmond Dostourian; foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham, 1993.

⁵⁸ Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, during the time of the Crusades / trans. from the original armenian, with notes and illustrations by C.F. Neumann. L., 1831.

⁵⁹ Смбат Спарпет. Летопись / пер. с древнеарм., предисл. и прим. А.Г. Галстяна. Ереван, 1974.

Спарапета (1208–1276), «Всеобщая история»⁶⁰ Вардана Аревелци (1198–1271), «История Армении»⁶¹ Киракоса Гандзакеци (1200–1271), «История» (доведенная до 1289 г.) Мхтиара Айриванеци⁶².

Очень важную информацию об участии норманнов в Первом крестовом походе дает изучение грузинского летописного свода «Картлис цховреба»⁶³. В анонимной хронике XII в. «Жизнь царя царей Давида», представленной в этом сборнике, упоминаются «франки» (груз. прангни), под которыми, по мнению чл.-корр. НАНГ М.А. Шанидзе, подразумевались «крестоносцы-норманны»⁶⁴.

К четвертой группе относятся исторические сочинения сирийских авторов XII–XIII вв. По мнению Р.А. Гусейнова, данную группу источников характеризует как «объективность и толерантность, так и добросовестность и осведомленность»⁶⁵ сирийских авторов, а также своеобразная «сирийская»⁶⁶ направленность в подаче материала, что все вместе дает основания считать их «данными из первых рук»⁶⁷.

Первой в этом ряду стоит назвать «Хронику» Михаила Сирийца (1126–1199). Он родился в Мелитене и сделал карьеру в яковитской церкви: от монаха до патриарха. Михаил Сириец был хорошо образован, владел несколькими языками, много путешествовал и имел большой опыт не только в управлении церковью на Востоке, но и в политике, дипломатии. Он также хорошо представлял себе социально-экономическую и военную историю своей эпохи.

«Хроника» состоит из 21 книги, по традиции начинается с «сотворения мира» и заканчивается 1199 г. В книгах с XV по XXI последовательно излагаются события со второй половины XI–XII вв. Особое внимание в этих книгах уделяется сельджукам, а также норманнским предводителям и их отноше-

⁶⁰ Всеобщая история Вардана Великого: (с примеч. и прил.) / пер. Н.О. Эмина. М., 1861; Thomson, R.W. The historical compilation of Vardan Arewelci // *Dumbarton Oaks Papers*. 1989. Vol. 43. P. 125–226.

⁶¹ Киракос Гандзакеци. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. М., 1976.

⁶² Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванским / введ., пер., комм. К.П. Патканова. СПб., 1869.

⁶³ «Картлис Цховреба» (История Грузии) / под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2008.

⁶⁴ Там же. С. 206.

⁶⁵ Гусейнов Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI–XII вв. // *Византийский Временник*. Вып. 33 (58). 1972. С. 120.

⁶⁶ Там же. С. 121.

⁶⁷ Там же.

ниям друг с другом и Византией. Михаил Сириец был хорошо осведомлен не только о событиях, которые происходили в Сирии и Палестине, но также и в Малой Азии⁶⁸. При работе над хроникой он использовал сирийские, византийские, армянские и арабские источники.

Первоначально «Хроника» была известна по армянскому переводу, который был сделан с сирийского оригинала в 1248 г.⁶⁹ В 1887 г. в яковитской церкви в Эдессе была обнаружена сирийская рукопись, которая в дальнейшем была издана Ж.Б. Шабо⁷⁰. На русском языке отрывки из сирийского списка «Хроники» Михаила Сирийца издавались Р.А. Гусейновым⁷¹.

«Анонимная хроника 1234 года»⁷² содержит немало оригинальных подробностей о карьере норманнских предводителей на Востоке. Об авторе хроники известно, что он был яковитским монахом, родился в Эдессе, какое-то время провел в монастыре мар Бар Саумы и в течение жизни много путешествовал⁷³.

Видный деятель яковитской церкви, энциклопедист Абу-л-Фарадж Ибн Гарун (1226–1286), который с принятием епископского звания взял имя Георгий и носил прозвище Бар-Эбрей, родился в Мелитене. Уже в раннем возрасте он овладел греческим, сирийским и арабским языками, а также, в соответствии с семейной традицией, приобщился к искусству врачевания. На протяжении своей жизни много путешествовал, побывал на службе у монголов, получил образование в столице Антиохийского княжества, сделал карьеру в яковитской церкви⁷⁴.

Абу-л-Фараджу принадлежит авторство выдающихся богословских, исторических, философских и других произведений. Его «Всеобщая история» состоит из двух частей («Chronicon Syriacum» и «Chronicon ecclesiasticum»; светской

⁶⁸ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 13.

⁶⁹ Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites / traduite pour le premiere fois sur la version armenienne du pretre Ischok par V. Langlois. Venise, 1868; The Chronicle of Michael the Great Patriarch of the Syrians / Michael the Great, translated from classical armenian by Robert Bedrosian. New Jersey, 2013.

⁷⁰ Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien / editee pour le premiere fois et traduite en français par J.B. Chabot. P., 1905. Т. III.

⁷¹ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1973—1977. М., 1979—1982.

⁷² The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle / ed. and trans. A.S. Tritton, H.A.R. Gibb // Journal of the Royal Asiatic Society. 1933. Vol. 92. P. 69—102, 273—306.

⁷³ Гусейнов Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI—XII вв. С. 122; Гусейнов Р.А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях // Античная древность и средние века. 1973. Вып. 10. С. 146—147.

⁷⁴ Гусейнов Р.А. Бар-Эбрей и его «Всеобщая история» // Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 53—63.

и церковной истории) и содержит все известные Абу-л-Фараджу исторические знания. Первая часть, в которой изложены события политической и светской истории, была переведена на латинский язык и издана в 1789 г.⁷⁵

Абу-л-Фарадж использовал «Хронику» Михаила Сирийца в качестве основного источника. Но он не стремился дословно воспроизвести ее в своем сочинении, а наоборот, старался дополнить и исправить своего предшественника. Для описания событий Первого крестового похода Абу-л-Фарадж в качестве более надежного источника выбрал «Всеобщую историю» Ибн ал-Асира.

К пятой группе относятся арабоязычные и персидские источники.

Абу Йала Хамза ибн Асад из арабского племени Тамим более известен как ал-Каланиси (Шляпник) (1070–1160). Он является автором одного из ценнейших источников по истории Крестовых походов — «Дамасской хроники»⁷⁶.

О самом ал-Каланиси известно очень мало. Он происходил из очень важной семьи, принадлежавшей к правящей верхушке Дамаска. Он получил хорошее образование и в течение всей жизни находился на государственной службе. Дважды занимал высшую должность в городской администрации — раиса. Опыта военной службы у автора не было. Ал-Каланиси умер в 1160 г. в возрасте более девяноста лет⁷⁷.

Ал-Каланиси являлся современником многих описываемых им событий. Свою хронику он рассматривал как продолжение труда Хилала ибн ал-Мухассина ал-Саби, она охватывает столетний период истории Дамаска⁷⁸. Внимание автора сконцентрировано на этом городе, и сведения по истории других регионов он сообщает крайне скупно. В то же время хроника ал-Каланиси отличается точностью и последовательностью изложения событий. Она базируется на проверенных документальных данных, к которым автор имел доступ в силу своего служебного положения. Не удивительно, что выдержки из «Дамасской хроники» обильно цитируются в произведениях ал-Асира и других арабских историков⁷⁹.

Арабо-курдский историк Абу-л-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абд ал-Карим ибн Абд ал-Вахид аш-Шайбани, более известный как Изз-ад-Дин Ибн ал-Асир (1160–1230), является автором хроники «Ал-Камил

⁷⁵ Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei. Chronicon syriacum e. codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notisque illustravit P.I. Bruns, edidit ex parte vertit notisque adiecit G.G. Kirsch. Lipsiae, 1789.

⁷⁶ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев / пер. с английского Е.Б. Межевитинова. М., 2008.

⁷⁷ Там же. С. 8.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 10.

фи-т-тарих» («Полный свод истории»)⁸⁰ и других известных исторических сочинений. Ибн ал-Асир происходил из племени Бану Бакр. Он получил образование в Мосуле, учился в Иерусалиме и Дамаске, воевал с крестоносцами в Сирии, исполнял дипломатические поручения в Багдаде. Его труд охватывает исторический период от сотворения мира по 1230 г., где каждая глава посвящена событиям одного года.

Маджид ад-Дин Усама ибн Мункыз ибн Муршид ибн Али ибн Мункыз ал-Кинани ал-Калби (1095–1188), более известный как Усама ибн Мункыз, был мусульманским поэтом, автором многочисленных произведений, воином, дипломатом и принадлежал к династии Мункызидов, правителей княжества Шейзара, основанного в 1081 г. дедом Усамы. В течение своей жизни он много путешествовал по Ближнему Востоку и подолгу жил в Египте, Малой Азии и Палестине. В разное время он находился на службе при дворе правителей различных мусульманских династий: Буридов, Зенгидов, Айюбидов, Фатимидов и Артукидов.

Усама ибн Мункыз получил блестящее образование в Шейзаре. Его отец Муршид (1068–1137) — воин и заядлый охотник — отказался от власти в пользу своего брата, немало времени посвящал переписыванию Корана, совершенствуясь в искусстве каллиграфии. На склоне лет Усама почувствовал вкус к литературным занятиям и в 1183 г. создал одно из самых оригинальных произведений средневековой арабской литературы: «Книгу назидания»⁸¹, написанную в жанре автобиографии.

С 1095 по 1131 г. Усама находился в Шейзаре, который в результате Первого крестового похода оказался на границе Антиохийского княжества. Ему едва исполнилось пятнадцать лет, когда он принял участие в отражении попыток норманнского князя Танкреда в 1110 г. покорить владения Мункызидов и наблюдал сельджукские войска, посланные султаном Мухамедом против крестоносцев. Камал ад-Дин ибн ал-Адим (1192–1262) является автором хроники «Зубдат ат-таварих аль-Халеб»⁸². Он родился в Алеппо и принадлежал

⁸⁰ Ibn al-Athir. Extrait de la chronique intitulee Kamel-Altevarykh par Ibn Alatyr // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1872. T. I; The Chronicle of Ibn Al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil f'i-l-ta'rikh. The Years 491—541/1097—1146: The Coming of the Franks and the Muslim Response / Ibn Al-Athir, translated and annotated by D.S. Richards. Aldershot, 2006—2008. Part 1–3, Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории) / пер. с араб. яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова [доп. к пер., прим. и комм., введ. и указ. Ш.С. Камолдина]. Ташкент; Цюрих, 2005.

⁸¹ Усама ибн Мункыз. Книга назидания / пер. Ю.И. Крачковского. М., 1958.

⁸² Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. «Сливки, снятые с истории Халеба» // Семенова Л.А. Из истории Средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 105—217.

к влиятельной семье, происходившей из племени Укайлидов. Он учился не только в Алеппо, но и в Дамаске, Иерусалиме, Багдаде. Вслед за своим отцом, который дважды был кадием в Халебе при Зенгидах и Айюбидах, Камал ад-Дин служил секретарем, кадием, визирем и исполнял дипломатические поручения при Айюбидах в период с 1216 по 1260 г. После захвата монголами Алеппо в 1260 г. Камал ад-Дин бежал в Египет, где и умер.

Его хроника охватывает период с конца VI в. н.э. до первой половины XIII в. и является главным источником по истории Сирии сельджукского периода. Камал ад-Дин уделяет внимание в основном отношениям тюркских правителей и крестоносцев⁸³. Среди источников сочинения Камал ад-Дина были труды других арабских историков: ал-Каланиси и «История франков, пришедших в земли ислама» Хамдана ибн Абд ал-Рахима⁸⁴. Камал ад-Дин также мог использовать официальные документы и рассказы своего отца⁸⁵.

Важные сведения содержатся в хронике «Зубдат ат-таварих ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-седжукийя»⁸⁶, авторство которой приписывается Садр ад-Дину ал-Хусайни. Основным источником для написания данной хроники послужило сочинение Имад ад-Дина ал-Исфахани «Нусрат ал-фатра». Но в части, где речь идет о завоевательных походах сельджукских султанов Алп Арслана и Маликшаха в Закавказье и против Византии, сведения «Зубдат ат-таварих» совершенно уникальны.

Изучение данных сигиллографии и нумизматики также дополняет наши знания и позволяет по-новому взглянуть на вопрос проникновения норманнов в Малую Азию.

Одну из первых публикаций двух печатей норманнских предводителей на византийской службе сделал в XIX в. французский ученый Г. Шлюмберже⁸⁷. Большой интерес представляет работа⁸⁸, посвященная нумизматике государств крестоносцев на Ближнем Востоке, в особенности те пассажи, которые касаются монет Антиохийского княжества.

Шлюмберже описывает очень редкую медную монету норманнского пра-

⁸³ Там же. С. 104.

⁸⁴ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев / пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. М., 2008. С. 10.

⁸⁵ Камал ад-Дин Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 104.

⁸⁶ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя / пер. З.М. Бунятова. М., 1980.

⁸⁷ Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle // *Revue Historique*. 1881. XVI. P. 289—303.

⁸⁸ Schlumberger G. Les Principautés franques d'Orient d'après les plus récentes découvertes de la numismatique // *Revue des Deux Mondes*. 1876. XV. P. 569—595.

вителя Антиохии Танкреда, который изображается на аверсе в тюрбане, а в легенде монеты написано по-гречески: «великий эмир Танкред». Шлюмберже предположил, что данное изображение было «чем-то смелым и преждевременным»⁸⁹, от чего впоследствии Танкред был вынужден отказаться. К большому сожалению, ученый не опубликовал изображение данной монеты ни в одной из известных работ, и нам не удалось найти визуальное подтверждение существования данного артефакта.

Тем не менее легенда этой монеты прочно вошла в научный оборот. Р. Груссе в своей монографии отмечал ее существование как наглядную характеристику деятельности Танкреда⁹⁰. Несколько десятилетий спустя С. Рансимен в «Истории крестовых походов» писал, что Танкред, коверкая греческий язык, на своих монетах скромно именовал себя то «рабом Божиим», то «Великим Эмиром». В этом Рансимен усматривает отзвуки борьбы локальных амбиций Танкреда и общественного мнения Антиохии⁹¹.

Ж.-К. Шене⁹² в своей статье вводит новые данные сигиллографии, благодаря которым становятся известны имена норманнов, не упоминавшихся в хрониках, но честно служивших империи на Востоке⁹³.

С.П. Брюн сделал ряд ценных наблюдений над монетами норманнских правителей Антиохии, на которых использовались сюжеты византийской иконографии: Богоматерь Оранта и «Чудо Св. Георгия о Змие»⁹⁴. Последний образ, по мнению Брюна, появляется на монетах Рожера не только благодаря тесным связям с Византией, но вследствие победы Антиохийского князя над сельджуками у Тель-Данита в 1115 г.⁹⁵ Автор считает появление на фоллисах Рожера образа Оранты «редчайшим и ранним примером» для монет латинских правителей⁹⁶. Брюн делает верный вывод о том, что с установлением

⁸⁹ Ibid. P. 576.

⁹⁰ Grousset R. *L'épopée des Croisades*. P., 1995. P. 73.

⁹¹ Runciman S. *A history of the crusades: The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem*. New York, 1995. Vol. I. P. 32—33.

⁹² Cheynet J.-C. *L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade* / éd. M. Balard et A. Ducellier // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe—XVIe siècles)*. P., 2002. P. 115—124.

⁹³ Ibid. P. 118—119.

⁹⁴ Брюн С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской историографии на заре крестовых походов // *Культура и цивилизация*. Вып. 1–2. 2013. С. 33—48.

⁹⁵ Там же. С. 38.

⁹⁶ Там же. С. 37.

власти франкского правителя Раймунда де Пуатье в 1136 г. на смену «норманновизантийским» фоллисам пришли французские денье⁹⁷. Очень огорчает то, что в статье отсутствуют изображения описываемых фоллисов.

1.2. ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ XVII–XIX ВВ.

В XVII в. появляются работы, освещающие историю норманнов в различных регионах Западной Европы и Азии. В 1631 г. в Руане вышла «Общая история Нормандии»⁹⁸ французского энциклопедиста Габриэля де Мулена, в которой содержатся подробные сведения по истории и генеалогии династий норманнских правителей в Нормандии, Англии, Италии и на Востоке. Более подробно де Мулен освещает вопросы участия норманнов в Первом крестовом походе в другой книге, увидевшей свет в 1658 г.⁹⁹ Большую научную ценность представляют работы справочного характера другого французского ученого-энциклопедиста Шарля Дюканжа (1610–1688)¹⁰⁰.

В историографии XVIII–XIX вв. отсутствуют специальные работы по истории норманнов в Малой Азии. В то же время многие историки считали необходимым сказать несколько слов о норманнах на византийской службе либо об их участии в Первом крестовом походе.

⁹⁷ Там же. С. 39.

⁹⁸ Du Moulin G. Histoire generale de Normandie. Contenant les choses memorables aduenües depuis les premieres courses des Normands payens, tant en France qu'aux autres pays, de ceus qui s'emperent du pays de Neustrie sous Charles le Simple. Avec l'histoire de leurs ducs, leur genealogie, & leurs conquestes, tant en France, Italie, Angleterre, qu'en Orient, iusques a la reünion de la Normandie à la couronne de France. Ruan, 1631.

⁹⁹ Du Moulin G. Les conqvestes et les trophées des Norman-François, aux royaumes de Naples & de Sicile, aux duchez de Calabre, d'Antioche, de Galilée, & autres principautez d'Italie & d'Orient. Ruan, 1658.

¹⁰⁰ Du Cange Ch. Glossarium media et infimae latinitatis / conditum a Carolo Du Fresne, domino Du Cange, auctum a monachis Ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D.P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G.A.L. Henschel sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. Niort, 1883; Ibid. Les Familles d'Outre Mer de Du Cange. P., 1869.

Английский историк Эдвард Гиббон (1737–1794) в многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи»¹⁰¹ уделяет большое внимание проникновению норманнов на территорию Византии. В частности, он высоко оценил роль норманнов в Манцикертском сражении¹⁰². Но при этом Гиббон не критично относится к источникам. Опираясь на Малатерру, он пытается определить черты «национального характера» норманнов в Южной Италии: «Самые надежные права этих искателей приключений были основаны на завоевании, они никого не любили и никому не доверяли; им также никто не доверял и не любил; к презрению, которые чувствовали к ним коронованные владетели, примешивался страх, а к страху, который они внушали, примешивалась ненависть и жажда мщения. Эти иноземцы соблазнялись при виде чужой лошади, чужой жены, чужого сада и забирали то, что им нравилось, а жадность их вождей лишь прикрывалась более благовидными названиями честолюбия и жажды славы»¹⁰³.

Немецкий историк культуры Иоганн Готфрид Гердер¹⁰⁴ (1744–1803) в своем фундаментальном труде «Идеи к философии истории человечества»¹⁰⁵ писал, что норманны, «мужество и удачливость которых почти невероятны», приобрели некоторые полезные «свойства характера» благодаря природе Севера: «бесстрашие, физическая сила, большая ловкость в рыцарских искусствах, как стали именовать их позже, обостренное чувство чести и благородного происхождения, равно как и всем известное уважение, которое северные народы оказывают женскому полу, вознаграждающему самого храброго, красивого и благородного воина»¹⁰⁶.

И.Г. Гердер считал, что сам рыцарский дух Западной Европы возник из слияния культурных традиций норманнов и арабов: «Когда романтический характер норманнов, любовь их к приключениям, пристрастие к героическим сказаниям и рыцарским искусствам, их глубокое почитание женщин соединилось с утонченным рыцарским духом арабов, — вот тогда рыцарство стало распространяться в Европе и обрело прочную почву под ногами»¹⁰⁷.

¹⁰¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи. М., 2008. Т. 6.

¹⁰² Там же. С. 386—387.

¹⁰³ Там же. С. 319—320.

¹⁰⁴ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

¹⁰⁵ Там же. С. 532.

¹⁰⁶ Там же. С. 532—533.

¹⁰⁷ Там же. С. 587.

По этой причине крестовые походы на Восток возникли благодаря рыцарству, а не наоборот¹⁰⁸. И единственным результатом крестовых походов было то, «что подлинный цвет рыцарства был погублен и настоящие рыцари — с мечом в руках — превратились в рыцарей на гербовой бумаге»¹⁰⁹.

Подобные оценки, высказанные Э. Гиббоном и И.Г. Гердером, наглядно демонстрируют, насколько большое значение и важность имело для исследователей эпохи Просвещения изучение норманнского наследия.

В начале XIX в. графиня Викторин де Шастене (1771–1855) написала работу под названием «Нормандские рыцари в Италии и Сицилии, и общее рассмотрение истории рыцарства во Франции и в особенности рыцарства из Франции»¹¹⁰. Французский историк-востоковед, филолог, дипломат, бывший посол в Египте Готье де Арк (1799–1843) много путешествовал по странам Европы и Ближнему Востоку в поисках исторических документов¹¹¹. По итогам своих исследований он составил «Историю завоеваний норманнов в Италии, Сицилии и Греции»¹¹². Официальный историограф Наполеона III, участник крымской кампании барон де Базанкур (1810–1865), не только рассматривает историю норманнов в Южной Италии и Сицилии, но и участие норманнов в Первом крестовом походе¹¹³. Данная тематика привлекла интерес и немецкого ориенталиста, поэта, историка искусства графа Адольфа фон Шака (1815–1894)¹¹⁴.

Немецкий ученый Ф. Шлоссер (1776–1861) во втором томе «Всемирной истории»¹¹⁵ последовательно и подробно излагает политическую историю норманнских завоеваний на севере Франции¹¹⁶, Южной Италии¹¹⁷ и Византии¹¹⁸. Он считает, что основной причиной перехода италийских норманнов на византийскую службу было недовольство господством представителей

¹⁰⁸ Там же. С. 593.

¹⁰⁹ Там же. С. 593.

¹¹⁰ Victorine de Casteney. Les chevaliers normands en Italie et en Sicile, et considérations générales sur l'histoire de la chevalerie en France. P., 1816.

¹¹¹ Frère É. Manuel du bibliographe normand. Rouen, 1858. T. I. P. 13.

¹¹² Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, en Italie en Sicile et en Grèce. P., 1830.

¹¹³ Le baron de Bazancourt. Histoire de la Sicile sous la domination des normands. P., 1846. T. I—II.

¹¹⁴ Шаак фон А.Ф. История норманнов в Сицилии. СПб., 1896.

¹¹⁵ Всемирная история Ф. Шлоссера / пер. с нем. и ред. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич и В.А. Зайцев. СПб.; М., 1869. Т. II.

¹¹⁶ Там же. С. 392—398, 604—608.

¹¹⁷ Там же. С. 557, 562, 573—577, 604—608.

¹¹⁸ Там же. С. 574—575.

дома Альтавилла в Италии. Автор также отмечает «значительную роль», которую норманны сыграли в истории Византии, что стало возможным благодаря «нравственному расслаблению греков, вследствие их перзрелой образованности и деспотизма»¹¹⁹.

Немецкий ученый Б. Куглер (1837–1898) одну из своих ранних работ посвятил участию норманнов в Первом крестовом походе. В ней он подробно рассмотрел этапы становления норманнского княжества в Сирии. По его мнению, норманны очень щедро растратили свой пыл в сражениях с турками-сельджуками и византийцами и не сумели прочно обосноваться в Сирии¹²⁰.

В «Истории Крестовых походов»¹²¹ Куглер говорит, что из всех вождей крестоносцев именно Боэмунд проявил «больше военного и политического понимания»¹²². Он первый понял, что наилучшее место для основания «большого норманнского государства», подобного тем, которые были основаны в Южной Италии и Англии, находилось не в Малой Азии и Палестине, а в Северной Сирии¹²³. Танкред представляется им как идеальный рыцарь, «настоящий норманн, хитрый и алчный, горячо честолюбивый и в битве яростный, как берсеркер», который был «орудием» Боэмунда для обеспечения «норманнского владычества на Востоке»¹²⁴. Все последующие предводители норманнов в Антиохии не смогли подняться выше политики, направленной только «на яростные нападения, на захват добычи, на унижение ненавистного врага»¹²⁵.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Kugler B. Bohemund und Tankred, Fursten von Antiocheniem. Ein beitrag zur geschichte der normannen in Syrien. Tübingen, 1862. P. 57.

¹²¹ Куглер Б. История крестовых походов. Ростов-на-Дону, 1996.

¹²² Там же. С. 69.

¹²³ Там же. С. 118.

¹²⁴ Там же. С. 57.

¹²⁵ Там же. С. 121.

ГЛАВА 2

КТО ТАКИЕ НОРМАННЫ? ПРОБЛЕМА НОРМАННСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

2.1. ПРОБЛЕМА НОРМАННСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИОГРАФИИ XX—Н. XXI ВВ.

С второй половины XX в. исследователей все больше начинают интересовать следующие вопросы: кем были норманны? Куда они потом исчезли? Как норманнов воспринимали их соседи: враги и союзники; как норманны воспринимали самих себя на различных по культуре и истории территориях? Данное направление историографии изначально имело интернациональный характер. Среди главных приоритетов этого направления выделяется изучение самосознания норманнов и создателей норманнских хроник.

Родоначальником направления считается американский исследователь Ч. Хаскинс, который писал, что норманны являлись «отважной, властной, беспринципной нацией, стремящейся к опасностям и готовой к любого рода приключениям, которая нуждается более в узде, чем шпорах и поощрениях»¹²⁶. За пределами Нормандии их неизбежно ждала потеря идентичности. Они не представляли собой народ, но лишь небольшую группу энергичных предводителей, которые сыграли роль «закваски в тесте» того

¹²⁶ Haskins C.H. The Normans in European history... P. 15.

региона, куда они приходили. Несмотря на удивительную предприимчивость и способность к адаптации и ассимиляции, норманнский народ пришел к неизбежной гибели, но в качестве вознаграждения получил «большой удельный вес в общем развитии цивилизации»¹²⁷.

Л. Бем¹²⁸ на конференции в Сполетто в 1965 г. представила доклад под названием «*Nomen gentis Normannorum*. Подъем норманнов в зеркале норманнской историографии», в котором рассмотрела проблему самосознания (*Selbstverständnis*) норманнов и осознание ими своей истории (*Geshichtsbewusstsein*). По своей сути этот доклад является первой работой, где систематически рассматриваются основополагающие темы и структурные компоненты в хрониках норманнских авторов: самоназвание, происхождение, сознание своей племенной принадлежности, идея мирового господства, идеал норманнского правителя, норманнское христианство и духовно-культурный облик.

Итало-американский медиевист Р.С. Лопес (1910–1986) говорил о том, что в представлении современников норманны являлись лучшими воинами своего времени, которые, благодаря своим успехам в Англии, Испании, Италии и Греции, стали прототипами легендарных героев эпических произведений и рыцарских романов, которые развивались в данную эпоху. Р.С. Лопес считает, что норманны в реальности вполне соответствовали литературному образу как «авантюристы, бесстрашные, ненасытные, недисциплинированные, полные внимания по отношению к дамам, готовым принять ухаживания и относящиеся к ним с настороженностью; безразличные к страданиям крестьян и трусливых горожан; непоколебимые в своей преданности Христу, хотя и не всегда выполняющие его заповеди»¹²⁹.

Английский историк Р. Браун (ум. 1989) в обобщающей работе «Норманны и норманнское завоевание»¹³⁰ отмечает превосходство норманнов в искусстве войны, «которое сделало их господами собственного мира от Ирландского канала до восточных берегов Средиземного моря и далее»¹³¹.

¹²⁷ Ibid. P. 247.

¹²⁸ Boehm L. *Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie* // *I Normanni e la loro espansione in Europa nell'alto medioevo*. Spoleto, 1969. P. 623—704.

¹²⁹ Lopes R.S. *La Sicilia nel tempo della conquista normana* // *Richere storico ed economiche in memoria di Corrado Barba*. Napoli, 1970. Vol. II. P. 170—121.

¹³⁰ Brown R.A. *The Normans and the Normans conquest*. Woodbridge, 1994.

¹³¹ Ibid. P. 277.

В другой работе, которую Браун лаконично назвал «Норманны»¹³², он отстаивает перед «клеветниками» тезис о военном превосходстве норманнских рыцарей, доказывая, что Средневековье не было временем «обычных людей», и поэтому плохо поддается изучению методами статистического исследования¹³³.

Он связывает вопрос идентификации норманнов с деятельностью института церковной организации. В соответствии с этим латинское христианство или вернее сказать норманнское христианство составляло суть понятия «Normannitas». Церковь Нормандии не только обеспечивала мотивацию норманнских рыцарей, но и единство, самоидентификацию, а также воодушевляла норманнов¹³⁴.

Английский историк Ральф Генри Чарльз Дэвис (1918–1991) в книге «Норманны и их миф»¹³⁵ развивает идею о том, что норманны, которые завоевали Англию, Италию и Антиохию были разрозненными и не связанными между собой группами людей. При обращении к норманнским историкам он относился к их сочинениям как к «доказательствам, которые упрочивали веру и надежду норманнов на тот момент, когда они писали»¹³⁶, и не уделял большого внимания следованию ими исторической истине.

Дэвис считает, что норманны не были единым народом, но осознавали себя таковым. «Если народ сформирован не на основе общего происхождения и языка, а на основе политической общности, военного или эмоционального опыта, он может составлять единую общность только до тех пор, пока опыт будет жить, передаваемый от поколения к поколению. Альтернативный вариант — если народ оказался без истории ..., то единственным путем для создания народа может быть только создание мифа»¹³⁷. Другими словами, норманны существовали как единый народ до тех пор, пока идентифицировали себя со своей легендой. В другом месте Дэвис говорит: «Не существует народа без образа или мифа, с которым он себя идентифицирует. Этот образ мог быть представлен легендой или историей, поэзией, фольклором, или тем, что мы обычно называем “традицией”. Раскрыть этот образ, значит понять норманнов»¹³⁸.

¹³² Brown R.A. The Normans. Woodbridge, 1984.

¹³³ Ibid. P. 173.

¹³⁴ Ibid. P. 25.

¹³⁵ Davis R.H.C. The Normans and their Myth. L., 1976. P. 15

¹³⁶ Ibid. P. 15

¹³⁷ Ibid. P. 15—16.

¹³⁸ Ibid. P. 49.

Английский ученый Д. Дуглас (1898–1982) рассматривает историю норманнов во Франции, Англии, Южной Италии и Сирии как поступательное движение с севера Европы на Восток одного народа. По его мнению, не миф, но сам «характер норманнов сформировался под влиянием процессов, которые шли в Нормандии в течение X и XI вв. Сила норманнов состояла в феодальной аристократии и реформированной церкви»¹³⁹.

Г.А. Лоуд¹⁴⁰ считает, что главной темой норманнской историографии было не единство и масштаб завоеваний норманнов, а своеобразные и особенные качества «gens normannorum», что само по себе доказывало принадлежность к особому народу¹⁴¹. Так, основатель норманнской историографии Дудо из Сен-Кантена говорит, что норманны «gens belligera et efferata» (племя воинственное и дикое — В.П.), Вильгельм Жюмьежский — «gens ferrocissima» (племя очень свирепое — В.П.), Вильгельм из Пуатье восхваляет «virtus normannica» (норманнскую доблесть — В.П.)¹⁴².

Идея о происхождении норманнов от троянцев путем последовательного превращения последних в дакийцев, а затем в данов, была выдвинута Дудо из Сен-Кантена в начале XI в. Легенда была скопирована Вильгельмом Жюмьежским и с различными модификациями использовалась последующими норманнскими хронистами. Она обрела большую популярность в Западной Европе на протяжении Средних веков, и многие народы, государства и города выводили свою родословную от троянцев.

Легенда об особом народе «gens Normannorum», созданная норманнскими интеллектуалами на основе «Этимологий» Исихора Севильского и античной традиции, с успехом заменила для норманнов реальную историю, в которой они не являлись народом с общим происхождением, ибо реальная история представлялась им довольно сомнительной и запутанной¹⁴³.

М. Беннет в вопросе исследования норманнской идентичности не пожелал следовать за Дэвисом или за Лоудом, но предложил свой собственный, свободный от «потасканых обобщений»¹⁴⁴ подход. В фокусе исследований Беннета оказались произведения устной традиции: песни, поэмы, поговорки, легенды,

¹³⁹ Douglas C.D. Norman achievement 1050—1100. Berkely; Los Angeles, 1969. P. 27.

¹⁴⁰ Loud G.A. The «Gens Normannorum»: Myth or Reality? // Anglo-Norman studies. 1981. Vol. 4. P. 104—116.

¹⁴¹ Ibid. P. 111.

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Ibid. P. 114.

¹⁴⁴ Bennett M. Stereotype Normans in Old French Vernacular Literature // Anglo-Norman Studies. 1987. Vol. 9. P. 25—42.

в которых он поставил цель выявить стереотип поведения норманнов¹⁴⁵, который наилучшим образом инкапсулирует идею «Normannitas» как популярного и широко распространенного в массовом сознании образа норманнов¹⁴⁶. На этом основании Беннет выделяет основные стереотипы поведения норманнов: норманнское коварство¹⁴⁷, норманны завоеватели¹⁴⁸, участие в реконкисте¹⁴⁹ и крестовых походах¹⁵⁰, боевые навыки¹⁵¹ и тому подобное. В результате Беннет находит очень мало соответствий «общеизвестному» стереотипу норманнов в народной литературе и на этом основании предостерегает современных историков от стремления увидеть образ, который не существовал. По его мнению, прежде чем переходить к идентификации норманнов, необходимо идентифицировать в источнике те моменты, в которых эта идентификация выражалась, и попытаться объяснить причины ее появления в данном источнике и в данный момент¹⁵². Подход Беннета к проблеме идентификации норманнов нельзя назвать новаторским, и по своей сути он является позитивистским.

Идеи Дэвиса успешно развивает в своей работе Кассандра Поттс¹⁵³. Она наглядно показала, что в Нормандии, чьи границы на протяжении X–XI вв. оставались спорными, потомки викингов остро нуждались в легитимации. С этой целью норманнские правители приняли решение связать свою власть и авторитет с местными религиозными традициями. В то же время они не забыли традиции викингов и использовали репутацию выдающихся воителей. В последующем норманнские авторы продолжали отражать традицию смешанного наследия. Норманны восстанавливали монастыри и культы местных святых, тем самым побуждая местных христиан «идентифицировать себя с их правлением и принимать границы их авторитета»¹⁵⁴. Таким образом, по мнению К. Поттс, норманны создавали «ex diversis gentibus» — единый народ — плод удачного брака традиций викингов и франков¹⁵⁵.

¹⁴⁵ Ibid. P. 26.

¹⁴⁶ Ibid. P. 27.

¹⁴⁷ Ibid. P. 28.

¹⁴⁸ Ibid. P. 29.

¹⁴⁹ Ibid. P. 30.

¹⁵⁰ Ibid. P. 34.

¹⁵¹ Ibid. P. 36.

¹⁵² Ibid. P. 42.

¹⁵³ Potts Cassandra. *Atque unum ex diversis gentibus populum effecit: Historical Tradition and the Norman Identity* // ANS 18 (1995): 139–152.

¹⁵⁴ Ibid. P. 151–152.

¹⁵⁵ Ibid. P. 139.

Основываясь на тезисах Хаскинса и Лоуда, И. Дрелл¹⁵⁶ подошла к проблеме идентификации норманнов в Южной Италии с вопросом о том, насколько были устойчивы к культурному поглощению пришельцы и коренные обитатели¹⁵⁷. Дрелл считает, что ситуация в Южной Италии и Сицилии «отражает тенденции», которые происходили в других регионах с присутствием норманнов¹⁵⁸. Автор делает вывод о том, что различные этнические группы демонстрировали устойчивость к культурной абсорбции, что в значительной степени поощрялось норманнскими правителями¹⁵⁹.

Американский ученый Дж. Блисе¹⁶⁰ на основе изучения образцов военной риторики¹⁶¹ попытался выделить те особые качества норманнов, которые, по мнению норманнских хронистов, отличали их от других народов.

По его мнению, главным качеством в иерархии норманнских ценностей является «храбрость» захватчика, который действует из высших побуждений: из жажды территориальных приобретений¹⁶². Этот захватчик действует в меньшинстве с верой в то, что Высшая сила придет к нему на помощь, против крайне многочисленных, но в то же время слабых и не воинственных врагов¹⁶³.

Основу этой уверенности в собственном преимуществе обеспечивала слава прежних военных побед, которая побуждала норманнов блюсти свою репутацию незапятнанной и подтверждать ее новыми победами¹⁶⁴. Разумеется, что многие составляющие норманнской легенды содержали немало противоречий, которые только содействовали его укреплению в сознании норманнов.

Британский ученый Д. Бэйтс¹⁶⁵ считает, что исследования Дугласа, Дэвиса и Лоуда имеют значение только при условии рассмотрения данного вопроса

¹⁵⁶ Drell J. H. Cultural syncretism and ethnic identity: The Norman «conquest» of Southern Italy and Sicily // *Journal of Medieval History*, Vol. 25, No. 3, 1999. P. 187–202.

¹⁵⁷ Ibid. P. 190; 187.

¹⁵⁸ Ibid. P. 191.

¹⁵⁹ Ibid. P. 201–202.

¹⁶⁰ Bliese J. The courage of the Normans — A comparative study of battle rhetoric // *Nottingham Medieval Studies*. 1991. Vol. 35. P. 1–26

¹⁶¹ Блисе проанализировал 91 хронику, из созданных в период с 1000 по 1250 г., в которых обнаружил 331 военную речь, произнесенную на поле битвы. В том числе 16 норманнских хроник, содержавшие 36 речей норманнских предводителей, которые обращались к своим воинам. Ibid. P. 3.

¹⁶² Ibid. P. 16.

¹⁶³ Ibid. P. 17.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Bates D. The rise and fall of Normandy, c. 911–1204 // *England and Normandy in the Middle Ages*. London, 1994. P. 19—35.

с точки зрения того, «как Нормандия стала, а затем перестала быть центром завоевательного движения, колонизации и доминирования: проблемы «возвышения и падения»»¹⁶⁶. В начале XI в. норманны пребывали в состоянии социального движения, которое было характерно для Северной Франции в целом¹⁶⁷. В район Средиземноморья мигрировали не только норманны, но и представители аристократических фамилий севера Франции¹⁶⁸.

Вслед за Дугласом Бэйтс признает существование описанного у Ордерики Виталия «норманнского мира», в рамках которого «отдельные личности продвигались и делали карьеры»¹⁶⁹. Но уже при жизни Ордерики Виталия в первой половине XII в. общее происхождение и единство «gens Normannorum» становится иллюзорным¹⁷⁰.

Бэйтс продолжил развивать свои идеи в итоговой монографии, которую недвусмысленно озаглавил «Норманны и империя»¹⁷¹. Ссылаясь на норманнских авторов XII в. Вильгельма Мальмсберийского и Ордерики Виталия, Бэйтс осторожно заявляет о существовании в представлении современников некой «норманнской империи»¹⁷².

При этом ядром империи являлась Нормандия, которая в сочетании с периферией представляет собой психологический, физический и географический феномен¹⁷³. По мнению Бэйтса, «норманнская империя» представляла собой «различные версии ядра и периферии как господствующего, эксплуатирующего, политического, фамильного и личного, которые формируют ощущение бесконечного разнообразия связей, поддерживающих, а иногда разрушающих империю»¹⁷⁴.

Бэйтс предлагает рассматривать понятие «Normannitas» как некий «эталон ценностей», как «продукт органических процессов, характерный для истории империй», которые возникают, стремятся к территориальной экспансии, а затем пребывают в состоянии относительной стабильности, сопровождаемой борьбой за единство империи¹⁷⁵.

¹⁶⁶ Ibid. P. 20.

¹⁶⁷ Ibid. P. 26.

¹⁶⁸ Ibid. P. 27.

¹⁶⁹ Ibid. P. 30.

¹⁷⁰ В качестве точного времени заката «норманнского мира» Бэйтс называет 1144 г., когда умер Ордерики Виталий (Ibid. P. 31).

¹⁷¹ Bates D. The Normans and Empire. Oxford, 2013.

¹⁷² Ibid. P. 128.

¹⁷³ Ibid. P. 129.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Ibid. P. 178.

Бэйтс считает ошибочным сформировавшийся в историографии подход, в соответствии с которым принято изучать норманнские образования в «черно-белых терминах»¹⁷⁶. Так, например, ответ на вопрос: «насколько норманнскими были княжества Южной Италии, Сицилии и Антиохии», по версии Бэйтса, звучал бы: «исключительно норманнские и совершенно не норманнские»¹⁷⁷. С точки зрения Бэйтса, в этих княжествах на первых этапах преобразований господствовали выходцы из Нормандии и других областей Северной Франции, но как только были установлены «новые союзы власти», потомки норманнских «мигрантов» начали демонстрировать свою идентичность с новыми сообществами и стали менее доброжелательно относиться к пришельцам с севера. Новых мигрантов следующие поколения зачастую воспринимали как разрушительную силу, но при этом активно поддерживали инфраструктуру, которая значительно облегчала социальное движение и делала новое сообщество открытым для всех¹⁷⁸.

Бэйтс говорит, что норманны в силу своей имперской идеологии были «запрограммированы на исчезновение»: их заботило совершить акт завоевания, которое укрепило бы память о них и социальные связи с Нормандией¹⁷⁹.

К. В. Вольф¹⁸⁰ заинтересовался проблемой самосознания норманнских авторов и норманнов по данным итало-норманнских хронистов второй половины XI века, которые работали над тем, чтобы представить норманнское завоевание Южной Италии и Сицилии в выгодном для заказчиков свете и трансформировать чужеземных агрессоров в легитимных правителей. Вольф пришел к выводу, что работа сознания каждого из авторов оказала значительное влияние на созданный в их сочинениях образ. Он также выделил критерии оценок авторами норманнов. Вольф считает, что создание исторических хроник было продиктовано стремлением норманнских заказчиков «украсить» свое правление еще и историческим кодексом. В то же время Вольф не отрицает ценности норманнских хроник для изучения самосознания норманнов, так как «их авторы писали их в строгом соответствии с указаниями своих патронов»¹⁸¹.

Американская исследовательница профессор Е. Альбю посвятила целый ряд своих работ описанию норманнской исторической традиции, которую она

¹⁷⁶ Ibid. P. 182.

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ Ibid.

¹⁸⁰ Wolf K. B. *Making History: The Normans and Their Historians in Eleventh-Century Italy*. Philadelphia, 1995.

¹⁸¹ Ibid. P. 175.

подробно проследила от трудов норманнских хронистов в Нормандии, Южной Италии и Сицилии до хронистов Первого крестового похода¹⁸². Несмотря на откровенный панегирический характер норманнских авторов, Альбю усматривает и наличие критического отношения к норманнам, которое со временем только усиливается. Если Дудо из Сен-Кантена в начале XI в. ограничивается тонкими намеками и оговорками, то последующие авторы в мягкой или жесткой форме прямо заявляют о склонности норманнов к насилию, жадности, раздорам и необычайному коварству. Очевидно, что данный подход едва ли может считаться правильным в отношении всех норманнских хронистов, и исследования Альбю имели бы большую ценность при более широком обращении к историческому контексту и реалиям той эпохи.

Профессор Кембриджа Марджори Чибнел в монографии «The Normans»¹⁸³ рассматривает «норманнский миф» как динамичное явление, меняющееся вместе с норманнами на протяжении XI–XII вв. от Англии до Сирии. Изнанку этого мифа составляло следующее: «военное умение, сильное правление и безжалостное принуждение к исполнению закона было характерно для норманнов и их сторонников, которые обосновались на столь различных территориях»¹⁸⁴.

Н. Веббер в монографии «Эволюция норманнской идентичности 911–1154 гг.»¹⁸⁵ рассматривает каждого норманнского хрониста по отдельности. При этом автор часто обращается к историческому контексту (в Нормандии, в Южной Италии и Сицилии, а также в Англии после 1066 г.) с целью определить этническую принадлежность норманнов, которую условно разделяет на «внутреннюю» и «внешнюю» идентичность. Он также привлекает хроники крестовых походов. В результате Веббер пришел к выводам о том, что, с точки зрения хронистов, норманнов отличала военная доблесть, благочестие, а также способность сплачивать разнородные этнические группы в единый народ.

А.В. Якуб в работе «Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции»¹⁸⁶ про-

¹⁸² Albu E. The Normans and their Myths // The Haskins Society journal. 2003. Vol. 11. P. 123–136; Eadem. Probing the passions of a Norman on Crusade: the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum // Anglo-Norman studies. 2005. Vol. 27. P. 1–15; Eadem. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge, 2001.

¹⁸³ Chibnall M. The Normans. Oxford, 2006.

¹⁸⁴ Ibid. P. 177.

¹⁸⁵ Webber N. The Evolution of Norman Identity, 911–1154. Woodbridge, 2005.

¹⁸⁶ Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции. Омск, 2008.

анализировал трансформации норманнской идентичности в Нормандии на протяжении трех столетий. В качестве основных источников он использовал работы норманнских (Дудо из Сен-Кантена, Вильгельм Жюмьежский) и англо-норманнских (Ордерик Виталий, Роберт де Ториньи) авторов.

По мнению Якуба, «Normannitas» переводится на русский язык как «норманность» и «по сути дела сводится к проблеме самоидентификации норманнов в иноэтнической среде»¹⁸⁷. При этом в норманнской историографии «смена территории влекла за собой изменение, а иногда и качественную трансформацию самого образа «норманна»»¹⁸⁸.

Норманнское завоевание неизбежно сопровождалось «разного рода контактами с другими этническими и социально-политическими компонентами данного пространства», что приводило к «появлению взаимной надобности понять друг друга и определить место каждого из этих компонентов, как старых, так и новых в условиях разворачивающегося процесса амальгамизации конкурентных культур»¹⁸⁹.

Таким образом, в Нормандии было сформировано новое общество, отличное от своих скандинавских и франкских корней. Это общество «не желало существовать без памяти о своих истоках», что, в свою очередь, привело к созданию исторических хроник¹⁹⁰.

В 2008 г. на базе Ланкастерского университета в Великобритании был запущен проект «Норманнская окраина: идентификация и создание государств на границах Европы»¹⁹¹. В рамках данного проекта профессор К. Стрингер, профессор А. Йотунский, А. Меткаф и другие ученые занимаются пересмотром сложившихся представлений о «политической онтологии норманнского мира» в Англии, Южной Италии и латинском Востоке в период с 1050 по 1200 г.¹⁹²

В фокусе их исследований находятся связи внутри сообществ, образованных норманнами в различных регионах с местными элитами; процесс создания отношений внутри этих сообществ и значение, которое это имело для развития Европы. Таким образом, авторы проекта признают существование «норманнского мира», искусственно созданного средневековыми

¹⁸⁷ Там же. С. 49.

¹⁸⁸ Там же. С. 456.

¹⁸⁹ Там же. С. 55.

¹⁹⁰ Там же. С. 56.

¹⁹¹ The Norman Edge : Identity and State-Formation on the Frontiers of Europe. URL: <http://www.lancaster.ac.uk/normanedge/Links/homepage.htm> (дата обращения: 25.09.2014).

¹⁹² Ibid.

хронистами, и рассматривают, насколько глубоко во взаимодействии с местными элитами повлияли идеи «Normannitas» на политическое развитие норманнских государств¹⁹³.

По результатам работы данного проекта в свет вышел сборник статей «Норманнская экспансия»¹⁹⁴. Безусловным преимуществом опубликованных в этом сборнике работ может считаться введение новых данных о пребывании норманнов на «окраинах» Западного мира. В то же время подход к изучению поставленных проблем был осуществлен авторами в рамках традиционных для английской историографии категорий и методов исследования.

В настоящее время ученые Западной Европы С. Бурхардт, Т. Фоерестер, Г. Лоуд, С. Соннесин приходят к переосмыслению «Норманнского мифа»¹⁹⁵. В частности, профессор Гейдельбергского университета С. Бурхардт и Т. Фоерестер считают самой важной особенностью всех норманнских завоеваний культурную адаптацию: способность пренебрегать собственной культурной традицией ради интеграции, а точнее, традиции норманнов были достаточно гибкими, чтобы обеспечить успех интеграции¹⁹⁶. Именно через подобную «адаптивность» норманнской культуры они предлагают рассматривать «достижения норманнов»¹⁹⁷.

Под традицией С. Бурхардт и Т. Фоерестер понимают некую «память социальной группы», которая отвечает за интеграцию и идентификацию (обычаи, идеалы, закон, язык, общий опыт), может быть постоянной и непостоянной, иметь форму и не обладать таковой. Наследие представляет собой память другого рода: «окаменевшую» традицию, не способную к моделированию и изменению, имеющую региональные границы. Именно из смешения традиции и локального наследия возникали новые структурные образования в обществах с участием норманнов¹⁹⁸.

¹⁹³ Ibid.

¹⁹⁴ Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts / ed. by K.J. Stringer and A. Jotischky. Farnham, 2013.

¹⁹⁵ Различные аспекты культурных взаимовлияний были рассмотрены на международном симпозиуме «Норманнская традиция и транскультурное наследие», который проводился в Гейдельберге в апреле 2010 года. По итогам работы симпозиума был издан сборник: Norman tradition and transcultural heritage. Exchange of cultures in the «Norman» peripheries of medieval Europe / ed. by T. Foerster, S. Burkhardt. Farnham, 2013.

¹⁹⁶ Foerester T., Burkhardt S. Tradition and heritage: The Normans in the transcultural Middle Ages // Norman tradition and transcultural heritage // Exchange of cultures in the «Norman» peripheries of medieval Europe. Farnham, 2013. P. 3.

¹⁹⁷ Ibid. P. 4.

¹⁹⁸ Ibid. P. 7.

Редакторы сборника полагают, что норманны были «воображаемым сообществом»¹⁹⁹, т.е. хронисты в Нормандии создали то, что принято именовать «Normannitas» — некую культуру храбрости и завоевания. Откуда последующие поколения понесли свою «Normannitas» в различные части света²⁰⁰. Но, по мнению авторов, это была уже не в чистом виде «Normannitas», а лишь «различные аспекты норманнских традиций, — которые являлись норманнскими, потому что пришли из Нормандии, а не потому что были особенно воинственными»²⁰¹.

Смешение норманнских традиций с местным наследием привело к образованию новых культурных форм. На севере Европы возникла англо-норманнская общность, которая продолжила экспансию в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. На юге возникло итало-норманнское сообщество, которое также продолжило экспансию в районе Средиземноморья. И на приобретаемых территориях продолжился процесс смешения вновь образованных традиций с местным наследием. И вновь хронисты заняты конструированием новых идентичностей, нового «мифа»²⁰².

В этом процессе образование новых традиций «Normannitas» очень быстро сходит на нет, за исключением гибридных, полиэтнических сообществ, в которых этническая идентичность основывается на происхождении и наличии инаковости²⁰³.

Специалист по средневековой философии и теологии С. Соннесин²⁰⁴ вслед за Г. Лоудом обращается к средневековой концепции этничности: что норманнские хронисты понимали под терминами «gens», «natio», «populus»²⁰⁵? Он приходит к выводу, что для средневековых авторов эти термины равнозначны и указывают на социально-политическое сообщество²⁰⁶. А это указание в свою очередь демонстрирует яркое сходство «gens Normannorum» с «populus Romanus» после основания Рима²⁰⁷.

¹⁹⁹ Ibid. P. 14.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Ibid. P. 16–17.

²⁰³ Ibid. P. 18.

²⁰⁴ Sonnesyn S. The rise of the Normans as Ethnopoiesis / .ed. T. Foerster, S. Burkhardt // Norman tradition and transcultural heritage. exchange of cultures in the 'Norman' peripheries of medieval Europe. Farnham: Ashgate, 2013. P. 203–218.

²⁰⁵ Ibid. P. 204–205.

²⁰⁶ Ibid. P. 212.

²⁰⁷ Ibid.

По мнению Соннесина, основу римского общества составляли не социальные организации и союзы, а в первую очередь этические связи и дружеские отношения²⁰⁸. Такое понимание человеческого общества, нашедшее отражение в речах Цицерона, стало основой концептуального произведения «христианской этики и политики» «О Божьем граде» Августина²⁰⁹.

Основной критерий определения общества у Августина – христианская вера. Объединяющим принципом для «*populus*» является прямая аналогия с человеческой душой, которая признается величайшей истиной и благом. Все христиане объединяются в единое тело с одной головой, символизирующее Христа, через мистический обряд причастия. По аналогии с духовным телом, существует тело политическое во главе с правителем. Именно концепция Августина легла в основу «основных текстов западного монашества», которые оказали значительное влияние на формирование мнения большинства норманнских историков²¹⁰.

Подобно римлянам норманны возникли как народ благодаря деяниям своих предводителей, принимавших под свои знамена всех желающих. Таким образом, Соннесин ставит во главу угла не этническую, а социально-политическую и религиозную самоидентификацию норманнов. Поэтому автор считает нужным говорить не об этногенезе «рождении народа» норманнов, а об этнопоэзии – «создании народа» выдающимися деятелями и историками²¹¹.

Приведенные выше общие исследования наглядно демонстрируют, что образ норманнов не оставался неизменным. На протяжении столетий он постоянно претерпевал трансформации и превращения.

Дж. Херманс²¹² предложил взглянуть на «норманнов и их миф» глазами византийских авторов XI–XII вв., рассматривая свою работу как дополнение к книге Р. Дэвиса. Он считает, что византийцы представляли норманнов превосходными всадниками, хитроумными политиками, умелыми мореходами, непобедимыми в военных предприятиях, при этом необычайно жестокими²¹³. Поэтому византийцы испытывали постоянный страх перед норманнскими вторжениями²¹⁴.

²⁰⁸ Ibid. P. 213.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Ibid. P. 214.

²¹¹ Ibid. P. 206.

²¹² Hermans J. The Byzantine view of the Normans. Another Norman myth? // Anglo-Norman studies. 1979. Vol. 2. P. 78–92.

²¹³ Ibid. P. 91.

²¹⁴ Ibid. P. 92.

В заключении Херманс делает вывод о том, что византийцы знали о норманнах крайне мало. В то же время он пишет, что «норманнам была отведена крайне важная роль в игре, но это была византийская игра, которая имела еще меньше связей с реальностью, чем «норманнский миф»²¹⁵.

В отличие от Херманса, византинист П. Магдалино²¹⁶ более обстоятельно подошел к вопросу восприятия норманнов византийцами в своей книге, в которой он отметил следование византийскими авторами доктринам эйкуменизма и «*Romanitas*» при описании норманнов. Согласно этим доктринам, латинский Запад и норманны рассматривались византийцами как часть империи и как естественный компонент защиты против реальных врагов: тюрок-сельджуков.

Перелом в сознании византийских авторов произошел в ходе Первого крестового похода и образования Антиохийского княжества. Анна Комнина продолжает восхищаться норманнскими предводителями Робертом Гвискарсом и Боэмундом, но в ее представлении это уже не равные византийцам «ромеи», а чужаки и варвары.

К. Потс считает, что Анна Комнина видела в норманнах «хищных, ненадежных, войнолюбивых варваров»²¹⁷. Независимо от того, была ли у норманнов хорошая или плохая репутация, после завоеваний в Англии, Южной Италии и Малой Азии она неоднократно увеличилась²¹⁸.

По мнению Брауна²¹⁹, поход норманнов во главе с Боэмундом на Антиохию являлся «аристократической колонизацией и (в современной терминологии) захватом»²²⁰. Участие в Первом крестовом походе снимало массу противоречий в сознании современников и позволяло объединить путь рыцаря и монаха²²¹. Идеалы «*Normannitas*» легли в основу концепции священной войны, были задействованы в движении крестоносцев и получили наивысшее развитие в деятельности военных орденов тамплиеров и госпитальеров²²². В Антиохии норманнам не удалось интегрироваться в местное сообщество, подобно тому, как это было в Англии и Италии²²³.

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Magdalino P. *The Byzantine background to the First Crusade*. Toronto, 1996.

²¹⁷ Potts C. *Normandy, 911—1144 // A companion to the Anglo-Norman World*. Woodbridge, 2003. P. 19—42.

²¹⁸ Ibid. P. 36.

²¹⁹ Brown R.A. *The Normans*. Woodbridge, 1994.

²²⁰ Ibid. P.136.

²²¹ Ibid. P.135.

²²² Ibid. P.160.

²²³ Ibid. P.157.

Таким образом, по мнению Брауна, норманнских рыцарей можно было узнать по их благочестию и способностям к военному делу. Он отстаивает мысль о том, что Боэмунд в Первом крестовом походе вел себя очень благочестиво и в соответствии со взятым на себя обетом²²⁴.

Алан Мюррей в статье «Насколько норманнским было княжество Антиохийское? Прологомены к изучению происхождения аристократии государства крестоносцев»²²⁵ приходит к выводу, что норманны составляли «основной элемент аристократии Антиохии»²²⁶.

В то же время Мюррей отмечает, что среди средневековых хронистов нет единства в вопросе определения правящей верхушки норманнского княжества: Вильгельм Жюмьежский и Ордерик Виталий продолжают именовать их «gens Normannorum», а авторы Латинского Востока (Фульхерий Шартрский, Вальтер Канцлер) предпочитают относить их к «gens Francorum»²²⁷. Мюррей предположил, что в условиях существования на Востоке норманны Антиохии, «сохраняя прочные связи со своими отечествами, были готовы увидеть концепцию отдельной расы норманнов, включенной в общую национальность франков»²²⁸.

Н. Хадгсон выдвинула тезис об изменении самоидентификации норманнов в ходе Первого крестового похода на Восток²²⁹. В качестве основного источника она использовала хронику норманнского автора Рауля Канского «Деяния Танкреда». Хадгсон совершенно справедливо говорит о недостаточном внимании исследователей к вопросам идентификации норманнов на Востоке²³⁰, а равно и к изучению важного, с ее точки зрения, источника, посвященного «Деяниям Танкреда»²³¹.

Н. Хадгсон подошла к изучению норманнского мифа о «gens Normannorum», опираясь на работы Г. Лоуда²³². В соответствии с этим подходом она выделяет

²²⁴ Ibid. P. 165.

²²⁵ Murray A.V. How Norman was the principality of Antioch? Prolegomena to a study of the origins of the nobility of a crusader state // *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge, 1997. P. 349—360.

²²⁶ Ibid. P. 359.

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Hodgson N. Reinventing Normans as crusaders? Ralf of Caen's *Gesta Tancredi* // *Anglo-Norman studies*. 2007. Vol. 30. P. 117—132.

²³⁰ Ibid. P. 117.

²³¹ Ibid. P. 124.

²³² Ibid. P. 119.

ряд присущих норманнам качественных характеристик, которые нашли отражения в хрониках крестовых походов: «амбиции, агрессивность, щедрость, алчность, храбрость и коварство»²³³.

Когда Боэмунд как истинный норманн предпочитает остаться в Антиохии, его племянник Танкред, в представлении Рауля, уже выбирает путь в Иерусалим, как «*miles Christi*»²³⁴. Но это не означает, что Танкред был начисто лишен «темной стороны» «*Normannitas*»: алчности, жажды добычи и территориальных приобретений, склонности к насилию и коварству²³⁵. Напротив, у Рауля Танкред, как и Боэмунд, предстает носителем вышеперечисленных «традиционных «норманнских» характеристик»²³⁶.

Проповедь крестового похода имела огромное значение для юных норманнских рыцарей, т.к. позволяла объединить два пути: мирской и духовный²³⁷. Рауль видит свою задачу в том, чтобы показать трансформацию норманнского рыцаря Танкреда «в новый тип христианского воина, готового к новым завоеваниям — крестоносца»²³⁸.

Среди опубликованных в сборнике «Норманнская экспансия» внимания заслуживает статья Лин Ни Клейриг «*Gesta Normannorum*» Норманны в латинских хрониках Первого крестового похода»²³⁹. В ней рассматривается вопрос о том, насколько «норманнскими» являлись авторы, которые описывали участие норманнов в походе на Восток. Автор приходит к выводу, что хроники крестовых походов ставили своей целью прославление не норманнов, но христиан-франков, которых они именовали «*Franci*» или «*Francigena*» и которые говорили на одном языке. Единственным исключением являлось произведение Рауля Канского, который видел свою задачу не в прославлении крестового похода, а в описании «Деяний Танкреда» и полагал своей целевой аудиторией правящую верхушку Антиохийского княжества²⁴⁰.

²³³ Ibid. P. 120.

²³⁴ Ibid. P. 121.

²³⁵ Ibid. P. 127.

²³⁶ Ibid. P. 128.

²³⁷ Ibid. P. 129.

²³⁸ Ibid. P. 132.

²³⁹ Ni Chleirigh L. *Gesta Normannorum? Normans in the latin chronicles of the First crusade // Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts / ed. by K. J. Stringer and A. Jotischky. Farnham, 2013. P. 207—226.*

²⁴⁰ Ibid. P. 113.

2.2. ВНЕШНИЙ ТЕЛЕСНЫЙ ОБЛИК НОРМАННОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

М. Монтень говорил, что «мы всегда имеем дело с человеком, а всего примечательнее, что природа человеческая в основе своей — телесна»²⁴¹. «Удобства ради, — писал Л. Февр, человека можно притянуть к делу за что угодно — за ногу, за руку, а то и за волосы, но едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком. Человека нельзя разъять на части — иначе он погибнет»²⁴². Изучение внешнего телесного облика является не последним в деле воссоздания «целостного представления о жизни людей» прошлого.

Свидетельства источников о внешнем облике норманнов обычно рассматривались исследователями исключительно в качестве иллюстративного материала для доказательства выдвинутых тезисов. Английский исследователь У. Маквин делает вывод о том, что при византийском дворе норманны признавались идеалом военного аристократа, ссылаясь при этом на описание внешности Боэмунда²⁴³.

По мнению Жака Ле Гоффа, в эпоху средневековья существовали две противоположные точки зрения на тело как таковое²⁴⁴. Бытовавший в обществе христианский идеал требовал от людей презирать свое тело. В то же время идеал воинственности прославлял его в такой же степени, «в какой христианский идеал его принижал». Военной аристократии был присущ культ физической силы, который находил отражение в сказаниях о рукопашных схватках и небывалых рыцарских подвигах, которые очень сильно напоминают спортивные достижения²⁴⁵. Ле Гофф говорит, что «одним из главных средств

²⁴¹ Монтень М. Опыты в трех томах. Т I—II. М., 1997. С. 190.

²⁴² Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 26.

²⁴³ Mcqueen W.B. Relation between the Normans and Byzantium 1071—1112 // Byzantion. 1986. Vol. 56. P. 469.

²⁴⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 330—331.

²⁴⁵ Там же. С. 316—318.

выражения в средневековом обществе было само человеческое тело», что сама «средневековая культура была культурой жестов»²⁴⁶.

По мнению Л.Н. Гумилева, население средневековой Европы было очень разнородным и «в крестовый поход шли вместе голубоглазые блондины из Нормандии, Саксонии, зеленоглазые шатены из Бургундии, чернявые, сухощавые провансальцы, носатые итальянцы (потомки сирийцев, заселивших Лангобардию во времена Римской империи) и испанцы, которых не всегда можно было отличить от арабов»²⁴⁷.

Из данного краткого обзора литературы становится понятно, что телесный облик норманнов еще не становился в науке предметом специального исследования. Мы не знаем, как относились средневековые авторы и сами норманны к телесности, выражением каких ценностей являлся телесный облик.

Прежде всего мы считаем необходимым задать некоторые методологические предпосылки нашему исследованию и дать ответ на ряд неизбежно возникающих вопросов: где в авторских текстах надо искать проявления «внешней телесности» норманнов? На что необходимо обратить внимание?

Мы отдаем себе отчет в том, что в исследовании этого вопроса перед нами стоят проблемы в первую очередь теоретические и методологические. Изучение внешнего телесного облика норманнов связано с определенными трудностями при использовании источников. Известно, что средневековые авторы, хотя и были современниками норманнов, при написании своих хроник чаще прибегали к заимствованиям из культурной традиции. Поэтому необходимо учитывать влияние сознания авторов (происхождение, род занятий, конфессия, особенности личностного восприятия и т.п.) на создаваемый ими образ внешней телесности норманнов.

Составляющими компонентами телесного облика являются: рост, телосложение, форма и размеры тела, возраст, телесная красота, физические качества, форма лица, цвет кожи, глаза, волосы. Чем больше автор говорит о внешности героя, тем более он ему интересен. Проявлением внешнего телесного облика можно считать описания оружия, одежды и т.п.

Поскольку телесность проявляет себя не только статически, но и в движении, немалое внимание должно уделяться описаниям поведения норманнов в той или иной ситуации: в бою, при встрече с другими и т.д.

Но нам необходимо не только выявить проявления телесности в хрониках авторов, но и объяснить их. Другими словами, нам необходимо показать, как

²⁴⁶ Там же. С. 333.

²⁴⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2002. С. 358.

работало сознание хронистов, какой смысл они вкладывали при описании внешнего телесного облика норманнов. Этот смысл во многом обусловлен влиянием исторической эпохи, той культурной среды и традиции, в которой жили и творили те или иные авторы.

В нашем распоряжении имеются авторы, которые имели различное этническое происхождение, творили в разное время и принадлежали к разным культурным традициям. Учет различий этих факторов, позволяет нам получить целый спектр оценок внешнего телесного облика норманнов, преломленный через призму сознания хронистов.

Существует еще одна методологическая проблема, связанная с восприятием средневековых хронистов, без решения которой нельзя приступать к исследованию. Это проблема сочетания общего и индивидуального, поскольку хронисты предоставляют нам не только общие характеристики народа в целом, но и индивидуальные портреты. Разумеется, что личные особенности того или иного человека, как хромота или хриплый голос, не могут быть присущи народу в целом. «На первом плане стоит внешний физический облик индивида, как типичного представителя этноса»²⁴⁸. Сведения хронистов о внешнем облике могут быть недостоверными, но тем не менее авторы были способны выделить объективные особенности внешнего облика представителей различных этносов. Таким образом, целесообразно рассматривать общие и индивидуальные характеристики норманнов в единстве.

Важные сведения о наиболее ранних мифах и традициях норманнов содержатся в хронике начала XI в. Дудо из Сен-Кантена «*De moribus et actis primorum Normanniae ducum*».

У Дудо мы не находим сведений о росте, телосложении или каких-либо иных особенностях внешности норманнов или их предводителей. Только в отношении герцога Вильгельма I, сына первого правителя Нормандии Ролло, Дудо признает «телесные» доблести, которые выражались в цветущем юном возрасте и прекрасном здоровье²⁴⁹. В данном случае мы видим только указание на идеологический образ, но не на телесный. Очевидно, Дудо, как монах, считал непристойным воздавать хвалу норманнам за достоинства их внешнего облика, который был далек от монашеского идеала. Свою задачу он видел в описании деяний норманнских правителей, но не в качестве воинов,

²⁴⁸ Яременко С.Н. Внешность человека в культуре. Ростов-на-Дону, 1997. С. 48.

²⁴⁹ Dudo Decanus S. Quintini Veromandenses. Historiarum libri tres // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. T. 141. P., 1853. P. 658—659.

побеждающих на поле боя, а исключительно как правителей — защитников церквей, справедливых судей, покровителей вдов и сирот.

Описывая поход норманнов на Иберийский полуостров, Дудо говорит, что спустя три дня после успешного сражения с мусульманами, норманны вернулись на поле боя и, «когда стали переворачивать мертвых, чтобы снять с них одежду, обнаружили, что части тела, прилежавшие к земле, имеют два цвета: один из которых белее снега, а другой черный и загорелый, которые при этом соединены и перемешаны между собой. Они увидели, что остальное тело (не прилежавшее к земле — В.П.) сохраняет свой естественный цвет! Воистину, я хотел бы знать, как логики, увидевшие эти изменения, напишут об этом деле, так как они считают наличие (цвета — В.П.) неотъемлемой категорией равно ворона и эфиопа»²⁵⁰. Вероятно, в данном случае речь идет о трупных пятнах на телах мусульман.

В этом отрывке мы не найдем противопоставления свой — чужой. Ни свои, ни чужие не интересуют Дудо сами по себе, и никакие идеи превосходства своего над чужаками Дудо не пытается отстаивать. Цвет тел мертвых мусульман интересует Дудо как странное, малоизученное явление, требующее своего объяснения и не более того.

Означает ли отсутствие в хронике Дудо описаний статической телесности полное отсутствие представлений о наиболее типичном внешнем облике? В хронике описываются столкновения норманнов с франками, бретонцами, англосаксами, германцами и мусульманами в течение ста лет. Вероятно, к началу XI в. представления о фенотипе своего народа в противопоставлении с другими еще не сформировались окончательно, поскольку норманнов окружали народы со схожими чертами внешнего телесного облика. Возможно, что эти различия были столь очевидны, что Дудо не нашел нужным на них останавливаться.

Во второй половине XI в. Вильгельм Жюмьежский привел описание внешности второго герцога Нормандии Вильгельма по прозвищу Длинный меч: «Он был высокого роста, с красивой внешностью, с блистающими глазами, кроткий с друзьями, словно лев, страшный врагам, словно гигант, сильный в битвах»²⁵¹. Это описание указывает на представления об идеальном внешнем телесном облике. В другом месте Вильгельм говорит об аббате Герлуине,

²⁵⁰ Ibid. P. 747.

²⁵¹ Willelmus Calculus. *Historiae Normannorum* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1882. T. 149. P. 803.

что до пострижения в монахи тот был первым не только «в оружии, и во всех военных делах», но был прославлен «красотой тела»²⁵².

Во первой половине XII в. другой норманнский автор Ордерик Виталий так отзывался о потомках одного норманнского графа: «все сыновья Гуго были телом прекрасны, роста высокого»²⁵³. В то же время о Роберте, сыне Вильгельма Завоевателя он говорил, что «у него было пухлое лицо, жирное тело и он был коротышкой, вследствие чего получил в просторечье прозвище “жирные ноги и короткий чулок”»²⁵⁴.

У Вильгельма Жюмьежского есть рассказ о паломничестве в Святую землю герцога Нормандии Роберта, в котором приводится описание встречи с византийским императором. В этом рассказе сочетаются статический и динамический стереотипы черт телесного облика герцога норманнов. «Представ перед императором, он (Роберт Великолепный – прим. ред.) сел рядом с ним без приглашения. Тот император, также воссев, и дивясь его достойному виду и стройным формам, через толмача спросил: не является ли тот королем франков Робертом, который, столь учтиво и царственно ведя рыцарские отряды, пожелал отправиться на поклонение гробу Господа Христа»²⁵⁵. Все в этом рассказе направленно на то, чтобы поднять престиж норманнского герцога до уровня византийского императора. И поддержанию престижа служат «достойный вид и стройные формы» герцога и его поведение в присутствии правителя.

Итало-норманнские хронисты практически не оставили нам индивидуальных портретов норманнов. Вильгельм Апулийский не дает описания внешности главного героя своей поэмы герцога Роберта Гвискара. Малатерра говорит всего несколько слов об облике графа Сицилии Рожера, Амато о правителе Капуи Ричарде. Из этого можно заключить, что Малатерра и Амато дали нам портреты наиболее важных с их точки зрения вождей норманнов, от которых они зависели напрямую и для которых составляли свои хроники.

Оба автора оставили схожие описания. Если Малатерра говорит, что Рожер был «юношей прекраснейшим», «высокого роста», «с телом стройным» и «физически сильным»²⁵⁶, то Амато представляет Ричарда Капуанского

²⁵² P. 838.

²⁵³ Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1855. T. 188. P. 646.

²⁵⁴ Ibid. P. 646.

²⁵⁵ Guillaume de Jumege. *Gesta Normannorum ducum* / ed. J. Marx. Rouen, 1914. P. 112—113.

²⁵⁶ Gaufredus Malaterra. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardii ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Bologna, 1928. T. 5. P. 18—19.

как «юношу с красивым лицом», с идеальными размерами и формами тела, в расцвете сил²⁵⁷. Таким образом, можно сказать, что оба портрета выполнены по одному шаблону, в котором основными характеристиками являются юный возраст, внешняя привлекательность, идеальное телосложение и физическая сила обоих норманнских предводителей.

А как хронисты говорят о внешности норманнов как народа? Для Амато норманны – племя «очень крепкое и сильное»²⁵⁸. Малатерра при описании норманнов как народа отмечает их физическую выносливость – способность переносить лишения и тяжкий труд. Таким образом, в представлении норманнских хронистов норманны сами по себе не обладали яркими внешними данными кроме как физической силой и способностью переносить тяготы военной жизни.

В противопоставлении с другими народами, норманны сильно проигрывали германцам и византийцам по своим физическим данным. Вильгельм Апулийский говорит, что в битве при Чивитато германцы, «известные длинными волосами, красотой форм и размерами тел, высмеивали тела норманнов, которые казались короче. Их ничуть не уважали, поскольку не могли сравниться с ними ни числом народа, ни силой»²⁵⁹. «Этот отважный народ с храброй душой, но они крайне неумелы в управлении лошадьми. Они более искушены во владении мечом, чем копьем; поэтому они не могут управлять своими лошадьми без помощи рук. Они не могут наносить смертельные ранения копьем, но только своими мечами. Для этого их мечи специально удлиняются и остро затачиваются. Их телосложение позволяет им наносить удары сверху по голове и разрубать человека надвое. После того как оставят лошадей, они стоят твердо в качестве пехотинцев. Они предпочитают погибнуть, но не отступить. Они более страшны, когда они сражаются на земле, чем на лошадях. Такова отвага этого народа»²⁶⁰.

Малатерра, описывая схватки норманнских предводителей один на один с византийцами, сравнивает «греков» с гигантами. Когда Роберт Гвискар встретился с Петром Тирским, то удивился «огромному, прямо гигантскому телу» последнего. При осаде одной крепости в Калабрии воинов его брата Рожера

²⁵⁷ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino* / a cura di V. de Bartholomeis. Roma, 1935. P. 110.

²⁵⁸ Ibid. P. 9.

²⁵⁹ Guillelmi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi* / ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. Rudolfo Köpke. Hannover, 1851. T. IX. P. 255.

²⁶⁰ Ibid. P. 256—257.

ужасал «некий сильнейший и с огромным телом муж, который войско норманнов многими оскорблениями бесчестил, и которого все как гиганта боялись»²⁶¹.

Однако не следует думать, что норманнские хронисты стремились показать физическую слабость норманнов и мощь их противников. Напротив, в этом противопоставлении хронисты следовали другой схеме. Вот как Вильгельм Апулийский описывает поведение Роберта Гвискара на поле брани: «Отважно с большой смелостью помчался в самую гущу врагов. Он пронзал их копьем, рубил мечом, наносил ужасные удары сильными руками. Он действовал обеими руками так, что ни его копье, ни его меч не оставались не окровавленными, куда бы он не направлял их. Трижды он был сбит с коня, трижды он собирался с силами и возвращался в битву более боеспособным, чем был до этого. Его неистовство подгоняло его. Когда лев, скрежеща зубами, яростно нападает на слабое животное и встречает на своем пути какое-либо препятствие, то это приводит его бешенство и его пылающий гнев побуждает его выступить против зверей больших числом и размером так, что это ему дает возможность, оставаясь невредимым, стаскивать одного, пожирать другого, и опасаясь, что не успеет наесться вдоволь, терзать зверя до смерти. Также делал Роберт, не переставая различными способами убивать свефов. Одним он отрубал ноги, другим руки. Он обезглавливал тело одного и вскрывал полностью до груди живот другого. Одного он пронзал сквозь ребра, а затем срубал ему голову. Он делал из больших тел малые, подрубая их до нужного размера. С доблестью он показал, что пальма первенства может принадлежать не только людям с большими телами, но равно и с малыми тоже. После битвы стало ясно, что никто в ней, ни победители, ни побежденные не наносили столь мощных ударов»²⁶².

В таком же духе говорит о победе Роберта Гвискара над «гигантом» Петром Тирским Гауфред Малатерра: «Когда же настала пора расходиться, Гвискар, глядя на его огромное, даже гигантское тело, и на своих людей мало надеясь, (ибо был во всяком великом и важном деле наиотважнейший испытатель) схватил Петра поперек тела, на плечо забросил и к своим понес. Тут же с обеих сторон союзники пришли в движение: Бизиньянцы затем, чтобы Петра выручить, норманны же, чтобы господину своему помощь оказать. Утомленный попытками Петра освободиться, Гвискар: когда его нес, когда перекачивал, когда тащил, наконец, к своим привел»²⁶³.

²⁶¹ Gaufredus Malaterra. De rebus gestis. P. 23.

²⁶² Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi. P. 258.

²⁶³ Gaufredus Malaterra. De rebus gestis, P. 17—18.

Хотя в данном случае Роберт Гвискар проявил немалую физическую силу и выносливость, Малатерра хвалит его совсем за другие, проявленные им качества: «По такой хитрости и другим подобным калабрийцы о Гвискаре узнали. Племя наитрусливейшее, все его боялись, которому конечно не было равных не только во владении оружием и изобретательности, но, как говорили, и в мужестве»²⁶⁴.

Итак, хронисты утверждают, что норманны были «сильны» и «выносливы», хороши собой, но проигрывали в этом германцам и византийцам. Более того, когда норманны расправляются с врагами, которые выглядят сильнее и внушительнее, проявив «силу» и «выносливость», хронисты хвалят их не за проявленные ими физические качества, а исключительно за «доблесть», «мужественность» и «хитрость». Другими словами, с точки зрения норманнских хронистов, сила духа важнее, чем физическая сила. То есть норманны были сильнее в первую очередь не физически, а морально.

В их представлении физическая сила и внешняя привлекательность — ничто без душевных качеств и нравственного превосходства. Вильгельм Апулийский с презрением отзываясь о византийском военачальнике Георгии Маниаке, который «кроме внешности никакого похвального достоинства не имел, но имел гордую душу, необычайно свирепую по жестокости»²⁶⁵. Малатерра говорит о том, как норманны превосходили физическую немощ, вызванную тяжелой болезнью, климатом, голодом или возрастом, и бросались в гущу битвы и сохраняли бодрость духа на войне.

Но не странно ли, что все три хрониста, которые ценят и рост, и силу, и красоту тела, тем не менее отдают в этом предпочтение врагам норманнов, оставляя за последними только право на моральное превосходство? По всей видимости норманнские хронисты руководствовались при сравнении внешности норманнов и их противников неким общим образцом, который был перед их глазами во время работы над историей завоеваний норманнов в Италии. Л. Бем полагает, что описание противостояния норманнов и германцев у Вильгельма Апулийского выполнено в «характерной для северо-викингской и варяжской литературы мотива Давид—Голиаф»²⁶⁶. Этот мотив у норманнских авторов проявляет себя не только в описании столкновений норманнов с германцами и византийцами, но и в описании внешности Рожера

²⁶⁴ Ibid. P. 18.

²⁶⁵ Guillelmi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi. P. 251.

²⁶⁶ Boehm L. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie // I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo. Spoleto, 1969. P. 671.

у Малатерры и Ричарда у Амато. Мы уже говорили выше, что оба описания норманнских предводителей на удивление похожи. Они даны в момент, когда историки пишут о появлении норманнов в Южной Италии, когда они еще не имели власти и могущества, находились в расцвете лет и в начале славных дел. В глазах итало-норманнских хронистов они олицетворяли идеал юного Давида, которому была уготована царская власть через сокрушение сильного и могущественного «гиганта» Голиафа.

Таким образом, норманнские хронисты использовали описания внешности норманнов и их противников как риторический прием, чтобы показать превращение «слабых и незнатных» норманнов в «сильных и могущественных» правителей Южной Италии.

Хронистов Сицилии второй половины XII в. от прочих норманнских авторов отличает то, что они создавали свои хроники без оглядки на норманнских правителей и не стремились показать их превосходство над всеми остальными народами. По этой причине их работы свободны от идеологических построений, характерных для остальных норманнских авторов.

Ромуальд архиепископ Салерно, медик, царедворец и дипломат написал «Хроникон», в котором описал известные ему исторические события от сотворения мира до 1178 г. О Ричарде Капуанском он говорит, что тот был высокого роста²⁶⁷, а Роберт Гвискар был не только «сильным и мощным в битве», но и запомнился своим «замечательным телом»²⁶⁸, как и его сын Рожер Борса²⁶⁹. В то же время другой сын Роберта Боэмунд был сутулым²⁷⁰. Внук Роберта Гвискара — герцог Апулии Вильгельм был «среднего роста и стройный»²⁷¹. Король Сицилии Рожер II предстает у Ромуальда как человек «роста огромного, тучный, с львиным лицом, с голосом немного хриплым»²⁷². Его сын и наследник Вильгельм I был «прекрасен лицом и имел достойную внешность, телом тучный, высокого роста»²⁷³.

Гуго Фальканд — современник описываемых им в «Истории королевства Сицилии» событий. Его работа выходит за рамки обычных средневековых и,

²⁶⁷ Romualdi Salernitani Chronicon [A.m. 130—A.C.1178] a cura di C.A. Garufi // *Rerum Italicarum scriptores*. Città di Castello, 1914. T. VII. P. 190.

²⁶⁸ Ibid. P. 197.

²⁶⁹ Ibid. P. 205.

²⁷⁰ Ibid. P. 206.

²⁷¹ Ibid. P. 214.

²⁷² Ibid. P. 236—237.

²⁷³ Ibid. P. 253.

в частности, норманнских хроник. Его не интересуют войны и дипломатические акции королей, их величие и мудрость, он далек от намерения изображать последних лучше, чем они были на самом деле. Он описывает придворную жизнь во всем ее многообразии.

Фальканд исключительно пристрастен в своих оценках и описаниях внешности. Новоприбывшего ко двору сицилийских монархов из Испании брата королевы Генриха он описывает как человека «небольшого роста, имевшего очень редкую бороду, под бледностью проступала чернота его кожи»²⁷⁴. Другой придворный — евнух Петр, проигравший морское сражение с мусульманским эмиром, заслужил в его глазах следующую характеристику: «как и все евнухи дворца, только по имени и по внешности был христианином, а душой сарацин»²⁷⁵. Архиепископа Рожера Регинуса он описывает так: «Был он уже в возрасте, клонящемся к старости; высокого роста; крайне истощенный и худой; голос имел до такой степени слабый, что казалось будто он шипит, а не разговаривает; по лицу и всему телу черный цвет с белым так перемешан, что кажется состоит из частей мертвых и живых. Внешность кроме того показала и цвет души, ибо никакой трудной работы он не боялся, если надеялся какую-либо выгоду получить, способен был переносить голод и жажду сверх человеческих возможностей только, чтобы припасы сберечь. У себя дома пиров не устраивал, зато в других ни одного застолья не пропускал»²⁷⁶.

Эта галерея портретов людей XII в., которые по тем или иным причинам не нравились Фальканду. Но нельзя отрицать, что были при дворе норманнских монархов те, о которых Фальканд говорит хорошо. Потомок норманнских завоевателей, предводитель баронской партии, убийца адмирала Майо — Матфей Боннель представлен у Фальканда юношей «с прекрасным обликом, замечательным телом, более сильным, чем в таком возрасте полагается»²⁷⁷. В данном описании легко увидеть идеал норманнского рыцаря: юный, красивый, сильный.

В то же время у Фальканда мы не встретим ни одного описания внешности короля Сицилии из норманнской династии. Такое небрежение трудно объяснить. Только однажды он обмолвился о последнем короле Сицилии Танкреде де Лечче, сыне герцога Апулии Рожера, внуке короля Рожера II:

²⁷⁴ Ugo Falcando. *La Historia: o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium* / a cura di G.B. Siragusa // *Rerum Italicarum scriptores*. Rome, 1897. P. 107.

²⁷⁵ Ibid. P. 25.

²⁷⁶ Ibid. P. 95.

²⁷⁷ Ibid. P. 31—32.

«он от рождения более усердием выделялся, чем доблестью тела»²⁷⁸. Из этой фразы мы можем понять только, что Танкред не в полной мере соответствовал идеалу правителя, который должен был выделяться не только духовными, но и телесными качествами. Современник и друг Фальканда Петр из Эболи называет Танкреда «несчастливым эмбрионом и отвратительным уродом», обращаясь к нему со следующими словами: «с телом ты уродился коротким, в полчеловека, ибо со спины ты вылитый мальчик, а спереди старик»²⁷⁹. В сочинении Петра из Эболи помещена карикатура на Танкреда, под которой приводится следующая надпись: «Танкред лицом старик, а ростом мальчик»²⁸⁰.

Из всего сказанного Петром о Танкреде можно понять, что тот был горбуном. Таким образом, родоначальники норманнских династий в Южной Италии запомнились норманнским хронистам как высокие, стройные, сильные юноши, а последний король норманнской династии — горбатым стариком.

2.3. НОРМАННЫ И БОРОДА

Какой смысл может иметь обычай ношения или отсутствия бороды? Символом каких культурных ценностей может быть борода у различных народов? Достаточно вспомнить, какое значение вопросу «брить или не брить» придавали в свое время Александр Македонский, римляне эпохи республики и Петр Великий в России.

Один из законов Паркинсона гласит, что «наличие или отсутствие бороды выражало отношение к власти. Во времена древних монархий патриарх в мантии и при бороде был само достоинство, хотя мантия вполне могла скрывать физическую немощ, а под бородой легко прятался слабый подбородок. Не то бюст римского сенатора — лицо полностью открыто, никаких секретов. А статуя, показывающая Александра совершенно обнаженным? Власть, по восточной традиции окутанная саваном тайны, уединенности, в мире эллинов приобрела иные очертания — сильный характер и мужская доблесть выставлялись напоказ. О личности мы обычно судим по глазам, рту

²⁷⁸ Ibid. P. 51.

²⁷⁹ Pietro da Eboli. Liber ad honorem Augusti di Pietro di Eboli. Secondo il Cod. 120 della biblioteca civica di Berna / Pietro da Eboli; a cura di G.B. Siragusa. Roma, 1906. P. P. 19.

²⁸⁰ Ibid. P. 125.

и рукам. Бородатый и густобровый пророк с руками, упрятанными в рукава, вполне возможно (с первого взгляда не определишь), не блещет ни умом, ни юмором, ни силой. В более демократическом обществе дело обстоит иначе — избиратели имеют возможность увидеть и услышать кандидата на руководящий пост, убедиться в том, что у него волевой раздвоенный подбородок, складки вокруг рта, выдающие злодея или упрямяца, чуть заметны признаки угасания или слабости.

Вместе с эпохой средневековья пришли бородатые варвары, а за ними — не менее бородатые поборники ислама. Именно в те времена, когда фортуна решительно отвернулась от Европы (VI—VII вв.), европейцы отложили бритвы в сторону. Остатки цивилизации они передали священнослужителям, которые немедля и весьма торжественно отказались от бород. Когда после 1000 г. цивилизация начала возрождаться, гладко выбритое лицо стало ее внешним символом. К 1200 г. все подбородки были выбриты и еще долго оставались бы таковыми, не сыграв тут свою роль крестовые походы. Копируя противников-мусульман, многие крестоносцы вернулись домой в седле, одетые по моде пустыни и украшенные бородами»²⁸¹.

Другой закон Паркинсона гласит, что в странах Западной Европы «борода появлялась в периоды упадка и неопределенности. По всей видимости, борода была покровом, призванным сокрыть колебания и сомнения»²⁸². «Борода заменяла мудрость, опыт, аргументацию, открытость. Людей в возрасте она наделяла престижем, который не подкреплялся их достижениями, ни интеллектом. Она могла служить — и служила — прикрытием для всего показного, напыщенного, лживого и невежественного»²⁸³.

Мы можем принимать всерьез английского сатирика, но мы не можем отказать ему в оригинальности в интерпретации истории ношения бороды в Западной Европе. Из исторической литературы нам известно, что норманны «коротко стригли волосы и тщательно брились, а некоторые к тому же сбривали волосы сзади на голове»²⁸⁴. К сожалению, норманнские авторы упорно хранят молчание по вопросу о том, зачем норманны брили бороды, а также не обращают никакого внимания на эту особенность при описании их внешности. Вероятно, это состояние лиц было настолько обыденным явлением для

²⁸¹ Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. Минск, 1998. С. 249—250.

²⁸² Там же. С. 252.

²⁸³ Там же. С. 253.

²⁸⁴ М. и Ч. Г. Б. Квеннеллы Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. СПб., 2002. С. 128.

самых норманнских хронистов (в большинстве своем католических монахов), что они попросту не считали нужным обращать внимание читателя на то, что ему и так хорошо известно. Зато ношение бороды являлось явлением из ряда вон выходящим, и пройти мимо него хронисты не могли.

Рожер де Бомон был едва ли ни единственным норманнским аристократом, который носил бороду, за что и удостоился соответствующего прозвища. По этой причине единственный бородатый рыцарь из окружения Вильгельма Завоевателя, который был изображен на ковре из Байо, по всей видимости, и является упомянутым бароном. Среди мотивов Рожера де Бомона мог быть рыцарский обет. Ордрик Виталий сообщает, что когда герцог Апулии Роберт Гвискар был вынужден оставить своих рыцарей, он обратился к ним с такими словами: «Клянусь душой моего отца Танкреда и эту клятву, данную вам, обещаю твердо сдерживать, что до тех пор, пока к вам не вернусь, не буду пользоваться баней, отпущу бороду и не буду стричь свои длинные волосы»²⁸⁵.

Сам факт упоминания этого рыцарского обета, данного в столь критической ситуации, указывает на исключительность случая, когда борода могла покрывать лица норманнов. А содержание ясно говорит о том, что бритье было для норманнов насущным гигиеническим требованием, также как мытье в бане и стрижка волос.

Если для норманнов обычай брить бороды, перенятый ими во Франции вместе с другими благами цивилизации, не был чем-то странным и необычным, то в глазах англосаксов и византийцев бритые подбородки норманнов вызывали удивление и интерес.

В англосаксонской хронике, повествующей о норманнском завоевании Англии, мы найдем интересный эпизод, демонстрирующий впечатление англосаксов от первой встречи с норманнами. «Один из шпионов Гарольда, который видел норманнов, сообщил, что они «были так чисто выбриты и коротко подстрижены, у них не было даже усов, что он предположил, что видел священников и проповедников; и он сказал Гарольду, что у герцога больше священников, нежели рыцарей или других воинов». Но Гарольд ответил: «Те люди – доблестные рыцари, отважные и храбрые воины, хоть они и не носят ни усов, ни бороды, как мы»²⁸⁶.

В данном случае Гарольд, который провел некоторое время среди норманнов и даже был посвящен Вильгельмом в рыцари, хорошо знал обычаи норманнов и легко изобличил заблуждение своего лазутчика. Да и англосаксы,

²⁸⁵ Ordericus Vitalis. *Historiae Ecclesiasticae* P. 521—522.

²⁸⁶ Цит. по: М. и Ч. Г. Б. Квеннеллы *Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов*. СПб., 2002. С. 113.

хотя сами не брили бороды, тем не менее могли наблюдать как это делают те же католические «священники и проповедники». Другое дело византийцы, для которых обычай брить бороды был настолько подзабыт в их культуре, что они просто не находили нужных слов, чтобы выразить то, что они видели.

Наиболее ценными при исследовании внешнего телесного облика норманнов являются труды византийских авторов: Михаила Пселла, Анны Комнины, Никифора Вриенния и др. В первую очередь потому, что византийцы были своего рода зеркалом для норманнов, не всегда объективным, но довольно точным и наблюдательным. Последнее в немалой степени было связано с необычайно высоким для XI в. уровнем развития византийской историографии.

В предисловии к очередному изданию «Алексиады», Я.Н. Любарский говорит, что «с первой половины X в. авторы исторических сочинений все больше пытаются изобразить реального человека, нарисовать его внешность, характер, особенности»²⁸⁷. Он также приводит слова Р. Дженкинса: «Между временем, когда Феофан закончил в начале IX в. свое сочинение, и временем, когда Пселл приступил к своему труду в XI в., в историографии произошел своего рода революционный сдвиг в сторону гуманизма» (под гуманизмом Р. Дженкинс подразумевает пробуждение интереса к человеку. — Я.Л.)».

Тексты византийских авторов, которые описывают норманнов, иногда ставят в тупик переводчиков и историков. Мы не беремся дать более качественный перевод отрывков и следуем только вслед за переводами, сделанными другими авторами. Тем не менее, мы не видим причин отказываться от анализа византийских источников в той степени, в какой нам это позволяют переводы и литература.

Я.Н. Любарский переводит Михаила Пселла, который лично наблюдал норманнов и варягов, в том месте, где тот описывает внешность обоих народов следующим образом: «Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный цвет»²⁸⁸. Здесь непонятно, зачем норманны «подкрашивают глаза и выщипывают ресницы», и в чем варяги «сохраняют их естественный цвет». Нам кажется, что более верный перевод данного отрывка мы найдем у В.Г. Васильевского: «... одни подделывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек, другие сохраняют их в природном виде»²⁸⁹. Очевидно, что в данном случае Михаил Пселл говорит о бритье, принятом у норманнов, и о полном неприятии этого обычая у варягов.

²⁸⁷ Анна Комнина. Алексиада / Пер. с греч. и предисл. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 41.

²⁸⁸ Пселл Михаил. Хронография. С. 145.

²⁸⁹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI—XII вв. // Журнал Министерства Народного Просвещения. №3. СПб., 1875. С. 109.

Хотя перевод В.Г. Васильевского в целом проясняет вопрос о том, что хотел сказать Михаил Пселл, вопрос о том, зачем норманнам потребовалось «подделывать цвет (краску) своих щек», остается открытым. Чтобы объяснить этот отрывок, обратимся к переводу Я.Н. Любарского другого темного места у Анны Комнины, которая лично видела Боэмунда и подробно описала его внешность. В частности, отрывок, в котором говорится о лице Боэмунда, Я.Н. Любарский переводит следующим образом: «была ли его борода рыжей или другого цвета, я сказать не могу, ибо бритва прошла по подбородку лучше любой извести. Все-таки, кажется, она была рыжей»²⁹⁰. В комментарии к этому отрывку Любарский говорит, что: «В Средневековье кожевники удаляли щетину с кож при помощи извести»²⁹¹. Вероятно, знание об этом факте и побудило Любарского перевести этот отрывок так, как будто Анна Комнина имела в виду именно такое свойство извести: покрывать кожу, чтобы лучше очистить от волос. В.Г. Васильевский переводит этот отрывок по-другому. Он считает, что Анна Комнина, упоминая об извести на щеках Боэмунда, хочет сказать о том, что его щеки, после того, как по ним прошла бритва, имели синий цвет²⁹². На основании этого Васильевский объясняет слова, сказанные Михаилом Пселлом об обычае норманнов «подделывать цвет (краску) своих щек». Другими словами, Пселл, по мнению Васильевского, хотел сказать о неестественном с точки зрения византийца цвете щек норманнов.

Васильевский буквально понимает упоминания Анны Комнины и Михаила Пселла о синей краске на лице норманнов и объясняет такой взгляд византийцев обычаем кельтской знати раскрашивать свои тела синий цвет²⁹³. Вполне возможно, что в данном случае упоминание о синей краске — не более, чем риторический оборот, который использовали византийские авторы, чтобы дать читателю-византийцу представление о выбритых до синевы подбородках норманнов.

Вместе с тем вызывает интерес еще один отрывок из «Алексиады», переведенный Я.Н. Любарским и посвященный описанию стрижки Боэмунда: «Волосы у него были светлые и не ниспадали как у других варваров, на спину — его голова не поросла буйно волосами, а была острижена до ушей»²⁹⁴. Я.Н. Любарский так комментирует этот отрывок: «Норманны обычно носили

²⁹⁰ Комнина Анна. Алексиада. С. 363.

²⁹¹ Там же. С. 602. Комментарий № 1352.

²⁹² Васильевский В.Г. Указ. сочинение. С. 109.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Комнина Анна. Алексиада. С. 363.

длинные волосы»²⁹⁵. Вероятно, что основанием для этого утверждения послужили слова Анны Комнины о манере «других варваров» носить длинные волосы. Нам кажется, что в данном случае Боэмунд являл собой классический тип внешности норманнов, ибо норманнам было присуще не отращивать волосы, но коротко стричься и бриться.

Норманны держались обычая брить бороды в Средиземноморье до конца XII в. Современник норманнского похода против Византии 1185 г. Никита Хониат так описывает норманнов, захвативших Фессалоники: «Вот — он, этот народ с медной шеей, надменным выражением лица, поднятыми вверх бровями, всегда бритыми и как бы юношескими ланитами, кровожадной рукой, раздутыми ноздрями, ненасытной пастью»²⁹⁶. Никита Хониат рассказывает, что когда норманны встречали греков-византийцев на улицах Фессалоник, они: «с улыбкой и насмешливым видом, хватались обеими руками за их бороду и за волосы на голове и, смеясь говорили, что это не хорошо и что голову нужно стричь, по их примеру, в кружок»²⁹⁷.

Итак, мы можем сделать вывод о том, что норманны запомнились и англосаксам, и византийцам своими коротко стриженными волосами и бритыми подбородками.

Однако правило невозможно без исключений. Анна Комнина говорит, что Роберт Гвискар «... был ..., всегда с ровно остриженными волосами на голове и густой бородой»²⁹⁸. Данные Анны о густой бороде Роберта подтверждают информацию Ордерика Виталия о рыцарском обете, принятом на себя Робертом Гвискаром перед отплытием в Италию.

С другой стороны, Анна говорит, что внешность Роберта могла бы считаться достойной владыки. А образцом владыки для Анны Комнины мог быть только ее отец — византийский император Алексей Комнин. Вместе с тем известно, что карьера Роберта Гвискара началась в Калабрии — области Италии, населенной по преимуществу византийцами. Роберт охотно принял от Михаила VII Дуки право носить титул новеллссима. На печатях Роберта помещался не только его византийский титул, но и его изображение, в виде сидящего на троне человека с усами и бородой. Характерно, что на мозаиках храмов Сицилии норманнские монархи изображаются не только в одеждах и с регалиями византийских императоров, но и бородатыми. Вполне вероятно,

²⁹⁵ Там же. С. 602. Комм. № 1351.

²⁹⁶ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2. СПб., 1862. С. 324—325.

²⁹⁷ Там же. С. 387.

²⁹⁸ Анна Комнина. Алексиада. С. 187.

что Роберт Гвискар, норманнские правители Антиохии и короли Сицилии в действительности перенимали у византийцев и мусульман обычай носить бороду, чтобы заслужить симпатии подвластного им населения Южной Италии, Сицилии и Антиохии.

2.4. РЕЧЬ НОРМАННСКОГО РЫЦАРЯ НА ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ ИТАЛО-НОРМАННСКИХ АВТОРОВ XI—XII ВВ.

При упоминании норманнов возникает образ сурового и жестокого воителя. Сразу вспоминаются знаменитые слова молитвы, произнесенные на соборе в Меце в 888 г.: «а furore Normannorum libera nos, o Domine!» И только потом мы вспоминаем о ярком таланте скальдов, о рунах, сагах и висах. Суровые воины, с VIII по XI в. устранившие Европу, ценили красноречие. По-видимому, подобное отношение к искусству слова сохранили и те потомки викингов, которые в XI—XII вв. пришли из Нормандии и завоевали Южную Италию. Малатерра дает им следующую характеристику: «племя в лести искусное, а в красноречии они преуспели настолько, что преподают его своим сыновьям, словно завзятые риторы»²⁹⁹, а говоря о завоевателе Сицилии Рожере Алтавилла, упоминает, что тот обладал «языком красноречивейшим»³⁰⁰. Ему вторит Дудо из Сен-Кантена, характеризуя одного из предводителей норманнов, который якобы имел «вооруженный изобилием живого остроумия язык, в разговоре он отличался красноречием и изобилием»³⁰¹. Вильгельм Апулийский характеризует норманнского графа Балдуина как «et lingua doctus et armis» (искусно владеющий и языком и оружием)³⁰².

Даже враги норманнов — византийцы, знавшие толк в красноречии, отдавали должное красноречию норманнских вождей. Анна Комнина оставила нам описание вождя италийских норманнов Роберта Гвискара, в котором говорит, что Роберт обладал «изысканной речью, находчивостью в беседе, громким го-

²⁹⁹ Malaterra I, 3. «Gens adulari sciens, eloquentiae studiis inservens in tantum, ut etiam et ipsos pueros quasi rethores attendas».

³⁰⁰ Malaterra I, 19. «lingua facundissimus».

³⁰¹ Dudo. IV, 74. «vivaci lepore affluente armabat linguam, facundaeque ubertatis colloquio insignabat eum».

³⁰² Guillaume de Pouille. La Geste de Robert Guiscard. III, 521.

лосом»³⁰³. О голосе Роберта Гвискара византийская принцесса говорит особо: «А его голос! Гомер говорил о Ахилле, что услышавшим его крик казалось, будто шумит целая толпа. Крик же этого мужа, как рассказывают, обращал в бегство многие тысячи»³⁰⁴. При описании сына Роберта Гвискара Анна Комнина отмечает, что «речь Боэмунда была точной, а ответы он давал совершенно не оспоримые»³⁰⁵ и что по красноречию он уступал только ее отцу — византийскому императору Алексею Комнину.

Наши источники свидетельствуют о том, что итальянские норманны рассматривали искусство слова, как одно из важнейших средств в достижении собственных целей. Отвоевывая земли Италии у лангобардов, византийцев и мусульман, норманны побеждали не только с помощью оружия. Они умело вели переговоры с противниками, и те не раз бывали обмануты «хитрою речью» норманнов. Например, в одном рассказе Малатерры говорится о том, что «беспечный» враг был обманут «изобильной речью» Роберта Гвискара³⁰⁶. Они достойными речами славили живых и павших героев³⁰⁷. А норманнские предводители побуждали и укрепляли своих воинов речами перед битвами и даже в бою. Когда Малатерра рассказывает о битве норманнов с византийцами при Монтепилозо, он говорит, что «Вильгельм «Железная Рука» бросился в гущу врагов, и своих ободряющими словами укрепив, решительным нападением обратил врагов в бегство»³⁰⁸.

В нашем распоряжении имеются пять речей, которые норманнские авторы вкладывают в уста своих вождей. Одна принадлежит жене Роберта Гвискара и одну произносит враг норманнов — византийский полководец. Разумеется, что ни одна из речей, приведенных у норманнских авторов, не может претендовать на точность. В то же время, Гауфред Малатерра и Вильгельм Апулийский были современниками своих героев и адресовали свои сочинения непосредственным участникам описываемых ими событий: Сицилийскому графу Рожеру и герцогу Апулии Рожеру Борсе. Они отдавали себе отчет

³⁰³ Анна Комнина. VI, 7, С. 187.

³⁰⁴ Там же. I, 10, С. 75.

³⁰⁵ Там же. XIII, 10, С. 363.

³⁰⁶ Malaterra III, 5—6.

³⁰⁷ В нашем распоряжении имеется речь, приведенная у Вильгельма Апулийского (Guil. IV, 301—322), которую он вкладывает в уста жены Роберта Гвискара Сигельгиты. В этой речи она оплакивает смерть своего мужа, которая настигла прославленного вождя норманнов в 1085 г. на острове Кефалония во время его очередного похода против Византии.

³⁰⁸ Malaterra I, 9.

в том, что и как мог сказать их герой и заказчик, оказавшись в той или иной ситуации. И если автор вкладывал в уста своих героев речь, он, вероятно, надеялся польстить их самолюбию и сочинить такую речь, которую заказчики бы одобрили.

Это нам позволяет если и не «услышать» истинный голос исторического лица, то по крайней мере познакомиться с неким известным самим норманнам образцом такой речи. Особенно интересны те речи, которые авторы вкладывают в уста норманнских вождей перед битвой. Специфика их состоит в том, что ораторы определяют свою группу как общность, достойную победы.

При рассмотрении четырех речей, представленных у Малатерры, можно выделить следующие ценностные характеристики, отражавшие представления норманнов о рыцарском достоинстве: «Эй, из знатных предшественников знатнейшие!»; «О сильнейшие рыцари, и достойные наследники чести своих предшественников»; «Пробудитесь, о, сильнейшие христианского рыцарства юноши»; «О, сильнейшие, как не были вы до сих пор бессильными, так и не сможете, забыв о рыцарской славе, в глубины забвения ее погрузив, в последующем ослабеть. Вспомните о предшественниках нашего племени и о присутствии нам деятельного характера, избегая в будущем заслужить порицание»³⁰⁹.

Затем можно выделить представления норманнов об их превосходстве над противником в удаче и благоволении высших сил: «Вспомните скольких тысяч врагов под Серами стали победителями, находясь в наименьшем, чем сейчас, количестве. Фортуна тогда вам улыбнулась в том же, в чем и сейчас ее воля. Обретите прошлые силы: [ибо] решительно нападающим после бегства победа славу возвращает»³¹⁰; «Благосклонная фортуна предоставляет вам добычу, которую так долго разыскивали, и таким образом оберегает вас от трудов и помогает нам, чтобы мы больше не истощались в этом занятии. Узрите добычу от Бога вам подаренную! Заберите ее у тех, которые не заслуживают ее!»³¹¹; «Все мы существуем только благодаря выдающемуся подвигу

³⁰⁹ Malaterra II, 35. «Ita ne – inquit –, o fortissimi, hactenus viribus exhausti estis, ut, absque recordatione alicuius militaris laudis, in profundum putribundae defectionis submersi, ulterius respirare nequeatis. Recordamini antecessorum, sed et gentis nostrae, nostraeque hactenus habitatae strenuitatis preconizatae, devitantes notas futuri vituperii».

³¹⁰ Malaterra II, 35. «Recordamini quot milia hostium apud Ceramum pauciores, quam nunc debellatores exstinxistis. Fortuna tunc vobis arridens ab eodem, quo et nunc adhuc regitur. Resumeite pristinas vires: victoria post fugam fortiter agentibus laudis reparatio est».

³¹¹ Malaterra II, 41. «Fortunam vobis favens, praedam, quam longius quaerere disposueratis, labori vestro parcens, ultro vobis obviam, ne plus in conficiendo itinere fatigemini, adducit. Ecce praeda a Deo nobis concessa! Auferte iis, qui ea indigni sunt!».

Христа, который, не боясь креста своего, разве не претерпел страдания за нас? Наш Бог – Бог богов – всемогущим является: от самого во всякого, хотя и на Бога не полагающегося, человека уверенность вселяет и облекает его плотью руку свою. Все царства земные есть от нашего Бога, и тех, кого пожелает, ими сам наделяет»³¹²; «Ибо нельзя сомневаться в том, что совершенно очевидно: Бог нам предшествует, перед его ликом нам нельзя мешкать. Ведь Геден, не сомневаясь в божьей помощи, в меньшинстве многие тысячи врагов в бегство обращал»³¹³.

Наконец, речи позволяют сказать, что норманны считали противника неспособным проявить те качества, которыми обладали только сами норманны: «Не бойтесь многочисленности тех [арабов], кто однажды уже были вами побеждены. Ибо если правитель сменится, то не только его же народа, качеств, но даже его религии все прочие станут придерживаться. Наш Бог неизменный есть, и если его ожиданий в безупречной верности нашей не обманем, то и его желание даровать нам победы останется неизменным»³¹⁴; «Это племя [арабы] против Бога восстало, а те люди, правление которых не от Бога, вскоре власть утратят. По тем, которые своей доблестью кичатся, через нас Бог наносит свой удар»³¹⁵; «Пусть вас не пугает грохот, [производимый] множеством врагом [византийцев], [ведь это только] незнатная и невоинственная, хотя и многочисленная, чернь; но ободряет приобретение таким образом в наследство роскошных и изобильных вражеских полей»³¹⁶.

Теперь обратимся к анализу трех речей, приведенных у Вильгельма Апулийского. В первой речи, с которой Роберт Гвискар обращается к своим воинам, находим следующие слова: «Мужи, ваша доблесть в различных трудах испытана // И или прославлена, или же станет достойной прославления

³¹² Malaterra II, 23. «Omnes Christi titulo insigniti sumus: qui non deseret signaculum suum, nisi offensus? Deus noster, Deus deorum, omnipotens est: et ab ipso omnis quidem, de Deo diffidens, confidit in homine, et ponit carnem brachium suum. Omnia regna mundi Dei nostri sunt, et, quibus volet, ipse impartietur».

³¹³ Malaterra II, 23. «Nam neque honestum est dubitari, quod certum est, Deo nos praecedente, ante faciem nostram non posse subsistere: Gedeon, quia de Dei auxilio non dubitavit, in paucis multa millia hostium stravit».

³¹⁴ Malaterra II, 41. «Ne exhorrescatis jamdudum multotiensque a vobis devictos. Si ducem mutaverunt, eiusdem nationis, qualitatibus, sed et religionis est, cuius et caeteri sunt. Deus autem noster immutabilis est; et, si a nobis non mutatur integritas fidelis spei, nec ab ipso mutabitur sententia triumphalis auxilii».

³¹⁵ Malaterra II, 23. «Gens ista Deo rebellis est, et vires, quae a Deo non reguntur, citius exhauriuntur. Ipsi in virtute sua gloriantur; nos autem de Dei praesidio securi sumus».

³¹⁶ Malaterra III, 24. «Non vos deterreat ignobilis vulgi et imbecillis, quamvis numerosae, multitudinis strepitus hostium; sed adhortetur species et foecundatis hostilis adipiscendi haereditatiter agri».

в будущем»³¹⁷. При сравнении этого отрывка с речами, приведенными у Малатерры, можно уловить сходство в том, к каким качествам обращается норманнский предводитель, обращаясь к своим воинам. Затем вождь норманнов обращается к теме покровительства высших сил норманнам: «Но если [сегодня наступать] откажитесь, то завтра, собравшись с силами, // он ожесточенно сопротивляться будет. Пока видите подходящее время, // Поспешите! Этот город, который так трудно захватить, будет взят, по милости Христа, // С которым все трудные предприятия становятся легкими. // Доверясь такому вождю, положите конец войне, // А также давайте все вместе поспешим на город напасть»³¹⁸. При этом здесь не прямо, а иносказательно говорится о фортуне, прихотливости военного счастья (Но если [сегодня наступать] откажитесь, то завтра, собравшись с силами, он ожесточенно сопротивляться будет) и есть указание на поддержку свыше. Наконец, легко можно обнаружить сходство в оценке врага, как недостойного стяжать победу в войне с норманнами: «Этот враждебный Богу город [Палермо], неведующий божественного почитания, // Поклоняется демонам, которые потеряли их древнюю жизненную силу, // Уже как бессильный трепещет. Как только увидит ваше мощное наступление, // Даже не отважится подумать о сопротивлении»³¹⁹.

В отличие от Малатерры, Вильгельм Апулийский интересуется мнением противоположной стороны и приводит речь византийского полководца, с которой тот обращается к своим воинам, чтобы воодушевить их на битву с норманнами: «Мужи, пусть ваше благоразумие мужественным // Уговором скрепив, не позволит вам иметь // Женское сердце! Откуда такое малодушие, // Которое заставляет вас всегда искать бегства?»³²⁰; «Я молю вас, стойте крепко, как помнящие о доблести ваших предков, // А не как вырождающиеся, которые всю надежду возложили на свои ноги. // У врага отнимет силы тот, кто мужественно противостоят отважится. // Стремитесь идти по следам предков. // Ибо уже не может удовлетворить вас бегство, когда уже весь мир почувствовал

³¹⁷ Guil. III, 284—285. «Virtus vestra, viri, varias experta labores // Vel modo laudis, ait, vel erit modo digna repulsae».

³¹⁸ Guil. III, 284—295. «At si deficitis, cras viribus haec reparatis // Acrius obstandit. Dum tempus adesse videtis, // Currite! Dura capi, Christo miserante, patebit. // Difficilem quemvis facilem facit ipse laborem. // Hoc duce confisi, bellis imponite finem, // Ataque invadendam cuncti properemus ad urbem».

³¹⁹ Guil. III, 286—289. «Urbs inimica Deo, divini nescia cultus, // Subdita daemonibus, veteri spoliata vigore, // Jam quasi fracta tremit. Si vos instare potenter // Viderit, obstandi nullos meditabitur ausus».

³²⁰ Guil. I, 359—359. «Prudentia vestra virili // Conditione vigens, non vos permittat habere // Cor muliebri, viri! Quae vos ignavia semper // Cogit inire fugam?».

на себе // Насколько сильными мужами вы являетесь»³²¹. Здесь византийский полководец пытается призвать своих воинов стать достойными победы: отрешиться от трусости и стать отважными. Для обоснования своих слов он обращается к историческому прошлому, чтобы напомнить воинам, что они были когда-то победителями и что им сопутствовало военное счастье: «Вспомните о своих предках, // Которые были настолько деятельны, что покорили себе весь мир. // Гектор был поражен оружием могущественного Ахилла. // Пала Троя, сожженная огнем ярости Мекен. // Индия узнала на себе, насколько велика была жизненная сила Филиппа. // Разве не подчинил его сын Александр себе сильнейшие королевства Пеласгов? // А слава греков в Западных краях // Заполнила ужасом весь мир. // Какой народ, услышав имя греков, // отважился бы встретиться с ними на поле сражения? Когда едва мог защитить свои замки, крепости или города // От силы его противников»³²². Наконец, византиец прибегает к оценке противостоящего им врага: «И не страшен [нам] в войне народ Франков, // Который не сравнится [с нами] ни числом ни силами»³²³.

Приведенная у Вильгельма Апулийского третья речь отличается от всех предыдущих тем, что произносится не полководцем, призывающим своих воинов победить в предстоящей битве, а женой Роберта Гвискара Сигельгаитой, которая причитает над телом умирающего мужа. Эта речь напрямую относится к победам и поражениям, ибо в ней содержится печаль об утрате защитника, предчувствуется грядущее поражение и безвозвратно гибнет с ним все, что могло привести норманнов и лангобардов к победе: «Только ты был славой, // Надеждой и силой, одним своим присутствием // Был способен нас защитить даже так далеко от дома. В твоём присутствии // Ни один из твоего народа не боялся твоих врагов; никто не боялся их нападений. // И не имело значения сколь велико количество войск // С противоположной стороны в сражении, ты воодушевлял их // И они бесстрашно шли в бой, видя, // Что никакая земная сила неспособна была противостоять тебе... ..Ты был отвагой нашего народа, //

³²¹ Guil. I, 371—376. «State, precor, validi, memores virtutis avitae, // Degeneresque pedum non vos fiducia reddat. // Hosti admittit vires, qui stare viriliter audet. // Procurate sequi vestigia prima parentum. // Jam fuga displiceat; totus vos sentiat orbis fortes esse viros».

³²² Guil. I, 359—370. «Memes estote priorum // Quorum sirenitas totum sibi subdidit orbern. // Hector Achilleis fortissimus occidit armis. // Troia Michaeleni ruit ignibus usta furoris. // Philippi quantus fuerit vigor, India novit; // Huius Alexander proles fortissima, nonne // Fortia multorum subiecit regna Pelasgis? // Partibus occiduis Graecorum fama timori // Omnibus et mundi regionibus esse solebat. // Quae gens audito Graecorum nomine stare // Audebat campo? Vix opida, castra, vel urbes // Reddebant tutos ab eorum viribus hostes».

³²³ Guil. I, 376—377. «Non est ad bella timendus Francorum populus, // Numeroque et viribus impar».

А без тебя наш народ не может быть отважным»³²⁴. Во-вторых, это утрата «фортуны», место которой занимает другая высшая сила – смерть: «Нечестивая смерть, насколько человеку гибель пророчат, // Настолько пощаду вымаливаю; и если она к молитвам снизойти откажется, // То по крайней мере надеюсь на то, что пока нас назад к нашим отведет, [не умрет]. // Только когда нас в безопасное место доставит, тогда пусть свою смерть встретит. // О я несчастная! Напрасно умоляю об этом, бесполезно умолять // Когда еще никогда и никому смерть не давала пощады»³²⁵. В-третьих, изменяется оценка противника, который из недостойного победы превращается в превосходящего и грозного врага: «... Куда // Я такая несчастная пойду? Разве не станут греки, // Узнав о твоей смерти, теперь преследовать меня, твоего сына, // И твой народ»³²⁶, «Твой сын, твоя жена и твой народ окружены волками // И никогда не спасутся без тебя»³²⁷; «Теперь кто угодно сможет превзойти бездеятельную чернь»³²⁸.

Не менее интересно было бы рассмотреть конкретное содержание ценностей в приведенных выше речах. В каждой из четырех приведенных у Малатерры речей вожди норманнов пытаются внушить своим рыцарям идею об их превосходстве, которое дает им право на победу. Само обращение в превосходной степени — «сильнейшие», «знатнейшие» — указывает на краеугольные камни этого превосходства в «силе» и «знатности». Не случайно норманнские предводители просят вспомнить о «знатных предшественниках» или называют их «достойными наследниками чести своих предшественников», тем самым стремясь подчеркнуть преемственность традиций. Напоминают о «до сих пор присущем им деятельном характере», который является, по мнению Малатерры, главным достоинством норманнов. Наконец, в связи с вышеизложенным вожди норманнов обращают внимание на «славу», которую дает победа, и на стремление избежать порицания в будущем. Таким образом, предводители норманнов призывают помнить о чести норманнов, которая

³²⁴ Guil. V, 304—315. «... tu gloria solus, // Spes et robur eras, tua quos praesentia fovit; // Extremis positus quia te praesente tuorum // Hostis nemo minas, congressus nemo timebat, // Pluribus et quamvis acies adversa catervis // Obsita non paucis, tua quos animatio tutos // Fecerat, audebant committere bella, nec umquam // Te viso potuit mundana resistere virtus... Te quia, qui populi fueras audacia nostri, // Amisso populus non audax esse valebit».

³²⁵ Guil. V, 317—322. «Impia mors, homini, quo tot pereunte perhibuit, // Parce precor, precibus quae cumdescendere nescis, // Exspecta saltim dum nos ad nostra reducat, // Ut locus excipiat nos post sua funera tutus. // Ah miseram! Frustra precor hanc, ingrata precanti // Cum semper fuerit nullique pepercerit umquam».

³²⁶ Guil. V, 301—304. «... quo // Infelix potero discedere? Nonne Pelasgi // Audita me morte tui natumque tuumque // Invadent populum».

³²⁷ Guil. V, 312—313. «Filius ecce lupis sinitur ropiendus et uxor, // Et populus, numquam sine te securus habendus».

³²⁸ Guil. V, 316. «Quodlibet ignavum poterit praecellere vulgus».

обеспечивает им превосходство над всеми прочими и складывается из превосходства в силе, славе, знатном происхождении и деятельном характере.

У Вильгельма Апулийского речь идет о некоем общем понятии, выражающем рыцарское достоинство в одном слове — доблести норманнов, которая либо уже испытана и прославлена в различных испытаниях, либо станет достойной прославления в будущем. Роберт Гвискар в речи Сигельгаиты изображается воплощением всех рыцарских достоинств: отваги, славы, силы, воодушевляющего на битву защитника и надежды своего народа. Даже в речи византийского полководца можно встретить те же ценности, которые входят в представление о рыцарском достоинстве: отвага, деятельный характер, сила, слава, которые все вместе составляют доблесть предков византийцев.

Таким образом, во всех разобранных нами речах, которые встречаются и у Малатерры и у Вильгельма, можно выделить примерно общие представления о тех ценностях, которые составляют понятие рыцарского достоинства. Насколько сильно различаются трактовки высшей силы в речах, приведенных у Малатерры и Вильгельма Апулийского?

У Малатерры превосходство норманнов над противником основывается на их вере в Бога и Фортуну. Бог представлен в речах как феодальный сеньор, который является для своих верных вассалов источником всех благ. В приведенных речах излагается концепция Бога-творца, благодаря которому существует все в мире, Бога-правителя, «всемогущего Бога Богов», который распределяет власть среди своих «верных», Бога-воина, который ведет «верных» в бой против «восставшего племени», которое держит власть не от Бога и поэтому скоро ее утратит. Помимо этого Бог норманнов «неизменный есть», неизменный в желании и впредь даровать норманнам победы над их врагами, если они будут хранить ему верность.

Фортуна в противоположность «неизменному» Богу весьма изменчива и непостоянна. В одном месте Малатерра говорит: «Так вертится фортуна, сначала заигрывает с людьми удачными успехами, предыдущими успехами обольщенные в результате обманутые [таким образом над ними] смеется»³²⁹. Хотя норманны это прекрасно осознавали, но все равно они свято верили в то, что фортуна им благоприятствует, а вернее их предводителю. Основа этой веры зиждилась на воспоминаниях о прежних триумфах, когда «фортуна улыбнулась» норманнам, и это являлось залогом последующих побед. «Вспомните скольких тысяч врагов под Серами в наименьшем количестве,

³²⁹ Malaterra III, 9.

чем сейчас победителями стали. Фортуна тогда вам улыбнулась в том же, в чем и сейчас ее воля»: восклицает граф Рожер. Вера в Фортуну была тесно связана с верой рыцарей в своего предводителя, который, чтобы уничтожить малейшие сомнения, должен был раз за разом доказывать на поле боя, что фортуна по-прежнему благоволит ему. Вероятно, упоминание о фортуне пробуждало в душах норманнов азарт игроков, острое желание испытать удачу в игре, в которой ставкой была их собственная жизнь.

Образ Бога в речах Вильгельма Апулийского практически совпадает с образом, отраженным в речах у Малатерры. При штурме Палермо он является «вождем» норманнов и помогает одержать победу над мусульманами. Однако в отличие от Малатерры у Вильгельма Апулийского (о чем уже упоминалось выше) фортуна предстает в крайне завуалированном виде. Из этого следует, что Вильгельм Апулийский был склонен придавать меньшее значение фортуне как таковой, хотя и не мог игнорировать ее совершенно, и совсем не был склонен ставить Бога и фортуну в один ряд, как это делает Малатерра.

Главным преимуществом врага является его «многочисленность» в противопоставлении с «немногочисленными» норманнами. Но отнюдь не «многочисленность» является залогом победы для норманнов, а в первую очередь их религиозные и рыцарские ценности, которые либо совершенно отсутствуют у врага, либо присутствуют не полностью. Хотя мусульмане, которые «кичались своей доблестью», и являются в глазах норманнов рыцарями, в отличие от норманнских рыцарей, они «племя, восставшее против Бога». В глазах норманнов это обстоятельство лишало мусульман силы противостоять им, сохранившим «верность» Богу и вследствие этого получившим право на победу. Поскольку «враждебный Богу» город Палермо «не ведает почитания божественного, а поклоняется демонам, которые потеряли свою жизненную силу», то при приближении норманнов уже «бессильный трепещет».

Проанализированные отрывки дают набор качеств, который с точки зрения норманнских авторов определяет характер норманнского народа.

Сила (*fors, robur*), которая упоминается в тексте речей шесть раз.

Знатность (*nobilitas*) и неразрывно связанная с ней в сознании людей средневековья славность (*laus, gloria*). Эти качества упоминаются в речах восемь раз.

Отвага (*audacia, virtus*), о которой прямо говорится в речах три раза, а косвенно до пяти раз. Хотя в речах, приведенных у Малатерры, нигде прямо не упоминается отвага или доблесть, тем не менее он мотивирует произнесение речей норманнскими вождями тем, что они старались изгнать из своих вои-

нов «обычный страх» перед многочисленностью врагов³³⁰, или «чтобы отважнее стали те, кто уже был [отважен]»³³¹.

Деятельный характер (*strenuitas*), который упоминается в речах четыре раза. При этом у Вильгельма Апулийского о деятельном характере норманнов косвенно говорится дважды: во-первых, когда говорится об «испытанной в различных трудах» доблести, а во-вторых, когда вслед за смертью Роберта Гвискара его войско превращается в «бездеятельную чернь».

Нахождение под покровительством *фортуны* и «самого могущественного Бога». Это качественное состояние норманнов восемь раз упоминается в тексте.

Ответственность перед грядущими поколениями только однажды упоминается в одной из речей у Малатерры, когда норманнский вождь призывает своих воинов «избежать порицания в будущем». Однако с этим качеством мы сталкиваемся у Малатерры еще раз. В одной из стычек с арабами, когда норманны обратились в бегство, граф Рожер, «полный возмущения и гнева, беспрестанными криками пытался вызвать своих [воинов] с горы, на которую те взобрались, чтобы они поспешили с ним отомстить врагу. Но все было напрасно до тех пор, пока он сам не взобрался на Турону [гора, на которой засели норманны], и называя некоторых по имени, говорил, что никогда себе в последующем этого не простят»³³². Ордрик Виталий в предсмертной речи Роберта Гвискара приводит следующие слова: «Плоды моего труда однажды появятся, и наша великая доблесть будет воодушевлять наших потомков»³³³.

Именно эти качества отличали норманнов от их врагов: византийцев, лангобардов и мусульман. Врагов бессильных³³⁴, незнатных, невоинственных,

³³⁰ Malaterra III, 33. «... suos solito formidolosiores prae nimia multitudine hostium, quam exhorerebant, videntes, talibus exhortationibus timorem ex ipsis excutere nitebantur ...».

³³¹ Malaterra I, 16. «... ut audaciores redderet, jam quis esset ...».

³³² Malaterra II, 35. «indignatione et ira repletus, ut secum de hostibus ultionem expetant, suos immensis clamoribus a monte, quem conscenderant, incassum revocare nititur, donec ipsemet, Turonem ascendens et suos quemque nomine vocans, ne se posterum fuisse excusarent».

³³³ «...et fructus laboris quandoque manifestabitur, incitamentum tantae probitatis utiliter prosteris nostris propinabitur». (Ordericus Vitalis. *Histria Ecclesiastica*. Ed. J. Marx. P., 1914. VII, 7).

³³⁴ Guil. III, 288—289. «[мусульманский Палермо] Уже как бесильный трепещет. Как только увидит ваше мощное наступление, // Даже не отважится подумать о сопротивлении».

«Jam quasi fracta tremit. Si vos instare potenter // Viderit, obstandi nullos meditabitur ausus».

«Уже как бесильный трепещет. Как только увидит ваше мощное наступление, // Даже не отважится подумать о сопротивлении».

трусливых³³⁵, бездеятельных, забывших о славе своих отцов, не верящих в Христа или не пользующихся покровительством Бога.

Было бы заманчиво представить качества норманнов, на которые указывают авторы, как набор императивных ценностей, общепринятых в XI в. для сообщества норманнов-завоевателей Южной Италии. Однако главная задача итало-норманнских авторов конца XI в. Гауфреда Малатерры и Вильгельма Апулийского состояла в том, чтобы показать то, как норманны ценой упорного труда и многочисленных побед из безвестных и нищих наемников превратились в богатейших, славнейших и законных правителей Южной Италии и Сицилии³³⁶. Принимая во внимание эти задачи и время составления текстов (когда вся Южная Италия и Сицилия уже находились под властью норманнов) можно предположить, что в речах, приписываемых авторами норманнским предводителям мы можем найти набор ценностей первого порядка, за которые норманнские рыцари готовы были отдать свою жизнь. Который с точки зрения норманнов был присущ их славным отцам и дедам – завоевателям Нормандии и Южной Италии. И что этот набор ценностей оказывал влияние на формирование ценностного идеала южноиталийских норманнов, но возможно не исчерпывался им.

2.5. КАННИБАЛИЗМ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА — НОРМАННСКИЙ ТРЮК?

Каннибализм в Первом крестовом походе изначально порождал сомнения и противоречия в стане исследователей. Если ученые XIX в. (А. Пари, Г. Хагенмайер) видели необходимость в сборе материала по данной проблеме, то крупные историки XX в. (Кл. Каэн, К.М. Сеттон, С. Рансимен) предпочли обойти ее молчанием³³⁷. Очевидно, что причины подобного отношения находятся в этическом поле. Первый крестовый поход представляет собой уникальное историческое явление и едва ли какие-либо вопросы при его рассмотрении могут быть признаны второстепенными.

³³⁵ Буквально «имеющим женские сердца», полагающихся в битве только на свои ноги.

³³⁶ Wolf K.B. *Making History. The Normans and their historians in eleventh-century Italy*. Philadelphia, 1995. P. 173.

³³⁷ Sumberg L.A. *The Tafurs and the First Crusade* // *Mediaeval Studies*. 1959. V. 21. 1. P. 224.

С середины XX в. исследователи предпринимали попытки «реабилитировать» тему. Л.А. Самберг и М. Роше³³⁸ сконцентрировали свое внимание на «тафурах», которых устная традиция, увековеченная в «Песне об Антиохии», «Пленниках», «Взятие Иерусалима» признавала ответственными за акты канныализма. Работа Л.А. Самберга содержит богатый фактический материал о случаях канныализма среди крестоносцев во время осады Антиохии. Он также установил принадлежность «тафуров» к бедняцким массам Первого крестового похода и их связь с Петром Пустынником. Вывод М. Роше о том, что канныализм тафуров был вызван некими ритуальными или магическими действиями, был оспорен Ж. Флори³³⁹.

Многие хронисты Первого крестового похода сообщали о случаях канныализма среди крестоносцев в ал-Маарре³⁴⁰. Из всех авторов только Гвиберт Ножанский (сам он не принимал участия в походе и в своей работе руководствовался слухами) говорит о канныализме «тафуров»³⁴¹. Л.А. Самберг считает, что Гвиберт Ножанский находился под влиянием современной ему устной традиции³⁴². В полупоэтическом эпосе «Шансон де жест» им отводится роль канныалов, которые по совету Петра Пустынника сознательно выбирают этот путь. В то же время предводители крестоносцев с опаской относятся к «тафурам» и снимают с себя всякую ответственность за их деяния.

Имеются свидетельства об актах канныализма в Антиохии до прихода крестоносцев в ал-Маару. Любопытно, что в первую очередь сообщают об этом византийские³⁴³ и мусульманские авторы (Ибн ал-Асир, Камал-ад-Дин,

³³⁸ Rouche M. Cannibalisme sacré chez les croisés populaires // *La religion populaire: aspects du christianisme populaire à travers l'histoire* / éd. Y. M. Hilaire. Lille: Université de Lille III, 1981. P. 29—41.

³³⁹ Флори Ж. Бозмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. СПб., 2013. С. 286.

³⁴⁰ *Histoire anonyme de la première croisade* / texte établi et traduit par L. Brehier. P., 1924. P. 178; Radulfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolymitana* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1854. T. 155. P. 553; Fulcheri Carnotensis *Historia Hierosolymitana*: 1095—1127 / hrsg von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. P. 266—267; Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana*. *History of the Journey to Jerusalem* / ed. and trans. by Susan B. Edgington. Clarendon, 2007. P. 374; Raimundi de Aguilers canonici Podiensis *historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1866. T. III. P. 271.

³⁴¹ Guiberti abbatе monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1879. T. IV. P. 242.

³⁴² Sumberg L.A. *The Tafurs and the First Crusade* ... P. 242.

³⁴³ Анна Комнина Алексиада. С. 311—312

ал-Каланиси)³⁴⁴. В то же время Анна Комина говорит, что Петра Пустынника в Малой Азии сопровождали десять тысяч норманнов, которые, «отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили на огне»³⁴⁵. В письме к папе Пасхалию II от сентября 1099 г. предводители крестового похода признаются, что в Антиохии испытывали жесточайший голод и «едва» удерживались от поедания человеческого мяса³⁴⁶. В «Шансон де жест» «тафуры» именно под стенами Антиохии предпочитают питаться мясом убитых «турок».

В какой степени данные сведения соответствуют действительности? Почему латинские хронисты молчат о каннибализме в Антиохии? Очевидно, что факты, связанные с осадой и взятием ал-Маары были хорошо известны современникам и их было бессмысленно отрицать. Непосредственный участник событий — анонимный норманнский рыцарь очень сухо говорит о том, что некоторые нуждающиеся крестоносцы вспарывали животы мертвых в поисках золотых монет, а другие рубили их мясо и готовили из него еду³⁴⁷. Т. Асбридж предполагает, что описание зверства крестоносцев в ал-Мааре являлось отражением подобных действий мусульман в отношении христианских паломников, которые осуждал папа Урбан II во время своего выступления в Клермоне³⁴⁸.

Другой очевидец Раймунд Ажилский сообщает о том, что события в ал-Мааре произвели сильное впечатление на «своих и чужих». Многие крестоносцы разочаровались в идее крестового похода. «Сарадины же и турки» говорили о невозможности противостояния столь «жестокому» народу, который способен выдерживать такие злоключения и к тому же питается человеческим мясом. Завершая этот отрывок, Раймунд провозглашает, что Бог внушил страх всем народам перед крестоносцами, которого они сами не ведали³⁴⁹.

Норманны играли ведущую роль в Первом крестовом походе. Они стояли во главе, так как из восьми предводителей этого предприятия четверо были норманнами, а пятый — Стефан Блуасский был женат на дочери Вильгельма

³⁴⁴ Sumberg L.A. The Tafsurs and the First Crusade... P. 242; Heng G. Cannibalism, the First Crusade, and the Genesis of Medieval Romance // Differences. 1998. Vol. 10, no. 1. P. 104.

³⁴⁵ Анна Комнина. Алексиада. С. 277.

³⁴⁶ Heng G. Cannibalism, the First Crusade ... P. 105.

³⁴⁷ Histoire anonyme. P. 178

³⁴⁸ Asbridge T. The First Crusade : A New History. Sydney, 2012. P. 98.

³⁴⁹ Raimundi de Aguilers. P. 271.

Завоевателя³⁵⁰. Если о норманнском происхождении Роберта Коротконового и Боэмунда хорошо известно, то мало кто знает, что Готфрид Бульонский и его брат Балдуин были сыновьями норманнского графа Евстахия II, который принял деятельное участие в завоевании Англии. По версии Гвиберта Ножанского, некий безымянный норманнский рыцарь стал во главе «тафуров»³⁵¹. Дж. Франс считает, что захват Антиохии стал последним норманнским завоеванием в истории.

В отличие от норманнов из Нормандии и Англии, норманны из Южной Италии возглавляемые Боэмундом имели больше знаний и опыта для успешных действий на Востоке. Боэмунд имел грозную репутацию врага византийского императора Алексея Комнина в глазах жителей Малой Азии. Итальянские норманны полностью сохраняли свою идентичность, которая находила выражение в сознании собственного превосходства и в связях (культурно-исторических, родственных) с Нормандией.

Вильгельм Тирский передает историю о том, как во время осады Антиохии лагерь крестоносцев наводнили шпионы, посланные правителями государств Востока с целью сбора информации. Их было трудно выявить, так как они мало отличались по внешности, обычаям и языку от «греков, сирийцев, армян», которые занимались торговлей и снабжали всем необходимым армию пилигримов. Только «проницательный» Боэмунд «с Божьей помощью» сумел найти «лекарство» от этой болезни. Он приказал убить несколько пленных «турок», развести большой огонь и жарить на них мясо для ужина, а всем остальным говорить во время этой процедуры, что предводители постановили поступать подобным образом со всеми пойманными врагами и шпионами.

«Удивляясь новизне» происходящего в лагере Боэмунда и не подозревая обмана, согладатаи в страхе бежали к своим правителям с докладом о том, что этот народ по жестокости превосходит все иные и даже диких зверей, что ему недостаточно одержать вверх и пленить своего врага, он стремится убить и наполнить его плотью живот. Таким образом Боэмунд, по мнению Вильгельма, не только очистил лагерь крестоносцев от лазутчиков, но «новизной и свирепостью» своего поступка устранил как жителей Антиохии, так и народы всего Востока³⁵².

³⁵⁰ Painter S. *Western Europe on the Eve of the Crusades // A history of the Crusades. The first hundred years* / ed. K.M. Setton and M.W. Balduwin. Vol. 1. Philadelphia, 1969. P. 21.

³⁵¹ Guiberti. P. 242

³⁵² Guillaumus Tyrenus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1855. P. 323—324.

В данном сообщении Вильгельма Тирского, как и Раймунда Ажилльского, привлекает внимание использование акта антропофагии как радикального средства устрашения врагов. Память о бесчеловечной жестокости «франков» была жива в мусульманской традиции XIII в. не только в исторических сочинениях Ибн ал-Асира, но и в турецком эпосе «Данышмендنامه»³⁵³.

О подобной уловке другого норманнского предводителя Рожера де Тосни в Испании сообщает Адемар Шабанский. При первом появлении на Иберийском полуострове Рожер поймал неких мусульман. Одного «сарацина» на глазах у других он разделал «как свинью» и на огне приготовил из него угощение для остальных, а сам со своими людьми сделал вид, что отправляется в другой дом доедать оставшееся мясо. Последнему он дал возможность сбежать, чтобы тот сообщил другим все, что увидел. Этим поступком Рожер настолько «устрашил» мусульман, что они согласились заключить мир с графиней Барселоны Эрмеседой и обязались выплачивать ежегодную дань³⁵⁴.

Похожие сюжеты встречаются в латинской традиции, повествующей о других завоевателях Евразии – монголах³⁵⁵. В донесении монаха-францисканца Иоанна де Плано Карпини сообщается о том, что при осаде китайской столицы Чингис-хан приказал съедать каждого десятого в своем войске. А.Г. Юрченко полагает, что данный эпизод не следует рассматривать как влияние «литературной традиции, которая описывает неведомые культуры в категориях «свое – чужое»», но поскольку речь идет об императоре (Чингис-хане) и его войске, за основу для анализа необходимо брать соотношение «реальное – ирреальное»³⁵⁶.

Исследователь приходит к выводу о том, что брат Иоанн ничего не выдумывал при составлении донесений и использовал источник восточного происхождения («Роман о Чингис-хане»), автор которого мог исказить реальную картину³⁵⁷. При этом А.Г. Юрченко отмечает, что Иоанн был чрезвычайно восхищен «удивительной властью великого хана, основанной на десятиричном устройстве армии и общества»³⁵⁸, в то время как на Западе папа и императоры не могли мечтать ни о чем подобном.

³⁵³ Mélikoff Irène. La geste de Melik Dānišmend. Étude critique du Dānišmendnāme. P., 1960. Vol. II. P. 135.

³⁵⁴ Ademar S. Cibardi monachus. Historiarum libri tres // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed.

J.P. Migne. P., 1853. T. 141. P. 66—67.

³⁵⁵ Юрченко А.Г. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингис-хана. Praha, 2000. С. 157.

³⁵⁶ Там же. С. 160.

³⁵⁷ Там же. С. 169.

³⁵⁸ Там же.

В заключение автор рассматривает исторические случаи каннибализма в армии монголов, которые могли послужить основой событий «Романа о Чингис-хане». При этом он отказывается рассматривать античную традицию в качестве таковой для написания донесений монаха-францисканца: описание Геродотом похода персидского царя Камбиса против эфиопов, во время которого оголодавшие воины по жребию убивали и съедали каждого десятого³⁵⁹.

«Каннибализм» норманнов не был вызван нуждой, голодом или жаждой мести. В первую очередь, это трюк, уловка, с помощью которой предводители норманнов стремились достигнуть определенной цели: устрашить и деморализовать противника. Таким образом они не переступают границ запретного и не теряют человеческого облика в глазах Адемара Шабанского и Вильгельма Тирского. В то же время ни один из упомянутых авторов не испытывает восхищения перед выдумкой норманнов, но только они оба ограничиваются констатацией того факта, что поставленная цель была достигнута.

Ни один из авторов не дает указания на возможный источник заимствования подобного сюжета. Адемар Шабанский сравнивает действия Рожера в Испании с древнегреческим мифом о Фиесте. Очевидно, что ключ к пониманию данных отрывков следует искать в норманнской традиции.

2.6. АНТРОПОНИМ «MALACORONA» В ЛАТИНСКИХ ХРОНИКАХ XII В.

Очень непростой труд ученых — медиевистов и переводчиков требует огромного внимания и точности в деталях, на которых основывается наше понимание средневековых текстов и каждого конкретного периода истории в целом. Немало внимания уделяют исследователи хронике анонимного автора³⁶⁰

³⁵⁹ Там же. С. 171.

³⁶⁰ О личности автора «Деяний франков» ничего, кроме догадок исследователей, не известно. По устоявшейся историографической традиции принято считать, что анонимный автор или Аноним являлся непосредственным участником первого крестового похода, южноиталийским норманнским рыцарем невысокого ранга, который последовательно служил Боэмунду, а затем перешел под знамена Раймонда Сент-Жильского. (Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий: учеб.-метод. Пособие / Т.Г. Мякинин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. Новосибирск, 2010. С. 110–116).

«О деяниях франков и других Иерусалимцев» (созданной не позднее 1101 г.)³⁶¹, которая по праву считается основным источником по истории Первого крестового похода. Данная хроника неоднократно издавалась³⁶² и полностью переводилась на европейские языки³⁶³. Вопросы источниковедческого характера и идеологического содержания «Деяний франков» подробно рассмотрены в литературе³⁶⁴.

«Malasogona» было именем или прозвищем одного из «сержантов» Боэмунда Тарентского, которого в деле под Антиохией, по словам Анонима, он приказал позвать к себе, чтобы через него оповестить крестоносцев о походе в «земли сарацин»³⁶⁵. Другие авторы Первого крестового похода не добавляют ничего нового к свидетельству Анонима. «Человек большой культуры, поэт и историк»³⁶⁶ Бальдерик Бургейльский (ок. 1050 – 1130), автор «Иерусалим-

³⁶¹ Деяния франков. С. 113.

³⁶² *Gesta Dei per Francos, sive, Orientalium expeditionum et regni Francorum Hierosolomitani historia* / ed. J. Bongars. — Hannoveriae, 1611; *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum mit Erläuterungen* / hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg C. Winter 1890; *Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* Ed. Beatrice Adelaide Lees. Clarendon Press, 1924.

³⁶³ *Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier*. P., 1924.; *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum: The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem*. Ed. and trans. R. Hill. London: T. Nelson, 1962; *Le Gesta dei Franchi e degli altri pellegrini gerosolymitani* / A cura di L. Russo. Alessandria, 2003; Nirmal Dass. *The Deeds of the Franks and Other Jerusalem-Bound Pilgrims*. Lanham, Maryland, 2011

³⁶⁴ Boehm L. «Gesta Dei per Francos» – oder “Gesta Francorum”? Die Kreuzzüge als historiographisches Problem. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte* 8, 1957, S. 43–81; Skoulatos B. L’auteur anonyme des Gesta et le monde byzantin // *Byzantion*. 1980. № 50; Wolf K. B. Crusade and narrative: Bohemond and the Gesta Francorum // *Journal of medieval history*. 1991. Vol. 17. № 3; France J. The Anonymous Gesta Francorum and the Historia Francorum qui ceperunt Iherusalem of Raymond of Aguilers and the Historia de Hierosolymitano itinere of Peter Tudebode: an analysis of the textual relationship between primary sources for the first crusade // *The Crusades and their sources* / Ed. J. France, W. G. Zajac, Aldershot, Briokfield, 1998; Harari Y. N. Eyewitnessing in accounts of the first crusade: the Gesta Francorum and other contemporary narratives // *Crusades*. 2004. Vol. 3.; Flori J. Quelques aspects de la propagande anti-byzantine dans les sources occidentales de la première croisade // *Chemins d’Outre-Mer. Etudes d’histoire sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard*. P., 2004. P. 333–341; Rubenstein J. What is the Gesta Francorum, and who was Peter Tudebode? // *Revue Mabillon*. 2005. T. 77. № 16; Albu E. Probing the passions of a Norman on Crusade: the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum // *Anglo-Norman studies*, 27, 2005. P. 1–15; Carrier M. Pour en finir avec les Gesta Francorum: une réflexion historiographique sur l’état des rapports entre Grecs et Latins au début du XIIe siècle et sur l’apport nouveau d’Albert d’Aix // *Crusades*. 2008. Vol. 7. P. 22–31.; Ni Chleirigh, L. Gesta Normannorum? Normans in the latin chronicles of the First crusade. // *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts* ed. by K. J. Stringer and A. Jotischky. Farnham, 2013.

³⁶⁵ *Histoire anonyme*. VIII, 9. P. 104.

³⁶⁶ Лучицкая С.И. Образ другого. С. 33.

ской истории», добавляет только, что он не знает, за что и как вестник Боэмунда получил свое прозвище³⁶⁷. Это замечание говорит о том, что подобное прозвище просто так не давалось.

М.А. Заборов переводит термин «Malacorona», как «дурная башка»³⁶⁸. Т.Г. Мякинин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных в полном переводе «Деяний франков» дают дословный вариант: «дурная корона»³⁶⁹. К сожалению, советские и российские ученые никак не комментируют предложенные варианты перевода.

Канадский исследователь Нирмал Дасс³⁷⁰ считает, что данное имя или прозвище имело «строгий правовой смысл» и обозначало священника, который злоупотреблял своими обязанностями. В хронике Анонима речь идет о пехотинце или расстриге священнике³⁷¹.

Термин «Malacorona» он переводит как «ill – tonsured», что дословно можно перевести «плохо тонзурированный»³⁷². Н. Дасс приводит примеры, свидетельствующие о существовании подобных прозвищ в Нормандии XI в. у некоего Рожера из Кана и дяди Роберта Гранмесниля – Рауля³⁷³. Подобным образом переводит этот термин Э. Альбю: «Ill – Tonsured» и «Bad – Crown»³⁷⁴.

Дюканж в словаре латинских средневековых терминов дает определение термина «согона» как тонзура клирика³⁷⁵, который также являлся синонимом самого термина «клирик»³⁷⁶. В то же время «клириком» было принято именовать не только и не столько лиц духовного звания, но образованных мирян, которые были способны разбирать буквы и могли продемонстрировать свою начитанность, эрудицию или, другими словами, пользовались репутацией ученых людей³⁷⁷.

У Дюканжа мы находим определение термина «Malacorona», как название для «клириков», «которые злоупотребляют клирическим характером»³⁷⁸. То есть

³⁶⁷ Baldrici episcopi Dolensis, Historia Jerosolimitana. P. 55.

³⁶⁸ Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. С. 95.

³⁶⁹ Деяния франков и прочих иерусалимцев. С. 176.

³⁷⁰ Nirmal Dass. The Deeds of the Franks and Other Jerusalem-Bound Pilgrims. Lanham, 2011. 154 p.

³⁷¹ Ibid. P. 136.

³⁷² Ibid.

³⁷³ Ibid.

³⁷⁴ Albu E. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. Woodbridge: The Boydell Press, 2001. P. 166.

³⁷⁵ Ducange D. Glossarium media et infimae latinitatis. T. II. Niort, 1883. P. 572.

³⁷⁶ Ibid. P. 573.

³⁷⁷ Ibid. P. 369.

³⁷⁸ Ibid. P. 573.

какими-либо действиями подрывают свой авторитет ученого и образованного мужа. В качестве примера Дюканж ссылается на Ордерика Виталия, который следующим образом охарактеризовал представителя известного норманнского рода Рауля Монтревиля: «он был прозван клириком, за его знание букв и умения в других искусствах. Он также носил прозвище Малакорона за его пристрастие в юном возрасте к рыцарским занятиям и другим фривольностям»³⁷⁹.

Ордерик Виталий сообщает, что Рауль «настолько был сведущим в искусстве медицины и постижении глубоких тайн множества вещей, что по сей день старики с восхищением рассказывают о нем своим детям и внукам»³⁸⁰. В другом месте хронист говорит, что с раннего детства Рауль обучался в школах Франции и Италии, где он достиг совершенства не только в медицине, но и в грамматике, диалектике, астрономии и музыке. Но при своих обширных и глубоких знаниях Рауль ученому покою предпочитал воинский труд и был «славнейшим среди своих сотоварищей на поле боя и в совете». Только на склоне лет Рауль сменил блеск светской жизни на одеяние монаха и через семь лет умер в монастыре Сент-Еврол (Южная Италия) в 1061 г.³⁸¹.

Прозвище «Malacorona» носил норманнский прелат, участник Первого крестового похода и патриарх Иерусалима Арнульф де Роол³⁸². Хагенмайер считает, что его так звали потому, что по мнению Вильгельма Тирского он был «лицемерным и злым человеком»³⁸³. Однако нет прямых указаний на то, по какой причине Арнульф получил это «вульгарное» прозвище. В то же время, его ученик и автор хроники «Деяния Танкреда в Иерусалимском походе»³⁸⁴ Рауль Канский обращается в прологе к Арнульфу как к «наученейшему» «доктору», сведущему во всех свободных искусствах и «корректору» своего сочинения³⁸⁵.

³⁷⁹ Цит. по: Ducange D. Glossarium media et infimae latinitatis. T. II. Niort, 1883. P. 578. «Hic et Mala Corona vocabatur, eo quod in juventute sua militaribus exercitiis et levitatibus detinebatur».

³⁸⁰ Orderici Vitalis. Saeculum XII: Orderici Vitalis Angligenae Coenobii Uticensis Monachi: Historia Ecclesiastica // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. Migne J. P. T. 188. P., 1855. C. 240.

³⁸¹ Ibid. P. 260.

³⁸² «qui vulgo cognominatus est Malacorona». Guillaumus, Tyrensus Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. T. 201. P., 1855. P. 502.

³⁸³ Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum mit Erläuterungen hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1890. P. 300.

³⁸⁴ Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata. // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. Migne J. P. T. 155. P., 1844–1891. P. 189–590.

³⁸⁵ Ibid. P. 494.

На страницах «Деяний Танкреда» Арнульф предстает сведущим в астрономии³⁸⁶, красноречивым подобно Одиссею³⁸⁷, который с большим искусством вдохновлял крестоносцев на битвы с мусульманами. Но при этом Рауль нигде не стремится показать опытность Арнульфа в военном деле, воспеть его личную храбрость на поле боя. Безусловно, Арнульф предстает в «Деяниях» героем, равным Танкреду, но при этом таким, каким должен выглядеть идеальный духовный лидер.

Р. Форвилль³⁸⁸ сделал попытку установить смысловое содержание термина «Malacorona» через сравнение обоих носителей этого прозвища: Родульфа Монтревилля и Арнульфа де Роол в контексте определения, данного Ордериком Виталием. По его мнению, тезки среди современников пользовались репутацией высокообразованных ученых людей, но при этом Родульф получил свое прозвище за чрезмерное пристрастие к военным занятиям, что подрывало его авторитет «клирика», то есть ученого³⁸⁹. В то же время, Арнульф, хотя и был лицом духовного звания, сопровождал Роберта Норманнского в качестве капеллана и сражался с мечом в руках в битве при Аскалоне и при взятии Иерусалима³⁹⁰. Форвилль считает, что сходство этим не ограничивается, так как хотя не известно владел ли Арнульф знаниями в медицине, то по крайней мере он мог утешить умирающего крестоносца при Акке³⁹¹.

Но едва ли личное участие в сражениях могло пошатнуть авторитет Арнульфа в глазах современников по той причине, что для эпохи Средневековья и Крестовых походов принимать участие в военных кампаниях для священников было нормой жизни. Покровитель Арнульфа и брат Вильгельма Завоевателя архиепископ Кентерберрийский Одо из Байо дабы избежать пролития крови в битве при Гастингсе использовал палицу. Тем более странно было бы ожидать от потомка норманнского барона Родульфа Монтревилля стремления избегать участия в рыцарских поединках.

Вероятно, участие в военных кампаниях не могло восприниматься современниками как «злоупотребление клерикальным характером». Возможно, ответ кроется в неких чертах характера, присущих носителям данного прозвища, которые контрастировали с признанием их как ученых людей своего времени.

³⁸⁶ Ibid. P. 546.

³⁸⁷ Ibid. P. 569.

³⁸⁸ Foreville R. Un chef de la première croisade: Arnoul Malecouronne // Bulletin philologique et historique du comité des travaux historiques et scientifiques. P. 377–390, 1953–1954.

³⁸⁹ Ibid. P. 384.

³⁹⁰ Ibid. P. 385.

³⁹¹ Ibid.

В «Деяниях Танкреда» Арнульф предстает идеальным «клириком», в то же время, приходится признать, что в глазах не норманнских участников Первого крестового похода он имел скверную репутацию³⁹². В основном из-за своего легкомысленного нрава, он совершал поступки, которые оказывали пагубное влияние на его авторитет, как, например, в случае с находкой святого копья в Антиохии, или обретением святого креста в Иерусалиме.

Ордерик Виталий прямо указывает, что Родульф Монтревиль получил свое прозвище за пристрастие в юном возрасте к рыцарским занятиям и другим фривольностям (*levitatibus*), то есть за легкомысленный характер своего поведения. Вероятно, что и легкомысленное поведение Арнульфа стало причиной получения им прозвища. В связи с этим, возможным переводом термина «*Malacogona*» на русский язык может быть «Плохой клирик».

Антропоним «*Malacogona*» встречается в актовом материале норманнской Сицилии XI–XII вв. на греческом языке³⁹³. Некий Петр «*Malakourounas*» упоминается в районе Мессины под 1076–1077 гг., а также Иоанн, сын Рауля «*Malakoguna*» в том же регионе под 1149 г.³⁹⁴ Таким образом, антропоним «*Malacogona*» является объектом межкультурного взаимодействия норманнов и византийцев.

В статье М.А. Курышевой проводятся антропонимические исследования межэтнических отношений: симбиоза норманнов и византийцев³⁹⁵. Очень интересны наблюдения автора, сделанные в процессе изучения актового материала православных монастырей: отличное знание южноиталийскими норманнами греческого языка³⁹⁶, попытки норманнов сохранить латинские имена при полной ассимиляции³⁹⁷. Исследователь считает данный патроним странным и выдвигает предположение о его арабском происхождении³⁹⁸. Но скорее всего этот патроним является калькой с латинского прозвища «*Malacogona*».

³⁹² Кутлер Б. История крестовых походов. М., 2011. С. 134 Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2006. С. 115; Grousset R. L'épopée des Croisades. P., 1995. P. 44.

³⁹³ Ménager Léon-Robert. Inventaire des familles normandes et franques émigrées en Italie méridionale et en Sicile (XIe–XIIe siècles). In: Roberto il Guiscardo e il suo tempo, Atti delle prime giornate normanno-sveve (Bari, 1973), Bari, 1975. P. 279–390.

³⁹⁴ Ibid. P. 384.

³⁹⁵ Курышева, М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза // Византийский Временник. Т.65 (90). М., 2006. С. 150–162.

³⁹⁶ Там же. С. 153.

³⁹⁷ Там же. С. 154.

³⁹⁸ Там же. С. 161.

ГЛАВА 3

НОРМАННЫ В МАЛОЙ АЗИИ ПЕРЕД ПЕРВЫМ КРЕСТОВЫМ ПОХОДОМ

3.1. НОРМАННЫ И ВИЗАНТИЙЦЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ XIX–XX ВВ.

Исследования о проникновении норманнов в Малую Азию появились на рубеже XIX и XX вв. Авторство этих работ принадлежит историкам-византинистам, которые, изучив византийские источники и уяснив себе значение норманнов в истории Византийской империи, проявили интерес к норманнам. К числу первых исследователей данной темы принадлежат византинисты русской школы.

Академик В.Г. Васильевский (1838–1899) в 1874–1875 гг. в работе «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII вв.»³⁹⁹ рассматривает ряд аспектов деятельности некоторых норманнских предводителей на византийской службе. Он отмечает, что в сравнении с вождями варягов, которые прославились в Скандинавии, каждый из командиров «франко-норманнской дружины» отличался «беспредельной энергичностью и

³⁹⁹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII вв. // Труды Васильевского В.Г. СПб, 1908. Т.I. С. 177–377.

беспокойной предприимчивостью» и «все они играют видную роль в истории византийской XI в.»⁴⁰⁰.

Н.А. Скабаланович (1848–1918) считал, что «французские норманны занимали первое место в ряду иностранных наемников Византии»⁴⁰¹. «Византийцы называли их франками», — пишет он⁴⁰², и, говоря о предводителях норманнов, дает им следующую характеристику: «Эти вожди, собиравшие вокруг себя дружины смельчаков, представляют конкретные примеры той необузданности, переменчивости и своекорыстия, которыми отличались отчаянные воители, избиравшие их своими вожаками: они не рассуждали о том, за кого сражаться, заботились только о выгоде и поэтому не задумывались принимать сторону всех соперничавших между собой претендентов, или даже, помимо претендентов, сражаться на свой собственный счет и риск»⁴⁰³.

В своем фундаментальном исследовании по истории Византии академик Ф.И. Успенский (1845–1928) отмечал, что не в центре империи, а на ее восточных и западных окраинах «... возникали новые общественные организации и нарождались идеи, которым предстояло влиять на настроения и психологию общественных деятелей в средние века»⁴⁰⁴.

Таким «новым политическим элементом»⁴⁰⁵, по мнению Ф.И. Успенского, в истории были норманны, которые «... являются не только разрушительно-завоевательным народом, но вместе с тем творческим и созидательным элементом. Ряд даровитых деятелей появляется на небольшом пространстве времени, которые с замечательным искусством использовали современное политическое положение и придали небольшой группе авантюристов, начавших селиться в Южной Италии, громадное историческое значение. В занимающее нас время из южно-итальянских норманнов происходили первые политические деятели, которым принадлежала руководящая роль в Европе и в Азии»⁴⁰⁶.

Ф.И. Успенский мельком упоминает «норманнских вождей»⁴⁰⁷, которые служили императорам на восточной границе Византийской империи, но очень

⁴⁰⁰ Там же. С. 319

⁴⁰¹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. Кн. II. СПб., 2004. С. 49.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же. С. 51.

⁴⁰⁴ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 11.

⁴⁰⁵ Там же. С. 20.

⁴⁰⁶ Там же. С. 129.

⁴⁰⁷ Там же. С. 41.

обстоятельно рассматривает вопрос о роли норманнов в Первом крестовом походе. В течение двух лет крестоносцы с боями продвигались через Малую Азию, занятую тюрками-сельджуками. И все это время первыми следовали норманны во главе с Боэмундом⁴⁰⁸. Именно ему, по мнению Ф.И. Успенского, принадлежит честь победы над султаном Кылыч Арсланом в битве при Дорилее⁴⁰⁹. Боэмунд основал, как изначально и планировал, самое мощное государство крестоносцев в Азии⁴¹⁰.

Ф.И. Успенский считает, что Боэмунд в Азии следовал по пути Роллона и Роберта Гвискара: стремился «к осуществлению исторической задачи норманнского народа»⁴¹¹. Он также оценивает деятельность Боэмунда на Востоке как крайне опасную и идущую вразрез с целями движения крестоносцев и Византии⁴¹².

Более подробно вопросы, связанные с участием норманнов в Первом крестовом походе, а также отношения Боэмунда с Данышмендидами Ф.И. Успенский рассматривал в отдельных работах⁴¹³.

П.В. Безобразов (1859–1918) является автором первого в историографии автобиографического исследования, посвященного вождю Первого крестового похода – Боэмунду⁴¹⁴. П.В. Безобразов отмечает, насколько разительно отличались завоевательные походы Боэмунда от походов его отца Роберта Гвискара. Боэмунд ведет себя, в первую очередь, как «государственный человек и дипломат»⁴¹⁵ и стремится к созданию норманнского государства на Востоке. В своем стремлении покорить Византию Боэмунд ошибся только в одном: он недооценил могущество тюрков-сельджуков⁴¹⁶.

Югославский ученый русского происхождения Г.А. Острогорский (1902–1976) в обобщающей работе по истории Византийской империи⁴¹⁷ примени-

⁴⁰⁸ Там же. С. 108.

⁴⁰⁹ Там же. С. 109.

⁴¹⁰ Там же. С. 106, 116.

⁴¹¹ Там же. С. 117.

⁴¹² Там же. С. 120.

⁴¹³ Успенский Ф.И. История крестовых походов. М., 2005; Он же. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 1879. Т. XI. С. 229–268.

⁴¹⁴ Безобразов П.В. Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Т. 226. С. 37–119.

⁴¹⁵ Там же. С. 117.

⁴¹⁶ Там же. С. 118.

⁴¹⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011.

тельно к периоду XI–XII вв. часто упоминает норманнов, которые, как некогда готы во времена императора Ираклия, «представляли в византийском войске наиболее ценный элемент»⁴¹⁸ и совершенно заменили собой «старые византийские гвардейские полки»⁴¹⁹.

В качестве основной причины поражения при Манцикерте Острогорский называет «разнородную и недисциплинированную наемную армию», состоявшую из «печенегов, узов, норманнов и франков»⁴²⁰. Крайне показательным «для отношений этого времени» Острогорский считает восстание «склонного к авантюрам кондотьера» Русселя де Баллиоля, которого, впрочем, византийцы очень ценили как «хорошего воина»⁴²¹.

Острогорский называет Боэмунда «предводителем норманнов»⁴²² и считает его продолжателем политики Роберта Гвискара. Основанное норманнами Антиохийское княжество «непосредственно затрагивало жизненные интересы византийского государства», также являясь «бельмом на глазу» для тюрок-сельджуков⁴²³. На протяжении XII в. борьба за подчинение Антиохийского княжества стала основной задачей византийцев на Востоке⁴²⁴.

В 1881 г. историк, археолог, нумизмат Гюстав Шлюмберже (1844–1929) выпустил работу о двух предводителях норманнов в Малой Азии⁴²⁵. Толчком для проведения этого исследования послужило обнаружение им печатей Жерве Франкопулоса и Русселя де Баллиоля. Шлюмберже подчеркивает, что под термином «франк» во второй половине XI в. все византийские авторы подразумевали исключительно италийских норманнов⁴²⁶, основным местом приложения сил которых была Малая Азия⁴²⁷. Для Шлюмберже очевидно, что норманнские предводители на византийской службе были «достойными предшественниками Боэмунда и Танкреда»⁴²⁸.

⁴¹⁸ Там же. С. 412.

⁴¹⁹ Там же. С. 413.

⁴²⁰ Там же. С. 425.

⁴²¹ Там же. С. 429.

⁴²² Там же. С. 447.

⁴²³ Там же. С. 449.

⁴²⁴ Там же. С. 463.

⁴²⁵ Schlumberger G. Deux chefs normands des armées byzantines au XIe siècle // *Revue Historique*. 1881. XVI. P. 289–303.

⁴²⁶ Ibid. P. 290.

⁴²⁷ Ibid.

⁴²⁸ Ibid. P. 292.

Выпускник Школы хартий Фердинанд Шаландон (1875–1921) является автором фундаментального труда под названием: «Господство норманнов в Италии и Сицилии»⁴²⁹. Сопоставляя и критикуя данные источников, Шаландон написал подробную и довольно достоверную историю военного и политического возвышения норманнов в Италии и Сицилии, которая не потеряла своего научного значения до наших дней. За семь лет до этого Шаландон написал эссе о правлении Алексея I Комнина⁴³⁰, в котором подробно описал деятельность Русселя де Баллиоля в Малой Азии⁴³¹. Большую часть этой монографии составляет описание взаимоотношений Алексея Комнина с Робертом Гвискардом и Боэмундом.

В первой трети XX в. представитель Школы хартий Ш. Пти-Дютайи (1868–1947) в монографии «Феодалная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков» говорил о Нормандии, что «никакая другая область в королевстве не имела больше храбрых и беспокойных воинов. У этих потомков пиратов еще держался дух викингов с их страстью к приключениям, и герцоги с трудом удерживали их от слишком многочисленных эмиграций в те страны, где дрались: в Испанию, в Италию, на Восток»⁴³². «Везде, куда они шли, норманны приносили с собой известные навыки управления. К тому же есть указание на то, что от севера до юга Европы они старались поддерживать сношения друг с другом: они заимствовали из одного королевства в другое методы управления, которые были им открыты. Среди рыцарского общества, грубого и наивного, норманны не ограничивались тем, что раздавали добрые удары меча. Они размышляли: они уже обладали юридическим умом. Они являлись в эту эпоху народом, одаренным способностью господствовать»⁴³³.

Редактор «Ревю историк» Луи Брейе (1868–1951) издал статью «Приключения одного норманнского предводителя на Востоке»⁴³⁴. В отличие от Шлюмберже, Брейе более подробно и пристрастно рассматривает карьеру Русселя де Баллиоля. Брейе не может удержаться от восклицания: «Какая прекрасная Нормандия могла бы быть в области Трапезунда!»⁴³⁵. Для него создание

⁴²⁹ Chalandon F. Histoire de la domination normand en Italie et Sicilie. P., 1907.

⁴³⁰ Chalandon F. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118). P., 1900.

⁴³¹ Ibid. P. 28—31.

⁴³² Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. СПб, 2001. С. 54.

⁴³³ Там же. С. 55.

⁴³⁴ Brehier L. Les Aventures d'un chef normand en Orient au XIe siècle // Revue des cours et des conférences. 1912. XX. P. 172—188.

⁴³⁵ Ibid. P. 184.

норманнского государства в Малой Азии совсем не казалось «химерой»⁴³⁶. Брейе предполагает, что Византийская империя, уничтожив государство Руссея, упустила уникальный шанс предупредить завоевание Малой Азии тюрками-сельджуками⁴³⁷. Очевидно, что на взгляды Брейе оказала большое влияние колониальная политика Второй империи и Третьей республики. Брейе считает Руссея идеальным представителем «*de la race normande*»⁴³⁸, обладающим всеми необходимыми качествами: духом инициативы, отвагой, вкусом к самостоятельности и независимости, причудливой смеси здравого смысла и духа авантюризма.

В небольшой по объему работе византиниста Раймунда Жанена (1882–1979) «Франки на службе Византии» очень сжато представлена история контингентов франкских наемников в империи в период с IV по XIV в. Тем не менее уже с первых страниц Жанен признает, что под «франками» в XI в. следует понимать итальянских норманнов⁴³⁹, которые «занимали важное место в Византийской империи»⁴⁴⁰.

Востоковед-марксист Клод Каэн (1909–1991) в своих трудах всегда с большим вниманием относится к норманнскому присутствию не только в Сирии⁴⁴¹ или Южной Италии⁴⁴², но и в Малой Азии. В статье «Первое проникновение тюрок в Малую Азию» Каэн рисует картину долгого сотрудничества и раздоров между норманнскими предводителями и тюрками-сельджуками⁴⁴³. Он рассматривает отношения между Жерве Франкопулосом и Самухом в 1062 г.⁴⁴⁴, Русселем де Баллиолем и Артуком ибн Эксебом в 1073 г.⁴⁴⁵, Данышмендом и Боэмундом в 1103 г.⁴⁴⁶

Более подробно Каэн освещает деятельность норманнов в Малой Азии в монографии о сельджукском султанате Рума⁴⁴⁷. На первом этапе образова-

⁴³⁶ Ibid.

⁴³⁷ Ibid. P. 187.

⁴³⁸ Ibid.

⁴³⁹ Janin R. Les Francs au service des «Byzantins» // *Échos d'Orient*. 1930. Vol. 29. № 157. P. 61.

⁴⁴⁰ Ibid. P. 64.

⁴⁴¹ Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. P., 1940.

⁴⁴² Cahen C. Le régime féodal de l'Italie Normande. P., 1940.

⁴⁴³ Cahen C. La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle) // *Byzantion*. 1948. T. 18. P. 5–67.

⁴⁴⁴ Ibid. P. 22–23.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 33.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 60.

⁴⁴⁷ Cahen C. La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988.

ния «Турции» с 1071 по 1107 г. на фоне «не имевших политических целей» сельджуков норманнский предводитель Руссель провозглашает византийским императором Иоанна Дуку, а затем пытается утвердиться в Арменияке⁴⁴⁸. Норманнские и сельджукские контингенты периодически объединяются в Малой Азии ради собственных интересов⁴⁴⁹. Норманнская угроза имперскому господству в Европе и Азии заставляет византийское правительство постоянно обращаться за помощью к тюркам-сельджукам⁴⁵⁰.

По мнению Каэна, контакты сельджуков и норманнов привели к тому, что султан Кылыч Арслан сначала крайне несерьезно воспринял приход крестоносцев в Малую Азию, думая, что это «норманнские контингенты давно известные тюркам в стране, иногда как враги, иногда как союзники»⁴⁵¹. Кылыч Арслан надеялся договориться с крестоносцами и заключить союз, как это сделал позднее другой тюркский предводитель Данышменд и норманнский предводитель Первого крестового похода Боэмунд⁴⁵².

К. Каэн в 1940 г. впервые издал монографию об Антиохийском княжестве в Северной Сирии в эпоху крестовых походов⁴⁵³. Одну из главных задач своей работы Каэн видел в изучении завоеваний норманнов и приспособления их институтов к Сирийским условиям⁴⁵⁴.

В 1939 г. увидела свет монография К. Мекиоса о Русселе де Баллиоле⁴⁵⁵. Небольшая по объему работа была издана в Афинах на немецком языке и имеет больше описательный характер. В ней крайне мало используется научная литература, лишь некоторые византийские и латинские источники.

Американский историк-византист и арменист Питер Харанис (1908–1985) рассматривает отношения Византии и норманнов в статье «Византия, Запад и происхождение Первого крестового похода»⁴⁵⁶ и считает, что после 1071 г. византийцы стремились изгнать тюрков-сельджуков и восстановить свои позиции в Малой Азии с помощью норманнов из Южной Италии⁴⁵⁷.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 11–12.

⁴⁴⁹ Ibid. P. 12.

⁴⁵⁰ Ibid. P. 12, 13.

⁴⁵¹ Ibid. P. 17.

⁴⁵² Ibid. P. 18–19.

⁴⁵³ Cahen C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. P., 1940.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 203.

⁴⁵⁵ Mekios K.M. Der fränkische Krieger Ursel de Bailleul. Athen, 1939.

⁴⁵⁶ Charanis P. Byzantium, the West and the origin of the First Crusade // Byzantion. 1949. T. 19. P. 17–36.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 17.

В статье «Культурное разнообразие и падение власти Византии в Малой Азии»⁴⁵⁸ Питер Харанис среди причин поражения византийцев и утраты позиций в регионе называет два основных фактора: упадок византийской армии и «сомнительную роль наемников»⁴⁵⁹. В то время, когда византийцы стремились быть «адвокатами или юристами», армии Анатолийских фем состояли из иноземных наемников, «которые были чужды культурным традициям империи и более склонялись к преследованию собственных интересов, чем интересов империи»⁴⁶⁰. Среди этих наемников, от которых вреда было больше, чем пользы, П. Харанис называет норманнов и тюрок-сельджуков⁴⁶¹.

В свою очередь, «эти два фактора стали результатом гораздо более фундаментального процесса: утрата сплоченности народом Малой Азии»⁴⁶² или, вернее, потеря «культурной сплоченности византийской Малой Азии»⁴⁶³, которая наряду с энергичными внешними вторжениями, изменениями в социальной структуре региона, ухудшением фемных армий, отсутствием «агрессивного руководства» привела к падению власти Византии в Малой Азии⁴⁶⁴.

Американский ученый греческого происхождения Спирос Врионис⁴⁶⁵ в своем фундаментальном исследовании по истории Малой Азии особое внимание уделяет деятельности норманнских предводителей на византийской службе⁴⁶⁶. В частности, он пришел к выводу о том, что Руссель де Баллиоль попытался создать в Армениаке «маленькую Нормандию»⁴⁶⁷.

В след за С. Врионисом Ю. Хоффман подготовил монографию о сепаратистских движениях на территории Византии после 1071 г., на страницах которой уделяет внимание мятежу Русселя де Баллиоля⁴⁶⁸. Вместе с тем по непонятным причинам Хоффман совершенно не учитывает результаты работы С. Вриониса.

⁴⁵⁸ Charanis P. Cultural diversity and the breakdown of Byzantin power in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. P. 1—20.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 17—18.

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Ibid.

⁴⁶² Ibid.

⁴⁶³ Ibid. P. 20.

⁴⁶⁴ Ibid.

⁴⁶⁵ Vronis Sp. The decline of Medieval Hellenism in Azia Minor and the process of Islamization from the 11 throught the 15 century. Berkeley, 1971.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 76, 91.

⁴⁶⁷ Ibid. P. 58.

⁴⁶⁸ Hoffmann J. Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071–1210): Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen und ihr Verhältnis zu Kaiser und Reich. Munich, 1974. P. 13–20, 80–82.

Болгарский ученый И. Дуйчев в статье «Норманны и Восток Византии»⁴⁶⁹ описывает экспансию норманнов на территории Византийской империи. Его работа была призвана дать представление об основных событиях и этапах великой экспансии норманнов, которые, по его мнению, подготовили завоевание крестоносцами Константинополя в 1204 г. В то же время славист Дуйчев большее внимание уделяет влиянию взаимоотношений норманнов и византийцев на судьбы славянских народов Балканского полуострова.

Британский историк-медиевист, византист С. Рансимен (1903–2000) в первом томе «Истории крестовых походов» рассматривает ранние связи норманнов с Малой Азией: активное участие в паломничестве к Святым местам Южной Италии и Палестины с начала XI в.⁴⁷⁰

Рансимен считает, что завоевания норманнов в первой половине XI в. в Южной Италии «дали византийцам представление о будущей норманнской экспансии на Восток»⁴⁷¹. Мотивы норманнов Рансимен объясняет тем, что «только несколько поколений отделяло их от кочевых флибустьеров»⁴⁷².

Норманны составляли элитное подразделение тяжелой кавалерии в византийской армии, которое находилось под командованием своих соотечественников: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля⁴⁷³. По мнению Рансимена, нежелание Русселя де Баллиоля участвовать в сражении при Манцикерте в 1071 г. обеспечило решающий перевес тюркам-сельджукам⁴⁷⁴.

Поражение в битве при Манцикерте стало не только величайшей катастрофой в истории Византии, но, с точки зрения Западной Европы, лишило ее титула защитника христианства и легализовало вторжения с Запада⁴⁷⁵. По этой причине Рансимен недоумевает, почему Михаил VII Дука вновь доверяет Русселю де Баллиолю, который является «более опасным врагом, чем тюрки»⁴⁷⁶.

Руссель лелеял мечту о создании «норманнского государства в Анатолии» по примеру своих соотечественников в Южной Италии. Он имел три тысячи

⁴⁶⁹ Dujcev I. Normani de Oriente Bizantino // Atti del Congresso internazionale di studi sulla Sicilia normanna. Roma, 1977. P. 105—131.

⁴⁷⁰ Runsimen S. A history of the crusades: The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem. New York, 1995. Vol. I. P. 46.

⁴⁷¹ Ibid. P. 56—57.

⁴⁷² Ibid. P. 92.

⁴⁷³ Ibid. P. 62.

⁴⁷⁴ Ibid. P. 63, 66.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 64.

⁴⁷⁶ Ibid. P. 66.

хорошо вооруженных и тренированных, но главное, преданных ему людей. В битве один на один ни византийцы, ни сельджуки не могли противостоять ему⁴⁷⁷. С помощью сельджуков византийцам удалось подавить мятеж Руссея, который научил их недоверчиво относиться к норманнским наемникам, т.к. «их амбиции не ограничивались пределами Южной Италии, но они стремились к созданию государств на Востоке»⁴⁷⁸.

Этот инцидент объясняет последующую политику Византии по отношению к крестоносцам и подозрительность в отношении норманнских наемников, жертвами которой стали невинные наемники-скандинавы. Несмотря на страх перед норманнами, Михаил VII Дука продолжал искать заступничества у герцога Роберта Гвискара и папы Григория VII⁴⁷⁹.

М. Анголд в главе «Византийская империя, 1025–1118» многотомной «Новой Кембриджской истории средних веков» разбирает историю XI в. Союз между норманнами и папством надолго предопределил политику Запада в отношении Византии⁴⁸⁰. Анголд полагает, что поражение Византии при Манцикерте не было катастрофой «в военном отношении»⁴⁸¹. В то время угроза исходила не от тюрок-сельджуков. Катастрофической по своим последствиям стала гражданская война, вызванная поражением при Манцикерте. Этой войной воспользовался Руссель де Баллиоль, который обосновался в Амасии и вскоре овладел почти всей фемой Армениак⁴⁸².

Гражданская война в империи и необходимость найти управу на мятежных норманнов привели к прямому вмешательству тюрок-сельджуков⁴⁸³. В последующем, чем ожесточеннее норманны нападали на Византию в 1082–1085 гг. и в 1106–1107 гг., тем прочнее обосновывались в Малой Азии турки-сельджуки. Необходимость в отражении норманнских вторжений заставили Алексея Комнина смириться с потерей Малой Азии⁴⁸⁴.

Маквин в статье «Отношения между норманнами и Византией 1071–1112 гг.»⁴⁸⁵ задался целью доказать, «что норманны являлись идеалом военной ари-

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ Ibid. P. 67.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 68.

⁴⁸⁰ Angold M. The Byzantine empire 1025—1118 // *New Cambridge medieval history*... P. 233.

⁴⁸¹ Ibid. P. 238.

⁴⁸² Ibid. P. 239.

⁴⁸³ Ibid. P. 239—240.

⁴⁸⁴ Ibid. P. 252.

⁴⁸⁵ Mcqueen W.B. Relation between the Normans and Byzantium 1071—1112 // *Byzantion*. 1986. Vol. 56. P. 427—476.

стократии»⁴⁸⁶ в глазах византийцев. Также Маквин надеялся «показать, как анализ политических, военных и социальных отношений между двумя группами людей может пролить свет на характер и структуру их обществ»⁴⁸⁷. Благодаря постановке этих задач работа Маквина приобретает новаторский характер. Автор стремится не просто описать в хронологическом порядке события и факты, но и приблизиться к пониманию отношений норманнов и византийцев.

В заключении к своей работе Маквин делает выводы о том, что причиной активного проникновения норманнов на территорию Византии в период между 1071–1112 гг. была «нестабильность»⁴⁸⁸ норманнского общества в Южной Италии, которая, в свою очередь, была обусловлена «базовой ментальностью наемника»⁴⁸⁹ и, независимо от социального положения, была характерна для всех норманнов. Единственным стабилизирующим фактором для норманнского мира являлась постоянная нужда Византии в подготовленных войсках-наемниках, которых она привлекала предоставлением даров и титулов⁴⁹⁰.

Большое внимание уделяет Маквин судьбе Боэмунда. Он считает, что Боэмунд до самой смерти не расставался с надеждой покорить Византию, и видит в архитектуре мавзолея Боэмунда в Венозе символ не воплотившихся в реальность «восточных амбиций»⁴⁹¹ правителя Антиохии.

В начале 90-х гг. XX в. увидел свет Оксфордский словарь Византии, о создании которого мечтал Д. Моравчик еще в 1948 г. Ведущие византилисты внесли свой вклад в создание словаря. Значительное место в этом справочном пособии по истории Византии уделено норманнам, что является подтверждением растущего интереса к данной тематике среди ученых. Ч. Брандт является автором статей о двух предводителях норманнов на имперской службе: Жерве Франкопулосе⁴⁹² и Русселе де Баллиоле⁴⁹³, а также о норманнских вождях Первого крестового похода Боэмунде⁴⁹⁴ и Танкреде⁴⁹⁵. Данные работы являют собой пример блестяще оформленного справочного материала.

⁴⁸⁶ Ibid. P. 427–428.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 428.

⁴⁸⁸ «instability» (Ibid. P. 467).

⁴⁸⁹ «basic mercenary mentality» (Ibid. P. 468).

⁴⁹⁰ Ibid.

⁴⁹¹ Ibid. P. 473.

⁴⁹² Brand C.M. Herve Francopoulos // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, 1991. Vol. II. P. 922.

⁴⁹³ Brand C.M. Roussel de Bailleul // Ibid. P. 1814–1815.

⁴⁹⁴ Brand C.M. Bohemund I // Ibid. P. 301–302.

⁴⁹⁵ Brand C.M. Tancred // Ibid. P. 2009.

Советский и американский историк-византинист А.П. Каждан (1922–1997) проанализировал состав правящих родов Византии и пришел к выводу о том, что наибольшее число иммигрантов из «латинян» дали Византийской империи норманны⁴⁹⁶. В статье «Норманны», опубликованной в Оксфордском словаре Византии, А.П. Каждан останавливается на основных вехах проникновения норманнов на территорию Восточной империи⁴⁹⁷. По его мнению, успехи норманнов в значительной мере зависели от того, что они «... некогда овладели военными технологиями рыцарства. Норманнская настороженность и применяемые ими уловки зачастую впечатляли их противников»⁴⁹⁸. В статьях «Франгополы»⁴⁹⁹, «Рогери-и»⁵⁰⁰, «Петралифы»⁵⁰¹ и «Раули»⁵⁰² А.П. Каждан рассмотрел исторические судьбы византийских аристократических родов, которые основали норманны.

В другой работе А.П. Каждан проследил употребление византийскими авторами XI–XII вв. этнонима «франк» и установил, что под этим термином преимущественно речь шла о норманнах⁵⁰³. А.П. Каждан пришел к следующим выводам: с середины XI в. норманны занимали лидирующее положение в армии; были в значительной степени независимы; стремились к приобретению высоких титулов и территорий⁵⁰⁴. Путем включения норманнов в правящую верхушку посредством смешанных браков и эллинизации правителям из династии Комнинов удалось подчинить «независимый норманнский дух»⁵⁰⁵. Но к концу XII в. в правление Андроника I и Ангелов начался обратный процесс, в результате которого на смену «рыцарству Комнинов» в управлении империей опять вернулись евнухи⁵⁰⁶.

Советский историк-медиевист М.А. Заборов (1920–1987) представляет крестовые походы не только как движение народов Запада на Восток, но и как «рыцарские» войны, а также как феодальную экспансию⁵⁰⁷. В этом ключе он

⁴⁹⁶ Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 214

⁴⁹⁷ Kazhdan A.P. Normans // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1493–1494.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 1493.

⁴⁹⁹ Kazhdan A.P. Phrangopoulos // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. III. P. 1671.

⁵⁰⁰ Kazhdan A.P. Rogerios // Ibid. P. 1802.

⁵⁰¹ Kazhdan A.P. Petraliphi // Ibid. P. 1643.

⁵⁰² Kazhdan A.P. Raul // Ibid. P. 1771.

⁵⁰³ Kazhdan A.P. Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, 2001. P. 90–91.

⁵⁰⁴ Ibid. P. 99.

⁵⁰⁵ Ibid. P. 100.

⁵⁰⁶ Ibid. P. 100.

⁵⁰⁷ Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 21.

представляет норманнов как «мелких и крупных феодальных хищников», которые устремились на завоевание «плодородных областей» Испании, Южной Италии и Сицилии. «А в 1073 г. норманнский авантюрист Руссель де Байэль, находившийся до этого на службе у Византии, обосновался со своими воинами в самом центре Малой Азии. Здесь возникло норманнское княжество — прообраз того, которое южноитальянские норманны создадут в Сирии четверть века спустя»⁵⁰⁸. Саму попытку создания «норманнского государства в Малой Азии» советский медиевист считает «симптоматичной» в свете формирования предпосылок «рыцарских захватов» на Востоке⁵⁰⁹.

Профессор Оксфорда Дж. Шепард является автором одного из самых важных исследований по истории норманнских наемников на византийской службе⁵¹⁰. Его интересует ответ на вопрос: почему норманнские наемники начинают активно использоваться в византийской армии с 1038 г.? По какой причине они так быстро завладевают вниманием византийских хронистов в ущерб другим солдатам удачи? И так ли «доблестны» были эти «франки», чьим боевым навыкам и военному снаряжению нельзя было ничего противопоставить?

По мнению Шепарда, наемники прибывали в Византийскую империю с IV в. н.э.⁵¹¹, но только с XI в. термин «наемник» становится общим в византийских источниках для обозначения иноземных солдат удачи, которые до этого воспринимались как «союзные силы», направленные на имперскую службу их собственными правителями⁵¹².

Вслед за В.Г. Васильевским Шепард находит разительные отличия норманнов «франков» от «руссо-скандинавов» и прочих «союзников» империи. В византийских и латинских хрониках XI в. появление норманнов внезапно: они служат самим себе, материалисты-прагматики, для которых вопрос оплаты стоял на первом месте, готовые устроить мятеж в случае неудовлетворенности денежными выплатами. Итало-норманнские хроники в противопоставлении «франков» и «греков» полны черно-белых клише. В них норманнские предводители соперничают с византийским императором и всегда готовы восстать против него. Напротив, скальды в своих сагах лояльны и преданы императору⁵¹³.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же. С. 22.

⁵¹⁰ Shepard J. The uses of Franks in eleventh century Byzantium // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference*. 1993. Vol. XV. P. 275—307.

⁵¹¹ Ibid. P. 278.

⁵¹² Ibid. P. 281.

⁵¹³ Ibid.

Как и Маквин, Шепард считает, что ключ к пониманию мятежной сущности норманнов, их готовности взбунтоваться из-за несправедливого дележа или недостаточной части добычи лежит в наемническом духе, который отличал их от всех других «союзников» империи. Их поведение было продиктовано тем, что они прибывали принципиально другим путем на византийскую службу. Привечавшие и снабжавшие поначалу норманнов лангобардские правители, чьи владения граничили с Византией, не были из их народа, и поэтому норманны изначально приходили к ним в качестве наемников. Деньги и материальное вознаграждение имело для них такое огромное значение, которое византийцы раньше не встречали среди солдат удачи. В отличие от «руссо-скандинавов», которые не стремились задерживаться в Византии дольше определенного срока, норманны связали свою удачу с местом, где деньги представляли большую ценность для приобретения товаров и услуг⁵¹⁴.

С 1048–1049 гг. византийское правительство использует норманнские контингенты для обороны восточных рубежей империи от сельджукских набегов (например, в Манцикерте). Местом зимних квартир для норманнов являлась фема Армениак, где их предводители имели земельные владения и даже замки⁵¹⁵. Шепард считает, что у имперского правительства были все основания доверять норманнским наемникам, т.к. все финансовые потоки стекались в столицу и только император обладал звонкой монетой. Поэтому норманны крайне неохотно принимали участие в военных переворотах «и только треть из них представляла серьезную угрозу для правительства, и только в чрезвычайных политических и военных обстоятельствах»⁵¹⁶. Среди последних Шепард кратко останавливается на карьерах трех выдающихся норманнских предводителей: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля⁵¹⁷.

В конце концов, византийцы научились обращаться с норманнскими наемниками, и первый, кому удалось овладеть этим искусством в совершенстве, был император Алексей Комнин⁵¹⁸. В годы его правления империя достаточно окрепла, чтобы вовремя пресекать попытки норманнов поднять мятеж. Этому способствовал ряд мер: во главе норманнских наемников стоял человек, которому Алексей мог доверять (такой, как Константин Умбертопул); увели-

⁵¹⁴ Ibid. P. 284.

⁵¹⁵ Ibid. P. 287—288.

⁵¹⁶ Ibid. P. 296.

⁵¹⁷ Ibid. P. 296—302.

⁵¹⁸ Ibid. P. 303—304.

чение количества западных наемников за счет выходцев из других регионов Европы (например, Фландрии). Наконец, он попытался изменить отношения с норманнами, а через них и с другими представителями западноевропейских воинов, делая упор на принесение ими клятвы верности. Тем самым из наемников он пытался сделать своих «верных» вассалов или хотя бы добиться их лояльности и расположения дружеским обращением и щедрыми дарами.

В этой связи необходимо отметить статью М.А. Курышевой, в которой проводятся исследования межэтнических отношений: симбиоза норманнов и византийцев по данным антропологии⁵¹⁹. Очень интересны наблюдения автора, сделанные в процессе изучения актового материала православных монастырей: отличное знание итальяскими норманнами греческого языка⁵²⁰, попытки норманнов сохранить латинские имена при полной ассимиляции⁵²¹.

Некоторые патронимы просуществовали очень долго. Например, Петралифы были известны вплоть до середины XIII в.⁵²², а Раули, просуществовали до первой половины XV в.⁵²³ На основании вышесказанного автор приходит к обоснованному выводу, что норманны в Византии не спешили забывать о своих предках и даже в той или иной степени гордились своим происхождением от норманнских рыцарей⁵²⁴.

Е.А. Серен⁵²⁵ в небольшой по объему работе рассмотрел некоторые вопросы, связанные с «эмиграцией» норманнов в Византию: судьбы норманнских предводителей, социальный и количественный состав норманнских наемников, периодизацию «процесса миграции»⁵²⁶.

На страницах «Кембриджской истории Византийской империи» Дж. Шепард очень точно определяет норманнов «маленькой группой чужеродных хищников, чья энергичность, алчность и организационные способности изматывали византийские власти с середины одиннадцатого столетия»⁵²⁷.

⁵¹⁹ Курышева М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза // Византийский Временник. 2006. Т.65 (90). С. 150–162.

⁵²⁰ Там же. С. 153.

⁵²¹ Там же. С. 154.

⁵²² Там же. С. 159.

⁵²³ Там же. С. 158.

⁵²⁴ Там же. С. 162.

⁵²⁵ Серен Е.А. Эмиграция норманнов в Византию и «Тагмы франков» (XI в.) // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32. С. 163–174.

⁵²⁶ Там же. С. 171.

⁵²⁷ The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / ed. by J. Shepard. Cambridge, 2008. P. 559.

П. Магдалино сделал ряд ценных наблюдений относительно пребывания норманнов в Малой Азии во второй половине XI в.⁵²⁸ В византийской армии норманны «составляли значительный и самостоятельный элемент», в общем количестве до 3000 человек в 1071 г. с явной тенденцией к постоянному увеличению⁵²⁹.

За период с 1050 г. Малая Азия стала домом для норманнских наемников, и в особенности фема Армениак. Именно расселенные в этой области «франки» послужили основой для мятежей трех норманнских предводителей: Жерве Франкопулоса, Роберта Криспина и Русселя де Баллиоля⁵³⁰. Последний мятеж имел все шансы на успех и образование норманнского государства в Малой Азии. Вместе с тем сын Роберта Гвискара Боэмунд учел более чем полувековой опыт отношений норманнов с империей и, счастливо обойдя все уловки Алексея I Комнина, основал независимое княжество в Антиохии.

А. Симпсон написала специальную работу о мятежах трех норманнских предводителей в Малой Азии в XI в.⁵³¹ Вслед за С. Врионисом она полагает, что норманнские наемники сыграли видную роль в коллапсе Византийской системы управления в Малой Азии. По сути, они воспользовались ситуацией царившего хаоса, но в то же время это не было причиной конкретных мятежей норманнов, а только фоном⁵³². Со ссылкой на Шепарда и Жанена Симпсон говорит, что византийцы использовали норманнов в Анатолии для борьбы с тюрками и для охраны границ империи⁵³³. Она делает вывод о том, что под «неверностью» наемников надо понимать поведение командиров «тагмат», а не их подчиненных. Общее в восстаниях норманнских наемников было обусловлено временем политической нестабильности и беззащитностью Малой Азии перед вторжением тюрков-сельджуков⁵³⁴.

Французский византинист Жан-Клод Шене в своих работах обращается к истории пришельцев из Нормандии в Малой Азии. В одной из них он исследовал роль и судьбы норманнских наемников в византийской армии

⁵²⁸ Magdalino P. *The Byzantine background to the First Crusade*. Toronto, 1996.

⁵²⁹ Магдалино в сноске № 23 со ссылкой на Шепарда дает разбивку по возможному количеству норманнов на византийской службе. Всего в византийской армии было три «тагматы» по 500 человек в каждой, из которых две «тагматы» базировались в Малой Азии, а одна в Константинополе. Магдалино считает, что Шепард не учел еще 500 человек, базировавшихся в Армениаке.

⁵³⁰ Ibid.

⁵³¹ Simpson A.J. Three sources of military unrest in eleventh century of Asia Minor: the Norman chieftains Herve Francopoulous, Robert Crispin and Roussel de Bailleul // *Mésogeios*. 2000. № 9—10. 2000. P. 181—207.

⁵³² Ibid. P. 181.

⁵³³ Ibid. P. 182.

⁵³⁴ Ibid.

перед Первым крестовым походом⁵³⁵. В другой Шене интересовал вопрос, когда иноземные офицеры византийской армии, в том числе и норманны, становились византийцами⁵³⁶. Более подробно вопросы, связанные с проникновением норманнов в Малую Азию до Первого крестового похода, Шене рассматривает в отдельной работе⁵³⁷. В итоговой работе по истории Византии Ж.-К. Шене отмечал значительное преимущество армий наемников, в частности норманнов, над «национальным» ополчением стратиотов в XI в.⁵³⁸

С.П. Карпов в монографии «История Трапезундской империи», в главе «Понт до образования Трапезундской империи» утверждает, что мятежи «командиров “франкских” тагм» были прямым следствием «нарастания сепаратистских сил как на Понте, так и вокруг него»⁵³⁹. С.П. Карпов считает, что мятежи норманнских наемников происходили с опорой на города и крепости Малой Азии. Роберт Криспин опирался на мощную крепость Колонею в Армениаке, а Руссель де Баллиоль на Амасию и Неокесарию⁵⁴⁰.

Большой интерес представляет монография Г. Левениотиса «Восстание норманна Урселия (Русселя де Баллиоля) в Малой Азии (1073–1076)»⁵⁴¹. Исследователь использовал огромный круг исторических источников не только для того, чтобы рассмотреть жизнь и деятельность Русселя де Баллиоля, но общие условия существования Византийской империи (и в особенности Анатолии) в смутные годы, а также проанализировать причины, которые привели к образованию «эфемерного государства норманнов в Малой Азии»⁵⁴².

Г. Левениотис определяет мятеж Русселя как наиболее разрушительное движение для имперской власти в Малой Азии в период с 1071 по 1081 г. Норманны, по его мнению, являлись самой замечательной и опасной этнической группой из всех, кто когда-либо служил византийцам⁵⁴³. С 1060 г. они

⁵³⁵ Cheynet J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // *Byzanz und das Abendland im 10 und 11. Jahrhundert*. Cologne, 1997. P. 111–128.

⁵³⁶ Cheynet J.-C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe–XIIe siècle // *Guerre et société. Byzance — Occident, (VIIIe — XIIIe siècle)*. P., 2010. P. 42–60.

⁵³⁷ Cheynet J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade // *Migrations et diasporas méditerranéennes (X–XVIe siècles)*. P., 2002. P. 115–124.

⁵³⁸ Шене Ж.-К. История Византии. М., 2006. С. 88, 111–112.

⁵³⁹ Карпов С.П. История Трапезундской империи. М., 2007. С. 73.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου (Ursel de Bailleul) στη Μικρά Ασία (1073–1076). Θεσσαλονίκη, 2004.

⁵⁴² Ibid. P. 7.

⁵⁴³ Ibid. P. 39.

занимают высокие посты при дворе и армии, владеют землями и замками в стратегически важных географических точках Анатолии, их лидеры пользуются значительной властью и влиянием⁵⁴⁴. Г. Левениотис считает, что мятеж Русселя де Баллиоля пользовался поддержкой населения Ликаонии, Галатии и особенно Армениака; он впервые позволил тюнкам-сельджукам вмешаться во внутренние дела империи и привел к ослаблению византийского могущества в Малой Азии после сражения при Манцикерте⁵⁴⁵.

Неудачу мятежа Русселя Г. Левениотис объясняет отсутствием у него национального или этнического основания в Армениаке, в отличие, например, от мятежа Филарета Варажнуни на юго-востоке Малой Азии⁵⁴⁶. Трудно себе представить дальнейшую судьбу этого региона, если бы государство Русселя де Баллиоля просуществовало до прихода Боэмунда во главе Первого крестового похода. Византийцы в дальнейшем относились к норманнам с недоверием и с большой охотой приглашали их противников — англосаксов, которые должны были заменить первых при дворе и в армии⁵⁴⁷.

Г. Левениотис считает, что норманнское общество, будучи по своей сути феодальным и агрессивным, в то же время, отличалось творческим подходом и высокой адаптивностью к существующим условиям. Норманнские предводители стремились к приобретению вассалов, вооруженных сил и территорий для их содержания. Потомкам викингов удалось создать «фрагментарную» империю от Британии до Сирии, связанную племенными и кровнородственными узами. Все военные кампании норманнов базировались на общем этническом происхождении и традициях, амбициях и военном превосходстве⁵⁴⁸. По этой причине Левениотис помещает Русселя де Баллиоля в один ряд с Вильгельмом Завоевателем и Робертом Гвискаром⁵⁴⁹. Причину мятежа Русселя он усматривает в личных амбициях, связанных с его норманнским происхождением⁵⁵⁰.

Г. Левениотис продолжил рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием норманнов в Малой Азии, в своей последующей монографии «Политический крах Византийской империи на Востоке. Восточная граница и центральная

⁵⁴⁴ Ibid. P. 40.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 41.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 212—213.

⁵⁴⁷ Ibid. P. 221—222.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 205.

⁵⁴⁹ Ibid. P. 206.

⁵⁵⁰ Ibid. P. 208.

Малая Азия во второй половине XI в.»⁵⁵¹. В частности, он подтвердил свой вывод о том, что действия Русселя де Баллиоля привели к потере контроля Константинополя над восточными провинциями центральной и северо-западной части Малой Азии. В результате разрушительных действий амбициозных наемников была перерезана связь столицы с регионами Феодосиополя, Мелитены, Эдессы и Антиохии⁵⁵². Восстание Русселя стало одной из причин проникновения тюрок-сельджуков в западные районы Малой Азии и предоставило им возможность прочно обосноваться в Вифинии, феме Ираклион и области Севастии — Кесарии.

О.С. Апанович⁵⁵³ предприняла попытку рассмотреть ряд вопросов, связанных с пребыванием латинских наемников в Малой Азии в период с XI по XIV в.: командование, финансирование, взаимоотношения с властями, а также дислокация⁵⁵⁴. О.С. Апанович уделяет внимание норманнам в Малой Азии как «первым латинским волонтерам в Анатолии»⁵⁵⁵, которые «быстро нашли общий язык с тюркскими эмирами»⁵⁵⁶. В качестве примеров такого рода сотрудничества Апанович рассматривает кратковременные союзы Жерве Франкопулоса с Самухом⁵⁵⁷ и Русселя де Баллиоля с Тутахом⁵⁵⁸. Автор делает вывод о прочном закреплении норманнских наемников на территории Малой Азии во второй половине XI в., которые продолжали свою службу «у правителей новых государственных образований, возникших в Анатолии»⁵⁵⁹.

Данная работа содержит богатый справочный материал, базирующийся на доступных автору источниках и литературе. О.С. Апанович не делает попыток идентифицировать норманнских наемников именно как «норманнов» и предпочитает относить их к «итальянцам», не выделяя их из общего числа «латинян».

Наличие подобного подхода можно констатировать у другого российского исследователя С.П. Брюна. Его монография «Ромеи и франки

⁵⁵¹ Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11^{ου} αι. Θεσσαλονίκη, 2007.

⁵⁵² Ibid. P. 591.

⁵⁵³ Апанович О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков // Причерноморье в средние века. СПб., 2009. Т. 7. С. 72—117.

⁵⁵⁴ Там же. С. 78.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Там же. С. 80.

⁵⁵⁷ Там же. С. 81.

⁵⁵⁸ Там же. С. 82.

⁵⁵⁹ Там же. С. 83.

в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XII вв.»⁵⁶⁰ увидела свет в 2015 г. и сразу стала библиографической редкостью, т.к. тираж двухтомника составил всего сто экземпляров. По его мнению, «прославленный французский рыцарь»⁵⁶¹ Руссель де Балиоль «совершил первую в истории попытку основать франкское государство на восточных землях империи»⁵⁶². При том, что исследователь привлекает большой круг источников и литературы, в него не попали работы упомянутых выше С. Вриониса и Г. Левиниотиса, которые подчеркивают норманнский характер создаваемого Русселем государства. Об этом писали также С. Рансимен и М.А. Заборов, с трудами которых автор отлично знаком.

Монография очень бы выиграла от привлечения классических и фундаментальных работ, без которых невозможно приступать к изучению истории Малой Азии, принадлежащих перу С. Вриониса, Г. Левиниотиса, Р. Жанена, В.Г. Васильевского, В.А. Гордлевского, Р.М. Шукурова и др.

В последнее время появляются специальные работы на турецком языке, в которых затрагиваются отношения норманнов и империи на протяжении XI в.⁵⁶³ Турецкий исследователь из университета Фракия Караджа рассмотрел в небольшой статье основные этапы взаимоотношений норманнов и византийцев в Южной Италии, Балканах и Малой Азии и пришла к выводу о том, что военная поддержка норманнов дорого обошлась Византии, и в конечном счете их участие в делах империи оказалось более губительным, чем вторжение тюрок-сельджуков⁵⁶⁴.

В 2017 г. увидела свет новая монография Александра Даниеля Байхаммера «Византия и возникновение мусульмано-турецкой Анатолии, Ок. 1040–1130»⁵⁶⁵. Это третья книга выпускника Венского университета, сотрудника Австрийского Института исторических исследований, преподавателя университетов Кипра (Республика Кипр) и Нотр-Дам (США).

В предварительной краткой аннотации А.Д. Байхаммер отмечает, что западные ученые очень редко обращают внимание на анатолийских тюрок при описании формирования европейских наций или трансформации Ближнего

⁵⁶⁰ Брюн С.П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв.: к истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах востока. Том 1. М., 2015. 571 с.; Том 2. 636 с.

⁵⁶¹ Указ. соч. Том I, С. 212.

⁵⁶² Там же. С. 213.

⁵⁶³ Karaca G.S. Overview of Byzantine-Norman Relations in XI century // *Tarih İncelemeleri Dergisi*. XXVII (I). 2012. P.101–118.

⁵⁶⁴ Ibid. P. 113.

⁵⁶⁵ Beihammer A.D. *Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130*. 2017.

Востока. В то же время появление тюрок-сельджуков является неотъемлемой частью современного турецкого дискурса национальной идентичности. Автор предлагает рассматривать политическую историю региона не как зону конфликта крупных политических образований (Византии, Фатимидского халифата, нарождавшегося Сельджукского султаната, религиозных конфессий или кочевых и оседлых народов), но как процесс взаимодействия местных элит и региональных сил, которые имели реальную власть и пользовались авторитетом у местного населения. По его мнению, предводители тюркских отрядов играли лидирующую роль в этом процессе, но не как захватчики и завоеватели. Благодаря умелому использованию административных инструментов и местных ресурсов, им удалось завоевать доверие местных правителей и населения, а также заложить основы будущих обширных владений. Таким образом, А.Д. Байхаммер констатирует, что не было упадка Византии или победоносного шествия тюрок-сельджуков, а главной движущей силой этой трансформации было успешное взаимодействие между двумя этими «сферами».

В рамках данного подхода Байхаммер значительное внимание уделяет норманнским предводителям на византийской службе. По его мнению, мятеж Роберта Криспина ускорил «коллапс византийских военных структур» в Анатолии⁵⁶⁶. Он отмечает сходство действий Роберта Криспина и Жерве Франкопулоса и считает Криспина провозвестником мятежей Русселя де Баллиоля и Филарета Вахрамья. Суть этих действий Байхаммер определяет оппозицией к центру в Константинополе и созданием собственной фундаментальной власти в регионе с опорой на военную силу. Криспин показал пример другим командирам византийской армии на границах империи. Участие Криспина в гражданской войне на стороне центрального правительства против Романа Диогена Байхаммер объясняет жадностью мести⁵⁶⁷.

В главе «Упадок имперской власти и регионолизация власти, 1071–1096» Байхаммер говорит о том, что в контексте изменений военной системы Византии и возросшей зависимостью от наемников, очень важным фактором в данный период были норманны⁵⁶⁸. В этой связи Русселя де Балиоля он считает «могущественным игроком», предпринявшим попытку расширить среду своего влияния в Центральной и Северной Анатолии⁵⁶⁹.

⁵⁶⁶ Ibid. P. 145.

⁵⁶⁷ Ibid. P. 159.

⁵⁶⁸ Ibid. P. 208.

⁵⁶⁹ Ibid. P. 159

3.2. ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОРМАННОВ И ВИЗАНТИЙЦЕВ ПО ДАННЫМ НОРМАННСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ XI–XII ВВ.

Основными нашими источниками по вопросу представлений норманнов о византийцах служат сочинения итало-норманнских авторов, которые были созданы во второй половине XI в: «История норманнов» Амато⁵⁷⁰, монаха бенедиктинского монастыря Монтекассино, «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и брата его герцога Апулии Роберта Гвискара» Готфрида Малатерры⁵⁷¹ и поэма Вильгельма Апулийского⁵⁷² «Деяния Роберта Гвискара».

Представления норманнов о византийцах формировались на основе существовавшей на Западе культурно-исторической традиции. Свои первые знания о Византии они могли получить уже в Нормандии вместе с новой религией, языком и приемами ведения боя. Вместе с легендарными сведениями об истории «греков» и их месте среди других народов норманны могли получить сведения о Малой Азии.

Общие представления о географии существующего мира у западноевропейских авторов сложились в раннее Средневековье и практически не менялись на протяжении столетий. Центром мироздания традиционно считался Иерусалим, который, как правило, размещался в центре «круглых» карт. И все, что находилось на границах, а зачастую и внутри этого очерченного сознанием круга, было неопределенным и загадочным для людей средневекового Запада.

Норманны перенимали обычай уходить в длительные путешествия по святым

⁵⁷⁰ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino* / ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935.

⁵⁷¹ Malaterra G. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Bologna, 1928. T. 5.

⁵⁷² Guillelmi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi* / ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. R. Köpke. Hannover, 1851. T. IX. P. 239—298.

местам. Первым важным этапом пути к Иерусалиму был город Рим. Южнее Рима в Италии начинались владения Византии, известные норманнам и скандинавам как Апулия. Эта часть Южной Италии была известна западноевропейским народам по святилищу архангела Михаила на горе Гаргана. Данный культ был особенно популярен в Нормандии.

Именно через Апулию пролегал путь норманнских паломников, которые следовали через Центральную Европу в Рим, а затем в Иерусалим. Таким образом, Малая Азия лежала на пути норманнских паломников. По версии монаха Амато, в начале XI в. несколько норманнских паломников проходили мимо города Салерно на юге Италии в тот момент, когда город оказался в окружении мусульманских пиратов, требовавших выкуп. Норманны были изумлены тем фактом, что горожане предпочитали заплатить выкуп, вместо того, чтобы дать сражение. Они попросили у правителя Салерно коней и оружие, а затем разгромили мусульманский отряд. Это событие, по мнению Амато, послужило поводом для приглашения норманнов в Южную Италию⁵⁷³.

Адемар Шабанский (989–1034) не склонен идеализировать норманнов. Он сообщает, что вооруженные норманны во главе с Раулем пришли сначала в Рим, а затем, по попустительству римского папы Бенедикта VIII (980–1024), отправились в Апулию, уничтожая все на своем пути. Только «племени русов» (*gente russorum*) удалось остановить продвижение норманнов, «обратив их в ничто» (*ad nihilum redacti*). Многие из них были уведены в Константинополь, где до конца дней своих подвергались мучениям в узилище. Отсюда пошла поговорка: «Грек на повозке поймал зайца» (*Grecus cum carruca leporem capit*). По всей видимости, данная поговорка является модификацией латинской поговорки «Рак поймал зайца» (*Cancer leporem capit*) и означает свершение чего-либо невозможного. В результате на три года были закрыты дороги на Иерусалим, а разгневанные на норманнов «греки» хватали паломников и бросали в темницу⁵⁷⁴.

Рауль Глабер (985–1047) более лояльно описывает действия «храбрейшего» и «искуснейшего в военном деле» норманна Рауля, который был изгнан из Нормандии и по поручению Бенедикта VIII при поддержке италийцев вел борьбу с «греками» как «чужеземными захватчиками»⁵⁷⁵.

⁵⁷³ Amato I, P. 17–18, P. 21–23.

⁵⁷⁴ Ademar S. Cibardi monachus. *Historiarum libri tres* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 141. P. 66.

⁵⁷⁵ Rodulfus Glaber Clunniacensis monachus. *Historiarum libri quinque* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. P., 1853. T. 142. P. 643–644.

Э. ван Хоутс крайне критично отнеслась к сообщениям средневековых латинских источников, свидетельствующих о контактах норманнов и Византии на протяжении XI в. Она считает, что нельзя говорить о тесных контактах норманнов и византийцев до середины XI в., а количество норманнских наемников на византийской службе было крайне незначительным, как и их влияние на состояние дел в империи⁵⁷⁶.

К. Циггаар⁵⁷⁷, в отличие от Э. ван Хоутс, отнеслась с большим доверием к латинским источникам и предположила наличие тесных связей Нормандии и Византии уже с 1035 г.⁵⁷⁸, когда Константинополь посетил герцог Нормандии Роберт Великолепный (1028–1036).

Во второй половине XI в. в Нормандии возникла легенда о паломничестве норманнского герцога Роберта Великолепного в Иерусалим около 1035 г. Эта легенда появилась сразу после данного события в виде устного сказания⁵⁷⁹, которое у Вильгельма Жюмьезского приобрело следующий вид:

«Достигнув города Константинополя, (Роберт – В.П.) приказал, чтобы с мула, который был нагружен золотом и обычно шел впереди, при вступлении в город было рассыпано золото. Это было сделано для того, чтобы греки, которые прежде галлов алчными до золота обычно называли, сами случайно были уличены в алчности, так называть их впредь не могли. Удивились, конечно, греки и шепотом между собой переговаривались, каким образом племя, которое обычно чужое золото других народов хватало и грабило, ныне по доброй воле свое собственное не бережет и разбрасывает.

Представ перед императором⁵⁸⁰, сел рядом с ним без приглашения. Тот император, также воссев, и дивясь его достойному виду и стройным формам, через толмача спросил: не является ли тот королем франков Робертом⁵⁸¹, который, столь учтиво и царственно ведя рыцарские отряды, пожелал отправиться на поклонение гробу Господа Христа.

На это тот ответил, что он не король, но один происходит из первейших и знатнейших правителей франков, и к нему явился за тем, чтобы под покро-

⁵⁷⁶ Van Houts E.M.C. Normandy and Byzantium in the eleventh century // *Byzantion*. 1985. Vol. 55. P. 556.

⁵⁷⁷ Ciggaar K.N. Bizantine Marginalia to the Norman conquest // *Anglo-Norman Studies*. 1986. Vol. IX. P. 43—69.

⁵⁷⁸ Ibid. P. 44.

⁵⁷⁹ Van Houts E.M.C. Normandy and Byzantium in the eleventh century // *Byzantion*. 1985. Vol. 55. P. 547; Louis R. Les ducs de Normandie dans les chanson de geste // *Byzantion*. 1958. Vol. 28. P. 390—419.

⁵⁸⁰ Михаил IV Пафлагоник (1034—1041) (Ibid. P. 546).

⁵⁸¹ Второй представитель династии Капетингов на королевском престоле Роберт II Благочестивый (996—1031).

вительством Христовым и его святыми милостями в Константинополе оказавшись, что и сам может увидеть и уловить, чтобы не заслужить обвинений в надменности, если сочтет ниже своего достоинства получить разрешение на прохождение через Азию и побеседовать с императором.

Услышав такое, император приказал своим слугам, чтобы те так долго ему прислуживали, сколько бы тот ни захотел в городе оставаться. Но герцог, считая, что только нищим и беднякам впору пользоваться такими милостями и заподозрив в этом унижение, от предложения императора отказался и золота, дорогих одежд, достойных желания сосудов не принял.

Когда услышал об этом император, понял, что его презрение против него обернулось. И по этой причине запретил им продавать и покупать, чтобы, таким образом, нуждаясь в необходимом пожелали свое отношение к нему пересмотреть. И когда это было объявлено слугами императора герцогу, что никоим образом не найдут дров необходимых для приготовления пищи, поскольку ходить на городской рынок или обращаться к торговцам им запрещено, тотчас принялся скорлупу орехов и миндаля, имевшейся в достатке, бросать в огонь, чтобы приготовить пищу себе и своим людям.

Когда императору было доложено об этом, то движимый справедливостью, он разрешил его войску делать покупки и продавать, говоря, что франки во всяком деле сведущи, и неосмотрительно пытаться с ними каким-либо образом бороться»⁵⁸².

По свидетельству анонимного автора XII в., Роберт во время паломничества в Иерусалим проявлял чудеса смирения⁵⁸³. Когда Роберт платил дань за посещение святых мест «*musellas*», некий «язычник» ударил его палкой по спине. Сопровождавшие Роберта норманнские рыцари пожелали отомстить за нанесенное их герцогу оскорбление, но он остановил их со словами: «Не делайте ему ничего плохого, поскольку ради спасения ваших душ мне приятнее получить удар по спине, чем если бы он вернул все деньги»⁵⁸⁴.

В июле 1036 г. Роберт Великолепный умер в Никее и был там похоронен в базилике Святой Марии⁵⁸⁵. По всей видимости, данное событие имело большой резонанс в Нормандии и породило литературную традицию о паломничестве Роберта и его встрече с византийским императором в Константинополе⁵⁸⁶.

⁵⁸² Guillaume de Jumege. *Gesta Normannorum ducum*. P. 112—113.

⁵⁸³ *Brevis relatio de Willelmo nobilissimo comite Normannorum, quis fuit et unde originem duxit et quo haereditario jure Angliam sibi armis acquisivit. Scriptores rerum gestarum Willelmi Conquestoris*. I.A. Giles. L., 1845.

⁵⁸⁴ *Ibid.* P. 2–3.

⁵⁸⁵ *Willelmus Calculus. Historiae Normannorum*. P. 846.

⁵⁸⁶ Van Houts E.M.C. *Normandy and Byzantium...* P. 559.

Вильгельм Мальмсберийский говорит, что сын Роберта Великолепного Вильгельм Завоеватель в конце своей жизни специально отправил в Никею своего человека, чтобы отыскать место погребения и обрести мощи своего отца. По мнению Ван Хоутс, данное событие могло произойти незадолго до 1087 г. (год смерти Вильгельма Завоевателя) и было связано с захватом Никеи тюрками-сельджуками в 1086 г. Посланник Вильгельма выполнил поручение, но когда по дороге домой он услышал о смерти герцога Нормандии и короля Англии, то якобы решил предать останки Роберта земле Апулии⁵⁸⁷.

По мнению К. Цигаар, Михаил IV Пафлагоник предложил норманнским рыцарям из свиты герцога Роберта поступить на имперскую службу⁵⁸⁸.

Ламберт Герсфельдский (1028–1082/1085) сообщает, что между 1050 и 1060 гг. некие норманны предлагали через послов графу Фландрии Роберту I Фризу (1035–1093), который направлялся в Иерусалим, идти в Константинополь, где они обещали вручить ему власть над «всем Греческим государством»⁵⁸⁹. Но «Константинопольский император», проведав об этом заговоре, приказал охранять «все потоки, через которые можно было переправляться в Грецию», чтобы изловить и убить Роберта Фриза.

Таким образом, с 1036 г. на службе у византийских императоров появляются первые контингенты норманнских рыцарей. Цигаар считает важным сообщение Вильгельма из Пуатье о том, что в 1070 г. норманны защитили Константинополь в качестве подтверждения непрерывных связей Нормандии с ее «колониями»⁵⁹⁰.

К. Цигаар считает, что норманны приходили в Византию как пилигримы, как наемники и как шпионы⁵⁹¹. Норманнский епископ Иво де Белем собирал в Константинополе среди норманнов деньги на строительство храма в Нормандии. Одо, сын Стиганда (1036–1062), в свои 26 лет успел три года прослужить при дворе византийского императора в чине протоспафария и при этом владел греческим и обладал способностью исцелять не только людей, но и животных: лошадей, ловчих птиц⁵⁹². Одо был знаком с Жерве Франкопулосом, который был выше его по званию и всячески содействовал его

⁵⁸⁷ Ibid. P. 558.

⁵⁸⁸ Ciggaar K.N. *Bizantine Marginalia*... P. 44.

⁵⁸⁹ Lamperti monachi Hersfeldensis Opera: accedunt Annales Weissenburgenses / recognovit O. Holder-Egger. Accedunt Annales weissenburgenses. Hannoverae, 1894. S. 122.

⁵⁹⁰ Ibid. P. 45.

⁵⁹¹ Ibid. P. 46.

⁵⁹² Ibid. P. 48.

продвижению по службе⁵⁹³. По мнению К. Циггаар, Вильгельм Завоеватель специально направлял норманнских юношей в Византию для изучения византийских военных технологий, как, например, изготовление транспортных судов для перевозки лошадей⁵⁹⁴.

Для названия Византии в целом Малатерра пользуется не только распространенным на Западе термином «Graecia», но и собственно византийским самоназванием «Romania». Столицу Византии он называет то Константинополем, то Византием. Норманнские авторы были склонны видеть перед собой не отдельные провинции империи, а государства и народы, находившиеся в разной степени зависимости от «греков». Амато, повествуя о свершениях Русселя де Баллиоля в Византии, никогда не называет ее общим названием, а предпочитает употреблять названия отдельных областей, где прославился его герой: Словения («d'Esclavonnie»)⁵⁹⁵, Армения («Hermenie»)⁵⁹⁶.

Вильгельм Апулийский использует классические названия для народов и мест в своей поэме. Норманнов он называл «галлами» (galli). Для обозначения византийцев, помимо распространенного термина «греки» (greci), Вильгельм использует названия, взятые из античной традиции: «аргивяне» (argi), «данайцы» (danai), «ахейяне» (achivi), «пеласги» (pelasgii).

Что же скрывалось для норманнских авторов за титулом «imperator Constantinopolitanus»⁵⁹⁷? Вероятно, титулы «император», «король», «герцог» определяли для норманнских авторов не столько и не только носителя верховной власти, высшее лицо в государственной иерархии чинов и титулов, а верховного военного вождя данного народа, который способен вести свой народ к добыче и славе. Поэтому большое значение имела личность правителя, который должен был быть в первую очередь отличным воином.

⁵⁹³ Ibid. P. 51.

⁵⁹⁴ Ibid. P. 54. Среди норманнских рыцарей, служивших некоторое время в Византии, К. Циггаар называет брата Одо Роберта Мезидона (Ibid. P. 54) и рыцаря по имени Деда (Ibid. P. 55—56). Исследование К. Циггаар и привлечение ею дополнительных латинских источников для изучения судеб норманнов в Византии послужило отправной точкой для Е. Амселлем, которая рассмотрела связи норманнского семейства Стигандов и Византии в XI в. (Amsellem E. Les Stigand: Des Normands à Constantinople // *Revue des études byzantines*. 1999. T. 57. P. 283—288; Robert Wace. *Le Roman de Rou et des ducs de Normandie* / par Robert Wace; avec des notes pour servir à l'intelligence du texte par F. Pluquet, A. Le Prevost, E.H. Langlois. Rouen, 1827. T. I. P.401—414).

⁵⁹⁵ Amato I, 9, P. 16—17.

⁵⁹⁶ Amato I, 14, P. 19—20.

⁵⁹⁷ Malaterra I, 7, P. 10.

Вильгельм Апулийский с сочувствием рассказывает о судьбе императора Романа Диогена, который потерпел крупное поражение в войне с тюрками и лишился власти в гражданской войне.

Крайне негативно автор оценивает Михаила и Константина — сыновей Константина Дуки, «правление которых для греков было губительно, т.к. они всегда отдавали предпочтение безделью перед военными занятиями, предаваясь в погоне за роскошью и обманчивыми соблазнами позорному бездействию»⁵⁹⁸.

Этим «бездеятельным» правителям Вильгельм противопоставляет их отчима Романа Диогена, который «приняв правление, а также военные дела, завещал безделье пасынкам», начав войну с тюрками⁵⁹⁹. Хотя поход Романа Диогена закончился плачевно для Византии, тем не менее Вильгельм не говорит о нем ни одного дурного слова. Он с сочувствием пишет о том, как Роман боролся, используя военную силу и хитрость, но безуспешно⁶⁰⁰. «Пасынки» Романа Диогена — Михаил и Константин — захватили власть. Вильгельм отмечает, что их нисколько не заботила защита родины⁶⁰¹. «Пасынки, видя себя неспособными оказывать сопротивление, стремились его соблазнить обманным договором»⁶⁰². К Роману Диогену было направлено посольство из двенадцати епископов с целью завлечь его в западню⁶⁰³. В составе посольства Вильгельм упоминает италийского норманна Жоселина, которого Роман очень любил и полностью ему доверял. В результате Роман, поверив послам, был схвачен и пострижен в монахи⁶⁰⁴.

Вильгельм не равнодушен к судьбе Романа Диогена и считает его более достойным правителем, чем Михаил и Константин Дуки. Его безуспешные попытки освободить Малую Азию он ценит выше, чем «бездеятельность» пасынков. Поражение Романа в междоусобной войне он расценивает как преступление со стороны Михаила и Константина. Вильгельм говорит, что их «тирания не оставалась совершенно безнаказанной», т.к. сын Романа в союзе с армянами и тюрками продолжал опустошать восточные провинции империи⁶⁰⁵. Вильгельма совершенно не обескураживает тот факт, что Роман в данном случае направляет тюрок против византийцев⁶⁰⁶.

⁵⁹⁸ Guil. Apul. III, 1—6. P. 265.

⁵⁹⁹ Guil. Apul. III, 13—20. P. 266.

⁶⁰⁰ Guil. Apul. III, 21—49. P. 266.

⁶⁰¹ Guil. Apul. III, 73—76. P. 267.

⁶⁰² Guil. Apul. III, 80—81. P. 267.

⁶⁰³ Guil. Apul. III, 82—88. P. 267.

⁶⁰⁴ Guil. Apul. III, 88—92. P. 267.

⁶⁰⁵ Guil. Apul. III, 94—97. P. 267.

⁶⁰⁶ Guil. Apul. III, 77—79. P. 267; III, 95—97.

Однако самое интересное, что крестоносцы, выступающие у Вильгельма в роли мстителей за страдания христиан, несут возмездие не только тюркам, но и тем византийцам, которые были врагами Романа Диогена: «Те несчастные, по совету которых был ослеплен столько совершивший муж, были схвачены, связаны и в застенки брошены, неся заслуженное наказание. В наказание виновных в том, что они невиновного наказать советовали, приказали различными пытками истязать»⁶⁰⁷.

Главным героем четвертой и пятой книги наряду с Робертом Гвискаром становится Алексей Комнин. Алексей отличался «зрелым изворотливым умом и был деятельным в военном деле, он имел доблестную душу и происходил от знаменитых родителей. С первого цвета юности он провел много лет своей жизни в военных занятиях. Он не колебался предпринять что угодно, как бы это ни было трудно, если святая империя нуждалась в этом»⁶⁰⁸. Вильгельм подробно останавливается на том, как «враги империи, Васибеки и Вриенний, выдающиеся греки, могучие в делах войны, этим вождем побеждены были»⁶⁰⁹. Вриенний был побежден военным искусством Алексея, а Васибеки – хитростью⁶¹⁰. Свой рассказ о подвигах Алексея Вильгельм заканчивает следующей оценкой: «Неутомимый и осторожный победитель Алексей превзошел многих врагов империи оружием и хитростью»⁶¹¹.

Вильгельм оправдывает мятеж Алексея против Никифора Вотаниата, который, в свою очередь, сверг свояка Роберта Гвискара Михаила Дуку. Вотаниат представлен Вильгельмом как «старик»: «бездеятельный (бессильный) в военных делах, однако имел изобретательный и проницательный ум; против тайной опасности надежно огражденный, в войне боясь сверх того, насколько должно бояться»⁶¹². В то же время Алексей в расцвете лет, «деятельный в военном деле», уже сокрушивший много врагов империи, выглядит в глазах Вильгельма более достойным императорского трона, чем Никифор Вотаниат. «Воитель гневный Алексей сверг его, и поделом, поскольку забыл тот о товарище, который настолько увеличил силы империи, столько побед над врагами одержал»⁶¹³.

⁶⁰⁷ Guil. Apul. III, 106—109. P. 267—268.

⁶⁰⁸ Guil. Apul. IV, 82—87. P. 281.

⁶⁰⁹ Guil. Apul. IV, 88—90. P. 281.

⁶¹⁰ Guil. Apul. IV, 91—119. P. 281—282.

⁶¹¹ Guil. Apul. IV, 120—121. P. 282.

⁶¹² Guil. Apul. IV, 77—80. P. 281.

⁶¹³ Guil. Apul. IV, 143—146. P. 282.

А вот как Вильгельм описывает Балканский поход Роберта Гвискара. Он называет «прозорливым врагом» византийского императора Алексея, т.к. тот позаботился укрепить проходы в горах, ожидая нападения Роберта Гвискара. «По императорскому указу, ибо зная, что не избегнет грядущей опасности прозорливый враг, предосторожности устраивал, все проходы через горы и реки были укреплены, овладеть таким образом беспечным врагом надеялся Алексей, и непобедимого герцога превзойти скрытым нападением»⁶¹⁴. В битве под Диррахием «был побежден Алексей, а также спину показал свою»⁶¹⁵, чуть ниже: «Проливал слезы Алексей, оплакивая свое поражение от врага, который ни количеством народа, ни значением (положением) ему не равнялся; сам раненый отступал, усугублялось это еще и тем, что заставляло проливать его слезы — так это бесславное его возвращение. Слава, которая у него была, напрасно ожидала очередного триумфа»⁶¹⁶. В сражении под Лариссой: «Норманны, обычную вспомнив доблесть, к оружию быстро поспешили; Арги, об обычном бегстве помышляя, усердно работая ногами, поспешно направились к городским укреплениям Лариссы, в которых заперся Алексей, и от которых не отваживался далеко отходить, будучи уже столько раз разбитым»⁶¹⁷.

Когда автор говорит о Романе Диогене и Алексее, он прибегает к одному и тому же приему: возвеличивает и прославляет отдельных героев — византийских императоров, чтобы на их фоне еще более возвеличить и прославить норманнов. Вильгельм в очередной раз использует свою осведомленность, чтобы угодить норманнским правителям.

Вильгельм демонстрирует прекрасное знакомство с административным устройством империи. «Что значит катепан у греков, мы тотчас все расскажем. Всякий у данайцев кто вследствие исполняемой им почетной должности, распорядитель для народа все организует, все ему обеспечивает, и равным образом то, что подобает, ему будет предоставлено (от народа), весь (народ) прислуживает»⁶¹⁸.

В XI в. Византия была феодальным государством, но еще с античной эпохи она сохранила традиции сильной центральной власти. По этой причине Византии был присущ ряд особенностей, отличавших ее от стран Западной Европы. Наличие единой вертикали власти, мощного бюрократического аппа-

⁶¹⁴ Guil. Apul. IV, 317—321. P. 285.

⁶¹⁵ Guil. Apul. IV, 413—414. P. 287.

⁶¹⁶ Guil. Apul. IV, 420—424. P. 287.

⁶¹⁷ Guil. Apul. V, 65—69. P. 292.

⁶¹⁸ Guil. Apul. I, 87—90. P. 243.

рата, централизованный сбор и распределение налогов, концентрация власти в одних руках. За свою службу военные и имперские чиновники получали жалования, титулы и денежные вознаграждения из рук императора⁶¹⁹. В этом они целиком зависели от воли императора, и степень их отличия также зависела от близости к персоне императора. В то же время западную знать отличали их территории, образ жизни, родовитость и военные успехи⁶²⁰.

Малатерра переносит свои представления о власти феодального сеньора на власть византийского императора. По его мнению, узы верности связывают жителей Бари с императором Византии⁶²¹. О перешедшем на византийскую службу норманне Жоселине де Коренхо Малатерра говорит, что тот «во дворце был вторым после императора, т.к. был на войне деятельным и в совете разумным»⁶²².

В отличие от византийских авторов, главным символом императорской власти в представлении Малатеры является не «скипетр» или «трон», а «дворец» (*palatium*) — резиденция правителя⁶²³.

В качестве основания для владения и управления территориями, принадлежавшими Византии, выдвигался тезис о «превосходстве норманнов» над византийцами. Этот тезис встречался у всех норманнских хронистов, которые создавали эпические картины завоевания норманнами Южной Италии и Сицилии. Тезис о «превосходстве норманнов» над византийцами был лишь частью антивизантийской идеологии. Они создавали свои труды с целью придать легитимность завоеваниям Южной Италии и Сицилии⁶²⁴.

Суть этой идеологии сводилась к тому, что «греки», в силу своих личных качеств, не были достойны управлять другими народами. Амато называет их «женственными», «изнеженными», «слабыми», «оккупировавшими богатую и обширную территорию»⁶²⁵.

В войне норманнов и византийцев за Апулию Вильгельм представляет последних как «племя ленивое, бездеятельное» (*ignavia*)⁶²⁶, «женоподобное»

⁶¹⁹ Никифор Вриенний 4,1, С.139.

⁶²⁰ Каждан А.П., Заборов М.А. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII вв.) // Византийский Временник. 1971. Т. 32. С. 51.

⁶²¹ Malaterra II, 40.

⁶²² Malaterra II, 43.

⁶²³ Malaterra III, 13.

⁶²⁴ Wolf K.B. Making history. The Normans and Their Historians... P. 175.

⁶²⁵ Amato II, 17, P. 75—76.

⁶²⁶ Guil. Apul. I, 31, P. 242.

(*quasi foemina graecus*)⁶²⁷, «трусливое»⁶²⁸, которое «больше предпочитает ряздаться в роскошные одежды, чем носить оружие и доспехи»⁶²⁹. Византийцы совершенно аморальны: «погязли в пьянстве»⁶³⁰, «безобразно алчные»⁶³¹, «жестокые»⁶³². Сама манера одеваться претит Вильгельму и становится объектом его нападок⁶³³.

Норманны в битве с византийцами при Оливенто, подобно соколу, приученному охотиться на более малых птах, атакуют лебедя, чтобы продемонстрировать свою силу⁶³⁴. Вильгем Апулийский сообщает, что Роман Диоген при Манцикерте посылает многочисленных «графов» (*comites*) для защиты городов. Граф Вильгельм, пытаясь принудить к битве византийского полководца, словно заклинатель змей использовал любую возможность, чтобы побудить «змею» покинуть ее убежище⁶³⁵. В другом месте византийцы «беспорядочно» бежали перед норманнами, «как птицы, не отваживаясь противостоять орлу, разлетались, и словно зайцы, побуждаемые робостью, разбегались, пока в когти орлу не попадут, не избегнув участи стать кормом для хищного клюва»⁶³⁶.

Во всех перечисленных случаях критериями для оценки византийцев служат норманны. Норманны являются образцом победителей, а византийцы – побежденных. Вместе с тем Вильгельм очень много знает о византийцах, чтобы ограничиться только сравнениями с норманнами. В поэме византийский полководец накануне сражения с норманнами при Монтепилозо упрекает своих воинов в малодушии и, чтобы вдохновить их на новую битву, обращается к героическому прошлому греков: «Мужи, ваше благоразумие мужественным уговором укрепив, не позволит вам иметь женское сердце! Откуда такая бездеятельность (малодушие) которая заставляет вас всегда искать бегства? Вспомните о своих предках, которые были настолько деятельны, что покорили себе весь мир. Гектор был поражен оружием могущественного Ахилла. Пала Троя, сожженная огнем ярости Микен. Индия узнала на себе, насколько

⁶²⁷ Guil. Apul. I, 212, P. 246; I, 225, 246.

⁶²⁸ Guil. Apul. I, 77—79, P. 242; II, 227.

⁶²⁹ Guil. Apul. II, 228, P. 258.

⁶³⁰ Guil. Apul. II, 226—227, P. 258.

⁶³¹ Guil. Apul. II, 210—211, P. 258.

⁶³² Guil. Apul. I, 20, P. 241; I, 450, P. 251.

⁶³³ Guil. Apul. I, 14—16, P. 241.

⁶³⁴ Guil. Apul. I, 297—301, P. 247.

⁶³⁵ Guil. Apul. I, 552—554, P. 253.

⁶³⁶ Guil. Apul. V, 179—183. P. 294.

велика была энергичность Филиппа. Разве не подчинил себе его сын Александр сильнейшие королевства пеласгов? А слава греков в Западных краях наполняла ужасом весь мир. Какой народ, услышав имя греков, отважился бы встретиться с ними на поле сражения, когда едва мог защитить свои замки, крепости или города от сил его противников? Стойте крепко, я умоляю вас. Помните о доблести ваших предков»⁶³⁷.

Вильгельм через противопоставление древних греков и современных ему византийцев выводит идею о том, что современные ему «греки» уже не те, какими они были во времена Гомера и Александра Великого. И в этой военной речи критерием для оценки византийцев служит их собственная история. Вильгельм демонстрирует не только свое знакомство с византийскими традициями, но и способность взглянуть на византийцев их собственными глазами. Он использует эту осведомленность, чтобы лучше услужить норманнским правителям и лишить византийцев права на их культурное наследие.

По мнению Амато, малочисленность отрядов норманнов по сравнению с большими войсками «греков» была еще одним доказательством превосходства норманнов над византийцами⁶³⁸. Он утверждал, что небольшой отряд норманнов стоит целой армии «греков»⁶³⁹.

Малатерра говорит о возникновении родственных связей между норманнами и византийцами. Автор представляет помолвку одной из дочерей Роберта Гвискара с сыном императора Михаила VII Дуки как уже заключенный брак. Он называет дочь Гвискара, получившую в Византии при крещении имя Мария, «законной императорской женой»⁶⁴⁰.

Для Малатерры очевидно, что этот брак был более выгоден норманнам, чем византийцам. Он открыто говорит о намерениях Роберта Гвискара через этот брак или путем военного вторжения захватить императорскую власть и править Византией «под именем Михаила»⁶⁴¹.

Эти намерения не составляли секрета для византийцев, поэтому все их действия, направленные на предотвращение этого брака (свержение и принятие монашеского пострига Михаилом VII, оскпление и изгнание его сына, изоляция дочери Роберта Гвискара) объясняются автором стремлением греков избежать возникновения норманнской партии при императорском дворе

⁶³⁷ Guil. Apul. I, 359—371, P. 249.

⁶³⁸ Amato II, 28, P. 91—92.

⁶³⁹ Amato II, 8, P. 66—68.

⁶⁴⁰ Malaterra III, 13, P. 64—65.

⁶⁴¹ Ibid.

и последующего установления норманнского владычества в Византии. «Одним словом, испугались греки, что если наследники, рожденные от жены из нашего племени, во дворце вырастут, то их присутствие будет способствовать привлечению туда нашего племени и племя, по обычаю предпочитающее удовольствия и наслаждения военным занятиям, благодаря деятельному характеру наших, под ярмом (норманнов — В.П.) окажется»⁶⁴².

Таким образом, в Южной Италии перед Первым крестовым походом сформировалась крайне враждебная по отношению к византийцам идеология, основной задачей которой было дать обоснование территориальным захватам норманнов. В этой связи Малая Азия, как и другие владения империи, рассматривалась итальянскими норманнами в первую очередь как объект для последующих завоеваний.

Византийские авторы для названия норманнов пользовались терминами: «франк», «кельт», «латинянин». Под «латинянином» и «кельтом» византийцы подразумевали человека с Запада. В тоже время этноним «франк» изначально использовался для обозначения германских племен, заселивших Галлию, затем собственно население Галлии и в конечном счете итальянских норманнов⁶⁴³. В силу античной традиции византийские авторы применяли названия эпохи Римской империи в отношении современных им народов. В основном норманны прибывали в Византию из Южной Италии, где успели обзавестись значительными владениями. Поэтому византийские авторы для их определения привлекали термин «италиец»⁶⁴⁴.

Норманны воспринимались византийцами как христиане. Раскол церкви на Западную и Восточную (схизма 1054 г.) мало что изменил в отношении византийцев к норманнам. Воины Русселя де Баллиоля, «попадая в засаду, почти все были забираемы в плен живыми. Убивать же их Алексей (Комнин — В.П.) считал преступным, так как они были христиане»⁶⁴⁵. Анна Комнина считала войну с христианами «несправедливой»⁶⁴⁶. Византийский император Иоанн Комнин, по словам Никиты Хониата, питал «крайнее отвращение к войне с христианами»⁶⁴⁷.

⁶⁴² Malaterra III, 13, P. 64.

⁶⁴³ Kazhdan A.P. *Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century* // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / ed. by A.E. Laiou and R.P. Mottahedeh. Washington, 2001. P. 90—91, 99.

⁶⁴⁴ Михаил Пселл. С. 144; Анна Комнина. I, 5, С. 63; Никифор Вриенний. I, С. 45.

⁶⁴⁵ Никифор Вриенний. II, 20, С. 94.

⁶⁴⁶ Анна Комнина. I, 12, С. 80.

⁶⁴⁷ Никита Хониат. I, С. 50.

Вероятно, следовало бы поставить вопрос о том, какими христианами считали византийцы норманнов? Так, Георгий Кедрин, говоря о предводителе норманнов Жерве Франкопулосе, утверждал, будто бы тот уговаривал своих соплеменников не доверять мусульманам, ибо они были для них людьми «чужой веры и народа, и, уговаривая их, искренне мучился из-за того, что множество христиан может погибнуть»⁶⁴⁸, тем самым он признавал его благочестивым человеком.

При описании осады Манцикерта сельджуцким султаном Тогрул-беком Михаил Атталиат с восхищением рассказывает о подвиге одного «латинянина», о котором более подробно говорят амяноязычные авторы Аристокс Ластивертци и Матфей Эдесский. В связи с этим большой интерес представляет то, как данное событие оценил византийский автор. Сельджуки пытались разрушить стены города с помощью различных машин, но византийский командующий Василий Апокавк активно и небезуспешно руководил обороной города и разрушал катапульты сельджуков. Но была одна огромная машина, которая могла бросать целые скалы и была надежно защищена от любой хитроумной атаки византийцев. Атталиат подчеркивает, что византийский военачальник ничего не мог придумать для того, чтобы противостоять этому орудию⁶⁴⁹. Тогда Бог, «который всегда защищает племя христиан», вдохновил одного «латинянина» придумать блестящий план: поджечь катапульту с помощью горючей смеси, после чего тот не замедлил его исполнить и невредимым вернулся в город. Атталиат полагает, что сельджуцкий султан был взбешен этим поступком и обвинил своих подчиненных в глупости, т.к. они считали «ромеев» трусами, а они, напротив, показали себя настоящими храбрецами⁶⁵⁰. В данном случае «латинянин» предстает орудием Господа, но пользу от его действий приобретают «ромен».

Михаил Атталиат, повествуя о мятеже Роберта Криспина, сообщает о том, что посланный против него вестарх Самуил Алузиан во главе пяти «тагмат» врасплох напал на норманнов в святой для всех христиан праздник Пасхи⁶⁵¹. Но Алузиану не удалось воспользоваться преимуществом внезапного нападения. Его солдаты начали спотыкаться о растяжки шатров, пока окончательно не запутались в них и тем самым обнаружили себя перед противником. По этой причине норманнам легко удалось не только отбить атаку на их лагерь, но и,

⁶⁴⁸ Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 618—619.

⁶⁴⁹ Attaliota Michael. P. 46.

⁶⁵⁰ Ibid. P. 47.

⁶⁵¹ Ibid. P. 123.

быстро оседлав коней, перейти в контрнаступление, в ходе которого многие византийцы погибли или попали в плен. После этого «латинский предводитель» (λατίνων ἑξαρχον) сел и обратился с речью, проклиная византийцев за «нечестие» (ἀσέβεια)⁶⁵². За то, что они «в такой важный и удивительный день», который является «праздником праздников» с оружием в руках напали на христиан, хотя в этот день «православным» надлежит кротко воздерживаться от убийства не то что христиан, но даже поганых⁶⁵³. В то же время Роберт Криспин обошелся очень мягко с пленными византийцами. Считая их достойными сочувствия, освободил, а раненых по деревням разместил, проявив о них безупречную заботу⁶⁵⁴.

Таким образом, византийские авторы считали норманнов не только христианами, но и очень благочестивыми людьми, а в особых случаях и орудием Господа, действующем в интересах «ромеев».

Если норманны воспринимались византийскими авторами как христиане, то это не означало, что византийцы считали их равными себе во всем. Так, довольно часто они называют норманнов «варварами».

Какое значение византийские авторы вкладывали в этот термин? Как видно из сочинения Анны Комнины, «варвар» отличался от византийца в первую очередь поведением. Так, «латинянин» Иоанн Итал, не чуждый «эллинской образованности»⁶⁵⁵ (он был учеником Михаила Пселла), по мнению византийской принцессы, вел себя с «варварской дерзостью»⁶⁵⁶ и «варварской необузданностью»⁶⁵⁷. Георгий Кедрин считал Жерве Франкопулоса «варваром» потому, что тот был «неспособен обуздать свой гнев, не знал меры в унижениях, не сведущий в том, что о нем думают ромеи»⁶⁵⁸. Ему вторит Анна Комнина, утверждавшая, что византиец «лучше варвара владеет собой и способен до времени не показывать гнева»⁶⁵⁹. Помимо этого, Анна говорит, что «варвары всегда рады устроить резню и начать войну»⁶⁶⁰, «варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры»⁶⁶¹.

⁶⁵² Ibid.

⁶⁵³ Ibid. P. 124.

⁶⁵⁴ Ibid.

⁶⁵⁵ Анна Комнина. V, 8, С.172.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 618.

⁶⁵⁹ Анна Комнина. VII, 9, С. 222 и сл.

⁶⁶⁰ Там же. IX, 3, С. 251.

⁶⁶¹ Там же. VII, 6, С. 215

Таким образом, под «варваром» византийцы понимали человека, воспитанного в чуждой для них традиции, который придерживался иной, чем византийцы системы ценностей и совершенно не делал попыток к овладению византийской традицией.

Противоположным по значению термину «варвар» являлся термин «ромей», который, по мнению Григория Григорьевича Литаврина⁶⁶², до конца X в. не носил в себе никакого этнического значения. Для этой цели употреблялся термин «эллины». Термин «римляне» содержал в себе исключительно конфессиональный и политический смысл. Но это не значило, что любой человек независимо от этнического происхождения, если он был подданным византийского императора и христианином, становился «ромеем» в глазах византийцев. В XI–XII вв. для того, чтобы стать в глазах византийцев «ромеем», необходимо было в полной мере «уподобиться по мироощущению греку»⁶⁶³. В качестве примеров такой метаморфозы Г.Г. Литаврин приводит сведения Михаила Атталиата о некоем Ливелии, происходившем из Антиохии, говоря, что он предпочел «ассирийскому» воспитанию «ромейское» и стал «ромеем»⁶⁶⁴. Правитель Атталии Алдебрандин был родом италиец, по воспитанию и складу ума являлся «ромеем»⁶⁶⁵.

Стереотипы занимали главное место в оценке «кельтов», когда речь шла о противопоставлении их «ромеям». Когда Жерве Франкопулос не получил желаемого звания магистра, он стал смеяться и издеваться над «ромеями», «поскольку был бесчеловечен и тяжел в общении»⁶⁶⁶. Анна Комнина говорит, что «кельты» не желают слушать советы⁶⁶⁷, они «болтливые»⁶⁶⁸, «пустословы»⁶⁶⁹, «крючкотворы»⁶⁷⁰, не обращают внимания на реакцию своих собеседников⁶⁷¹. Вероятно, что более естественным для византийцев считалось в разговоре с собеседником сохранять «сдержанность»⁶⁷² в проявлении чувств, «кротость»⁶⁷³ и «мягкость»⁶⁷⁴.

⁶⁶² Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 206 и сл.

⁶⁶³ Там же.

⁶⁶⁴ Там же.

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 616.

⁶⁶⁷ Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

⁶⁶⁸ Там же. XIV, 4, С. 385.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Там же.

⁶⁷¹ Там же.

⁶⁷² Анна Комнина. X, 3, С. 270.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же.

«Природным качеством» всех западноевропейских рыцарей Анна Комнина считает «непостоянство»⁶⁷⁵. Смысл этого замечания Анна раскрывает в следующих словах: «... как один и тот же человек то хвастает, что потрясет всю землю, то раболепствует и падает ниц, особенно когда встречается людей более твердого характера»⁶⁷⁶.

Традиционному «варварскому непостоянству» противопоставляется «непоколебимость»⁶⁷⁷ и «твердость»⁶⁷⁸ византийцев. «И в самом деле, наряду с другими свойствами племя кельтов отличается своеволием и нежеланием слушать советы; Оно никогда не придерживается ни дисциплины, ни военной науки. Во время боя гнев рычит в них, и все они – рядовые воины и предводители делаются неукротимыми, врываясь во вражескую фалангу. Они неудержимы, если только их противник хоть немного дрогнет, но если неприятель устроит засады по правилам военной науки и искусно будет с ними бороться, их отвага переходит в другую крайность. В общем, первый натиск кельтов неудержим, но затем их очень легко одолеть из-за их тяжелого оружия и бешеного, безрассудного нрава»⁶⁷⁹.

В чем же видела Анна Комнина превосходство византийцев над «храбрыми»⁶⁸⁰, «горячими»⁶⁸¹, «быстрыми»⁶⁸², «неудержимыми в натиске»⁶⁸³, но столь «непостоянными»⁶⁸⁴ «кельтами»?

Оно заключалось в традиционных качествах «римлян»: «дисциплине»⁶⁸⁵ и «знании военной науки»⁶⁸⁶. Никита Хониат осуждает «латинян» за то, что во время боя ими движет «слепая страсть»⁶⁸⁷, а не «разумное мужество»⁶⁸⁸. Он добавляет к списку «ромейских» доблестей, помимо «военного искусства» и «дисциплины», превосходство византийцев в «красноречии и образованно-

⁶⁷⁵ Анна Комнина. X, 11, С. 291.

⁶⁷⁶ Анна Комнина. XIII, 10, С. 361.

⁶⁷⁷ Анна Комнина. XIII, 7, С. 358.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

⁶⁸⁰ Анна Комнина. X, 5, С. 277.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ Анна Комнина. X, 5, С. 275.

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

⁶⁸⁶ Там же.

⁶⁸⁷ Никита Хониат. II, С. 437.

⁶⁸⁸ Там же.

сти, как людей искусных в словах и не имеющих недостатка в умственных способностях»⁶⁸⁹. По мнению Анны, причиной побед Русселя де Баллиоля над «ромеями» была «порочность ромеев»⁶⁹⁰.

Таким образом, называя норманнов «варварами», византийцы, по всей видимости, воспринимали их как людей, воспитанных в чуждой для них традиции и придерживающегося в своих действиях иной системы ценностей. В таком случае возникает вопрос о том, выходят ли византийцы при оценке норманнов за рамки античной традиции? Ответ на этот вопрос можно найти, сравнивая описания двух народов: норманнов и варягов, сделанное с натуры Михаилом Пселлом.

Своим обликом норманны и варяги вызывали у Пселла смешанные чувства ужаса и восхищения: «они были страшны видом своим, и наружностью, те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни поддельывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек, другие сохраняют их в природном виде»⁶⁹¹. В данном случае Пселл имеет ввиду то, что у норманнов было принято брить бороды, а викинги придерживались обратного, т.е. не брили их вовсе.

Интересен перевод Михаила Пселла В.Г. Васильевским о норманнском обычае «поддельывать цвет (краску)» на лице. Ключ к пониманию этого отрывка В.Г. Васильевский находит у Анны Комнины, которая, увидев безбородого Боэмунда, говорит о синей краске на его лице⁶⁹². В.Г. Васильевский предполагает, что такой взгляд византийцев на норманнов продиктован античной традицией: упоминанием в записках Цезаря о галльской войне об обычае кельтской знати раскрашивать свои тела в синий цвет⁶⁹³. Но возможно, что в данном случае упоминание о синей краске на лицах норманнов не послушное следование античной традиции, но, скорее, риторический оборот.

Михаил Пселл создал сравнительную характеристику боевых качеств норманнов и варягов, считавшихся одними из самых лучших воинов в мире. «Италийцы и тавроскифы»⁶⁹⁴, <...> ; они ужасны в натиске, легко подвижны и стремительны, другие яростны, но медлительны; одни неудержимы в первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (букв.:

⁶⁸⁹ Никита Хониат. II, С. 198.

⁶⁹⁰ Анна Комнина. I, 10, С. 74.

⁶⁹¹ Цит. по: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 327.

⁶⁹² Там же. С. 329.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Т. е. варяги (Там же. С. 327).

не обращают внимания на куски мяса, теряемые в сражении). Они заключали собой цикл кругов, нося продолговатые копыя и с одной стороны заостренные топоры»⁶⁹⁵. Из этой характеристики нам становится ясно то, насколько сильно отличались норманны от варягов в глазах византийцев. Пселл не просто приводил боевые качества двух разнородных отрядов: свойства норманнской кавалерии и варяжской пехоты, а осознано сравнивал два различных народа.

Но как воспринимали предводителей норманнов византийские авторы? Их социальную организацию, обычаи, цели, ресурсы? Наконец, как они воспринимали отдельных предводителей, какие качества норманнских рыцарей заслуживали восхищения византийцев?

Первых норманнских предводителей, пришедших в Византию, местные жители называли «архонтами франков». Иоанн Скилица говорит, что норманны, захватив владения Византии в Италии, разделили их между собой и стали называть себя «графами» (κομητας)⁶⁹⁶, а своего предводителя «герцогом» (δουκα)⁶⁹⁷. Таким образом, термин «граф» в представлении византийцев означал некое звание, служившее для обозначения предводителей «кельтов».

Внимание византийцев привлекали «кельтские» обычаи, такие как судебный поединок и клятва верности. Анна Комнина говорит, что после того, как был раскрыт заговор «трех знатных графов, собиравшихся перейти на сторону императора»⁶⁹⁸, те «согласно кельтскому закону должны были оправдаться в бою»⁶⁹⁹. Один граф был побежден и ослеплен Боэмундом, другого он отправил к своему отцу Роберту, чтобы тот его ослепил⁷⁰⁰. В данном случае Анна истолковывает мало понятный ей «кельтский закон», чтобы продемонстрировать бессмысленность и жестокость поступков норманнов.

Другой обычай также был для византийцев в диковинку, когда в сражении между Алексеем Комниным и Никифором Вриеннием «франки» стали сходить с коней и в «знак верности, по отечественному обычаю»⁷⁰¹, протягивать правые руки Вриеннию, то все его войско сбегалось посмотреть на это зрелище⁷⁰². Вероятно, этот случай произвел большое впечатление на Алексея Комнина, от

⁶⁹⁵ Цит. по: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 327.

⁶⁹⁶ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 724.

⁶⁹⁷ Там же.

⁶⁹⁸ Анна Комнина. V, 5, С. 165.

⁶⁹⁹ Там же.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Никифор Вриенний. 4,10. С. 151—152.

⁷⁰² Там же.

которого «франки» перебежали к Вриеннию, и он стал по-иному воспринимать традиционную для норманнов клятву верности. Император воспользовался клятвой верности, чтобы подчинить себе вождей Первого крестового похода.

Какими бы дикими и жестокими ни казались византийцам обычаи «кельтов», они прекрасно сознавали, что их использование – это единственный способ контролировать западноевропейских рыцарей, не имевших ни малейшего понятия о «дисциплине». На смену «дисциплине» в отношениях между византийским императором и «кельтами» приходит принцип личной верности. Так, характеризуя одного из норманнских советников Алексея Комнина Петра Алифу, Анна Комнина отмечает, что тот «отличался непоколебимой верностью самодержцу»⁷⁰³.

Как византийцы оценивали ресурсы норманнов? Кедрин сообщает, что Жерве Франкопулос имел дом в феме Армениак⁷⁰⁴. Михаил Атталиат говорит о том, что там же Роберт Криспин и Руссель распоряжались замками⁷⁰⁵.

«Франки» неоднократно упоминаются в актовом материале XI в., освобождающем монастыри от постоя и содержания наемных сил империи⁷⁰⁶. Подобная практика расквартирования чужеземных наемников на территории Византии обозначалась термином «ιτατον»⁷⁰⁷, а также «φραγγοιτατον»⁷⁰⁸. Но существование подобного рода повинности не объясняет факт владения норманнами земельной собственностью в Армениаке, а также их тесные связи с этим регионом Малой Азии⁷⁰⁹.

⁷⁰³ Анна Комнина. XIII, 4, С. 349.

⁷⁰⁴ «τοῦ Ἀρμενιακὸν οἰκία αὐτοῦ, τῇ Δαγαράβῃ» (Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / ed. J. Thurn. Berlin, 1973. P. 485). Название места, где располагался дом Жерве, у Кедрина существенно отличается: «Δαβαράμ» (Georgius Cedrenus, Ioannus Scylitza. II, P. 617).

⁷⁰⁵ Под управлением Роберта Криспина находился неприступный Черный замок (Μαυροκάστρου) (Attaliota Michael. P. 125). Руссель возвращается в свой замок (αὐτοῦ κάστρος) и укрепляет его после неудачного похода на Константинополь (Attaliota Michael. P. 199).

⁷⁰⁶ Actes de Lavra / Édition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Collomp d'après les descriptions, photographies et copies de Gabriel Millet et Spyridon de Lavra. P., 1937. Vol. I. P. 198; Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1887. Vol. V. P. 137, 143; Каждан А.П., Фонкич Б.Л. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения // Византийский Временник. 1973. Вып. 34. С. 49.

⁷⁰⁷ Bartusis M.C. Mitaton // The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. II. P. 1385; Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe—XIe s.). Athènes, 1996. P. 91—92, 264—267.

⁷⁰⁸ Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου... P. 69.

⁷⁰⁹ Shepard J. The uses of Franks... P. 287—288; Theotokis G. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the service of the Byzantine emperors (9th—11th c.). Numbers, organisation and batttle tactics in the operational theatres of Asia Minor and the Balkans // Βυζαντινά Σύμμεικτα. 2012. Vol. 22. P. 146—147; Λεβενιώτης Γ. Α. Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου... P. 83.

Однако данные источников не позволяют дать ясный ответ на поставленный вопрос. П. Магдалино рассмотрел его по аналогии с другими «союзными силами»: армянскими князьями, узами и печенегами, которые получали в XI в. земли от императоров в различных частях империи в обмен на несение военной службы⁷¹⁰. Все пожалования такого рода давались на «обширных и ценных» землях фиска, которые были отвоеваны у арабов или конфискованы у фамилий магнатов и были призваны обеспечить своих держателей всем необходимым взамен наличных платежей⁷¹¹. Общим для этих владений было то, что они располагались в удаленных от Константинополя территориях, которые не имели выхода к морю и важного значения с точки зрения снабжения столицы продовольствием⁷¹².

По мнению П. Магдалино, Константин Мономах (1042–1055) стал расселять норманнов в Армениаке с 1047 г., преследуя следующие стратегические цели: противодействие экспансии тюрок-сельджуков; охранение коммуникаций с восточными регионами империи; усиление фемных войск Армениака⁷¹³. П. Магдалино предположил, что норманны во главе с Жерве Франкопулосом поселились на землях, которые были конфискованы Константином Мономахом у рода Далассинов⁷¹⁴.

П. Магдалино связывает появление владений иноземных наемников на территории империи с развитием института пронии, который стал ответом Константинопольского правительства на следствия тяжелого кризиса: территориальные утраты, нехватка наличных денег и проблемы с беженцами⁷¹⁵.

Ж.-К. Шене поддержал гипотезу П. Магдалино⁷¹⁶ и сделал ряд ценных замечаний: заселение «латинян» в Армениак, а также переселение армянских князей в Каппадокию проводилось императорами Македонской династии с целью ослабления позиций малоазийской знати; в военном отношении этот шаг давал возможность объединить рыцарскую конницу с армянской пехотой⁷¹⁷.

⁷¹⁰ Magdalino P. The Byzantine Army and the Land: from stratotikon ktema to military pronoia // Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος—12ος αι.) / ed. Κ. Τσικνάρης. Αθήνα, 1997. P. 29.

⁷¹¹ Ibid. P. 30.

⁷¹² Ibid.

⁷¹³ Ibid. P. 31.

⁷¹⁴ Ibid. P. 32.

⁷¹⁵ Ibid. P. 36.

⁷¹⁶ Cheynet J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // Byzanz und das Abendland im 10 und 11 Jahrhundert / ed. E. Konstantinou. Cologne, 1997. P. 120.

⁷¹⁷ Ibid. C. 121.

Другим аспектом заселения франков в Армениак была необходимость обороны серебряных рудников, располагавшихся вблизи Амасии и Мерсифона⁷¹⁸.

Никифор Вриенний, говоря о мятеже Русселя де Баллиоля в Малой Азии, описывает рост могущества норманна в следующих словах: «Руссель свободно проходил по селам и городам между Галатией и Ликаонией, и одни опустошал, другие убеждал к покорности, а с иных брал деньги. Через это он стал силен и неудержим в своем стремлении»⁷¹⁹.

Описание действий Русселя в Малой Азии у Никифора Вриенния очень сильно напоминает действия другого норманнского предводителя в Южной Италии, которому византийские авторы уделили гораздо больше внимания. В самом начале своей карьеры, как отмечает Анна Комнина, Роберт Гвискар «вместе с несколькими всадниками (всего их было пять конных и тридцать пеших) покинул Нормандию. Выйдя за пределы отечества, он обосновался в нагорьях, пещерах Лонгивардии, во главе разбойничьего отряда нападал на путников и захватывал коней, имущество и оружие»⁷²⁰. Анна рисует картину возвышения Роберта Гвискара: как он из разбойника и конокрада превратился в герцога Апулии, Калабрии и Сицилии – богатейших византийских провинций. От мелкого разбоя на дорогах и денежных вымогательств⁷²¹ он перешел к захвату городов и целых провинций. «С каждым днем увеличивалось его могущество, росло властолюбие. Роберт присоединял к уже завоеванным городам новые города, а к имеющимся богатствам – новые богатства. В короткое время достиг он герцогской власти и был провозглашен герцогом всей Лонгивардии, что возбудило всеобщую зависть»⁷²².

Способны ли были византийские авторы воспринимать личности предводителей норманнов, исходя не из античной традиции, а из реальности? Могли ли они увидеть в «чужом» для них норманнском предводителе нечто «свое», нечто общее для норманнов и византийцев? Ответ на этот вопрос покажет, насколько успешным было взаимодействие норманнов и византийцев с точки зрения последних.

Георгий Кедрин называл Жерве Франкопулоса «варваром», в то же время с явным сочувствием рассказывал о его мятеже. В Армениаке Жерве собрал

⁷¹⁸ Ibid. С. 122. Pitarakis B. Mines anatoliennes exploitées par les Byzantins: recherches récentes // Revue numismatique. Vol. 153. 6e série, 1998. P. 158—161.

⁷¹⁹ Никифор Вриенний. II, 14, С. 81—82.

⁷²⁰ Анна Комнина. I, 11, С. 75 и сл.

⁷²¹ Анна Комнина. I, 11, С. 78.

⁷²² Там же.

отряд из 300 франков и заключил союз с тюрками против «ромеев». По мнению Кедрина, «этот союз просуществовал бы дольше, если бы между тюрками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни». Тюрки-сельджуки вероломно напали на отряд Жерве, но, благодаря его настороженному отношению к «союзникам», были разбиты. После этой победы франки Жерве окончательно утратили осторожность, несмотря на увещания и просьбы своего предводителя, предались «попойкам и пиршествам». После того, как франки заснули, тюрки вновь напали на них и на этот раз многих перебили, а многих, в том числе и самого Жерве, схватили⁷²³. В этом эпизоде противостояния франков христиан и коварных мусульман симпатии Кедрина на стороне побежденных франков. Но еще больше он симпатизирует Жерве Франкопулосу, который ведет себя более благоразумно, чем его товарищи, руководствуясь при этом благочестивыми побуждениями.

Михаил Атталиат, описывая мятеж Роберта Криспина, отмечает, что, занимаясь грабежами, Криспин воздерживался от убийства «ромеев»⁷²⁴. Он с сочувствием пишет о попытках Криспина оправдаться перед Романом Диогеном за поднятый мятеж, заявляя о том, что вынужден был к этому нападшими на него «ромеями». Признание Криспина было благосклонно принято императором, т.к. оно исходило от «человека храброго» и «полезного в делах войны и сражений», который дерзал выступать против великого множества «тюрок» и совершал великие дела⁷²⁵. А при личной встрече с императором он во всем уподоблялся рабу и явился в сопровождении только двоих своих воинов⁷²⁶.

В другом отрывке Атталиат высказывается еще более красноречиво: «Его же благороднейшего в деяниях и сильнейшего, ибо для самого взыскательного взгляда на него была очевидна доблесть во всем им ранее совершенном, большое усердие пробуждал в воинах во время перенесения ими воинских трудов»⁷²⁷. Таким образом, Атталиат, говоря о Криспине, видит перед собой не «варвара», но чужеземца, который внимательно изучает чуждые для него обычаи. Также Атталиата восхищают военные доблести Криспина.

Не менее высоких оценок заслужил у византийцев другой норманнский предводитель: Руссель де Баллиоль. Никифор Вриенний, не выходя за рамки античной традиции, отмечает его «храбрость и полезность ромеям». Анна

⁷²³ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. II, P. 616—619.

⁷²⁴ Attaliota Michael. P. 123.

⁷²⁵ Ibid. P.124

⁷²⁶ Ibid. P. 125.

⁷²⁷ Ibid. P. 171.

Комнина называет Руссея человеком «благородным и настоящим героем». Последнюю оценку можно было бы считать всего лишь риторическим оборотом, если бы не позиция Михаила Атталиата в отношении плененного Руссея, в соответствии с которой он порицает византийского императора за жестокое отношение к мятежнику варвару и недостаток «терпимости и великодушия». Более того, Атталиат считает, что Руссея «можно было бы облечь военной властью и поручить освобождение от захватчиков восточных областей, поскольку такое решение сразу приходит на ум при рассмотрении его предшествующих побед и отважных подвигов»⁷²⁸.

Если византиец в конфликте между императором и «иноплеменником» становился на сторону последнего и порицал действия императора, то это означало, что «иноплеменник» действительно заслуживал в его глазах высокой оценки. Другими словами, по мнению Атталиата, возвышение Руссея над «ромеями» было вызвано необходимостью, которую Атталиат прекрасно осознавал, а, следовательно, при оценке Руссея как заслуживающего власти полководца он исходит из реальности, а не из античной традиции.

Сочинению Анны мы обязаны появлением настоящих литературных психологических портретов итальянских норманнов: Роберта Гвискара и его сына Боэмунда. Анна создает классический для византийской литературы образ злодея, составными чертами которого являлись «мерзкая душа»⁷²⁹ Роберта Гвискара, лелеющего чудовищные замыслы, «злонравного»⁷³⁰, «коварного»⁷³¹, «вероломного»⁷³² и «злокозненного»⁷³³, движимого «властолюбием»⁷³⁴.

Вместе с тем Анна признает Роберта Гвискара великим человеком⁷³⁵, «выдающимся полководцем», упорным в достижении поставленной цели⁷³⁶ и упоминает, что он имел «внешность, достойную владыки»⁷³⁷. Более того, по полководческим качествам и дарованиям Анна Комнина находила возможным поставить его в один ряд со своим отцом и императором Византии

⁷²⁸ Attaliota Michael. P. 207.

⁷²⁹ Анна Комнина. I, 10, С. 75—76.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же.

⁷³³ Там же.

⁷³⁴ Анна Комнина. III, 9, С. 133.

⁷³⁵ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁷³⁶ Анна Комнина. IV, 8, С. 155.

⁷³⁷ Анна Комнина. VI, 8, С. 187.

Алексеем I⁷³⁸. Таким образом, в представлении византийской принцессы «злоскозненный» тиран Роберт Гвискар, претендовавший на трон византийской империи, получает признание как великий полководец и правитель.

При описании сына Роберта Анна говорит, что «не было подобного Боэмунду варвара или эллина во всей ромейской земле – вид его вызывал восхищение, а слухи о нем – ужас»⁷³⁹. Она подчеркивала его исключительность и отличие его поведения от поведения других участников первого крестового похода, в том числе и норманнов. Так, в споре Танкреда и Георгия Палеолога он занял сторону Палеолога, а не своего племянника Танкреда, которому заявил, что «не подобает бесстыдно нападать на родственников императора»⁷⁴⁰. В этом случае, в глазах Анны Комнины, Боэмунд ведет себя в соответствии с византийскими стандартами. Без тени удивления и беспокойства Анна Комнина говорит о том, как не оправдался расчет византийского императора на «варварскую природу»⁷⁴¹ Боэмунда, когда Алексей Комнин рассчитывал с помощью подложных писем перессорить Боэмунда с другими военачальниками.

Боэмунд, «не выходя из палатки, мучительно раздумывал, что ему следует делать. Он мысленно перебирал различные варианты. Вызвать коннетаблей и высказать своему брату Гвидо подозрения, имеющиеся на его счет? И, наконец, кого назначить вместо них коннетаблями? Все они были людьми знатными, Боэмунд понимал, какой ущерб принесет их опала, и поэтому решил дело соответственно обстоятельствам (я думаю также, что он заподозрил скрытый смысл писем), приветливо обошелся с ними и смело позволил им сохранить свое прежнее положение»⁷⁴². В обоих случаях Боэмунд действует не с «варварской необузданностью», а напротив, проявляя византийскую «сдержанность» и «осторожность».

Воспевая полководческие дарования своего отца, Анна говорила, что «полководец не должен во всех случаях стремиться оружием одержать победу, но иногда, когда время и обстоятельства это позволяют, может для завоевания полной победы прибегнуть к хитрости. Насколько мне известно, полководцы часто обращаются к помощи не только мечей и сражений, но и мирных договоров. Да и вообще бывают случаи, когда врага лучше одолеть коварством»⁷⁴³.

⁷³⁸ Анна Комнина. V, 1, С. 157.

⁷³⁹ Анна Комнина. XII, 10, С. 362.

⁷⁴⁰ Анна Комнина. XI, 2, С. 298.

⁷⁴¹ Анна Комнина. XIII, 4, С. 350.

⁷⁴² Там же.

⁷⁴³ Анна Комнина. XIII, 4, С. 348.

Таким образом, Анна не считает зазорным пользоваться «хитростью» и «коварством» для достижения своих целей, наоборот, она видит в этом необходимое качество любого полководца. Не исключением для нее был и Боэмунд, который заявлял, что «не все победы бог дает одержать нам, полководцам, оружием. И не всегда они добываются в сражении. То, что не дает бой, нередко дарит слово, и лучшие трофеи воздвигает приветливое и дружеское обхождение»⁷⁴⁴.

Во всех приведенных случаях Боэмунд думает и говорит, как византиец. Возможно, это явилось следствием того, что, пытаясь воссоздать в своем сочинении исторические события с участием Боэмунда, Анна вынуждена вставать на его место, т.е. вживаться в придуманный ею образ и выдавать свои мысли и чувства за мысли Боэмунда. Так или иначе, в этих случаях Анна Комнина «забывает» о той границе, которая отделяет византийца от «варвара» и подсознательно наделяет Боэмунда чертами «ромея».

Анна Комнина обращает внимание на идеальное сложение и телесную крепость Роберта Гвискара⁷⁴⁵, подробно останавливается на физических данных Боэмунда⁷⁴⁶. Описывая внешность Боэмунда, она отмечала прежде всего «большой рост»⁷⁴⁷, «широкие плечи»⁷⁴⁸, «обширную грудь»⁷⁴⁹ и «сильные руки»⁷⁵⁰, «могучие руки, твердая походка, крепкие шея и спина»⁷⁵¹. Она говорила, что в облике Боэмунда было что-то «звероподобное»⁷⁵², в то же время сравнивая Роберта Гвискара с «диким вепрем»⁷⁵³, а Руссея де Баллиоля с «рыкающим львом»⁷⁵⁴. В тех же словах Анна описывает своего отца Алексея: «Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь – весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление»⁷⁵⁵.

Таким образом, византийские авторы оценивали предводителей норманнов как людей «благородных», т.е. обладавших военной доблестью, известных

⁷⁴⁴ Анна Комнина. XI, 4, С. 301.

⁷⁴⁵ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁷⁴⁶ Анна Комнина. XIII, 10, С. 363.

⁷⁴⁷ Анна Комнина. XIII, 10, С. 362.

⁷⁴⁸ Там же.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ Там же.

⁷⁵² Там же.

⁷⁵³ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

⁷⁵⁴ Анна Комнина. I, 3, С. 69.

⁷⁵⁵ Анна Комнина. III, 3, С. 121.

своими победами и подвигами. Достойных высокого положения в империи. Анна Комнина считала их настоящими героями, сравнимыми по своим доблестям с императором, ее отцом Алексеем I. Из этого следует, что византийские авторы не всегда слепо доверялись античной традиции в оценке «иноплеменников», а исходили из действительной эффективности действий последних. По своим качествам предводители норманнов не только не противопоставляются византийцам, а наоборот, оцениваются как совершенно им равные. «Благородство», «военная доблесть», «известность», «великие свершения», «героическая внешность» в такой же мере присущи предводителям норманнов, как и византийцам. Вероятно, подобное отношение к норманнам было характерно не для всего византийского общества, а только для провинциальной византийской знати, к которой принадлежал Алексей Комнин.

Ценности, обычаи, манера боя и поведения норманнов получили распространение в замкнутом военном сословии. Величайшей похвалой для профессионального византийского военного было сказать про него, что он владеет оружием и конем как прирожденный норманн. «И в самом деле, Никифор по-настоящему умел владеть копьем и прикрываться щитом. Видя Никифора на коне, можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея»⁷⁵⁶.

Норманны воспринимались византийскими авторами как христиане. Таким образом, между норманнами и византийцами отсутствовал самый непреодолимый, с точки зрения многих культур, религиозный барьер. При этом византийцы смотрели на норманнов через призму античной традиции и воспринимали их как «варваров» и иноплеменников. Это была, прежде всего, проблема общения и воспитания. Византийцу крайне тяжело было добиться взаимопонимания с человеком, воспитанным в совершенно иной традиции.

В то же время византийцы были способны воспринимать норманнов, исходя из действительности, а не только античной традиции. Они выделяют норманнов из сонма варваров, противопоставляя их тюркам-сельджукам и варягам. Византийцы видели социальную организацию, с большим вниманием относились к обычаям норманнов. Выделяли предводителей и их личные цели. Они видели и стремились к тому, чтобы знать, какова реальная угроза от того или иного предводителя, какими он располагал ресурсами для достижения собственных целей.

У некоторых византийских авторов ясно намечается тенденция высоко оценивать личные качества и способности предводителей норманнов, при этом не только не противопоставляя их «ромеям», а наоборот, ставя их

⁷⁵⁶ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

на один уровень. Византийцы остро нуждались в помощи норманнов для противостояния туркам-сельджукам, что обеспечило их признание в узкой среде византийской провинциальной знати, в глазах которой норманны за свои военные доблести становились образцом для подражания.

3.3. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ НОРМАННОВ И ТЮРОК-СЕЛЬДЖУКОВ В МАЛОЙ АЗИИ

С XI в. Малая Азия стала объектом завоеваний кочевников — огузов и туркоманов. Этому в немалой степени способствовала политика султанов из династии Великих Сельджуков (1037–1157), которые стремились отправлять кочевников, вносящих смуту в уклад завоеванных оседлых государств, на границы для набегов и борьбы с христианскими государствами. В результате разгрома сельджуками византийской армии Романа IV Диогена при Манцикерте (тур. Малазгирт) в 1071 г., огузские и туркоманские орды устремились вглубь Малой Азии, где стали возникать первые государства с тюркскими династиями во главе: Иконийский султанат, эмират Данышмендидов в Сивасе, Салтукидов в Эрзеруме и т.д.

Норманны, призванные византийцами противодействовать вторжению сельджуков, не только успешно воевали, но и охотно заключали с ними союзы. В 1057 г. Жерве Франкопулос какое-то время действовал совместно с Самухом — эмиром Хорасанского салара Йакути ибн Чагры Бека⁷⁵⁷. Осенью 1062 г. Жерве совместно с дукой Эдессы Даванатосом разбил салара Хорасана, а в следующем году под Эрзерумом совершенно истребил отряд тюрок и убил возглавлявшего его эмира Юсуфа⁷⁵⁸. В 1073 г. Руссель де Баллиоль попал в плен к тюркскому предводителю Артуку⁷⁵⁹, а позднее объединился с тюркским эмиром Тутахом⁷⁶⁰.

⁷⁵⁷ Cahen C. La premiere penetration turque... P. 18, 22—23; Апанович О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты... С. 81.

⁷⁵⁸ Armenia and the Crusades... P. 99—101; Cahen C. La premiere penetration turque... P. 22—23.

⁷⁵⁹ Казн предполагает, что это был Артук ибн Эксеб, основатель династии Артукидов и вождь тюркского племени догер, который в это время находился на службе у сельджукского султана Малик-Шаха (Cahen C. La premiere penetration turque... P. 33).

⁷⁶⁰ Тюркский эмир, которого традиционно идентифицируют с Артуком (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Die byzantinischen Quellen der Geschichte de Türkenvölker. T. 2. S. 72, 328).

В 1068 г. Никсар захватил Афшын-бей. Руссель де Баллиоля и Роман Диоген отбили город. После битвы при Манцикерте в 1071 г. владельцем Никсара стал Артук ибн Эксеб. В 1073 г. город перешел в руки Русселя де Баллиоля. К моменту проникновения в регион Никсара тюркского эмира Данышменда Ахмеда Гази – в период с 1075 по 1085 г. – город находился под властью норманнов с 1073 по 1076 гг.⁷⁶¹

Перед Первым крестовым походом норманнские авторы Южной Италии лучше других средневековых латинских хронистов были осведомлены о положении дел в Малой Азии.

Амато рассказывает о том, как византийский император отправил Русселя де Баллиоля против тюрок-сельджуков. «Но так судил Господь, что турки одержали победу и учинили великое избиение христиан. И Август, и Руссель попали в плен, а с ними все их рыцари»⁷⁶². Очевидно, что Амато в данном случае говорит о сражении при Манцикерте. Амато отмечает, что предводитель тюрок «*Duc de li Turcs*» обращался с пленниками достойно⁷⁶³, а затем «*Roy de Thurqui*» «с почестями» отпустил императора и Русселя⁷⁶⁴.

В разгоревшейся вслед за этим гражданской войне «немалая часть империи запросила помощи у тюрок»⁷⁶⁵. Амато сообщает, что «греки» обратились к тюркам против Русселя, и те за щедрое вознаграждение охотно выполнили их просьбу⁷⁶⁶.

Амато крайне сдержанно реагирует на проникновение тюрок-сельджуков в Малую Азию. Он с готовностью осуждает «греков» за «предательство» норманнского наемника, нежели сельджуков за «великое избиение христиан».

Вильгельм Апулийский с сочувствием пишет о византийском населении Малой Азии, которому выпало на долю испытать ужасы сельджукского завоевания: «Тем временем напуганное нашествием тюрок с востока на запад бежало племя христиан, которые роскошные места Романии населяли. Большая часть их пала под ударами нечестивых турецких мечей, и народ всех захваченных городов, платя дань, служил им»⁷⁶⁷.

⁷⁶¹ Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11ου αι. Θεσσαλονίκη, 2007. Ρ. 467—468, 591.

⁷⁶² Amato I, 9, Ρ. 17.

⁷⁶³ Ibid.

⁷⁶⁴ Ibid. I, 11, Ρ. 18—19.

⁷⁶⁵ Ibid.

⁷⁶⁶ Ibid. I, 15, Ρ. 20.

⁷⁶⁷ Guil. Apul. III, 7—12, Ρ. 265—266.

Он говорит, что в результате междоусобиц «коварное племя тюрок»⁷⁶⁸ стало устраивать в Малой Азии убийства и грабежи, и ни одному правителю не было под силу изгнать их⁷⁶⁹. И после этого Вильгельм обращается к племени «Галлов» (под которыми он понимает не только норманнов, но и участников Первого крестового похода): «И никакая власть не смогла бы их изгнать до тех пор, когда сильнейшее из всех племен – племя галлов, направляемое повелением свыше, силой оружия над врагом восторжествовало и свободу возвратило; и вдохновленное Богом стремится открыть пути к святому животворящему гробу, которые уже долгое время были закрыты»⁷⁷⁰.

Норманнские предводители в Малой Азии, не имея достаточных сил, вынуждены были заключать союзы с тюрками-сельджуками против Византии. Однако продолжительность такого рода союзов была крайне недолговечна. У Кедрина мы находим следующий рассказ:

«Добившись разрешения от императора отправиться домой, (Жерве Франкопулос – В.П.) переправился на Восток и отправился в Дабарам провинции Армениак, где находился его дом. Договорившись с некими франками, размещенными на зимовку, из трехсот своих приверженцев составил отряд в Мидии, и тогда же заключил союз для ведения войны против ромеев с Самухом. Этот союз просуществовал бы дольше, если бы между тюрками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни. Так, Самух делал вид, что придерживается союза, а Жерве, будучи всегда подозрительным, ожидал внезапного нападения со стороны тюрок. Поэтому и своих всегда побуждал быть начеку и спать вооруженными. Между тем, сколько бы Самух ни скрывал своих намерений, его коварство вскоре обнаружилось. Однажды он со всеми своими вооруженными тюрками во время завтрака на франков напал, но поскольку те что-то подобное ожидали, тотчас на коней, которых их предводитель приказывал держать наготове, вскочили и навстречу тюркам выехали. И случилась жестокая битва с тюрками, самая жестокая из всех бывших, в которой тюрки были разбиты. Большая часть их была перебита, а оставшиеся пешими и беззащитными в Ахлат бегством спаслись. Жерве, возвратившись из погони за врагами, уговаривал своих в лагерь отступить. Они же настаивали на том, чтобы в город войти, (ибо тамошний эмир был с ними в союзе и мире), в бане силы восстановить и смыть с себя

⁷⁶⁸ Guil. Apul. III, 98, P. 267.

⁷⁶⁹ Guil. Apul. III, 98—100, P. 267.

⁷⁷⁰ Guil. Apul. III, 100—105, P. 267.

кровь после битвы. Жерве страстно их от этого отговаривал и настойчиво умолял их отложить свое желание, чтобы слишком не доверяли клятве людей чужой веры и народа. И так уговаривая, сам искренне мучился тем, что множество христиан погибнет. Но когда убедился, что поет песни глухим, стал часто их предупреждать, чтобы, войдя в город, хранили бдительность и всегда держали оружие под рукой. Но франки, войдя в Ахлат, увещеваниями Жерве пренебрегли, и омовениям, попойкам и пиршествам предались. Между тем, эмир города Апонасар, дело с Самухом и соплеменниками обсудив, приказал, чтобы по данному им сигналу, чужеземных гостей схватить, а если это не удастся, то перебить. После того, как франки, пресытившись наслаждениями, легли спать. По данному сигналу одни из них были перебиты, другие схвачены, некоторые, которым удалось спрыгнуть со стены, убежали. Жерве был схвачен и связан. Лишь только это случилось, эмир императору через послов сообщил о своем к нему расположении, и что сам, такие коварные дела совершив, готов их умертвить, а предводителя их держать в плену»⁷⁷¹.

Авторство этого отрывка предположительно принадлежит Иоанну Скилице⁷⁷². Он описывает раздоры между врагами империи: норманнами и тюрками. Но он симпатизирует не «коварным» тюркам, а норманнам-христианам. Как византийский чиновник, он ясно видел противоречия между враждебно настроенными друг против друга норманнами и тюрками. Поэтому в этом конфликте мятежных норманнов и тюрок он занимает сторону норманнов как единоверцев.

Ахлат с VIII в. находился в зоне влияния мусульманского мира⁷⁷³. С середины XI в. он стал частью империи великих Сельджуков. Понятно, почему разбитые Жерве тюрки-сельджуки искали убежище в Ахлате. Это также объясняет обоснованные сомнения Жерве по поводу «гостеприимства» эмира. Удивительно, что норманны рассчитывали на гостепреимство в стенах города, который находится под властью мусульман.

Насир Хосров (1004–1088) в «Книге путешествия» писал, что город Ахлат располагается «на границе между мусульманами и армянами» и в нем «говорят на трех языках: по-арабски, персидски и армянски. Я полагаю, что по этой причине город и назван Ахлат», что в переводе с арабского означает «смеси,

⁷⁷¹ Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. P. 616—619.

⁷⁷² Ioannis Scylitzae synopsis historiarum / ed. J. Thurn. Berlin, 1973. P. 484—486.

⁷⁷³ Ter-Ghewondyan A. The Arab Emirates in Bagratid Armenia / transl. Nina G. Garsoïan. Lisbon, 1976. P. 32, 144.

соединения»⁷⁷⁴. Он также отмечал, что в городе Ван на противоположном берегу озера Ван от Ахлата, на базаре продавали свинину наряду с бараниной, а мужчины и женщины открыто пили вино⁷⁷⁵.

Византийцы считали норманнов образцом для подражания в военном искусстве верховой езды и владения копьём⁷⁷⁶. Они также считали ношение копья отличительным признаком норманнских всадников в противоположность «вооруженным секирами»⁷⁷⁷ и «носящим мечи на плечах»⁷⁷⁸ варягам. Никита Хониат в ряду типичных представителей Антиохии, помимо «прожорливого сирийца», «разбойника исаврийца», «пирата киликийца», называет «италийского всадника копьеносца» и особо отмечает, что норманны Антиохии очень гордились своим искусством владения копьём⁷⁷⁹.

Для византийской принцессы Анны Комнины норманнские и сельджукские конники представлялись источником бедствий империи в период правления ее отца Алексея I. Она очень образно описала их в «Алексиаде»: «пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит⁷⁸⁰, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена»⁷⁸¹.

Именно сочинению Анны мы обязаны лучшим сравнительным описанием тактики и вооружения норманнской и сельджукской конницы. «Боевой порядок тюрок строится не так, как у других народов, не как у Гомера «щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком», а правый, левый фланги и центр турецкого строя расположены на определенном расстоянии друг от друга, и фланги стоят как бы разорванно. Если враг нападает на правый или левый фланг, на него обрушивается центр и часть строя, расположенная за ним, и они, как ураган, сметают противника. Что же касается вооружения, то турки, не в пример кельтам, мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон

⁷⁷⁴ Насир-и Хусрау. Сафар-наме. Книга путешествия / пер. и вступ. статья Е.Э. Бертельса, под общ. ред. В.А. Гордлевского, И.Ю. Крачковского, илл. Е.Я. Хигер. М.; Л., 1933. С. 38.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ Анна Комнина. X, 3, С. 270.

⁷⁷⁷ Анна Комнина. II, 9, С. 108; Михаил Пселл. С. 145.

⁷⁷⁸ Анна Комнина. II, 9, С. 108.

⁷⁷⁹ Niceta Choniata. III, 3, P. 141—142.

⁷⁸⁰ По замечанию Я.Н. Любарского, «под исмаилитами часто имеются в виду вообще мусульмане, и в том числе турки» (Анна Комнина. Алексиада. С. 670, прим. 964). Термин «скифы» кажется еще менее определенным, т. к. «на античный манер писательница часто называет всех кочевников скифами» (Анна Комнина. Алексиада. С. 21). В данном случае, судя по контексту, Анна Комнина говорит скорее всего не о мусульманах вообще, а о мусульманах-кочевниках, т. е. о тюрках-сельджуках.

⁷⁸¹ Анна Комнина. XIV, 7, С. 390.

и обстрелять его из луков; защищаться тюрки предпочитают издалека. Когда тюрк преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; тюрк мечет стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники тюрки»⁷⁸².

В другом месте Анна описывает стычку византийцев с норманнской конницей: «Император щедро снабжал воинов стрелами и приказывал не жалеть их, но метать не в кельтов, а в их коней. Ведь император знал, что из-за своих панцирей и кольчуг кельты почти неуязвимы, а попусту расходовать стрелы Алексей считал совершенно бессмысленным.

Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит – не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая – скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думается мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и «окрывать» их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легко уязвимыми. Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого»⁷⁸³.

Эту мысль Анна высказывает неоднократно всякий раз, когда пишет о столкновениях византийцев с норманнами под руководством Алексея I, который, по мнению его дочери, был автором передовой тактики борьбы с конницей «кельтов». «Ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит ему сойти с коня, как из-за большого щита и длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл»⁷⁸⁴.

В какой степени можно доверять византийским авторам при описании вооружения и тактики норманнов и сельджуков? Очевидно, что эти описания полны стереотипов, ведь в соответствии с античной традицией византийцы

⁷⁸² Анна Комнина. XV, 3, С. 405.

⁷⁸³ Анна Комнина. XIII, 8, С. 356.

⁷⁸⁴ Анна Комнина. V, 6, С.167—168.

называют норманнов «кельтами», а тюрок – «скифами». В то же время их нельзя упрекнуть в невнимательном отношении к врагам империи, которых они очень хорошо знали.

География первых контактов норманнов и сельджуков очень разнообразна и включает в себя многие регионы Малой Азии. Если до 1071 г. они имели место на восточной границе империи в районе Эдессы, Харпута, Эрзерума, Мелитены и Ахлата, то после они встречались под Константинополем в Вифинии.

Вифиния⁷⁸⁵ являлась областью на северо-западе Малой Азии, расположенной напротив Константинополя между проливом Босфор и рекой Сангарис. По этой причине судьба этого региона и столицы Византии оказались тесно переплетены. Никея, Никомедия, Халкидон и другие важные города Вифинии находились в тени растущего Константинополя. Тем не менее, эти города были процветающими центрами торговли и культуры, их окружали плодородные земли, на которых византийская знать владела роскошными виллами. Вифиния была крупным церковным и монашеским центром. В этой провинции прошли два Вселенских собора (Халкидон 451 г.; Никея 787 г.), оказавших огромное значение на развитие христианства⁷⁸⁶.

В силу своего географического положения, данный регион обладал не только экономическим, культурным, но и огромным военно-политическим значением. Вифиния была, прежде всего, анатолийскими воротами Константинополя, являлась местом сбора и прохода войск, где в узловых центрах – Никомедии и Никее – пересекались важные стратегические направления⁷⁸⁷. Вифиния являлась местом отдыха для утомленных долгим маршем по Малой Азии византийских армий и главной резиденцией императорского двора во время путешествий⁷⁸⁸.

В византийскую эпоху Вифиния являлась пограничной территорией, где встречались и смешивались различные этнокультурные традиции⁷⁸⁹. В античную эпоху наряду с автохтонным населением Малой Азии: фригийцами, мизийцами и прочими, в этом регионе активно селились фракийские племена, греческие колонисты, галлы и римляне. В византийское время в этот конгломерат в период с VII по IX в. добавились готы, славяне и армяне. Также

⁷⁸⁵ Foss C. «Bithynia»// The Oxford dictionary of Byzantium. Ed. A. Kazhdan. T. I. NY: Oxford University Press, 1991. P. 292.

⁷⁸⁶ Janin R. La Bithynie.... P. 168 – 182.

⁷⁸⁷ Malamut E. Les voyageurs à l'époque médiévale... P. 475.

⁷⁸⁸ Ibid. P. 481.

⁷⁸⁹ Cheyne J.K. L'époque Byzantin... P. 311–350.

последовательно этот регион испытывал на себе последствия набегов различных народов завоевателей: арабов и тюрок-сельджуков.

В истории Вифинии нашли отражение все основные этапы проникновения норманнов в Малую Азию. С начала XI в. через Вифинию пролегал путь, по которому норманны совершали паломничества в Иерусалим, в которые зачастую отправлялись сотни и тысячи человек. В 1035 г. на обратном пути из Иерусалима умер герцог Нормандии Роберт Великолепный и был погребен в Никее⁷⁹⁰.

В 1074 г. после основательной подготовки во главе нескольких сотен норманнских тяжеловооруженных всадников Руссель де Баллиоль отправился в поход на столицу. Ему навстречу константинопольское правительство выслало войско во главе с дядей императора Михаила VII кесаря Иоанна Дуку. Оба войска встретились на берегах Сангариуса (р. Сакарья), где в битве у моста Зомпа имперское войско было разбито, а кесарь Иоанн с сыновьями стали пленниками норманна. По мнению Михаила Атталиата, после этой победы Руссель «стал великим и обрел славу через значительность своих деяний»⁷⁹¹.

К этому моменту под властью Русселя находилась почти вся северная Анатолия и несколько тысяч хорошо подготовленных воинов. С такой силой он представлял огромную опасность для имперского правительства. Михаил VII поспешил предложить Русселю один из высших чинов империи – сан курополата со множеством даров и почестей⁷⁹². Руссель отправился в Хризополь, который был виден из Константинополя и сжег там несколько домов⁷⁹³. После этой демонстрации силы из Константинополя к Русселю были отправлены его жена и дети⁷⁹⁴. Михаил Атталиат также сообщает, что в Хризополь со всех сторон стекались к Русселю «франки» в количестве до трех тысяч человек⁷⁹⁵.

Затем Руссель отступил в Никомедию, где провозгласил императором Иоанна Дуку⁷⁹⁶. По свидетельству Никифора Вриенния, между Иоанном Дукой и Русселем установились доверительные отношения, сам кесарь не сильно противился выдвижению на этот высокий пост⁷⁹⁷. Византийский автор считает, что Руссель и Иоанн Дука пошли на этот шаг с целью получить поддержку

⁷⁹⁰ Ciggaar K.N. *Bizantine Marginalia...* P. 44.

⁷⁹¹ Attaliat. P. 186.

⁷⁹² Attaliat. P. 187.

⁷⁹³ Attaliat. P. 188.

⁷⁹⁴ Ibid.

⁷⁹⁵ Attaliat. P. 188.

⁷⁹⁶ Attaliat. P. 189.

⁷⁹⁷ Никифор Вриенний. С. 95.

«сильных людей столицы», и они были очень близки к тому, чтобы получить власть над империей⁷⁹⁸. Именно по этой причине и вследствие отсутствия достаточной военной силы, константинопольское правительство вынуждено было обратиться за помощью к тюркам: к «сильному вождю» Артуху⁷⁹⁹, который в обмен на деньги и посулы согласился выступить против Русселя⁸⁰⁰.

Руссель разбил лагерь под замком Метаволи⁸⁰¹, где, по свидетельству Никифора Вриенния, у подножия горы Софон находился дворец Иоанна Дуки⁸⁰². Никифор сообщает, что замок и дворец были заняты Русселем сразу по приходу в Вифинию⁸⁰³. Очевидно, что данное место было выбрано не случайно и имело огромную ценность как правительственная резиденция, пункт сбора для византийских войск на важнейшем в стратегическом отношении пути из столицы на восток империи. Именно в этом месте Руссель «расположился отдыхать на тамошних полях и стал думать как бы завоевать себе ромейское царство»⁸⁰⁴.

Сражение между тюрками-сельджуками и норманнами произошло поблизости от замка Метаволи в 1074 г. Силы сельджуков составляли около шести тысяч конницы, а у Русселя было около семисот всадников и две тысячи пехоты⁸⁰⁵. По-военному точно описывает ход сражения Никифор Вриенний. Зная о многочисленности неприятеля, в качестве места сражения Руссель избрал ровную и узкую долину у подножия горы Софон. Тюрки начали обстреливать норманнов стрелами с окрестных высот и, разделив войско на три части, попытались окружить противника. Отряд Русселя терял лошадей до тех пор, пока норманны не «решились наконец выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы»⁸⁰⁶. Никифор констатирует, что в результате этой стремительной атаки погибло много врагов, но сами

⁷⁹⁸ Никифор Вриенний. С. 95–96.

⁷⁹⁹ Клауд Каэн предполагает, что это был Артук ибн Эксеб основатель династии Артукидов и вождь тюркского племени догер, который в это время находился на службе у сельджукского султана Малик-Шаха. Cahen C. *La premiere penetration turque...* P. 33.

⁸⁰⁰ Никифор Вриенний. С. 96.

⁸⁰¹ Attaliat. P. 189. Р. Фосс считает, что Метаволи тождественен, упоминаемой Анной Комнин, Малагине и располагается в местечке Пашалар на северо-запад от Памуковы. У Ашикпашизаде он упоминается как Акхисар, который являлся резиденцией первых Османских правителей и располагался в долине Сакарьи. (Giros C. *Les fortifications medievals ...* P. 220; Bondoux R. *Les villes....* P. 394–395).

⁸⁰² Никифор Вриенний. С. 95.

⁸⁰³ Там же.

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ Attaliat. P. 189.

⁸⁰⁶ Никифор Вриенний. С. 96–97.

норманны попали в окружение и большей частью были взяты в плен⁸⁰⁷.

Оставшиеся норманны бежали в замок Метаволи, который находился под управлением жены Русселя⁸⁰⁸. Именно она поспешила выкупить своего мужа у Артуха⁸⁰⁹, после чего Руссель отправился в район Амасии и Неокесарии с целью создать независимое княжество в северной Анатолии⁸¹⁰.

Значение событий в Вифинии с участием норманнов трудно переоценить. Впервые с момента своего появления в Византии норманны непосредственно угрожали столице империи. Впервые за всю историю константинопольское правительство было вынуждено искать помощи у тюрок-сельджуков⁸¹¹.

Матфей Эдесский с особым вниманием относится деятельности норманнов в Малой Азии с момента их появления в качестве наемников на византийской службе: с середины XI в. А.Э. Достуриан поясняет, что в «Хронографии» этноним «франк» (p'gang) в этот период служил как для обозначения «европейцев», так и норманнов⁸¹².

Матфей описывает уже упоминаемый выше смелый поступок некоего «франка» при осаде султаном Тогрулом города Манцикерт в 1054–1055 гг. Когда сельджукский султан уже отчаялся взять город, он послал в Багдад за «внушавшей ужас и благоговение» катапультой⁸¹³.

Поначалу защитникам города удавалось ответными выстрелами противостоять ударам этого оружия, но вскоре сельджуки окружили катапульту валами и обезопасили ее от попадания камней. Тогда византийский военачальник Василий Апокавк предложил тому, кто уничтожит катапульту, щедрую награду, почести и высокий титул от императора. «Тогда франк выступил вперед и сказал: «Я пойду и сожгу эту катапульту, и сегодня моя кровь прольется за всех христиан, и поскольку у меня нет ни жены, ни детей, то некому будет оплакивать меня». Он попросил сильного и непугливую коня, надел кольчугу и возложил шлем на голову. Взяв письмо, он приладил его к наконечнику копья, положил три бутылки с нефтью за пазуху, двинулся вперед так, как если бы он был гонцом»⁸¹⁴.

⁸⁰⁷ Там же.

⁸⁰⁸ Attaliat. P. 191.

⁸⁰⁹ Attaliat. P. 192–193.

⁸¹⁰ Никифор Вриенний. С. 98.

⁸¹¹ Turan, O. Selcuklar. S. 390.

⁸¹² Armenia and the Crusades... P. 308.

⁸¹³ Ibid. P. 87.

⁸¹⁴ Ibid.

«Сопровождаемый молитвами всех христиан и Божьей помощью, он направился к неверным. Когда неверные увидели письмо на наконечнике его копья, они приняли его за гонца и ничего не сказали. Был полдень и, поскольку было очень жарко, все спали в своих шатрах. Достигнув катапульты, франк остановился перед ней. Неверные подумали, что он был поражен огромными размерами машины, однако, в то же время он достал одну бутылку с нефтью и бросил ее в катапульту. Затем, подобно орлу, он двинулся вокруг катапульты и бросил в нее другую бутылку. И сделав еще один круг, он поразил машину третьей бутылкой. Катапульта занялась огнем, а франк сбежал. Когда все в лагере неверных увидели то, что он натворил, они стали его преследовать, но франк достиг города невредимым»⁸¹⁵.

Катапульта сгорела к немалой радости жителей Манцикерта, а византийский император Константин Мономах пожаловал «франку» высокий титул. «Даже султан сильно дивился содеянному франком и пожелал увидеть того, кто был способен совершить столь доблестный подвиг, чтобы одарить его, но франк отказался прийти»⁸¹⁶.

Армяноязычный историк XIII в. Смбат Спарпет внес свои коррективы в рассказ Матфея Эдесского о подвиге «франка», которого он называет «греческим франком» или просто «франком»⁸¹⁷. В частности, он именует Василия Апокавка «пароном», т.е. заимствованным термином западноевропейского происхождения «барон».

Та же история приводится у Аристакэса с той разницей, что вместо «франка» он сообщает о «ромейском военачальнике», который «приготовил из нефти и серы горючую смесь, залил ее в стеклянный сосуд, сел на благородного коня и, будучи храбрым и мужественным, прикрыл спину только щитом»⁸¹⁸.

Почему Аристакэс не говорит об этнической принадлежности этого «военачальника», который совершил столь славное деяние под стенами Манцикерта? В то же время упоминает о сражении между сельджуками и «врангами» (варягами)⁸¹⁹ у Баберда, а также о стычке «эрузов» (русских и варягов) с армянами⁸²⁰. Но при этом неоднократно повторяет, что варяги у Баберда являлись «отрядом из ромейского войска»⁸²¹.

⁸¹⁵ Ibid. P. 88.

⁸¹⁶ Ibid.

⁸¹⁷ Смбат Спарпет. Летопись / пер. с древнеарм., предисл. и прим. А.Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 30—31.

⁸¹⁸ Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. С. 92—93.

⁸¹⁹ Там же. С. 88.

⁸²⁰ Там же. С. 56.

⁸²¹ Там же. С. 88.

Вероятная причина этого кроется в том, что, в отличие от Матфея, Ари-стакэс более терпимо относится к византийцам⁸²², т.к. не хочет лишний раз говорить об их неспособности противостоять сельджукской экспансии и не питает надежд, связанных с появлением в Малой Азии норманнов.

Аристакэс добавляет важную деталь при описании вооружения «франка», которое дает Матфей Эдесский. Помимо «сильного и непугливого коня», кольчуги, шлема и копья, Аристакэс упоминает щит, который прикрывал спину «франка». Оба автора рисуют образ тяжеловооруженного всадника.

Особое внимание Аристакэс в «Повествовании» и при описании осады Манцикерта Тогрулом уделяет тюркам-сельджукам⁸²³. Он подробно описывает катапульту и приводит ее название на тюркском языке, а также количество obsługi, вес снаряда и ее разрушительную мощь⁸²⁴.

Благодаря Аристакэсу многое становится известно о действиях в Малой Азии тюркского эмира Самуха, который некоторое время был союзником норманнского наемника Жерве Франкопулоса⁸²⁵.

Матфей говорит о норманнах, как о защитниках своего родного города Эдессы. Он сообщает о стычке между отрядами «злого персидского предводителя» «салара Хорасана»⁸²⁶ и «франков» в 1064–1065 гг., которые в количестве двухсот всадников составляли гарнизон крепости Севаверак. «Франки вступили в битву с тюрками и сначала разбили их и обратили в бегство. Однако, когда неверные получили подкрепление, они заставили франков бежать и убили пятнадцать человек»⁸²⁷. В другом месте Матфей не забывает упомянуть о храброй смерти норманнского наемника, который прикрывал отступление четырех тысяч «ромейских войск» в Эдессу. «В этот момент франк развернулся лицом к тюркам и, рыкая словно лев, ранил и убил многих и этим остановил их и дал возможность уйти беглецам»⁸²⁸.

Матфей приводит примеры коварства норманнов. В 1062 г. Михаил VII Дука направил в район города Амида «знатного вельможу Франкопулоса» во главе шеститысячного отряда⁸²⁹. За взятку в десять тысяч дахеканов от му-

⁸²² Там же. С. 28—29.

⁸²³ Там же. С. 29—31.

⁸²⁴ Там же. С. 92.

⁸²⁵ Там же. С. 108, 116—118.

⁸²⁶ По мнению Достуряна, этот термин означает «генерал Хорасана» (Armenia and the Crusades... P. 311).

⁸²⁷ Ibid. P. 107—108.

⁸²⁸ Ibid. P. 109.

⁸²⁹ Ibid. P. 99.

сульман Амиды Франкопулос оставил в бою дуку Эдессы Даванатоса. После того, как Даванатос погиб в битве с мусульманами, один из его людей явился к Франкопулосу и стал его обвинять в его гибели. «Когда Франкопулос услышал это, то напал на неверных и жестоко избивал их у ворот города, и перебил их до пятнадцати тысяч человек»⁸³⁰.

В Эрзеруме Франкопулос уничтожил отряд Юсуфа, «захватил неисчислимую добычу и освободил множество пленных»⁸³¹. Тем не менее героические деяния не спасли Франкопулоса от наказания за предательство Даванатоса. Михаил VII Дука вызвал его в Константинополь и приказал бросить в море с камнем на шее.

В 1065 г. «франкские отряды Эдессы» во главе с «коварным» командиром оставляют в бою с тюрками дуку Антиохии Хачатура. Они сделали это по приказу дуки Эдессы Никиты Пегонита, который позавидовал успехам своего армянского визави. За этот проступок с командира норманнов заживо содрали кожу, а Никита Пегонит лишился своего поста⁸³².

Благодаря Матфею становится известно о том, что норманны составляли ударную силу в войсках Филарета Варажнуни, который после поражения Византии при Манцикерте в 1071 г. становится фактически независимым правителем территории, в которую входили Киликия, Антиохия, Эдесса и Мелитена. Перед решающей битвой с Филаретом в области Амида правитель армянского Сасуна Торник Мамиконян, который собрал «пятьдесят тысяч пехоты и шесть тысяч конницы», «более всего опасался франков» (количество которых в войске Филарета составляло около восьми сотен человек)⁸³³.

Во главе этого норманнского отряда стоял «count Rmbaghat»⁸³⁴. Именно такой перевод на английский язык предлагает А.Э. Достуриан. Вслед за Дюлорье, он именует норманнского предводителя «графом». Данный термин, по мнению переводчиков, наиболее точно передает значение слова, которое в оригинале означало «предводителя», «правителя провинции» и «военачальника»⁸³⁵.

А.Э. Достуриан считает невозможным в данном случае точно установить имя норманна. В то же время на французском языке вероятным вариантом этого имени следует рассматривать имя Рембо (Raimbaud или Rimbaud)⁸³⁶.

⁸³⁰ Ibid. P. 100.

⁸³¹ Ibid. P. 100—101.

⁸³² Ibid. P. 108.

⁸³³ Ibid. P. 138.

⁸³⁴ Ibid. P. 138.

⁸³⁵ Chronique de Matthieu d'Edesse. P. 417.

⁸³⁶ Armenia and the Crusades... P. 315.

Правитель Сасуна Торник Мамиконян построил свои войска для битвы таким образом, чтобы нейтрализовать конную атаку норманнов и добился в этом успеха. «Армяне взяли в плен всех их командиров и даже захватили их графа»⁸³⁷. С нотками сожаления Матфей говорит, что «в этот день погибли многие франки и другие христиане»⁸³⁸.

Норманны для Матфея являются в первую очередь христианами. В сражениях с мусульманами они проявляют чудеса храбрости. Отдельных «франков» Матфей сравнивает с «орлами» и «львами». Он очень высоко оценивает их военные способности и представляет отряды норманнов как тяжеловооруженную конницу. Но вместе с тем Матфей пишет о «коварстве» их предводителей, указывая на их жадность и предательство единомышленников.

Арабоязычные авторы были осведомлены о набегах викингов, которых в Испании и Магрибе знали под именем «ал-маджус» и «ал-урдуманийя»⁸³⁹, а на востоке мусульманского мира наряду с «ал-маджус» использовали термин «ар-рус»⁸⁴⁰.

Для нас большое значение имеет мнение, высказанное шведским ориенталистом А. Мельвингером о том, что термин «ал-маджус» в подавляющем числе случаев использовался для обозначения викингов, в то время, как термин «ал-урдуманийя», т.е. «норманны» упоминается лишь однажды в сочинении Ибн Хайяна (987/988–1076) при описании событий 971 г. «al-Mayus al-Urdumaniyyun»⁸⁴¹. Мельвингер отмечает, что в переводе на испанский Е. Гомеса первоначально упоминаются «los Mayus»⁸⁴² и «los Mayus Normandos»⁸⁴³,

⁸³⁷ Ibid. P. 138.

⁸³⁸ Ibid.

⁸³⁹ Melvinger A. al-Madjus // The Encyclopedia of Islam. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by C.E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat. Leiden, 1986. Vol. V. P. 1118—1121; Dozy R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age. Leide, 1881. T. II; Seippel A. Rerum normannicarum fontes arabici e libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis Christianensis. Fasc. I. Osloae, 1896; Fasc. II. 1928; Семенова Л.А. Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. Сборник статей / отв. ред. Б.Г. Сейранян, А.О. Филоник. М., 1997. С. 118—134.

⁸⁴⁰ Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина, отв. секретарь С.Л. Никольский, [отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. М., 2001. С. 208.

⁸⁴¹ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

⁸⁴² Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; Anales palatinos del Califa de Córdoba al-Hakam II, por 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī (360—364 H. = 971—975 J.C.) / traducción de un Ms. árabe de la Real Academia de la Historia por E.G. Gómez. Madrid, 1967. P. 76.

⁸⁴³ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; Anales palatinos... P. 88, 101.

а в дальнейшем только «los Normandos»⁸⁴⁴. На этом основании Мельвингер делает вывод о том, что «los Mayus» в данном случае употребляется как дань давно прошедшему, а сами захватчики пришли непосредственно из Нормандии⁸⁴⁵.

В 960 г. герцог Нормандии Ричард I заключил союз против графа Шартрского Тибо с пришлыми данами. Этих данов после удачного разрешения конфликта в 970 г. Ричард вместе с норманнами с полуострова Котантен отправил в набег на Испанию⁸⁴⁶. Именно смешанным составом викингов-язычников и норманнов-христиан объясняет Мельвингер двойное название «al-Mayus al-Urdamaniyyun», приведенное у Ибн Хаййана⁸⁴⁷. В то же время уже только термин «al-Urdamaniyyun» используется Ибн Изари (вторая половина XIII–начало XIV в.) при описании захвата Барбасто в 1064 г. войсками христиан, среди которых был отряд норманнов во главе с Робертом Криспином⁸⁴⁸.

Таким образом, арабоязычные авторы Испании и Магриба хорошо понимали разницу между скандинавами-викингами «ал-маджусами» и норманнами из Нормандии «ал-урдуманийа», которые начинают совершать походы в этот регион во второй половине X в. В то же время на востоке мусульманского мира, в Малой Азии, норманны стали известны арабоязычным авторам под именем «франков» («ал-ифрандж», «фирандж») ⁸⁴⁹, также как скандинавы чаще именовались «ар-рус». Подобное разделение присутствует в XIV в., когда норманны уже сошли с исторической сцены, и нашло отражение в сочинении Ибн ал-Хатиба (1313–1374), который повествует о нападении викингов на Севилью в 844 г.: «... а маджусы – это те, которых сегодня христиане Кастилии называют инклиш (англы), а народ Машрика – фиранджами (франками) и инклисирами (англичанами)»⁸⁵⁰.

Термин «ал-ифрандж» попадает в арабский мир через Византию и служит для обозначения народов, обитающих на территории континентальной Европы и Британских островов, что во многом было обусловлено большой популярностью среди арабоязычных авторов географического сочинения

⁸⁴⁴ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; Anales palatinos... P. 116—117.

⁸⁴⁵ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

⁸⁴⁶ Dozy R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age... P. 286—288.

⁸⁴⁷ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119.

⁸⁴⁸ Melvinger A. Al-Madjus... P. 1119; Dozy R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age... P. 348—353.

⁸⁴⁹ Lewis B. Ifrandj // The Encyclopedia of Islam. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by B. Lewis, V.L. Ménage, Ch. Pellat, [J. Shhacht]. Leiden, 1986. Vol. III. P. 1044—1046.

⁸⁵⁰ Цит. по: Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г.... С. 198.

Птолемея в переводе ал-Хорезми (780–850)⁸⁵¹. Необходимо отметить, что в Испании термин «ал-ифрандж» не получил такого распространения, как на востоке мусульманского мира, и гораздо чаще употреблялся термин «Rum»⁸⁵².

С XI в. термин «ал-ифрандж» приобретает в арабо-исламской историографии совершенно иной смысл и значение вследствие нарастания западно-христианской экспансии на мусульманские земли. Вследствие возросшей интенсивности контактов знания о «франках» из области науки переходят в область практических интересов, затрагивающих насущные проблемы политики, войны, торговли и дипломатии⁸⁵³. В этой связи географический термин «ал-ифрандж» становится синонимом «латинско-христианского экспансионизма», этнонимом для обозначения народов, сообществ и правителей Западной Европы⁸⁵⁴. А поскольку норманны являлись авангардом латинского христианства в Испании, Южной Италии, Сицилии и Малой Азии, то вполне естественно было в рамках мусульманской традиции именовать их «ал-ифрандж»⁸⁵⁵.

При описании похода Алп Арслана на Византию под 1068 г. в «Зубдат ат-таварих» говорится о неких «франках» (ал-фарандж) в «округе Шаки»⁸⁵⁶. По мнению Садр ад-Дина, «самыми храбрыми из воинов ар-Рума были франки (ал-фарандж) и пешие воины из Шаки»⁸⁵⁷. Вслед за этим он сообщает, что в ставку султана прибыли «повелитель франков (малик ал-фарандж) и [владелец] Шаки Акситан с некоторым числом всадников»⁸⁵⁸. Переводчик и комментатор «Зубдат ат-таварих» З.М. Бунятов полагает, что в данном случае речь идет о варягах, которые находились на службе у Баграта IV⁸⁵⁹.

С другой стороны, приведенные отрывки из «Зубдат ат-таварих» позволяют заключить, что, в противоположность пехотинцам из Шаки, «франки» представляли собой конный отряд. Косвенным подтверждением этого предполо-

⁸⁵¹ Lewis B. Ifrandj ed. by B. Lewis, J.F.P. Hopkins... P. 1044.

⁸⁵² Ibid. P. 1046.

⁸⁵³ Ibid. P. 1045.

⁸⁵⁴ König D.G. Arabic-Islamic Views of the Latin West: Tracing the Emergence of Medieval Europe. Oxford, 2015. P. 229.

⁸⁵⁵ Ibid.

⁸⁵⁶ Ахбар ад-Даулат ас-седжукийя... С. 54. З.М. Бунятов указывает, что «Шаки» это «совр. Шеки в Азербайджанской ССР» (Там же. С. 192).

⁸⁵⁷ Там же. С. 54.

⁸⁵⁸ Там же. С. 55. З.М. Бунятов идентифицирует правителя Шаки, как «Агсартана (Ахсартана), II сына Гагика — царя Кахетии (1058—1084)» (Там же. С. 192).

⁸⁵⁹ Там же. С. 192.

жения может быть упоминание о франках, которое относится к более позднему периоду. Противник крестоносцев Менгю-Барс заслужил у Садра ад-Дина лестную характеристику как «знаток построения войск и способов ведения войны»⁸⁶⁰. В числе его достоинств хронист называет то, что «если он был в армии или в [отдельном] конном отряде, ни один из франков (ал-фарандж) не мог противостоять ему из-за его мужества и силы»⁸⁶¹. В данном случае Садр ад-Дин имеет ввиду крестоносцев и косвенно указывает на противостояние «франкской» коннице.

Арабоязычные авторы упоминают франков при описании Манцикертского сражения. В переводе З.М. Буниятова Садр ад-Дин упоминает франков среди «головорезов ар-Рума»: «армян, персов, печенегов, гузов и франков – народов, один вид которых устрасал взоры, а христиане видели в них возвышение своих основ»⁸⁶². В.Р. Розен переводит этот отрывок следующим образом: «И вывели греки против султана лучшие свои силы, а земля (их) выпустила из своих недр несметное количество всего необходимого и собралось к этому царю разной сволочи из греков и армян и персов и баджнаков и гузов и фиренджов»⁸⁶³.

Имад ад-дин, ал-Бундари и Ибн ал-Асир при перечислении племен, которые были в составе византийской армии при Манцикерте, упоминают «русов» и «франков»⁸⁶⁴. Имад ад-дин сообщает, что Роман Диоген выслал в Ахлат (Хелат) «военачальников из русов с 20000 всадников; при них находился

⁸⁶⁰ Там же. С. 120.

⁸⁶¹ Там же. С. 119.

⁸⁶² Там же. С. 57.

⁸⁶³ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1887. Т. I. Вып. IV. Р. 248. В турецком переводе А. Севима и Ф. Сюмера данный отрывок выглядит иначе: «Bizans İmparatoru, Rum, Ermeni, Rus, Peçenec, Guz ve Franç» (Цит по: Sümer F., Sevim A. *İslam kaynaklarına göre malazgirt savaşı (metinler ve çevirileri)*. Ankara, 1988. S. 7). Получается, что в тексте, который использовали А. Севим и Ф. Сюмер, вместо «персов» упоминаются «руссы». В известных нам публикациях текста лондонской рукописи «Ахбар ад-Даулат ас-седжуккийя», за исключением упомянутых турецких авторов, термин «руссы» не упоминается (Ахбар ад-Даулат ас-седжуккийя... С. 76/л. 276 (араб. текст); Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни... С. 245).

⁸⁶⁴ Sümer F., Sevim A. *İslam kaynaklarına göre malazgirt savaşı*... S. 19, 24; Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1886. Т. I. Вып. I. С. 20; Его же. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. / Имад-эд-дин Исфahanский; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. 1886. Т. I. Вып. III. С. 198.

также крепчайший их глава и главнейший их крест»⁸⁶⁵. Каэн считает, что в данном отрывке у Имад ад-дина речь идет о «закованных в броню» «русах», упоминание о которых обыгрывается арабским автором в значении «голова» и собственно название народа⁸⁶⁶. В сообщении Ибн ал-Асира присутствует упоминание «начальника русов», который во главе нескольких тысяч «греков» ведет бой под Ахлатом с тюрками-сельджуками⁸⁶⁷. В обоих случаях предводитель «русов» терпит поражение и попадает в плен, после чего султан приказывает отрезать ему нос⁸⁶⁸.

В.Г. Васильевский сравнил сообщения Ибн ал-Асира и непосредственного очевидца событий Михаила Атталиата, который нигде прямо не говорит об участии «русов» в битве при Ахлате или Манцикерте, но зато упоминает «франков» во главе с Русселем де Баллиоелем, отправленного Романом Диогеном к Ахлату⁸⁶⁹. На этом основании он пришел к выводу о том, что арабские авторы могли ошибочно смешать «русов» и «Русселя», имя которого неоднократно упоминается в византийских источниках⁸⁷⁰. В.Г. Васильевский справедливо признает «шаткость» своей гипотезы, которая базируется только на сведениях норманнского хрониста Амато и противоречит данным византийских авторов, свидетельствующих о том, что Руссель во время этой кампании избежал плена⁸⁷¹.

Вместе с тем выдвинутое В.Г. Васильевским предположение не кажется таким абсурдным, если допустить возможность знакомства арабских авторов с событиями, изложенными в византийских источниках. В тексте Михаила Атталиата после сообщения об отправке отряда «франков» во главе с Русселем в Ахлат⁸⁷² говорится об одном происшествии. Некий воин украл осла и предстал перед императором. Роман Диоген отказался решить дело денежным штрафом и приказал отрезать нос преступнику. Приговоренный молил о пощаде, предлагал выплатить любой штраф и обращался к заступничеству

⁸⁶⁵ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. /Имад-эд-дин Исфahanский... С. 198. По мнению В.Р. Розена, перевод последних двух фраз не точен и речь идет о «присутствие в русском отряде какой-нибудь особенно чтимой святыни» (Там же).

⁸⁶⁶ Cahen C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // Byzantion. 1934. Т. 9. Р. 629—630.

⁸⁶⁷ Розен В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир... С. 20.

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина... С. 338.

⁸⁷⁰ Там же.

⁸⁷¹ Там же. С. 339.

⁸⁷² Attaliota Michael. P. 148—149.

особо почитаемой иконы Богоматери Влахернской, которая обычно сопровождала византийских императоров в походы и служила им в качестве непобедимого оружия. Но даже это не поколебало решимости императора и приговор был приведен в исполнение. Данное событие произвело очень тягостное впечатление на Атталиата, а возможно, и на других воинов византийской армии и убедило в неминуемости Божьей кары⁸⁷³.

Данный рассказ имеет некоторые черты сходства с сюжетами, приведенными у арабских авторов. Возможно, что события, изложенные у очевидца и историка Михаила Атталиата, стали частью устной традиции, в которой слились события под Ахлатом, некий «военачальник русов», сюжет жестокой казни с участием почитаемой святыни накануне сражения.

В «Данышменднаме» представлена целая галерея образов «франков», союзников византийцев и врагов мусульман⁸⁷⁴. Каждый из них является отражением определенной эпохи, а также имеет свои общие и особенные черты. По мнению И. Меликофф, собирательным образом для обозначения норманнских наемников в Малой Азии перед Первым крестовым походом в турецком эпосе послужил Турсувар франк⁸⁷⁵. В соответствие с «Данышменднаме», этот «разбойник» обитал в некой долине, возглавлял «банду из четырехсот воров» в которую входили «греки», а также «франки», и грабил мусульман⁸⁷⁶.

Данный образ вполне согласуется с арабоязычной исторической традицией. Ибн ал-Асир сообщает о некоем «афранжи», который владел крепостью в окрестностях Харпута со времен Филарета Варажнуни (1071–1085). Этот франк разбойничал на дорогах и нес смерть и гибель мусульманам. Туркменский вождь Чубук прислал ему подарки и предложил союз. Франк ответил согласием и некоторое время они действовали заодно. После того, как между ними установились доверительные отношения, Чубук пригласил франка принять участие в очередной совместной вылазке. Когда франк и его люди прибыли к Чубуку, он связал франка и отправился с ним к крепости. Чубук предложил христианам в крепости открыть ворота добровольно и пригрозил в обратном случае убить всех. Христиане сдали крепость Чубуку, который приказал содрать кожу с франка, захватил его богатства и оружие.

⁸⁷³ Attaliota Michael. P. 152—153.

⁸⁷⁴ Гарбузова В.С. Сказание о Мелике Данышменде. М., 1959; Mélikoff I. La geste de Melik Dānišmend. Étude critique du Dānišmendnāme. P., 1960. Vol. II.

⁸⁷⁵ Mélikoff I. La geste... P. 135.

⁸⁷⁶ Ibid. P. 371.

По мнению Ибн ал-Асира, благодаря этой победе Чубук получил большое влияние в регионе и укрепил положение своей династии в Харпуге⁸⁷⁷.

В.С. Гарбузова отмечает, что в тексте «Данышмендنامه» отсутствует описание внешности врагов мусульман, но отмечается, что «неверные были тяжелым войском», а это, по мнению Гарбузовой, означает, что «воинов Данышменда, имевших легкое и подвижное вооружение, поражала тяжелая броня европейских воинов»⁸⁷⁸. «Кроме того, по-видимому, сразу бросалось в глаза изображение креста на броне и вооружении – обычай, как известно, распространенный среди европейского рыцарства»⁸⁷⁹.

И. Меликова считает, что большое влияние на турецкий эпос оказали события, последовавшие за сражением при Манцикерте: мятеж Русселя де Баллиоля в Армениаке; поход на Константинополь и провозглашение императором кесаря Иоанна Дуки; привлечение Михаилом VII Артука ибн Эксеба для подавления мятежа; освобождение Русселя и его возвращение в Армениак. Руссель де Баллиоль стал одним из прообразов главного врага Данышменда — правителя Амасии Шаттата⁸⁸⁰.

В мусульманской исторической традиции норманны в Малой Азии перед Первым крестовым походом обозначаются термином «франк» и предстают христианами, союзниками византийцев и армян, тяжеловооруженными всадниками. Как и Амато, мусульманские авторы не воспринимают норманнских предводителей в Малой Азии в качестве борцов за веру, а только как разбойников и грабителей.

⁸⁷⁷ Ibn al-Athir. Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh... P. 244—245.

⁸⁷⁸ Гарбузова В.С. Сказание... С. 119.

⁸⁷⁹ Там же. С. 120.

⁸⁸⁰ Mélikoff Irène. La geste... P. 137.

ГЛАВА 4

НОРМАННЫ В МАЛОЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

4.1. УЧАСТИЕ НОРМАННОВ В ПЕРВОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Историк-медиевист О.А. Добиаш-Рождественская (1874–1939) отмечает, что в конце XI в. только две «организованные силы» Западной Европы были способны возглавить движение крестоносцев на Восток: католическая церковь и «норманнские кланы»⁸⁸¹. Норманнскому рыцарю как «одной из самых деятельных фигур» Первого крестового похода она отдает пальму первенства. Этот «воинственный и благочестивый сын далеко разбросавшейся по западному миру норманнской семьи», был ли он родом из Нормандии или Южной Италии, оставался потомком «скандинавских викингов»⁸⁸².

Большое внимание О.А. Добиаш-Рождественская уделяет норманнской идеологии, которая сформировалась в Южной Италии под влиянием нескончаемой

⁸⁸¹ Добиаш-Рождественская О.А. Эпоха крестовых походов. М., 2003. С. 17.

⁸⁸² Там же.

борьбы с мусульманами, торгово-экономического соперничества с Венецией и Византией и союза с папством⁸⁸³. Среди основных задач этой «церковно-политической программы» на Востоке были завоевания «схизматической Византии и безбожной Сирии»⁸⁸⁴. Эта «итало-нормандская идея» оказала огромное влияние на крестоносное движение в целом и противоречила планам папы Урбана II. Она предусматривала создание «сильной восточно-латинской державы» с центром в Антиохии, во главе с норманнами и при поддержке святого престола⁸⁸⁵.

Ученик О.А. Добиаш-Рожественской А.С. Барте́нев (1906–1942), которого она называла «своим ближайшим сыном»⁸⁸⁶, в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде на тему «Образование Нормандского герцогства»⁸⁸⁷. Данная работа стала первым специальным исследованием в советской историографии по истории норманнов в Нормандии. В бытность заведующим кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета, А.С. Барте́нев поручил своему первому в жизни и в истории кафедры аспиранту, будущему историку реформации В.А. Ермолаеву (1909–2000) работу по своей специальности над темой «Развитие феодальных отношений в Южной Италии»⁸⁸⁸. К сожалению, конец развитию данного начинания положила война. А.С. Барте́нев погиб в блокадном Ленинграде от голода, а за годы военной службы в Германии научные интересы В.А. Ермолаева совершенно изменились⁸⁸⁹.

В послевоенную эпоху задачи, поставленные А.С. Барте́невым, были решены в работах М.Л. Абрамсон (1918–2010), посвященных изучению социально-экономической истории Южной Италии X–XIII вв.⁸⁹⁰ Г.А. Ртищева

⁸⁸³ Там же. С. 18.

⁸⁸⁴ Там же.

⁸⁸⁵ Там же. С. 30.

⁸⁸⁶ Галямичев А.Н. Судьба медиевиста в России XX века: жизненный и научный путь В.А. Ермолаева // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: науч. докл. / редкол. А.В. Гладышев, Т.В. Андреева, В.Г. Вовина-Лебедева [и др.]. СПб., 2006. С. 44.

⁸⁸⁷ Главы из данной работы были опубликованы в следующих изданиях: Барте́нев А.С. Образование герцогства Нормандского // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, Серия Исторического факультета. 1939. Т. 1 (14). С. 167–202; Его же. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. 1940. Т. 5. Вып. 1. С. 117–128.

⁸⁸⁸ Галямичев А.Н. Судьба медиевиста в России XX века... С. 44.

⁸⁸⁹ Там же. С. 45.

⁸⁹⁰ Абрамсон М.Л. О некоторых особенностях развития феодальных отношений в Южной Италии в XII–XIII вв. // Средние века. 1954. Вып. V. С. 59–85; Ее же. Формирование феодальных отношений в Южной Италии X–XII вв. М., 1967.

продолжила изучение социально-экономической истории и вопросов норманнской субкультуры на Сицилии⁸⁹¹.

Американский историк-медиевист Чарльз Гомер Хаскинс (1870–1937) рассматривал участие норманнов в Первом крестовом походе как продолжение норманнской экспансии в Западной Европе⁸⁹². Движимые «норманнским духом приобретений», норманны оказывались в различных уголках Европы и Азии в качестве паломников или наемников⁸⁹³.

Хаскинс последовательно рассматривает участие норманнских предводителей в крестовых походах, начиная с Роберта Нормандского и заканчивая Ричардом Львиное Сердце и Фридрихом II Гогенштауфеном. «Настоящими норманнскими героями» Первого крестового похода Хаскинс считает Боэмунда и Танкреда. Боэмунду удалось закрепиться в Антиохии, которая была выгодно расположена в стратегическом и торговом отношении. Он объединил греков, сирийцев и армян в своем новом государстве. Но в конце концов Византийская империя и турки-сельджуки оказались для него слишком сильными. Его преемник Танкред продолжил дело Боэмунда в Сирии, которое было уже безнадежно проиграно⁸⁹⁴.

Антиохийское княжество оставалось единственным норманнским государством на Востоке, но оно также очень быстро утратило свой норманнский характер. В отличие от франков и италийцев, норманны не преследовали ни торговых, ни колонизационных целей в крестовом походе. Для этого им вполне хватало завоеванных земель в Англии и Италии. В то же время с ролью посредника между культурами Востока и Запада вполне успешно справлялось Сицилийское королевство⁸⁹⁵.

Ч. Дэвид в 1920 г. издал биографию старшего сына Вильгельма Завоевателя, одного из вождей Первого крестового похода, герцога Нормандии Роберта «Короткие штаны»⁸⁹⁶. Благодаря исследованию Дэвида можно получить представление о недостаточно изученном участии англо-норманнов (The northern Normanns) в Первом крестовом походе, в отличие от итало-норманнов (The southern Normanns) во главе с Боэмундом.

⁸⁹¹ Ртищева Г.А. Сицилийский город под властью норманнов // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпоху. Горький, 1989. С. 106—122; Ее же. Официальная субкультура норманнской Сицилии // Средневековая городская культура. Тверь, 1991. С. 4—9.

⁸⁹² Haskins C.H. The Normans in European history. Boston; New York, 1915.

⁸⁹³ Ibid. P. 195—196.

⁸⁹⁴ Ibid. P. 213—215.

⁸⁹⁵ Ibid. P. 216.

⁸⁹⁶ David C.W. Robert Curthose Duke of Normandy. Cambridge, 1920.

Р. Эвердейл⁸⁹⁷ написал книгу «Боэмунд I, принц Антиохии», в которой подробно описал важные события биографии Боэмунда и его деяния, используя при этом широкий круг источников. В заключении он говорит о том, что целью Боэмунда было создание мощной Азиатско-европейской державы от Антиохии до Италии⁸⁹⁸. Но и на этом он бы не остановился; используя завоеванные византийские территории, Боэмунд двинулся бы на Восток. Идея крестовых походов служила ему лишь средством для достижения собственных целей. Он всегда оставался политиком и завоевателем и был типичным норманном: храбрым, алчным, беспринципным, склонным к демагогии⁸⁹⁹. В качестве подтверждения своей логики Эвердейл ссылается на то, что из всех государств крестоносцев на латинском Востоке основанное Боэмундом Антиохийское княжество оставалось самым стабильным и жизнеспособным⁹⁰⁰.

Британский медиевист Э. Джеймисон (1877–1972) составила «Несколько замечаний» по поводу участия норманнов в Первом крестовом походе⁹⁰¹. В частности, Джеймисон подробно останавливается на карьере не только Боэмунда и его племянника Танкреда, но и других южно-италийских норманнов: двоюродного брата Боэмунда Ричарда Салернского⁹⁰², Германа Канского⁹⁰³, Вильгельма Грантмесниля и Джофрея Монтекалиозо⁹⁰⁴ и других.

Представитель итальянской исторической школы, медиевист Рауль Манселли (1917–1984) в 1940 г. выпустил в свет работу об участии итальянских норманнов в Первом крестовом походе⁹⁰⁵. Поводом для написания этого произведения послужило отсутствие, по мнению Манселли, и во французской, и в немецкой историографии, полного отражения норманнского взгляда на Первый крестовый поход⁹⁰⁶.

Главный акцент Манселли сделал на рассмотрении карьеры Боэмунда на Востоке на основании латинских и византийских источников. В целом работа

⁸⁹⁷ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917.

⁸⁹⁸ Ibid. P. 135.

⁸⁹⁹ Ibid. P. 136.

⁹⁰⁰ Ibid. P. 138.

⁹⁰¹ Jamison E.M. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the Norman contingent from south Italy and Sicily in the First Crusade // Studies on the history of medieval Sicily and South Italy. Manchester, 1939. P. 195—204.

⁹⁰² Ibid. P. 197.

⁹⁰³ Ibid. P. 198.

⁹⁰⁴ Ibid. P. 199.

⁹⁰⁵ Manselli R. Normanni d'Italia alla prima crociata: Boemondo d'Altavilla // Japigia. 1938. XI. P. 45—79, 147—184.

⁹⁰⁶ Ibid. P. 203.

носит описательный характер и изобилует фактическим материалом, который нуждается в последующей интерпретации.

Э. Понтиери (1896–1980) в статье «Норманны Южной Италии и Первый крестовый поход»⁹⁰⁷ уделил большое внимание обстоятельствам, связанным с осадой Амальфи графом Сицилии Рожером. Понтиери рассмотрел интересы и мотивы поведения предводителей южно-италийских норманнов, определившиеся в ходе начала движения крестоносцев. В течение тридцати лет при поддержке римских пап граф Рожер возглавлял «свой» крестовый поход против мусульман Сицилии, фактически создавая уникальное по терпимости к иным религиям государство⁹⁰⁸. Тем не менее, Рожер не смог воспрепятствовать уходу большинства италийских норманнов, которые составляли основу его войска, в Первый крестовый поход во главе с Боэмундом. Понтиери считает, что Рожер не мог забыть своему племяннику этой сцены под стенами Амальфи, когда он в одночасье лишился всего «своего племени», и проигнорировал просьбы Боэмунда о его выкупе из плена⁹⁰⁹.

Историк искусства и ориенталист Р. Груссе (1885–1952) в «Эпопее Крестовых походов»⁹¹⁰ представляет норманнов как «латинский авангард» в походе против мусульман и еретических греков⁹¹¹. В духе колониальной пропаганды Груссе отмечает, что «военные расы» Востока и Запада – турки-сельджуки и франки крестоносцы – имели возможность оценить боевые качества друг друга в битве при Дорилее⁹¹², в которой основную тяжесть выдержали норманны во главе с Боэмундом, герцогом Нормандии Робертом и Танкредом⁹¹³. Саму битву Груссе приравнивает к сражениям при Гранике и Арбеллах, поскольку она более чем на сто лет отодвинула преимущество, полученное сельджуками при Манцикерте, и заявила всему миру о появлении на Ближнем Востоке новой силы – «франков»⁹¹⁴.

Предводитель италийских норманнов Роберт Гвискар начал свой собственный крестовый поход на Византию, который продолжил его сын Боэмунд⁹¹⁵.

⁹⁰⁷ Pontieri E. I Normanni dell'Italia meridionale e la Prima Crociata // Archivio Storico Italiano. 1956. T.114. P. 3—17.

⁹⁰⁸ Ibid. P. 7—13.

⁹⁰⁹ Ibid. P. 17.

⁹¹⁰ Grousset R. L'épopée des Croisades. P., 1995.

⁹¹¹ Ibid. P. 11.

⁹¹² Ibid. P. 26.

⁹¹³ Ibid. P. 25.

⁹¹⁴ Ibid. P. 26.

⁹¹⁵ Ibid. P. 12.

Боэмунд являлся не только наследником «Восточных мечтаний» своего отца, но верным сторонником политики папского престола с безграничными амбициями, и совершенно недобросовестный. От своих северных предков викингов он получил амбиции, энергичный характер, блестящие военные способности и рассудительный разум. Южная Италия снабдила его «сицилийской изворотливостью». Таким образом, удвоенная «хитрость» делала его достойным противником византийских дипломатов и тюрок-сельджуков⁹¹⁶.

Груссе называет Боэмунда «хитрым»⁹¹⁷ и «ужасным предводителем норманнов»⁹¹⁸. Он считает, что из-за «норманнской жадности», не желая рисковать приобретенной Антиохией, Боэмунд отказался продолжать поход на Иерусалим⁹¹⁹. В отношении морали и верности Танкред является полной противоположностью своего дяди Боэмунда и не уступает ему ни в воинской доблести, ни в страсти к завоеваниям⁹²⁰.

Груссе считает истинным создателем Антиохийского княжества Танкреда. Боэмунд, как и Руссель де Баллиоль, принадлежал к племени норманнских авантюристов XI в., мечтавших о Константинополе и троне Восточной империи. Сегодня он правитель обширных территорий на Востоке, а завтра жалкий и нищий пленник. В то же время Танкред терпеливо и последовательно расширял границы своих владений на Востоке⁹²¹.

С. Рансимен постоянно обращается к участию норманнов в подготовке и осуществлению Первого крестового похода. Для византиниста Рансимера очень важен вопрос восприятия византийцами норманнов. По своему опыту они знали, что Боэмунд выступает во главе «воинственных и амбициозных врагов, коварных и беспринципных»⁹²². Ученый характеризует войско Боэмунда почти в тех же словах, как ранее говорил об трехтысячном отряде Русселя де Баллиоля: «хорошо организованное, хорошо оснащенное и хорошо дисциплинированное; полностью преданное ему»⁹²³. Самого Боэмунда Рансимен описывает как «уверенного в себе, но не всегда мудрого» стратега, но в то же время как «тонкого и убедительного дипломата и выдающегося политика»⁹²⁴.

⁹¹⁶ Ibid. P. 21.

⁹¹⁷ Ibid. P. 29.

⁹¹⁸ Ibid. P. 32.

⁹¹⁹ Ibid. P. 35.

⁹²⁰ Ibid. P. 41.

⁹²¹ Ibid. P. 73.

⁹²² Runsimen S. A history of the crusades: The First Crusade... P. 157.

⁹²³ Ibid.

⁹²⁴ Ibid.

Во втором томе «Крестовых походов»⁹²⁵ автор признает, что большое влияние на его исследование оказали работы К. Казна, и в особенности его «великая монография о Северной Сирии»⁹²⁶. По мнению Рансимена, Антиохийское княжество представляло собой небольшое по территории, но самое богатое и безопасное государство на Латинском Востоке⁹²⁷.

М.А. Заборов отмечает, что у норманнов был особый интерес для участия в Первом крестовом походе. «Уже десятки лет они были непосредственно связаны с Византией – и в качестве пиратов-торговцев, и в качестве наемников-воинов. Кто мог лучше них оценить богатства Константинополя?»⁹²⁸. Одним из мотивов «рыцарской агрессии» была ревность к тюркам-сельджукам, в руки которых уплывали богатства империи.

Представитель Уральской школы византиноведения В.П. Степаненко в своей работе «Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176 гг.)»⁹²⁹ рассматривает внешнюю политику империи по отношению к тюркам-сельджукам и крестоносцам. Касаясь крестоносцев, основное внимание он уделяет отношениям империи с норманнами Антиохии, которые оформились в эпоху Первого крестового похода в виде Константинопольского соглашения и Девольского договора, проследил их развитие на протяжении длительного периода истории. В ряде работ автор рассматривает судьбы некоторых малоазиатских регионов, находившихся под властью норманнов⁹³⁰.

Дж. Райли-Смит в монографии «Первый крестовый поход и идея Крестового похода» отмечает, что движение крестоносцев было разнородным по «национальному» признаку. Провансальцы и норманны верили в то, что принадлежали к различным народам и вспоминали об этом каждый раз, когда дело доходило до дележа добычи⁹³¹.

⁹²⁵ Runsimen S. A history of the crusades: The kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100—1187. New York, 1995. Vol. II.

⁹²⁶ Ibid. P. xii.

⁹²⁷ Ibid. P. 20.

⁹²⁸ Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. С. 33.

⁹²⁹ Степаненко В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071—1176 гг.). Свердловск, 1988.

⁹³⁰ Степаненко В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // Византийский Временник. 1987. Т.48 (73). С. 53—63; Его же. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10—40 годах XII в. // Византийский Временник. 1988. Т.49 (74). С. 119—126; Его же. Цицилия, «дама Тарса и сестра короля»: (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества, 1108—1137 гг.) // Византийский Временник. 1990. Т. 51 (76). С. 119—123.

⁹³¹ Riley-Smith J. The first Crusade and the idea of crusading. L., 2003. P. 86.

Работа Райли-Смита представляет интерес в вопросах идеологии движения норманнов-крестоносцев. К сожалению, автор использует в основном латинские нарративные источники и сравнительно мало обращается к мусульманским.

Дж. Райли-Смит выпустил работу «Мотивы ранних крестоносцев и заселение Латинской Палестины 1095–1100 гг.»⁹³², в которой по латинским источникам проследил карьеры норманнов. В общей сложности он рассмотрел судьбы десяти норманнских предводителей из Южной Италии и Сицилии, которые решили остаться на Востоке. Как правило, это были «Гвискардиды», такие как Боэмунд и Танкред, а также те, кто находился у них на службе. Райли-Смит локализовал место первоначального расселения норманнов в Палестине: Галилея⁹³³.

Вслед за Р. Мансели и Е. Понтиери Б. Фиклиоло написал работу с характерным для итальянской историографии названием: «Еще раз о норманнах из Италии в Первом крестовом походе»⁹³⁴. Ему удалось идентифицировать двадцать шесть норманнов, которые отправились с Боэмундом на Восток⁹³⁵. Все они были молодыми людьми и принадлежали к роду Гвискардидов, некоторые из них были вассалами Боэмунда или Рожера Сицилийского. Только трое из них вернулись в Италию, девять (включая Боэмунда) остались на Востоке, восемь погибли, а об остальных не осталось сведений⁹³⁶.

В своей статье Фиклиоло приводит новые источники (в том числе опубликованные впервые): грамоты, подтверждающие дарения норманнских сеньоров монастырям Южной Италии⁹³⁷. На основе этих данных, Фиклиоло приходит к выводу, что Первый крестовый поход был «внутренним делом норманнского рыцарства», а точнее, той его части, которая состояла из молодых, беспокойных и не очень богатых рыцарей⁹³⁸.

Специалист по просопографическим исследованиям государств крестоносцев А. Мюррей идентифицировал представителей нескольких норманн-

⁹³² Riley-Smith J. The motives of the earliest crusaders and the settlement of Latin Palestine, 1095—1100 // *The English historical review*. 1983. Oct., № 389. P. 721—736.

⁹³³ Ibid. P. 726.

⁹³⁴ Figliuolo B. Ancora sui Normanni d'Italia all Prima Crociata // *Archivio Storico per le Province Napolitane*. 1986. 104. P. 1—16.

⁹³⁵ Ibid. P. 5.

⁹³⁶ Ibid. P. 5—6.

⁹³⁷ Ibid. P. 7—9.

⁹³⁸ Ibid. P. 9—10.

ских фамилий и проследил судьбы норманнской аристократии на Востоке⁹³⁹. В частности, он установил, что ядро правящей верхушки Антиохийского княжества составляли итальянские норманны⁹⁴⁰.

Дж. Франс написал специальную работу с целью оценить вклад норманнов в Первый крестовый поход⁹⁴¹. Он считает, что необходимо разделять норманнов на тех, кто пришел с герцогом Робертом из Нормандии, и тех, кто явился с Боэмундом из Италии⁹⁴². Если первые, по мнению Франса, были мало знакомы с реалиями Востока и ничего не приобрели, то итальянские норманны, которые имели давние и глубокие связи с Византией, видели смысл своей жизни в территориальной экспансии на Востоке⁹⁴³.

Изначальной целью Боэмунда было создание норманнского государства в Малой Азии, т.к. он просил у Алексея Комнина титул доместика Востока – командующего всеми византийскими войсками Анатолии, включая и отряды крестоносцев⁹⁴⁴.

Вслед за Альбертом Ахенским Франс утверждает, что успех Боэмунда был во многом обеспечен не только военным мастерством норманнского предводителя, но и репутацией, которая была завоевана норманнами в Малой Азии⁹⁴⁵. В то же время предводители итальянских норманнов были разобщены и преследовали собственные цели: герцог Апулии Рожер Борса и граф Сицилии Рожер не поддерживали Боэмунда в его устремлении на Восток⁹⁴⁶. Созданное Боэмундом Антиохийское княжество очень быстро утратило свою норманнскую идентичность⁹⁴⁷.

Франс признает, что норманны внесли огромный вклад в крестоносное движение, но вместе с тем «Первый крестовый поход ознаменовал собой последний импульс норманнской экспансии и грядущий конец норманнской идентичности во многих государствах»⁹⁴⁸.

⁹³⁹ Murray A.V. How Norman was the principality of Antioch? Prolegomena to a study of the origins of the nobility of a crusader state // *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge, 1997. P. 349—360.

⁹⁴⁰ Ibid. P. 359.

⁹⁴¹ France J. The Normans and crusading // *The Normans and their adversaries at war: essays in memory of C. Warren Hollister* / ed. by Richard P. Abels, Bernard S. Bachrach. Woodbridge, 2001. P. 87—101.

⁹⁴² Ibid. P. 91.

⁹⁴³ Ibid. P. 92—93.

⁹⁴⁴ Ibid. P. 94.

⁹⁴⁵ Ibid. P. 95.

⁹⁴⁶ Ibid. P. 96.

⁹⁴⁷ Ibid. P. 97.

⁹⁴⁸ Ibid. P. 101.

В 2007 г. вышла книга специалиста по истории крестовых походов Ж. Флори⁹⁴⁹, которая в русском переводе получила название «Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи»⁹⁵⁰. Французского исследователя Боэмунд интересовал как «исторический миф», идеологический образ, являвшийся отражением своего времени⁹⁵¹. Флори по-новому интерпретирует широко известные события, связанные с жизнью и карьерой «хитроумного норманна»⁹⁵². В представлении Флори история Первого крестового похода становится историей идеологических баталий между Боэмундом и другими предводителями крестоносцев, византийцами. Норманнский предводитель предстает, в первую очередь, талантливый пропагандист. Даже свои поражения ему удается обращать себе на пользу путем умелой пропаганды. Например, освобождение из турецкого плена послужило основой для создания образа Боэмунда в Западной Европе как олицетворения рыцарского поведения. В то же время прославлявшая Боэмунда пропаганда была направлена против Византии⁹⁵³.

В работе «Норманнские поселения в латинском королевстве Иерусалима»⁹⁵⁴, А. Мюррей выражает полное согласие с Франсом в том, что каждый норманнский предводитель зачастую действовал в соответствии со своими личными интересами. То же можно было сказать и о возглавляемых ими контингентах, которые не представляли собой монолита. В поисках лучшего удела любой рыцарь мог покинуть войска Боэмунда или Роберта Норманнского и ради провианта, финансов или покровительства пойти на службу к другим вождям крестоносцев⁹⁵⁵. А. Мюррей пришел к выводу о довольно значительной доле норманнов как светского, так и духовного звания не только в составе войска Готфрида Бульонского⁹⁵⁶, но и среди населения Иерусалимского королевства⁹⁵⁷.

⁹⁴⁹ Flori J. Bohémond d'Antioche. Chevalier d'aventure. P., 2007.

⁹⁵⁰ Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. СПб., 2013.

⁹⁵¹ Ibid. P. 9.

⁹⁵² Ibid. P. 27—28.

⁹⁵³ Ibid. P. 225.

⁹⁵⁴ Murray A.V. Norman settlements in Latin kingdom of Ierusalem // Arhivio Normanno-Svevo. 2008. Vol. 1. P. 61—85.

⁹⁵⁵ Ibid. P. 64.

⁹⁵⁶ Murray A.V. The army of Godfrey of Boullion, 1096—1099: Structure and dynamics of a contingent of the First Crusade // Revue belge de philologie et d'histoire. Histoire médiévale, moderne et contemporaine — Middeleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis. 1992. Tome 70. Fasc. 2. P. 301—329.

⁹⁵⁷ Murrey A.V. Norman settlements... P. 84—85.

Большой интерес представляет монография Т. Асбриджа «Создание Антиохийского княжества 1098–1130 гг.»⁹⁵⁸. Исследователя в первую очередь интересует политическая история Антиохийского княжества, а также отношения норманнских правителей с Византией и мусульманами. Он отмечает присущее населению Антиохии норманнское самосознание или «Normannitas»⁹⁵⁹. В отдельной главе Асбридж проанализировал развитие институтов Антиохийского княжества, которые представляли собой уникальный для всего латинского Востока сплав элементов, привнесенных из Нормандии и имевших местное происхождение⁹⁶⁰.

Профессор Королевской военной академии, специалист по средневековой военной истории М. Беннет в особой статье рассмотрел активность норманнов в Средиземноморье, уделив внимание участию норманнов в Первом крестовом походе и созданию Антиохийского княжества⁹⁶¹. Беннет попытался дать ответ на вопрос о том, насколько «норманнскими» по характеру были наследование владений и распоряжение ими, а также сбор войск, налогов и управление созданными государствами⁹⁶². Он считает, что для всех норманнских образований в Средиземноморье была характерна «франкская» модель создания монархий, которые только номинально были византийскими или восточными, что само по себе было данью латинских иммигрантов формам репрезентации власти на покоренных территориях⁹⁶³. Также норманны не пытались насадить феодальные институты и отношения в подвластных им обществах⁹⁶⁴. М. Беннет не верит в смешение культурных традиций под норманнским господством, но в то же время, признает что созданные норманнами государственные образования надолго пережили их династии⁹⁶⁵.

Во второй половине XX в. появляются работы, в которых предметом исследования становятся карьеры и судьбы отдельных норманнских рыцарей во время Первого крестового похода на Востоке. Благодаря этим исследованиям мы больше узнаем не только о лидерах норманнов Боэмунде или Танкреде,

⁹⁵⁸ Asbridge T. The Creation of the Principality of Antioch 1098—1130. Rochester, 2000.

⁹⁵⁹ Ibid. P. 163—168.

⁹⁶⁰ Ibid. P. 193.

⁹⁶¹ Bennet M. The Normans in the Mediterranean // A companion to the Anglo-Norman World. Woodbridge, 2003. P. 87—103.

⁹⁶² Ibid. P. 93.

⁹⁶³ Ibid. P. 102.

⁹⁶⁴ Ibid.

⁹⁶⁵ Ibid.

но и об их более скромных товарищах по оружию. Это работа С. Эджингтон об англо-норманнском рыцаре Пагане Превеле⁹⁶⁶, а также статья Дж. Биич о Ричарде Салернском⁹⁶⁷.

Британские специалисты в области изучения средневековой военной истории и вооружения Д. Николь и К. Граветт совместно подготовили монографию, в которой рассмотрели некоторые аспекты пребывания норманнов на Востоке⁹⁶⁸. В частности, авторы считают, что норманны с середины XI в. составляли многочисленные контингенты в Малой Азии, расположенные в Мелитене и Эдессе⁹⁶⁹. После поражения Византии при Манцикерте в 1071 г. норманны активно помогали тюркам-сельджукам уничтожать армянские государства Тарон и Сасун⁹⁷⁰. Норманнские рыцари играли важную роль в государстве Филарета Варажнуни (1071–1084/1086 гг.): составляли ядро его армии, служили в гарнизонах замков и городов⁹⁷¹.

По предположению Д. Николь и К. Граветта, после сельджукского завоевания государства Филарета в 1085 г. норманны могли составлять часть городской милиции Антиохии и Эдессы, «тюркизироваться» и благополучно дожить до начала Первого крестового похода⁹⁷². В течение XII в. Византийская империя продолжала зависеть от иноземных наемных контингентов. Значительную часть она стала получать из Антиохийского княжества⁹⁷³.

Несмотря на научно-популярный характер работы Д. Николь и К. Граветта, это — попытка выявить присутствие норманнов в Малой Азии и проследить за развитием их военных и культурных традиций в этом регионе на протяжении XI–XII вв.

Ученый-медиевист М. Чибнел⁹⁷⁴ (1915–2012) в отдельной главе своей монографии рассмотрела экспансию норманнов в Восточном Средиземноморье.

⁹⁶⁶ Edgington S.B. Pagan Peverel: An Anglo-Norman Crusader // *Crusade and Settlement: Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C. Smail* / ed. by Peter W. Edbury, Susan B. Edgington. Cardiff, 1985. P. 90—93.

⁹⁶⁷ Beech G.T. A Norman-Italian Adventurer in the East: Richard of Salerno, 1097—1112 // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference*. 1993. Vol. 25. P. 25—40.

⁹⁶⁸ Nicolle D., Gravett C. *The Normans: Warrior knights and their castles*. L., 1987.

⁹⁶⁹ Ibid. P. 61.

⁹⁷⁰ Ibid. P. 62.

⁹⁷¹ Ibid. P. 63.

⁹⁷² Ibid. P. 64.

⁹⁷³ Ibid. P. 64.

⁹⁷⁴ Chibnall M. *The Normans*. Oxford, 2006.

Она считает очень символичным перенос мощей святого Николая в 1087 г. из Миры Ликийской в Бари (в котором в то время правил Боэмунд). В глазах современников это событие выглядело как оставление святым владений византийского императора, который неспособен был защитить его мощи, и передача их под покровительство норманнов⁹⁷⁵.

М. Чибнел отмечает знание предводителями южно-италийских норманнов арабского языка⁹⁷⁶, а также их хорошую и разностороннюю осведомленность о мусульманах, византийцах, административном делении империи⁹⁷⁷. М. Чибнел считает Антиохийское княжество изначально норманнским, каковым оно оставалось на протяжении, по крайней мере, трех поколений завоевателей⁹⁷⁸.

В серии изданий «Манчестерские средневековые источники» Э. ван Хоутс опубликовала сборник документов по истории норманнов⁹⁷⁹. В пятой главе этого сборника автор приводит переводы отрывков из византийских авторов об активности норманнов в Малой Азии, а также выдержки из латинских источников об участии норманнов в Первом крестовом походе.

В предисловии британский исследователь признает наиболее интересными вопросами историографии проблему норманнской «однородности», или идентичности, а также причины их успехов в различных регионах Европы и Азии⁹⁸⁰. По мнению Э. ван Хоутс, данные источников позволяют рассматривать норманнов на Востоке в качестве особой группы, которая отличалась от «франков» и обладала «особенными норманнскими характеристиками»⁹⁸¹, что, в свою очередь, дает возможность искать различия и сходства в истории групп норманнов в регионах Европы и Азии⁹⁸².

Итальянский исследователь Л. Руссо провел анализ историографии по вопросу участия норманнов в Первом крестовом походе и пришел к ряду интересных выводов⁹⁸³. В частности, он опровергает распространенное мнение о «материальных» устремлениях норманнов в крестовом походе, что, якобы,

⁹⁷⁵ Ibid. P. 95.

⁹⁷⁶ Ibid. P. 97.

⁹⁷⁷ Ibid. P. 96.

⁹⁷⁸ Ibid. P. 100.

⁹⁷⁹ Van Houts E.M.C. *The Normans in Europe*. Manchester; New York., 2000.

⁹⁸⁰ Ibid. P. 8.

⁹⁸¹ Ibid. P. 11.

⁹⁸² Ibid.

⁹⁸³ Russo L. *I Normanni e il movimento crociato. Una revisione // Il Papato e i Normanni. Temporale e Spirituale in età normanna*, a cura di E. D'Angelo, C. Leonardi. Firenze, 2011. P. 163—174.

в отличие от других лидеров крестоносцев, ими двигала только жажда территориальных приобретений⁹⁸⁴.

На самом деле крестовый поход как «рыцарское» мероприятие подразумевал наличие у его участников сложных мотивов, в число которых входили не только достижение некоего духовного идеала, но и вполне земные цели: обретение владений, богатства и высокого социального статуса⁹⁸⁵. Поэтому в своих устремлениях норманнские лидеры не отличались от предводителей провансальцев или лотарингцев. Участие норманнов в Первом крестовом походе не принесло им никаких плодов хотя бы отдаленно напоминающих результаты их деятельности в Южной Италии и Сицилии. Норманнский характер Антиохийского княжества, столь яркий в самом начале, очень быстро сошел на нет и вследствие всеобщего отчуждения ни к чему не привел⁹⁸⁶.

Большинство специальных работ итальянских исследователей посвящено участию в Первом крестовом походе норманнов из Южной Италии, а не из Нормандии. Этим объясняется традиционное внимание к этой теме со стороны итальянских медиевистов.

На современном этапе можно наблюдать интерес турецких исследователей к изучению вопросов участия норманнов в Первом крестовом походе и создания Антиохийского княжества. С. Шахин считает, что свершения норманнов в Малой Азии и Сирии были продолжением норманнской экспансии в Европе, начавшейся в VIII в.⁹⁸⁷, а участие норманнов в Первом крестовом походе он признает очень эффективным⁹⁸⁸.

В 2013 г. вышла работа Г. Бахадира по истории Антиохийского княжества⁹⁸⁹. Г. Бахадир также является автором раздела об участии норманнов в Первом крестовом походе и их доминировании в общей работе «История Хатая» с древнейших времен до нового времени⁹⁹⁰. Работа Г. Бахадира не только хорошо фундирована западными и восточными источниками, он также принимает в расчет современную историографию.

⁹⁸⁴ Ibid. P. 163.

⁹⁸⁵ Ibid. P. 166.

⁹⁸⁶ Ibid. P. 174.

⁹⁸⁷ Şahin S. Norman istilası'nın I. haçlı seferi'ne yansımaları (Antalya'nın işgaline kadar I. Bohemund ve Tancred'in faaliyetleri) // *Capadocia journal of history and social sciences* / ed. by Prof. Dr. İlyas Gökhan. 2013. Vol. 1. Ahlen. P. 42—52.

⁹⁸⁸ Ibid. P. 51—52.

⁹⁸⁹ Bahadır G. Antakya haçlı prensliği (1098—1126). Hatay, 2013.

⁹⁹⁰ Hatay tarihi. Hatay, 2013.

4.2. УЧАСТИЕ НОРМАННОВ В ПЕРВОМ КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ (ЛАТИНСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ХРОНИСТОВ)

Латинские авторы не были едины в освещении участия норманнов в Первом крестовом походе. Для значительной части латинских хроник Первого крестового похода характерна норманнская направленность. Помимо Анонима, Рауля Канского и других авторов, отголоски норманнских идей можно встретить в сочинениях авторов не норманнов: Петра Тудебода, Гвиберта Ножанского, Бодри Дольского. Причиной подобного влияния некоторые исследователи считают активную пропагандистскую деятельность Боэмунда, который повсюду раздавал сочинения Анонима во время своего пребывания в Западной Европе после возвращения с Востока⁹⁹¹.

В то же время ряд латинских авторов придерживался иного взгляда на участие норманнов в Первом крестовом походе и находился под влиянием других предводителей крестоносцев. Среди этих авторов необходимо упомянуть прежде всего Раймунда Ажильского, Фульхерия Шартрского, Альберта Ахенского и других. Византийская точка зрения на участие норманнов в Первом крестовом походе отражена в сочинении Анны Комнины.

Даже в среде норманнских авторов отсутствует единодушное отношение к кампаниям норманнских предводителей на Востоке. Анонимный автор хроники «Деяния франков и других иерусалимцев»⁹⁹², которая представляет собой записи рыцаря-крестоносца, вероятно, итало-норманнского происхождения, который в начале крестового похода служил Боэмунду, а затем перешел на службу к Раймонду Сен-Жильскому.

Именно книгу южно-италийского рыцаря Ордерики Виталий использовал в качестве основного источника для написания четвертой книги «Церковной истории». Также это сочинение послужило основой для создания хроник ряда других западноевропейских авторов XII–XIII вв.: «История Иерусалимско-

⁹⁹¹ Nicholas L.P. A Warlord's Wisdom: Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade // *Speculum*. 2010. Vol. 85. № 3. P. 534—566.

⁹⁹² *Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier*. P., 1924.

го похода» священника Сервейского Петра Тудебода, «Деяния Бога через франков» Гвиберта Ножанского, «Иерусалимская история» Бодри Дольского и многих других⁹⁹³. При этом высокообразованный хронист и знаток латыни архиепископ Бодри Дольский отмечал, что «неотесанный» полуграмотный норманнский рыцарь выпустил в свет «чересчур мужицкую книжонку», которую он исправил и дополнил по своему усмотрению⁹⁹⁴.

Несмотря на недостатки стиля анонимного автора и «мужицкую» латынь, «Деяния франков» являются самым правдоподобным и реалистичным отчетом о Первом крестовом походе: географически точное описание местности и населенных пунктов, сражения крестоносцев с мусульманами, осады городов, финансовые затраты⁹⁹⁵.

Другим норманнским автором был Рауль Канский, оставивший после себя произведение, воспевающее подвиги соратника Боэмунда Танкреда: «Свершения князя Танкреда в походе на Иерусалим»⁹⁹⁶. Рауль родился около 1080 г. в нормандском городке Кан и в крестовый поход отправился совсем юным. Первоначально он служил у капеллана герцога Нормандии, наставника дочери Вильгельма Завоевателя Цецилии Арнульфа, который после Первого крестового похода стал епископом, а затем занял пост патриарха Иерусалимского. Именно к нему, как к «корректору» своего сочинения, обращается Рауль в «Деяниях Такреда». Очевидно, что тесные отношения, которые возникли до 1096 г., сохранились между двумя людьми до смерти Иерусалимского патриарха в 1118 г.⁹⁹⁷

Благодаря своим высоким связям при англо-норманнском дворе, Рауль в 1107 г. в качестве капеллана присоединился к походу Боэмунда на Балканы против Византии. Но если Рауль мечтал о карьере историка при дворе Антиохийского князя, то этим мечтам не суждено было сбыться. Сложное положение христиан на Востоке заставило его оставить научные занятия и обратиться к изучению военных дисциплин. В последующем он продолжил службу под знаменами норманнского правителя Антиохии Танкреда⁹⁹⁸.

⁹⁹³ Jamison E. Some notes on the Anonymi Gesta Francorum with special reference to the norman contingent from South Italy and Sicily in the First Crusade // Studies in french language and medieval literature. Manchester, 1939. P. 183—184.

⁹⁹⁴ Цит по: Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов. С. 63—64.

⁹⁹⁵ Там же. С. 90—100.

⁹⁹⁶ Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. P., 1854. T. 155. P. 189—590; The Gesta Tancredi of Ralph of Caen: A History of the Normans on the First Crusade / ed. and trans. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. Aldershot, 2005.

⁹⁹⁷ The Gesta Tancredi of Ralph of Caen: A History of the Normans on the First Crusade / ed. and trans. Bernard S. Bachrach, and David S. Bachrach. P. 1—4.

⁹⁹⁸ Ibid.

К написанию хроники Рауль, приступил после смерти Танкреда. В отличие от Анонима, Рауль получил классическое образование: знал Библию, читал Овидия, Вергилия и Горация, был знаком с историческими трудами Тита Ливия, Юлия Цезаря, Саллюстия и других⁹⁹⁹. Рауль и сам являлся поэтом, и поэтому целые главы его хроники написаны стихами. Издатели и переводчики «Деяний Танкреда» считают, что таким образом Рауль сигнализировал читателю: когда речь шла о малоизвестных ему деяниях крестоносцев не норманнов, он прибегал к поэзии, но когда оперировал информацией, полученной от Танкреда и его офицеров, переходил на прозу¹⁰⁰⁰.

«Деяния Танкреда» являются важным, но в значительной степени недооцененным историческим источником по истории Первого крестового похода и образования Антиохийского княжества в период с 1096 по 1105 г. Это также уникальный источник для изучения норманнской кампании в Киликии с 1097 по 1108 г.

Оба автора, в отличие от прочих хронистов-клириков, являются светскими людьми, принадлежащими к рыцарскому сословию. Вероятно, этим и объясняется светский характер их повествований. М.А. Заборов во «Введении в историографию крестовых походов»¹⁰⁰¹ отмечал, что в хрониках «авторов-рыцарей» Анонима и Рауля Канского присутствует «в меньшей степени элемент чудесного»¹⁰⁰². Обоих авторов отличает трезвый и реалистичный взгляд на вещи, как, например, при описании необычайных небесных явлений, которые воспринимаются и описываются без излишнего восторга¹⁰⁰³.

В хрониках Анонима и Рауля Канского преобладает реалистический подход к изложению фактического материала. Однако, по мнению исследователей, Рауль проигрывает Анониму в точности и достоверности описания сражений Первого крестового похода. Этот факт объясняется тем, что Рауль не был непосредственным участником событий и преимущественно излагал точку зрения Боэмунда и Танкреда, которые едва ли помнили каждое сражение с тюрками-сельджуками, в котором принимали участие, за исключением отдельных деталей¹⁰⁰⁴.

⁹⁹⁹ Ibid. P. 4—5.

¹⁰⁰⁰ Ibid. P. 7.

¹⁰⁰¹ Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов. Латинская хронография XII—XIII вв. М., 1966.

¹⁰⁰² Там же. С. 76.

¹⁰⁰³ Там же. С. 80.

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 105—106.

Для произведений Анонима и Рауля Канского характерна антивизантийская направленность. Если у Рауля Канского антивизантийская риторика и пронорманнская ориентация остаются неизменными в течение всего повествования, то Аноним изменяет им после взятия Антиохии. Американский исследователь Э. Альбу объясняет эту метаморфозу некой трансформацией, которая начинается с момента обретения чуда святого копья, найденного в Антиохии провансальцами¹⁰⁰⁵. Это происшествие придавало легитимность притязаниям Раймунда Сен-Жильского на владение Антиохией. Поэтому Боэмунд и Танкред заняли резко отрицательную позицию по отношению к произошедшему «чуду». По этой причине Рауль Канский, со слов норманнских предводителей, всячески высмеивает и изобличает обман¹⁰⁰⁶.

Умолчание Анонима об этом инциденте Альбу расценивает как растущее неприятие хронистом позиции Боэмунда, который не желал следовать общим интересам Первого крестового похода¹⁰⁰⁷. С этого момента Аноним начинает относиться к Боэмунду с иронией и никогда больше не называет его «*dominus*». Он переходит на службу к Раймунду Сен-Жильскому и начинает именовать его «*vir venerabilis*». Для Рауля Канского провансальцы остаются «немного женоподобными» и олицетворяют собой полную противоположность норманнам в «обычаях, характере, культуре и кухне»¹⁰⁰⁸.

Кардинально меняется отношение Анонима к византийскому императору Алексею Комнину. Если изначально это отношение было крайне враждебным, то после захвата Антиохии и перехода к Раймунду византийский император никогда более не именуется Анонимом как «*iniquissimus*» и «*infelix*». По мнению Альбу, подобную трансформацию пережил другой автор из Южной Италии – Вильгельм Апулийский при описании «Деяний Роберта Гвискара», где по ходу повествования бравурный тон первых двух книг сменяется неодобрением похода норманнского предводителя на Византию. Это сопоставление дает основание утверждать, что Аноним и Вильгельм Апулийский принадлежали к той группе итальянских норманнов, которые критически относились к амбициозной политике Роберта Гвискара и Боэмунда¹⁰⁰⁹.

Редкое для хронистов Первого крестового похода благодушие демонстрирует автор «Деяний франков» по отношению к тюркам-сельджукам. Напри-

¹⁰⁰⁵ Albu E. Probing the passions of a Norman on Crusade. P. 9.

¹⁰⁰⁶ Ibid. P. 10.

¹⁰⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁰⁸ Ibid. P. 11—12.

¹⁰⁰⁹ Ibid. P. 13.

мер, сельджукский военачальник Кербога обращается к одному из своих эмиров как к «честному, благородному и миролюбивому», «вернейшему», а следовательно, под Антиохией только норманнский предводитель может быть клятвопреступником, предателем интересов своего народа, в то время как сельджукский предводитель остается честным и верным¹⁰¹⁰. Таким образом, Аноним на основе пережитого опыта произвел переоценку ценностей, в соответствии с которой сменил норманнского господина на провансальского и стал более лояльно относиться к византийскому императору, восточным христианам и мусульманам¹⁰¹¹.

Альбю считает, что «Деяния франков» отрицают «Normannitas», т.к. написаны не по заказу норманнских правителей и не для норманнской аудитории. Аноним находится в оппозиции к амбициям предводителей норманнов. Но отрицание «Normannitas» делает «Деяния франков» «норманнской историей» и связывает с общей норманнской исторической традицией, которую представляет Ордерик Виталий¹⁰¹².

Выводы, сделанные Альбю, позволяют сделать предположение о том, что Аноним был родом из Апулии и, возможно, являлся лангобардом по происхождению. На это косвенно указывает отсутствие всякого намека на высокомерие в «Деяниях франков», в отличие от Рауля Канского, который изображает лангобардов как менее воинственных и подневольных людей.

С другой стороны, Аноним упоминает лангобардов как верных помощников Боэмунда, которые проявили себя при осаде Антиохии. Так, в эпизоде захвата Антиохии, когда Боэмунд не решался подняться на башню, пока «некий слуга лангобард спустился вниз и поспешил как можно быстрее к Боэмунду, сказал: «Чего ждешь, достопочтенный муж? По какой причине медлишь? В наших руках уже три башни»¹⁰¹³. Таким образом, у Анонима лангобарды выступают наравне с норманнами и даже превосходят их в храбрости и решительности.

Рауль свысока говорит о лангобардах, которые отправились в крестовый поход из Южной Италии. «Сначала, конечно, Нормандия предоставила ему (Боэмунду — В.П.) рыцарей, а Лангобардия пешее войско: норманны, которые побеждают, лангобарды, которые количеством поддерживают и увлекаются

¹⁰¹⁰ Ibid.

¹⁰¹¹ Ibid. P. 14.

¹⁰¹² Albu E. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. P. 179.

¹⁰¹³ Anonymi Gesta Francorum, VI, 20, P. 106. «... quidam serviens Langobardus deorsum et cucurrit quantocius ad Boamundum, dicens: «Quid hic stas, vir prudens? Quamobrem huc venusti? Ecce nos jam tres turres habemus!» Motus est ille cum aliis et omnes gaudentes pervenerunt ad scalam».

в войну. Из этого народа один воюющий, другой идет прислуживать. Впрочем, и оба были воинственными, хотя они составляли только две группы, и крайне немногочисленные».¹⁰¹⁴ Для Рауля Танкред был вскормлен в Калабрии, но остается норманном по происхождению¹⁰¹⁵.

Танкред и Боэмунд принадлежат к правящему в Южной Италии роду Гвискардидов. В Первом крестовом походе участвовали многие представители этого рода. Так, Рауль сообщает, что «к Гвискардидам присоединились братья Танкреда Вильгельм и Роберт, подобные отвагой финикийским львам, имеющие с Боэмундом общее происхождение и одинаковое рвение к войне»¹⁰¹⁶.

В 1097 г. от армии крестоносцев, продвигавшейся через Малую Азию, отделилась часть во главе с Робертом Нормандским, Боэмундом и Танкредом. По мнению Рауля Канского, норманнские предводители составили авангард войска крестоносцев: «как единоплеменники, с единой мыслью о том, чтобы распространить славу единой своей родины» Нормандии¹⁰¹⁷.

Рауль сообщает ценные подробности гибели правителя Антиохии Яги Сияна, которого он именует «*princeps Cassianus*»¹⁰¹⁸. Во время бегства из Антиохии Яги Сиян получил тяжелые ранения: «мечом в голову, в спину копьем, дротиком в ногу»¹⁰¹⁹. Ему удалось добраться до окрестностей городка Рубей, где силы его оставили. Он решил сойти с коня, спрятаться в тени, в надежде, что случайный путник поможет ему. В этих обстоятельствах Рауль сравнивает Яги Сияна с «зайчонком, который вырвался из пасти щенков и скрылся в терновнике». С сочувствием к судьбе сельджуцкого правителя, Рауль восклицает: «О мирская слава! Кто несчастней его? Еще вчера он был правителем Антиохии, господином Сирии и Финикии, ужасом Ассирии, самым могущественным из царей Востока, уступавший одному султану, который правил Персидским царством»¹⁰²⁰.

В то же время косвенно он осуждает убийство Яги Сияна «деревенщиной» (*rustica*), который совершил его не из высших убеждений «как друг Христа» ради «бессмертной славы», но из низменных побуждений, желая завладеть царственными одеждами, конем и заслужить благодарность новых завоевателей. Очевидно, что Роудульф не видит ничего достойного похвалы

¹⁰¹⁴ Gesta Tancredi. P. 499.

¹⁰¹⁵ Ibid. P. 498.

¹⁰¹⁶ Ibid. P. 499.

¹⁰¹⁷ Ibid. P. 508.

¹⁰¹⁸ Ibid. P. 539.

¹⁰¹⁹ Ibid.

¹⁰²⁰ Ibid.

в убийстве «изможденного, обескровленного, полумертвого, одинокого, безоружного» Яги Сияна¹⁰²¹.

Рауль Канский отмечает особое отношение к норманнам со стороны как христианского, так и мусульманского населения Малой Азии и Северной Сирии. Он говорит, что некий принявший мусульманство армянин, которому была поручена охрана башни двух сестер в Антиохии, когда отважился передать город крестоносцам, то прямо отправился к Боэмунду, т.к. «народ Востока среди прочих почитал его князем над князьями. С тех пор, когда вместе с Гвискаром он подчинял Грецию, слава Боэмунда, добытая во многих сражениях с греками, страшила народ. Вследствие этого он стал известен в Азии, а сейчас считается господином всего здесь»¹⁰²².

Одним из самых оригинальных англо-норманнских историков был монах монастыря Святого Эвруля Ордерик Виталий. Как он сам о себе рассказывает, он родился в 1075 г. в Англии в селении Эттингем, расположенном на границе Уэльса и Мерсии¹⁰²³. Когда Ордерiku исполнилось одиннадцать лет, его отправили в Нормандию. Он очень тяжело переживал свое «изгнание», утрату «родных и близких», потерю «друзей и знакомых»¹⁰²⁴. Когда «изгнанник прибыл в Нормандию, где был для всех чужой и никого не знал. И слыша чужой язык, словно Иосиф в Египте, нисколько не понимал»¹⁰²⁵. Однако «по Божьей милости» он встретил среди «чужаков» милостивый и дружеский прием. Он стал монахом монастыря Святого Эвруля и получил новое имя «Виталий», т.к. его англосаксонское имя «показалось норманнам неблагозвучным»¹⁰²⁶. В монастыре Святого Эвруля Ордерик жил «любимый и почитаемый» братьями, служил Богу сначала в чине субдьякона, затем дьякона и, наконец, священника. В этом монастыре Ордерик и встретил свой конец вскоре после 1143 г. на шестьдесят восьмом году жизни¹⁰²⁷.

В прологе к «Церковной истории» Ордерик говорит, что заниматься созданием этого многотомного труда его побуждали аббаты монастыря Святого Эвруля¹⁰²⁸. Сначала его побуждал взяться за работу Рожер де Саппо, который

¹⁰²¹ Ibid.

¹⁰²² *Gesta Tancredi*. P. 536.

¹⁰²³ *Orderici Vitalis*. P. 10.

¹⁰²⁴ Ibid. P. 11—12.

¹⁰²⁵ Ibid. P. 13—14.

¹⁰²⁶ Ibid.

¹⁰²⁷ Ibid. P. 11—12.

¹⁰²⁸ Ibid. P. 16.

возглавлял монастырь с 1096 по 1123 г., а вслед за ним Гварин де Эссартис, стоявший во главе обители с 1123 по 1137 г.

В начале третьей книги Ордерик формулирует цели и задачи своей работы. Главную цель своего труда он видит в прославлении Бога, а задачу в написании истории церкви в жизнеописаниях наиболее выдающихся ее деятелей, которых он называет святыми и «друзьями Христа»¹⁰²⁹. Эти святые уже давно пребывают на небесах среди ангелов за то, что они «последовали по следам Спасителя по тяжелой дороге доблести, и оставили пример спасения для нас»¹⁰³⁰. Ордерик говорит, что «с радостью поведает о некоторых из этих друзьях Христа по повелению моих начальников, ибо размышлять или говорить о них занятие очень хорошее и полезное для души, и наилучшее лекарство от душевных тревожностей»¹⁰³¹. Вслед за этим он говорит: «А теперь еще мои начальники возложили на меня другой труд, поставили передо мной задачу описать деяния норманнов, поскольку они, сами из Дании происходившие, больше стремились овладеть оружием, чем грамотой и вплоть до времени Вильгельма Незаконорожденного, больше предпочитали воевать, чем читать и писать книги»¹⁰³².

Как видно из высказываний самого Ордерика, ему как монаху гораздо ближе и интереснее заниматься жизнеописаниями святых, чем описывать деяния воинственных, но неграмотных норманнов. Ордерик задумывает свой труд именно как «Церковную историю», и только обет послушания заставляет его обратиться к истории норманнов, разговор о делах которых вряд ли можно было бы назвать хорошим и полезным для души занятием. Одним словом, Ордерика как монаха больше интересовали деяния святых, чем воинов.

В начале пятой книги Ордерик рассказывает, что с момента основания монастыря монахи побуждали друг друга взяться за написание подобного труда. Но никто из них не хотел за него приниматься, т.к. каждый из них «больше предпочитал молчать, чем говорить», предаваться созерцательной жизни или заботиться о нуждах монастыря. Всем этим они предпочитали заниматься вместо того, чтобы взяться за перо и самим написать историю своей родины. Только ему, «англичанину, в десятилетнем возрасте привезенному из краев Мерсии, варвару, чужаку и пришельцу, жившему среди более знающих местных обитателей, по Божьей воле, пришлось описывать деяния норманнов и судьбу Нормандии»¹⁰³³.

¹⁰²⁹ Ibid. P. 229.

¹⁰³⁰ Ibid.

¹⁰³¹ Ibid.

¹⁰³² Ibid. P. 230.

¹⁰³³ Ibid. P. 374.

Итак, у нас есть еще одно свидетельство самого Ордерика, что он по принуждению и с крайней неохотой взялся за описание деяний норманнов, но уже не только как монах, а как англичанин по происхождению, для которого Нормандия до конца так и не стала родиной.

Норманны в представлении Ордерика не являются идеалом. Он считает их «непокорным народом», являющимися людьми «великой доблести» только при сильной власти. Во всех остальных случаях они способны на любое коварство¹⁰³⁴. «Если бы норманнское племя следовало бы Божьему закону и было бы заодно с добрым правителем, как халдеи под Навуходоносором, как персы и мидяне под Киром и Дарием, как македонцы под Алесандром, то они были бы непобедимыми, как о об этом свидетельствуют частые победы, одержанные ими в Англии, Апулии и Сирии»¹⁰³⁵.

Это «коварство», по мнению Ордерика, испытали на себе и другие народы. Не случайно он называет их «коварными норманнами, у которых не принято было возвращать власть союзникам. Вместо этого они отбирают ее у них и с утонченной жестокостью, лишив достоинства и власти, подчиняют себе тех, кого они должны были освободить и помочь восстановиться им в своих законных правах»¹⁰³⁶.

Победы, одержанные над другими народами, Ордерик не приписывает доблести норманнов, а считает следствием того, что: «во всех сообществах они стремятся доминировать и часто становятся врагами правды и законности из-за своих амбиций. Это часто ощущали сопредельные народы: франки и бретонцы, фландрийцы и многие другие. Это послужило причиной того, что в полной мере испытали горечь поражения италийцы и лангобарды, англй и саксы»¹⁰³⁷.

Ордерика очень сильно обескураживает тот факт, что за многие годы со времени основания герцогства норманны так и не перешли к мирным занятиям, т.к. «до сих пор в этом племени процветает природная жестокость и бушует врожденная страсть к войне»¹⁰³⁸. Он также отмечает, что норманны всегда с охотой отправляются за пределы Нормандии, т.к. постоянно сильно желают посмотреть чужие страны¹⁰³⁹.

¹⁰³⁴ Ibid. P. 544.

¹⁰³⁵ Ibid. P. 946.

¹⁰³⁶ Ibid. P. 519.

¹⁰³⁷ Ibid. P. 654.

¹⁰³⁸ Ibid. P. 655.

¹⁰³⁹ Ibid. P. 528.

Первый крестовый поход оказал такое большое влияние на Ордерику, что он спешит наделить чертами крестоносца тех предводителей норманнов, которым симпатизирует. Он приписывает Роберту Гвискару намерение не только завоевать Константинополь, но вкладывает в уста лежащего на смертном одре предводителя норманнов следующие слова: «И если так пожелает Бог, то воинам католического духа покорится Господний святой город Иерусалим, занятый тюрками. Покорятся неверные и раздвинутся границы христианской империи. Это великое дело и рискованное предприятие я обязался довести до конца. Но непостижимая воля Всемогущего правит всем. Давид надеялся построить Божий храм в Иерусалиме, но Господь пожелал, чтобы завершил это дело его сын Соломон с величайшим триумфом. Я заявляю, что моя работа будет закончена в будущем. Плоды моего труда однажды появятся, и наша великая доблесть будет воодушевлять наших потомков»¹⁰⁴⁰.

По этой же причине Ордерик уделяет так много внимания на страницах своей хроники Бозмунду, сыну Роберта Гвискара, которого он предпочитает называть именем, данным ему при крещении — Марком¹⁰⁴¹. Ордерик сравнивает его с Эпаминондом, «фессалийским рыцарем Ахиллом и франкским Роландом»¹⁰⁴².

Таким образом, критериями в оценке отдельных предводителей норманнов для Ордерики является их отношение к монахам монастыря Святого Эвруля и их роль в распространении влияния Римско-католической церкви на Востоке.

Ордерик приводит случаи, когда норманны оказывались в Малой Азии задолго до Первого крестового похода. «Храбрый рыцарь» и «опытный боец» Гуго Бунель вместе со своими братьями отправился в Апулию и Сицилию, а затем перешел на службу к императору Алексею. Впоследствии он был вынужден покинуть «латинский мир и, разуверившись в христианах, стал жить среди почитателей Аллаха. Двадцать лет он изучал их обычаи и язык. Но после того, как его принял герцог Нормандии, он смог сослужить великую службу своим землякам, объясняя им обычаи язычников и их лукавые стратегемы и ловушки, которые те применяли против верных»¹⁰⁴³. Вместе с Гуго Буннелем на помощь христианам, осаждавшим Иерусалим, явился и некий «Косан, благородный и могущественный герой из рода тюрков». Ордерик сообщает, что «Косан» принял христианство и различными способами помогал взять город¹⁰⁴⁴.

¹⁰⁴⁰ Ibid. P. 526.

¹⁰⁴¹ Ibid. P. 659.

¹⁰⁴² Ibid. P. 527.

¹⁰⁴³ Ibid. P. 704—705.

¹⁰⁴⁴ Ibid. P. 705.

Альберт Ахенский родился не позднее 1080 г. и, как следует из его имени, жил в окрестностях Ахена в Рейнланде. Автор хорошо знаком с населением, географией этих мест и с большим вниманием относился к тем, кто отправился в крестовый поход из этой области. Он был современником описываемых им событий, но не принимал непосредственное участие в Первом крестовом походе и никогда не был на Востоке. Как и большинство латинских авторов, Альберт был клириком и получил образование в монастыре. Нельзя сказать, кем он являлся по своей языковой принадлежности, т.к. он все время использует латинский язык, но, учитывая то, что он пользовался устными сообщениями очевидцев, Альберт владел диалектами Северной Франции, Фландрии и Рейнской области¹⁰⁴⁵.

«Иерусалимская история» представляет собой очень красочное и подробное описание судеб и обстоятельств Первого крестового похода, и охватывает период с 1096 по 1119 г. Хроника создавалась между 1120 и 1130 гг. Издатель и переводчик С. Эджингтон считает, что Альберт при написании своей работы пользовался в основном устными источниками и не привлекал другие хроники Первого крестового похода. На этом основании произведение Альберта можно признать уникальным и оригинальным сочинением¹⁰⁴⁶.

В отличие от авторов первой половины XII в. – Роберта Монаха, Гвиберта Ножанского, Бодри Дольского, которые рассматривали крестовый поход как исключительно предприятие «франков», Альберт придерживается другой точки зрения. Он сознательно принижает роль папства. Из всех предводителей похода основное внимание Альберт уделит Готфриду Бульонскому и его сторонникам, т.к. тот активно поддерживал германского императора Генриха IX в его борьбе с римскими папами¹⁰⁴⁷.

В представлении Альберта войско крестоносцев составляли не только «*francigeni*», «*galli*», т.е. «франки», но различные народы (*gens*), среди которых он выделяет лотарингцев (*lotaringi*), алеманов (*alemanni*), баварцев (*bawarii*), выходцев из Фландрии (*flandrienses*), бургундцев (*burgundienses*), британцев (*britannii*), тевтонцев (*tevtonici*), а также норманнов (*nortmanni*)¹⁰⁴⁸. Альберт называет Боэмунда «правителем Сицилии и Калабрии, норманном по происхождению»¹⁰⁴⁹.

¹⁰⁴⁵ Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana*. P. XXIV—XXV.

¹⁰⁴⁶ Ibid. P. xxvii.

¹⁰⁴⁷ Ibid. P. xxviii.

¹⁰⁴⁸ *Historia Ierosolimitana*. III, 1, P. 138.

¹⁰⁴⁹ *Historia Ierosolimitana*. II, 21, P. 94.

Он представляет Боэмунда как «мужа высоких устремлений и удивительно изобретательного, а равно в рыцарской доблести и делах войны очень способного, с неисчерпаемыми ресурсами»¹⁰⁵⁰. Племянника Боэмунда Танкреда называет «благородным юношей»¹⁰⁵¹. Роберт Коротконогий предстает у него как «правитель Нормандии, сын короля англов, отважный с оружием в битве и очень богатый»¹⁰⁵². Данные оценки можно признать крайне лаконичными. В некоторой степени они являются справедливыми, т.к. Альберт не стремится преувозносить или очернять норманнов, а говорит о них без всяких предубеждений.

Альберт лишен предубеждений и в отношении византийцев. Он именуется Алексея Комнина «христианнейшим императором»¹⁰⁵³, «великолепным и славнейшим»¹⁰⁵⁴. «Движимый милосердием» император оказывает помощь и поддержку ополчению Петра Отшельника и Вальтера Голяка¹⁰⁵⁵. Даже в конфликте Готфрида Бульонского и Алексея Комнина автор возлагает вину на обе стороны¹⁰⁵⁶. Благодаря Альберту становится понятно, что основным источником антивизантийских настроений среди крестоносцев были норманны.

Он сообщает и о норманнах, которые находятся на службе у византийского императора. В качестве послов императора к Готфриду Бульонскому приходят Рауль Пельделау и Рожер, сын Дагоберта, которых автор представляет людьми «очень красноречивыми, по земле и родству франками»¹⁰⁵⁷. В данном случае Альберт говорит о двух братьях, которые служили у Роберта Гвискара в Италии: Рауле Волчья шкура и Рожере, а затем перешли на службу к византийцам и стали основателями знатнейших византийских родов¹⁰⁵⁸.

Неслучайно в связи с этим посольством Альберт говорит о «тайном» появлении в лагере Готфрида «незнакомцев из земли франков», которые предупреждают герцога опасаться ловушек и отравленных одеяний от императора. А также не верить его обещаниям, избегать личной встречи под любые гарантии с его стороны в Константинополе, оставаясь в безопасности за стенами города. Автор хроники сообщает, что Готфрид последовал совету незна-

¹⁰⁵⁰ Ibid.

¹⁰⁵¹ Ibid.

¹⁰⁵² *Historia Ierosolimitana*. II, 22, P. 96.

¹⁰⁵³ *Historia Ierosolimitana*. I, 15, P. 30.

¹⁰⁵⁴ *Historia Ierosolimitana*. I, 13, P. 28.

¹⁰⁵⁵ *Historia Ierosolimitana*. I, 15, P. 30.

¹⁰⁵⁶ *Historia Ierosolimitana*. II, 10—11. P. 76—78.

¹⁰⁵⁷ *Historia Ierosolimitana*. II, 9, P. 74.

¹⁰⁵⁸ Marquis de la Force. *Les conseillers latins d'Alexis Comnen* // *Byzantion*. 1936. Vol. XI. P. 160—163.

комцев, чем немало разгневал императора¹⁰⁵⁹. Очевидно, что здесь речь идет о неких норманнах, которые также находились на службе у Алексея Комнина.

В то время, когда Алексей Комнин ласково уговаривал Готфрида явиться к нему лично и разрешить все спорные вопросы, к герцогу Бульонскому явилось еще одно посольство от «богате́йшего правителя Сицилии и Калабрии» Боэмунда. В свою очередь, он призывал герцога ни в коем случае не заключать мир с императором, но отойти на зимние квартиры на Балканах и ожидать прибытия самого Боэмунда с войском в марте, чтобы совместно напасть на империю¹⁰⁶⁰. Готфрид размышлял над предложением Боэмунда в течение суток, а после совета со своими людьми он ответил, что покинул свою родину не для того, чтобы нападать на христианские земли, но чтобы во имя Христа держать путь в Иерусалим. Ради этой цели он готов следовать наставлениям императора, если тот явит ему свою милость и добрую волю¹⁰⁶¹.

Когда под стенами Константинополя появился Боэмунд во главе своей армии (десять тысяч конных и множество пеших), Готфрид, с разрешения императора, уговаривал норманна встретиться лично с Алексеем. Но сначала Боэмунд отказывался под предлогом того, что «он боится императора, т.к. считает его хитрым и коварным человеком»¹⁰⁶². Но под воздействием уговоров и обещаний Готфрида Боэмунд согласился встретиться с Алексеем, и через «поцелуй мира» он обрел милость и почести от императора, а затем стал его человеком, а также заключил договор о том, что не захватит для себя какой-либо части империи без разрешения Алексея¹⁰⁶³.

Альберт сообщает очень важные и интересные подробности конфликта, который разгорелся между Танкредом и братом Готфрида Бульонского Балдуином за обладание Тарсом. Действуя от лица Боэмунда, угрозами и посулами Танкред принуждал жителей и сельджукский гарнизон сдать город ему¹⁰⁶⁴. Они даже согласились вывесить личный штандарт Танкреда над городской цитаделью, не позволяя при этом норманнам занять сам город¹⁰⁶⁵.

В разгар переговоров появился Балдуин во главе войска лотарингцев, которого норманны и жители Тарса первоначально приняли за приближающуюся армию

¹⁰⁵⁹ *Historia Ierosolimitana*. II, 9, P. 74.

¹⁰⁶⁰ *Historia Ierosolimitana*. II, 14, P. 82.

¹⁰⁶¹ *Ibid.*

¹⁰⁶² *Historia Ierosolimitana*. II, 18, P. 88.

¹⁰⁶³ *Ibid.*

¹⁰⁶⁴ *Historia Ierosolimitana*. III, 6, P. 146.

¹⁰⁶⁵ *Ibid.*

тюрок-сельджуков¹⁰⁶⁶. Когда Балдуин увидел знамя Танкреда над цитаделью, он пришел в ярость и «в словах едких и крамольных... », он с презрением говорил о хвастовстве и потугах на лидерство Танкреда и Боэмунда, сравнивал их с грязью и отбросами»¹⁰⁶⁷. Наконец, стороны договорились узнать мнение жителей города, которые не заставили ждать и сообщили, что они желают подчиниться Танкреду. «Они также говорили, что идут на это не по зову сердца, но из-за страха перед нападением Боэмунда. И это неудивительно, т.к. незадолго до этой экспедиции в областях Греции, Романии и Сирии, сотрясаемых войной, гремела слава Боэмунда. Имя же герцога Готфрида они слышат впервые»¹⁰⁶⁸.

В ответ на это заявление Балдуин обратился к жителям города и сельджукскому гарнизону с речью о том, что настолько почитаемые и внушающие страх Боэмунд и Танкред не являются наиболее великими и могущественными предводителями крестоносцев. Во всяком случае, они не равня его брату герцогу и предводителю войска всей Галлии Готфриду или кому-либо из его родственников, т.к. «по наследственному праву своих благородных предков он является герцогом царства великого и первого императора римлян Августа». После представления Балдуин перешел к угрозам и пообещал уничтожить город, если они не сдадут его Готфриду. После этого турки-сельджуки и жители Тарса заключили союз с Балдуином и сняли с башни цитадели знамя Танкреда¹⁰⁶⁹.

Свидетельства Альберта дают представление о существовавших противоречиях в войске крестоносцев как между норманнами и провансальцами, так и между норманнами и лотарингцами. Под Антиохией хронист упоминает о споре между Готфридом и Робертом Фландрским, с одной стороны, и Боэмундом, с другой, из-за шатра, подаренного вождям крестоносцев армянскими правителями Киликии. Боэмунда обвинили в краже шатра и принудили вернуть его ради единства в войске¹⁰⁷⁰.

С. Пайнтер в первом томе «Истории крестовых походов» под редакцией К.М. Сеттона утверждал, что из восьми предводителей Первого крестового похода четверо были норманнами, а пятый – Стефан Блуасский был женат на дочери Вильгельма Завоевателя¹⁰⁷¹. Если о норманнском происхождении Роберта

¹⁰⁶⁶ Historia Ierosolimitana. III, 6, P. 148.

¹⁰⁶⁷ Historia Ierosolimitana. III, 8, P. 150.

¹⁰⁶⁸ Ibid.

¹⁰⁶⁹ Historia Ierosolimitana. III, 9, P. 152.

¹⁰⁷⁰ Historia Ierosolimitana. IV, 9, P. 262.

¹⁰⁷¹ Painter S. Western Europe on the Eve of the Crusades // A history of the Crusades. The first hundred years / ed. by K.M. Setton and M.W. Balduwin. Philadelphia, 1969. Vol. 1. P. 21.

Коротконогого и Боэмунда хорошо известно, то мало кто знает, что Готфрид Бульонский и Балдуин были сыновьями норманнского графа Евстахия II, который принял деятельное участие в завоевании Англии 1066 г. Однако, если верить Альберту, то Готфрид и Балдуин предпочитали об этом не вспоминать.

Накануне прибытия армии эмира Кербози под стены Антиохии «разумный и хитрый» Боэмунд сообщает Готфриду, Роберту Фландрскому и Раймунду свой секрет. Поскольку укрепления Антиохии оказались неприступны, то в течение семи месяцев он вел переговоры с неким предателем, который пообещал ему сдать город. Этот предатель принес клятву верности. Поскольку он был «из рода тюрок», то принял христианство и взял имя своего крестного отца, т.е. Боэмунда. За предательство Боэмунд обещал ему большую сумму денег, а также возвысить его до положения среди норманнов, которое занимает Танкред¹⁰⁷². В обмен на понесенные затраты и проявленную находчивость Боэмунд потребовал от «столпов и капитанов» армии крестоносцев отдать город ему, на что те ответили согласием¹⁰⁷³.

Альберт порицает Боэмунда за «алчность к собиранию и приобретению», за то, что он стремится отобрать Латакию у византийского императора. Он также именует его, как «правитель коварный и алчный брат» за то, что он не только нападает на христиан-византийцев «*catholicorum grecorum*» (греков-католиков), но и с помощью лжи привлекает на свою сторону других христиан: пизанцев и генуэзцев¹⁰⁷⁴.

По мнению Альберта Ахенского, Танкред ведет себя недостойно христианина и «брата» крестоносца в отношении правителя Эдессы Балдуина де Бурга. Последний обвинил правителя Антиохии перед лицом Иерусалимского короля Балдуина в том, что по его «совету и подстрекательству» сельджуки напали на Эдессу¹⁰⁷⁵. Танкред явился к королю во главе полутора тысяч тяжелооруженных воинов и отверг обвинения Балдуина де Бурга в сотрудничестве с сельджуками. Он также признал, что не оказывал поддержки графству Эдесскому на том основании, что Балдуин де Бург не выказывал ему должного «уважения» и не платил причитающуюся Антиохии ежегодную дань¹⁰⁷⁶.

В ответной речи Балдуин заявляет, что подобное поведение больше соответствует «праву язычников» мусульман, а не христиан. «Ты знаешь, как это

¹⁰⁷² Historia Ierosolimitana. IV, 15, P. 270.

¹⁰⁷³ Historia Ierosolimitana. IV, 15, P. 272.

¹⁰⁷⁴ Historia Ierosolimitana. VI, 55, P. 272.

¹⁰⁷⁵ Historia Ierosolimitana. XI, 20, P. 794.

¹⁰⁷⁶ Historia Ierosolimitana. XI, 21, P. 794.

известно всем христианам, что, когда мы оставили наши земли и родственников ради добровольного изгнания во имя Христа, оставили наследственные владения, мы постановили, что если кто-либо в земле нашего паломничества завоюет что-либо из языческих королевств и земель, то будет владеть ими в мире и свободно; никто не будет причинять ему ущерба вооруженной силой, кроме тех случаев, когда потребуются придти на помощь и пожертвовать жизнью ради своих братьев»¹⁰⁷⁷. По этой причине король Балдуин предложил Танкреду сделать выбор: придерживаться союзов с мусульманами, либо с христианами, но если он выберет первое, то он не сможет более быть «братом христиан», а, следовательно, не сможет в дальнейшем рассчитывать на поддержку других «собратьев-христиан». По мнению Альберта, Танкред признал доводы обвинения справедливыми, раскаялся в содеянном и «он пообещал в дальнейшем быть чистым и верным в соблюдении принципов, которые они поклялись соблюдать в начале пути, оставаться верным союзу с братьями-христианами»¹⁰⁷⁸.

«Алексиада» Анны Комнины является единственным источником, который наиболее полно и последовательно отражает византийскую точку зрения на участие норманнов в Первом крестовом походе. Другие византийские авторы (Зонара, Михаил Глика, Скутариот) дают несравненно меньше информации¹⁰⁷⁹.

При описании событий Первого крестового похода в тексте «Алексиады», наряду с традиционными терминами для обозначения людей с Запада, таких, как «латиняне» и «кельты», появляется специфический этноним «норманны»¹⁰⁸⁰. Очевидно, что Анна хорошо себе представляла значение данного термина. Например, когда в первой книге она говорит о Роберте Гвискаре, то упоминает, что тот «происходил из Нормандии»¹⁰⁸¹. В другом месте Анна, восхищаясь умением владеть копьем своего родственника Никифора, говорит, что «на коне можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея»¹⁰⁸².

При этом Анна использует термин «норманны» при описании двух крупнейших катастроф Первого крестового похода: поражение крестоносцев во главе с Петром Пустынником и Вальтером Голяком в Вифинии, а также почти полное истребление участников лангобардского крестового похода 1101 г.

¹⁰⁷⁷ Historia Ierosolimitana. XI, 22, P. 794.

¹⁰⁷⁸ Ibid. XI, 22, P. 796.

¹⁰⁷⁹ Анна Комнина. Алексиада. С. 557 прим. 970.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 277 и сл., 310, 561 прим. 984.

¹⁰⁸¹ Анна Комнина. I, 10, С. 75.

¹⁰⁸² Анна Комнина. X, 3, С. 270.

Никто из латинских авторов не дает сведений о каком-либо преимущественном участии норманнов в этих предприятиях.

Анна говорит, что Петра Пустынника сопровождали десять тысяч норманнов, и «отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили на огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений»¹⁰⁸³.

Войско «норманнов» во главе с братьями Альберто и Гвидо Бьяндраты (предводители лангобардских крестоносцев из Северной Италии), которое составляло около пятидесяти тысяч всадников и сто тысяч пехоты, вели себя немногим лучше. Анна описывает, как на реке Галис жители одного городка, «ромеи, и священники, надев священное облачение, неся в руках кресты и евангелия, смело вышли к христианам-норманнам. Но норманны бесчеловечно и жестоко убили не только священников, но и остальных христиан и беззаботно продолжали свой путь по направлению к Амасии»¹⁰⁸⁴.

В соответствии с логикой византийской принцессы, в обоих случаях «норманны» не пожелали слушать советов Алексея Комнина¹⁰⁸⁵, вследствие чего почти все стали добычей мечей тюрок-сельджуков. При этом Анна не скрывает своего злорадства по поводу гибели такого количества «варваров» в Вифинии, из трупов которых сложили «не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине»¹⁰⁸⁶. Описание разгрома похода во главе с братьями Бьяндраты, Анна заканчивает словами: «вот какие подвиги совершили турки в борьбе с норманнами»¹⁰⁸⁷.

Таким образом, при описании катастроф, вызванных поведением «латинян», которые не желают слушать ничьих советов, ведут себя крайне неразумно, необузданно и жестоко, что приводит их к неизбежной гибели, Анна склонна использовать термин «норманны» как наиболее одиозный для византийцев.

Анна связывает начало крестового похода не с Клермонским собором, а с паломничеством Петра Пустынника в Иерусалим, во время которого он вытерпел много страданий со стороны мусульман и не смог из-за этого поклониться гробу Господню¹⁰⁸⁸. По этой причине он обратился ко всем «графам

¹⁰⁸³ Анна Комнина. X, 6, С. 277.

¹⁰⁸⁴ Анна Комнина. XI, 8, С. 310.

¹⁰⁸⁵ Анна Комнина. X, 6, С. 277, XI, 8, 310.

¹⁰⁸⁶ Анна Комнина. X, 6, С. 278.

¹⁰⁸⁷ Анна Комнина. XI, 8, С. 311.

¹⁰⁸⁸ Анна Комнина. X, 5, С. 275 и сл.

во Франкии», что «божественный глас» повелел им отправиться на освобождение Святой земли от мусульман¹⁰⁸⁹. По мнению Анны, «выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд на небе, и на плечах у них были красные кресты»¹⁰⁹⁰.

«Боэмунд и его единомышленники» представлены византийской принцессой отнюдь не благочестивыми паломниками, которые безусловно присутствовали в войске крестоносцев, но обманщиками и притворщиками, стремящимися к наживе и завоеванию земель на Востоке¹⁰⁹¹. Основанием для убежденности Анны во враждебных настроениях Боэмунда являлась память о прежних войнах норманнов с византийцами на Балканах в 1081–1085 гг.¹⁰⁹².

Боэмунд «в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей»¹⁰⁹³. Под стенами Константинополя «все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу»¹⁰⁹⁴. Таким образом, можно заключить, что предубеждение Анны в отношении норманнов распространялось практически на всех предводителей крестоносцев.

Анна считает, что в отличие от других вождей крестового похода Боэмунд отличался не только враждебностью к византийцам, а также хитростью и коварством. «Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег»¹⁰⁹⁵.

Недостаток ресурсов: незнатное происхождение, отсутствие денег и большого войска, побуждают Боэмунда принести клятву верности византийскому

¹⁰⁸⁹ Анна Комнина. X, 5, С. 276.

¹⁰⁹⁰ Там же.

¹⁰⁹¹ Анна Комнина. X, 5, С. 277, X, 6, 279, X, 11, 291.

¹⁰⁹² Анна Комнина. X, 5, С. 277, X, 11, 290.

¹⁰⁹³ Анна Комнина. X, 5, С. 277.

¹⁰⁹⁴ Анна Комнина. X, 9, С. 283.

¹⁰⁹⁵ Анна Комнина. X, 11, С. 291.

императору¹⁰⁹⁶. При этом ни сама Анна, ни герой ее исторического произведения Алексей Комнин не верят в лояльность Боэмунда. В ответ на просьбу последнего пожаловать ему титул доместика Востока, Алексей Комнин, опасаясь увеличения влияния норманна на предводителей войска крестоносцев, обнадеживает его словами, что «еще не время, своей энергией и верностью ты достигнешь и этого»¹⁰⁹⁷.

В качестве предводителя крестоносцев, который заслуживает доверия, Анна Комнина считает Раймунда Сен-Жильского. Она говорит, что Алексей Комнин «выделил Исангела, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исангел дорожит правдой и не предпочел ей ничто иное»¹⁰⁹⁸. Ему Алексей поручает противодействовать «коварству» Боэмунда и следить за исполнением им клятвы верности.

Анна отмечает посягательства со стороны соратников Боэмунда на императорские символы власти. «Неукротимый» племянник Боэмунда Танкред, не желая приносить клятву верности Алексею, потребовал в обмен на его покорность полную золотая императорскую палатку¹⁰⁹⁹. Некий «надменный латинянин», как выяснилось впоследствии, из войска Боэмунда или графа Нормандии Роберта¹¹⁰⁰, осмелился сесть на императорский трон в присутствии Алексея Комнина¹¹⁰¹.

В описании битвы при Дорилеи основную роль Анна отводит Боэмунду. Именно он попросил идти в авангарде крестоносцев и именно его войско, которое турки-сельджуки приняли за всю армию паломников, «исполнившись презрения», атаковали¹¹⁰². Боэмунд вовремя послал за помощью, и победу в этой «тяжелой и страшной битве» одержало «ромейское и кельтское войско»¹¹⁰³. Анна также сообщает еще об одной битве у Ираклии с войсками «султана Данышменда и Хасана», в которой «турки храбро сражались», но Боэмунд отделился от остального войска и «отважно напал на самого султана Кылыч Арслана — «как лев, могуществом гордый»»¹¹⁰⁴. «Устрашенные

¹⁰⁹⁶ Там же.

¹⁰⁹⁷ Анна Комнина. X, 11, С. 292.

¹⁰⁹⁸ Там же.

¹⁰⁹⁹ Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

¹¹⁰⁰ Там же.

¹¹⁰¹ Анна Комнина. X, 10, С. 288 и сл.

¹¹⁰² Анна Комнина. XI, 3, С. 299.

¹¹⁰³ Анна Комнина. XI, 3, С. 300.

¹¹⁰⁴ Там же.

тюрки» обратились в бегство. Анна с удовлетворением отмечает, что «кельты», помня советы императора, далеко не преследовали сельджуков и тем самым обеспечили их полный разгром¹¹⁰⁵.

Боэмунд является главным героем Анны при описании взятия Антиохии. Он уговорил передать ему город некоего армянина¹¹⁰⁶. При приближении войск Кербози он запугал командующего византийским контингентом в армии крестоносцев Татикия и заставил его покинуть осаду Антиохии¹¹⁰⁷. Он убедил предводителей крестоносцев попытаться добиться сдачи города «приветливым и дружеским обхождением» со стражами стен, чтобы временно, до прихода доверенного человека от императора, передать город тому, кто добьется успеха первым¹¹⁰⁸. Таким образом, «хитрый Боэмунд, который жаждал власти не ради латинян и общего блага, а ради собственного честолюбия»¹¹⁰⁹, овладел Антиохией.

Анна дает противоречивые объяснения поведения Алексея Комнина в Филадельфии, куда прибыли беглецы из Антиохии: Вильгельм Грантмесниль, Стефан Блуасский и Петр Алифа¹¹¹⁰. Выслушав отчет о приближении Кербози и бедственном положении крестоносцев, Алексей поверил в скорое падение Антиохии и, «будучи не в состоянии изменить нрав кельтов или добрым советом склонить их к разумным действиям», повернул обратно в Константинополь¹¹¹¹.

Анна Комнина на страницах своего труда стремится оправдать действия своего отца в отношении крестоносцев. Для этой цели она не брезгует никакими средствами и даже использует свои основательные знания по истории норманнов, чтобы очернить их в глазах других «латинян».

Таким образом, Первый крестовый поход не был предприятием единой нации «франков» по освобождению Иерусалима. Скорее, это был некий идеал, который не всегда находит подтверждение на практике. Отобранные нами источники говорят о борьбе идей между различными партиями: лотарингца-

¹¹⁰⁵ Там же.

¹¹⁰⁶ Там же.

¹¹⁰⁷ Анна Комнина. XI, 4, С. 300 и сл.

¹¹⁰⁸ Анна Комнина. XI, 4, С. 301.

¹¹⁰⁹ Там же.

¹¹¹⁰ Анна Комнина. XI, 6, С. 304 и сл. Вильгельм Грантмесниль был женат на сестре Боэмунда, дочери Роберта Гвискара. Стефан Блуасский был женат на дочери Вильгельма Завоевателя. Петр Алифа служил Роберту Гвискару в Южной Италии и на Балканах, а после его смерти перешел на службу к Алексею.

¹¹¹¹ Анна Комнина. XI, 6, С. 305.

ми, провансальцами, норманнами — о будущей судьбе государств крестоносцев на Востоке. Идея единства и сплочения крестоносцев ради выживания приходит позже. В то же время запущенная норманнами антивизантийская пропаганда очень рано дает плоды в Западной Европе. Когда после ряда катастроф и поражений на Востоке укреплялась идея единства «франков», на Западе росла ненависть к Византии.

4.3. ВЗГЛЯД С ВОСТОКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАННАХ У ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ АВТОРОВ XII–XIII ВВ.

Как воспринимали норманнов на Востоке? Отличали ли их армяноязычные, сирийские и мусульманские хронисты от других крестоносцев, учитывая тот факт, что уже несколько десятилетий норманны в качестве наемников активно действовали в Малой Азии?

Матфей Эдесский приветствует крестовый поход «доблестной нации, именуемой франками», который предсказал армянский католикос Святой Нерсес Великий¹¹¹². С франками Матфей связывает надежду на избавление от нападения тюрков-сельджуков: «ибо через них Господь решил биться с персами»¹¹¹³.

Буквально армянский хронист называет крестоносцев «римлянами» (Hromayets'ik'), хотя А.Э. Достуриан и Дюлорье (в своем первом переводе хроники Матфея) осторожно переводят это слово как «westerners»¹¹¹⁴ и «occidentaux» («уроженцы Запада») ¹¹¹⁵. В более позднем переводе Дюлорье применяет буквальный перевод: «римляне»¹¹¹⁶.

Косвенным подтверждением такого рода прочтения может считаться тот факт, что Матфей сообщает о происхождении одного из вождей Первого

¹¹¹² Armenia and the Crusades... P. 59—60.

¹¹¹³ Ibid. P. 179.

¹¹¹⁴ Ibid. P. 326.

¹¹¹⁵ Delaurier E. Chronique de Matthieu d'Edesse (962—1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162 / l'auteur et traducteur E. Delaurier. P., 1858. P. 212.

¹¹¹⁶ Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Arméniens / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. P., 1869. T. I. P. 24.

крестового похода Готфрида от римских императоров, в то время как его брат Балдуин, по словам летописца, вез с собой меч и корону императора Веспасиана, «который разрушил Иерусалим»¹¹¹⁷.

В географическом описании Западной Европы в «Хронографии» содержится намек на бывшие пределы Римской империи: «в этот год все народы Италии и Испании, вплоть до границ Африки и даже удаленной франкской нации, пришли в движение»¹¹¹⁸.

Достуриан достаточно категорично говорит, что термин «римляне» Матфей применяет только в отношении византийцев. Это вполне согласуется с представлениями византийцев о самих себе как о прямых наследниках Римской империи, именовавших себя «ромеями». Одновременно с этим термином Матфей применяет в отношении византийцев этноним «греки»¹¹¹⁹. Дюлорье в комментариях ко второму переводу «Хронографии» признает, что Матфей применял термин «римляне» в отношении византийцев и народов Западной Европы, разделяя их на восточных и западных «римлян»¹¹²⁰.

Матфей не считает «франков» варварами и не разделяет идеи византийской эйкуменистической доктрины. Он мог использовать этот термин просто для обозначения выходцев из Западной Европы аналогично византийскому термину «латиняне», но без уничижительного оттенка. Но более вероятно, что в понимании Матфея франки и греки-византийцы имели равные права на античное наследие и честь именоваться «римлянами».

Как равные, «франки» и «греки» сначала вступили в единоборство, а затем заключили союз против мусульман в храме Святой Софии в Константинополе. Алексей Комнин дал крестоносцам щедрые дары, а те, в свою очередь, поклялись передать империи все ранее захваченные у нее сельджуками области, рассчитывая приобрести для себя области «персов и арабов»¹¹²¹.

Матфей представляет предводителей крестоносцев как «знатных», «благочестивых» и «могущественных мужей и воинов, идущих во главе грозных армий, многочисленных, как звезды на небе»¹¹²².

¹¹¹⁷ Ibid. P. 164.

¹¹¹⁸ Ibid.

¹¹¹⁹ Ibid. P. 283.

¹¹²⁰ Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse. P. 7.

¹¹²¹ Ibid. P. 27.

¹¹²² Armenia and the Crusades... P. 164—165.

Киракос Гандзакеци в «Истории Армении»¹¹²³ несколько иначе описывает начало Первого крестового похода, когда «римляне через Фракию выступили в сторону Азии, чтобы отомстить за мучения христиан скифам и персам»¹¹²⁴. Он сразу сообщает о том, как «нечестивец», «коварный» и лживый христианин Алексей Комнин отравляет еду и питье франков, а также «хитро помогает варварам» истреблять христиан. Те «франки», которые остались в живых, смогли захватить Антиохию и Иерусалим. Это совершили «два потомка царского рода – Маймун и Тангрил и семь графов»¹¹²⁵.

Матфей предоставляет малосодержательную информацию о продвижении крестоносцев через Малую Азию. Он пространно описывает сражения под Никеей и при Дорилее¹¹²⁶, а более подробно повествует о перипетиях борьбы за Антиохию, «которую ранее захватили армяне»¹¹²⁷.

Матфей сообщает о помощи, которую оказывали крестоносцам армянские князья и духовенство во время трудного, полного лишений продвижения к Антиохии¹¹²⁸. С другой стороны, он ничего не говорит ни о происхождении, ни об этнической принадлежности горожан и жителей округа Антиохии, которые помогали крестоносцам взять город¹¹²⁹ и расправиться с эмиром Яги Сияном¹¹³⁰. В то же время Матфей утверждает, что «великий эмир страны Рума» Данышменд был по происхождению армянином и представляет его «добрым человеком, благодетелем людей, сочувственно относившимся к христианской вере»¹¹³¹.

«Хронография» дает ценный и уникальный материал о пленении Боэмунда под Мелитеной. Матфей сообщает, что «Персидский эмир» Данышменд, «господин Севастии и всей страны Рума» выступил против города Мелитены «с огромным количеством конницы»¹¹³². Правитель Мелитены Гавриил обра-

¹¹²³ Гандзакеци, Киракос. История Армении / пер. с древнеарм., пред. и комм. Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. М., 1976.

¹¹²⁴ Там же. С. 90.

¹¹²⁵ Там же. Очевидно, что в данном случае речь идет о Боэмунде и Танкреде. Л.А. Ханларян считает, что под Маймуном в «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци подразумевался Раймунд Сен-Жильский (Там же. С. 273). Маймуном называет Боэмунда Усама ибн Мункыз (Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 125).

¹¹²⁶ Armenia and the Crusades... P. 166.

¹¹²⁷ Ibid. P. 171.

¹¹²⁸ Ibid. P. 167.

¹¹²⁹ Речь идет о Фирузе, который по некоторым данным был армянином (Ibid. P. 170).

¹¹³⁰ Ibid. P. 171.

¹¹³¹ Ibid. P. 194.

¹¹³² Ibid. P. 176.

тился к Боэмунду с просьбой оказать ему помощь с условием передачи города под власть норманнов. В ответ на это Данышменд отправился навстречу войскам Боэмунда в долину Мелитены, разместив множество засад по дороге.

Норманны оказались совершенно не готовы к встрече с тюрками-сельджуками. «Их войска отложили оружие и шли одетые, подобно женщинам, сопровождающим похоронную процессию, ибо они отдали свое военное снаряжение слугам, чтобы те несли его. Кроме этого, эти воины, лишённые оружия, допустили возможность стать пленниками»¹¹³³. В этой ожесточенной битве погибли все отряды франков и армян, а также два армянских епископа, сопровождавших войска Боэмунда, который «относился к ним с величайшим почтением»¹¹³⁴.

Это событие имело большой резонанс: христиан эта новость повергла в уныние, а мусульмане, напротив, очень обрадовались, т.к. «неверные почитали Боэмунда за истинного короля франков, и весь народ Хоросана дрожал при упоминании его имени»¹¹³⁵. Причину происшедшего Матфей объясняет тем, что франки пренебрегли «дорогой Господа» и встали на путь греха. Если Бог помогал франкам во время Первого крестового похода под Антиохией¹¹³⁶, то после того, как они стали владыками земель на Востоке, они «забыли Божьи заповеди и возжелали то, чего Бог не хотел»¹¹³⁷.

Матфей выражает свое разочарование и отчужденность по отношению к «франкам», которых обвиняет в разрухе и повреждении христианской морали. «Причиною всего этого было буйство франков, ибо славные князья этой нации прожили недолго, а власть попала в руки людей недостойных. Из-за того, что франки руководствовались жадностью, они принесли множество бед и страданий христианам»¹¹³⁸.

Исключение составляли только отдельные «франки», среди которых был Танкред. При описании периода с 1104 по 1113 г., когда Танкред был независимым правителем Антиохии, Матфей называет его не иначе как «храбрый защитник Господа»¹¹³⁹. В борьбе против графа Эдессы Балдуина Танкред пред-

¹¹³³ Ibid. P. 176—177.

¹¹³⁴ Ibid. P. 177.

¹¹³⁵ Ibid.

¹¹³⁶ Ibid. P. 168, 170, 171, 172.

¹¹³⁷ Ibid.

¹¹³⁸ Ibid. P. 198.

¹¹³⁹ Ibid. P. 199.

стает как «набожный муж» и «воин Христов»¹¹⁴⁰. При этом Матфей приводит случай, когда арабы-мусульмане ищут у Танкреда защиты от «тюрок»¹¹⁴¹.

В отличие от других «франков», которые несут только беды христианам, Танкред остается в представлении Матфея «храбрым воином Христовым»¹¹⁴² на протяжении всего повествования. По поводу смерти норманнского правителя Матфей разражается настоящим панегириком о «наиболее благочестивом верующем в Бога» Танкреде, который, в его представлении, «был святым и набожным человеком и имел добрую и сострадательную душу, проявлявший заботу о всех христианах; более того, он демонстрировал величайшее смирение в отношениях с людьми и справедливость в исполнении приговоров и божьих законов»¹¹⁴³.

Матфей положительно оценивает преемника Танкреда на престоле Антиохии Рожера Салернского, в первую очередь, как «храброго человека и доблестного воина»¹¹⁴⁴. При описании вторжения «кроважного и жестокого»¹¹⁴⁵ атабека Мосула Маудуда, Матфей описывает, как войска Иерусалимского королевства, «пыхтя от гордости», поспешили начать бой с «тюрьками», дабы заслужить репутацию храбрецов больших, чем «антиохийцы». Бог заставил заплатить «франков» за «высокомерие»: иерусалимские войска были разбиты и обращены в бегство. И только Господь пришел на помощь королю, когда подошли войска Антиохии и Триполи. «Когда Рожер увидел положение франков, рыкая подобно льву, он немедленно бросился в сражение, обратил в бегство полчища тюрок и тем самым спас короля и все иерусалимское войско»¹¹⁴⁶.

Крайне прозаично Матфей описывает успехи Рожера в борьбе с преемником Маудуда атабеком Мосула Борсуком, который в 1114 г. вторгся в область Антиохии. армянский хронист вскользь, как об обычном деле говорит о том, как Рожеру впервые удалось собрать коалицию против Борсука, в которую входили не только христианские правители, но и мусульмане: правители Дамаска, Алеппо и Артукиды. Также буднично Матфей описывает, как Рожер, практически в одиночку, разбил Борсука в битве при Сармине в 1115 г.¹¹⁴⁷

¹¹⁴⁰ Ibid. P. 201.

¹¹⁴¹ Ibid. P. 202.

¹¹⁴² Ibid. P. 206.

¹¹⁴³ Ibid. P. 212.

¹¹⁴⁴ Ibid.

¹¹⁴⁵ Ibid.

¹¹⁴⁶ Ibid. P. 214.

¹¹⁴⁷ Ibid. P. 219.

Автор говорит, что для армянского князя Леона, сына Константина, являлось наивысшей похвалой получить признание храбрости в глазах Рожера. Леон присоединился к Рожеру в экспедиции против Алеппо. Накануне битвы норманнский князь заявил Леону, что в битве он испытает «доблесть армянских войск». Всю ночь «воин Христа» Леон готовился к битве, воодушевлял своих людей, а на следующий день он, «яростно рыкая словно лев», набросился на мусульман во главе своего отряда и обратил их в бегство. В этот день Леон заслужил звание «храбреца» среди «франков», а Рожеру стали нравиться армянские воины¹¹⁴⁸.

Конфликт Рожера и Ильгази Матфей представляет как личную вражду, которая возникла из-за того, что Рожер успешно расширял своих владения и влияние за счет Алеппо. «Эти двое были по-настоящему близкими друзьями, но теперь стали врагами, т.к. Азиз и Алеппо принадлежали тюркскому эмиру Ильгази, сыну Артука. Так Ильгази воспылал гневом»¹¹⁴⁹.

По мнению Матфея, Ильгази обладал огромным авторитетом среди туркмен, который позволял ему собирать огромные армии, поскольку он имел с ними общее происхождение и «тюрки внимали его призыву». Во главе «грозной армии» из восьми тысяч туркмен Ильгази четыре дня безрезультатно осаждал Эдессу, а затем переправился через Евфрат и, «подобно бешено скачущей лошади», уничтожая «все области, занятые франками» на своем пути, направился к Антиохии. «Эмир захватывал крепости, деревни и монастыри, а также убивал всех на своем пути, включая стариков и детей»¹¹⁵⁰.

Поражение Рожера в битве Матфей объясняет его «высокомерием и гордыней», самонадеянностью и неосторожностью. «Более того, сознавая превосходство своего народа, он с презрением относился к войску тюрков»¹¹⁵¹. Армянский летописец утверждает, что Рожер не озаботился сбором достаточных сил и средств для отражения Ильгази. Правитель Антиохии «беспечно отправился на битву против тюрков, имея только шесть сотен франкских всадников. Под командованием Рожера были также пять сотен армянских всадников, четыреста человек пехоты и толпа в десять тысяч [наскоро собранных] человек»¹¹⁵². Учитывая, что ранее Рожер разбил Борсука в битве при Сармине, имея, по сведениям самого Матфея, только семьсот всадников, войско Антиохии кажется довольно внушительным.

¹¹⁴⁸ Ibid. P. 223.

¹¹⁴⁹ Ibid.

¹¹⁵⁰ Ibid. P. 223.

¹¹⁵¹ Ibid.

¹¹⁵² Ibid. P. 224.

Напротив, Ильгази располагал не только «грозной армией», но и лучше подготовленной, с размещением засад в различных местах. «Бесчисленное количество персидских войск» позволило окружить «христиан», и началась повальная резня. Матфей не сообщает ярких подробностей этого сражения, подчеркивая только его ожесточенный характер. В результате «почти вся армия франков была полностью уничтожена»¹¹⁵³.

С большим воодушевлением Матфей говорит о появлении на Востоке в 1127 г. Боэмунда II — «сына Боэмунда, сына Роберта», который прибыл из «страны франков» и привел с собой «много юных и знатных людей из Рима». Иерусалимский король Балдуин отдал ему в жены свою дочь и пообещал сделать его своим наследником, а до этого отдал ему «Антиохию и всю Киликию». Способности Боэмунда управлять государствами франков как наследника семьи Гвискардидов не вызывают у Матфея никаких сомнений. т.к. Боэмунд обладал «сильным характером и большой властью, он был в состоянии покорить всех франков и подчинить их себе». И хотя он был безбородым юношей двадцати лет, он был «доблестный и мощный воин, высокий, с лвиным лицом и белокурый»¹¹⁵⁴.

Михаил Сириец по-своему воспринимал различные народы, которые жили в Малой Азии в первой половине XII в. Пятнадцатую книгу он начинает с «начала царства тюрок в землях Персии», в которой описывает, как жестокие варвары вторгаются в пределы Византии, берут пленных, пытаются, разоряют и уничтожают христиан¹¹⁵⁵. В особенности Михаила печалит участь его родного города Мелитены. В то же время византийские императоры — «великодушный и весьма мудрый» Константин IX Мономах и сменивший его «справедливый» Михаил VI «из-сострадания к христианскому населению» высылали повозки и лошадей, чтобы вывезти их в безопасное место. Но из-за их «нерадивости тюрки усилились в царстве греков», а увод населения был только «на пользу тюнкам, которые нашли там место для поселения»¹¹⁵⁶.

Таким образом, никто из византийских императоров не смог переломить ход событий, даже Роман IV Диоген, который был «весьма жестоким и свирепым в своих деяниях»¹¹⁵⁷, не смог дать отпор «тюнкам». При описании сражения при Манцикерте симпатии Михаила скорее на стороне «справедливого»¹¹⁵⁸,

¹¹⁵³ Ibid.

¹¹⁵⁴ Ibid. P. 237.

¹¹⁵⁵ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца. С. 26—28.

¹¹⁵⁶ Там же.

¹¹⁵⁷ Там же С. 28.

¹¹⁵⁸ Там же С. 29.

известного своими добрыми делами султана Алп Арслана, чем на стороне «сильного и храброго»¹¹⁵⁹ Романа IV Диогена, известного своей жестокостью. Оценивая последствия этой битвы, Михаил говорит, что «побежденные тюрками греки более никогда не могли противостоять им. Страхзавладел императором Михаилом, который начал править в 1071 г. Он прислушивался к трусливым и изнеженным советникам и пребывал во внутренних покоях своего царского дворца, не выступал против тюрков»¹¹⁶⁰.

Михаил описывает становление и быстрый рост тюркских эмиратов в Малой Азии при попустительстве «греков», которые были «обессилены и малочисленны»¹¹⁶¹, были неспособны противостоять сельджукской экспансии. В этой обстановке, когда «империя греков была стеснена со всех сторон, именно – «румайе», т.е. франки, вышли из земель Рима, пошли против императора Алексея и напали на Константинополь, чтобы отнять его у греков»¹¹⁶².

Очевидно, что под терминами «римляне» и «франки» Михаил имеет в виду выходцев из Западной Европы. Но в данном случае речь идет не о начале Первого крестового похода, о котором Михаил говорит в седьмой главе, а об отголосках норманно-византийской войны на Балканах 1081–1085 гг. Косвенным подтверждением данного предположения может служить упоминание в «Хронике» того, что сражение с «жителями Константинополя» длилось семь лет¹¹⁶³, т.е. в течение нескольких лет.

В представлении Абу-л-Фараджа термин «франки» был синонимом термина «римляне»¹¹⁶⁴. При перечислении римских императоров начиная с Августа Абу-л-Фарадж говорит, что они были «римлянами или франками», что «хотя языком населения городов и законов являлся греческий, правителями и воинами были франки»¹¹⁶⁵. Соответственно, норманны для Абу-л-Фараджа также являлись «римлянами или франками». Со слов Ибн ал-Асира, Абу-л-Фарадж пишет о норманнском завоевании Сицилии¹¹⁶⁶.

Причины Первого крестового похода в «Хронике» Михаила Сирийца изложены с западноевропейской точки зрения: притеснение христиан-паломников,

¹¹⁵⁹ Там же С. 28.

¹¹⁶⁰ Там же С. 29.

¹¹⁶¹ Там же С. 30.

¹¹⁶² Там же С. 32.

¹¹⁶³ Там же.

¹¹⁶⁴ Bar-Hebraei. Chronicon syriacum. P. 24.

¹¹⁶⁵ Ibid. P. 90—91.

¹¹⁶⁶ Ibid. P. 272.

и «особенно из Рима и страны Италии», взимание джизьи¹¹⁶⁷. В списке «Хроники» XIII в., переведенной на армянский язык, присутствует популярный для латинских хроник сюжет паломничества «франкского» графа в Иерусалим, который отказался заплатить мусульманам обычную дань при посещении святых мест и за это лишился глаза¹¹⁶⁸.

Среди вождей крестоносцев Михаил выделяет «двух королей и семь графов», а именно – королей Боэмунда и Танкреда, а также Рожера, Боэмунда, Балдуина, Жослина, Галерана, Годфрида, Сен-Жиля¹¹⁶⁹. Таким образом, Михаил выдвигает на первое место норманнских правителей Антиохии. Он также оригинально трактует «чудо святого копья»: «королю Танкреду было видение», которое позволило крестоносцам обнаружить в церкви Кассиана гвозди с креста и копье, вследствие чего «Бог даровал им победу» над мусульманами¹¹⁷⁰.

Крайне неоднозначно относится автор «Хроники» к армянам. Армянские воины первые показывают спину в битве при Манцикерте, отчего выигрывают «тюрки»¹¹⁷¹. Одновременно с «тюрьками» «армянские разбойники» во главе с «презренным» Филаретом разоряют и грабят области Мараша¹¹⁷². В то же время два армянина сдают одну из башен Антиохии Боэмунду и впускают его в город¹¹⁷³. Михаил считает, что правитель Мелитены, «проклятый Габриел», и армяне виновны в пленении Боэмунда эмиром Данышмендом¹¹⁷⁴. Вероятно, что подобная враждебность была вызвана недружественной политикой отдельных армянских правителей Киликии в отношении сирийцев-яковитов¹¹⁷⁵.

С точки зрения Михаила, армяне играют решающую роль в судьбе норманнского княжества. Сначала они помогают Боэмунду захватить Антиохию. «Армяне были владельцами мест в Киликии и Сирии» со времен Филарета Варажнуни. «Грек Габриеле» трижды обещал Боэмунду передать власть над Мелитеной. Боэмунд поверил правителю Мелитены, т.к. его дочь Морфия была замужем за графом Эдессы Балдуином. «Когда он достиг земель,

¹¹⁶⁷ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1973. С. 32.

¹¹⁶⁸ The Chronicle of Michael the Great, Patriarch of the Syrians / Translated from Classical Armenian by Robert Bedrosian. P. 401.

¹¹⁶⁹ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1973. С. 32.

¹¹⁷⁰ Там же С. 33.

¹¹⁷¹ Там же С. 28.

¹¹⁷² Там же С. 30.

¹¹⁷³ Там же С. 33.

¹¹⁷⁴ Там же С. 34.

¹¹⁷⁵ Там же С. 37 и сл.

занятых армянами, те чинили ему всяческие препоны, ибо опасались, как бы он не изгнал их после своего водворения. Армяне тайно послали уведомить /Гази ибн/ Данышменда». Правитель Мелитены всячески тянул время, чтобы задержать Боэмунда до прихода Данышменда, который успел вовремя подойти и захватить правителя Антиохии врасплох. После этого Михаил Сириец делает вывод о том, что «таким образом, по вине Габриеле и армян, турки еще более усилились»¹¹⁷⁶.

Чрезвычайно интересны комментарии Абу-л-Фараджа при описании битвы у Тель Башира, в которой в октябре 1108 г. сошлись с одной стороны войска Антиохийского князя Танкреда и правителя Алеппо Ридвана, а с другой – Бодуэна Эдесского, его племянника Жоселена и эмира Мосула Джавали. В представлении Абу-л-Фараджа, франкские князья оказывали поддержку сельджукам правителям. В результате «франки и турки Ридвана победили, а франки и турки Джавали потерпели поражение». При этом в сражении погибло немало тюрок, а «франки франков не убивали», но старались в первую очередь поразить копьём лошадь противника¹¹⁷⁷.

Михаил не обходит молчанием роль армянского правителя Киликии Леоны I в гибели последнего представителя норманнской династии Антиохии Боэмунда II. Последний и эмир Гази Данышменд одновременно выступили против Леоны. «Франки не знали о присутствии тюрок, а эти – о франках, но и те, и другие искали встречи с армянами». В результате они встретились на равнине Аназарбы и в завязавшейся стычке Боэмунд II и весь его отряд погиб. Воины Данышменда забрали голову Боэмунда II, оружие «франков» и ушли. «Со своей стороны, Леон занял дефиле и также уничтожил множество франков»¹¹⁷⁸.

В приведенных примерах «франки» и «турки» предстают как прямые и честные воины, которые состязаются друг с другом за власть и славу. В то же время, киликийские правители выглядят гораздо более сложными натурами, для которых чрезвычайно насущным был вопрос выживания в окружении столь грозных противников. Михаил дает очень интересную характеристику Филарету Варажнуни: «этот Филарет по происхождению был армянином, по образу действий – франком, а по еретическому вероисповеданию – греком»¹¹⁷⁹.

¹¹⁷⁶ Там же С. 34.

¹¹⁷⁷ Bar-Hebraei. Chronicon syriacum. P. 297—298.

¹¹⁷⁸ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1982. С. 14 и сл.

¹¹⁷⁹ Там же С. 23.

Основным фактором неудач предприятий народов-завоевателей («тюрок» или «франков») Михаил считает бесконечные раздоры между единоплеменниками. Если в битве при Манцикерте «тюрки благодаря своему хорошему единению одолели греков»¹¹⁸⁰, то бесконечная вражда тюркских эмиров «воодушевляет» Боэмунда I выступить для покорения областей Малой Азии¹¹⁸¹. В течение этого похода предводители «франков» «пререкались между собой относительно того, кому какие земли и города отойдут после того, как они ими завладеют. И пока они бездействовали из-за подобных споров, тюрки выступили для сражения»¹¹⁸². И это, по мнению Михаила, привело к поражению крестоносцев при Харране. С другой стороны, тюрки «в борьбе между собой искали помощи у христиан»¹¹⁸³. В заключение автор «Хроники» делает вывод о том, что Боэмунд «тщетно старался подчинить себе всех франков»¹¹⁸⁴.

Таким образом, в представлении сирийских авторов, настоящими правителями Малой Азии являлись тюрки-сельджуки. Византийцы и армяне были не способны противостоять росту могущества завоевателей с Востока. С появлением крестоносцев ситуация меняется кардинально. «Франки» являются не просто очередными пришлыми завоевателями, но единоверцами, и при описании их борьбы с «тюряками» симпатии хронистов находятся на стороне христиан. С удовлетворением Михаил отмечает, что перед выступлением крестоносцы «дали обет господу, что если он позволит им войти в Иерусалим, то они будут жить в мире с христианами всех толков и предоставят церкви и монастыри каждому из народов, уверовавших в Христа»¹¹⁸⁵.

Ал-Каланиси мало интересуется вопросом о происхождении «франков», из каких стран они прибыли, к каким народам Западной Европы они принадлежали. Очевидно, что этот вопрос выходил за рамки его компетенции, и его взгляд на «франков» в целом являлся отражением общих представлений правящей верхушки Дамаска.

В этом взгляде превалирует враждебность по отношению к «франкам» как «политеистам», «проклятым», «врагам Аллаха»¹¹⁸⁶. С другой стороны, он

¹¹⁸⁰ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1979. С. 28.

¹¹⁸¹ Там же С. 36.

¹¹⁸² Там же.

¹¹⁸³ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1982. С. 13.

¹¹⁸⁴ Там же.

¹¹⁸⁵ Гусейнов Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца... 1979. С. 32.

¹¹⁸⁶ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 45, 223.

склонен отмечать наличие у отдельных предводителей «франков» «рыцарских качеств», которые они проявляли в столкновениях с тюрками-сельджуками¹¹⁸⁷.

Таким образом, ал-Каланиси относится к «франкам» как к противникам в «священной войне», в которой Бог оказывает помощь мусульманам. Именно к «священной войне» готовится сельджукский правитель Кылыч Арслан I в Анатолии, узнав о приближении «неисчислимой армии франков»¹¹⁸⁸. Подобный взгляд удивительно похож на тот, который прослеживается у христианских авторов Первого крестового похода по отношению к мусульманам.

Усама ибн Мункыз крайне враждебно относится к «франкам», часто называет их «дьяволами»¹¹⁸⁹ и использует при описании обычные для средневековых мусульманских авторов формулы: «Да покинет их Аллах»¹¹⁹⁰, «Да проклянет их Аллах»¹¹⁹¹, «Да не помилует его Аллах»¹¹⁹². Но при этом у него есть друзья из «франков» среди тамплиеров¹¹⁹³, один из рыцарей называет его братом¹¹⁹⁴.

Камал ад-Дин сообщает о приходе в Сирию «многочисленной армии из франков», к появлению которой сельджукские правители отнеслись крайне несерьезно¹¹⁹⁵. Он сообщает, что войско «франков» по подсчетам составило триста двадцать тысяч человек, «и они прибыли со стороны севера»¹¹⁹⁶. Войска «франков» «причиняли вред, грабили и убивали всякого, кто появлялся»¹¹⁹⁷, «разрушали мимбары»¹¹⁹⁸. При приближении «франков» армяне поднимают восстания и нападают на мусульман¹¹⁹⁹. Даже арабы из войска Вассаб ибн Махмуда «переписывались с франками и желали их [появления] в Сирии»¹²⁰⁰. Только укрепление «франков» под Антиохией заставляет Камал ад-Дина призывать проклятия на их головы¹²⁰¹.

¹¹⁸⁷ Там же. С. 64.

¹¹⁸⁸ Там же. С. 32.

¹¹⁸⁹ Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 185.

¹¹⁹⁰ Там же. С. 100.

¹¹⁹¹ Там же. С. 229.

¹¹⁹² Там же. С. 81.

¹¹⁹³ Там же. С. 211.

¹¹⁹⁴ Там же. С. 208.

¹¹⁹⁵ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Хaleb. С. 123 и сл.

¹¹⁹⁶ Там же. С. 124.

¹¹⁹⁷ Там же.

¹¹⁹⁸ Там же. С. 125.

¹¹⁹⁹ Там же. С. 124—125.

¹²⁰⁰ Там же. С. 125.

¹²⁰¹ Там же.

В отличие от других арабоязычных авторов, для Ибн ал-Асира эпоха Крестовых походов начинается не с вторжения «франков» в Малую Азию или в Сирию с 1096 г., а с момента вторжения их в Андалусию в 1085 г. и завоевания Сицилии в 1091 г.¹²⁰² До Ибн ал-Асира подобную мысль высказывал Али ибн Тахир ал-Сулами (ум. 1107) в «Книге о священной войне» (*Kitab Al-Jihad*), для которого норманнское завоевание Сицилии стало первым этапом движения, которое завершившись взятием Иерусалима¹²⁰³.

В интерпретации Ибн ал-Асира, родственник завоевателя Сицилии Рожера Балдуин собрал войско «франков» с целью завоевать Африку. Однако самого Рожера возможность обрести соседа в лице Балдуина совсем не обрадовала: он «поднял ногу, с шумом выпустил газы» и объяснил своим товарищам, что для сицилийских норманнов предложение Балдуина крайне невыгодно, т.к. они могут утратить доходы с продаж продовольствия и доверие мусульман Африки. В то же время, если они откажутся от союза с Балдуином, то в дальнейшем сами смогут овладеть Африкой¹²⁰⁴. По этой причине Рожер предложил «франкам» отправиться за славой в Сирию, а не в Африку, с которой его связывали «клятвы и договоры»¹²⁰⁵.

Помимо «норманнского» фактора в лице Рожера, направившего агрессию «франков» в Сирию, Ибн ал-Асир выделяет сельджукскую угрозу, которая побуждала правителей Египта и Византии искать поддержки у христиан. Фатимиды написали послание крестоносцам с призывом прийти в Сирию, а византийский император согласился переправить их через Босфор с условием, что они отдадут ему Антиохию¹²⁰⁶. При этом византийский император надеялся на истребление крестоносцев, зная о тюркской «жестокости и об их завоеваниях»¹²⁰⁷.

Индикатором враждебного отношения к «франкам» у Ибн ал-Асира служит использование им обычных для арабских авторов форм проклятий по отношению к крестоносцам: «да проклянет их Аллах»¹²⁰⁸ и «да покинет их всемогущий Аллах»¹²⁰⁹.

¹²⁰² Ali ibn al-Athir. *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh* / trans. by D. S. Richards. L., 2008. T. 1. P. 13.

¹²⁰³ Chevedden P.E. «A Crusade from the First»: The Norman Conquest of Islamic Sicily, 1060—1091 // *Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean*. 2010. Vol. 22. № 2. P. 201—206.

¹²⁰⁴ Ali ibn al-Athir. *The Chronicle*. P. 13.

¹²⁰⁵ Ibid.

¹²⁰⁶ Ibid. P. 14.

¹²⁰⁷ Ibid.

¹²⁰⁸ Ibid. P. 38, 74, 93.

¹²⁰⁹ Ibid. P. 79.

При описании осады Антиохии Камал ад-Дин упоминает Боэмунда как одного из «девяти графов-предводителей» войска франков. Он прекрасно осведомлен о том, что Боэмунд является сыном «Гюискара», а Танкред был его племянником¹²¹⁰.

Камал ад-Дин очень подробно и совершенно беспристрастно повествует о том, как Боэмунд стал владельцем Антиохии, благодаря предательству некоего аз-Заррада, который затаил злобу на сельджукского наместника из-за конфискаций денег и зерна. А также вследствие уловок Боэмунда по отношению к другим предводителям крестоносцев, которых он убедил передать Антиохию тому, кто овладеет ей первый¹²¹¹.

«Франки» в отношении мусульман действуют «хитростью и обманом». Они оповестили правителя Дамаска о том, что они не желают никаких других земель кроме тех, которые находились под властью Византии, с целью отвлечь мусульман от выступления на помощь Антиохии¹²¹². Именно Антиохия является главной целью крестоносцев и главным призом, за обладание которым они заплатили огромную цену.

Захват Антиохии побуждает выступить против крестоносцев сельджукского атабека Кербогу, под знамена которого собрались многие «высокие эмиры», «тюркские и арабские отряды из Сирии». Однако Кербога своей заносчивостью и стремлением добиться подчинения испортил отношения с мусульманскими военачальниками, которые в раздражении и озлоблении против него хранили лишь видимость покорности¹²¹³.

Напротив, «франки» демонстрируют редкое единство, несмотря на голод и лишения. Ибн ал-Асир перечисляет предводителей крестоносцев и упоминает среди них Боэмунда, которого как правителя Антиохии он считает главным¹²¹⁴. О его руководящей роли в деле под Антиохией арабоязычный хронист больше нигде в тексте не упоминает.

Ал-Каланиси не выделяет норманнских предводителей из вождей Первого крестового похода. Впервые он упоминает «короля франков» Боэмунда, который в 1100 г. по дороге на Мелитену был захвачен в плен эмиром Данышмендом.

¹²¹⁰ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Хaleb. С. 126, 133.

¹²¹¹ Там же. С. 125 и сл.

¹²¹² Ali ibn al-Athir. The Chronicle. P. 79.

¹²¹³ Ibid. P. 16.

¹²¹⁴ Ibid.

Под 1100 г. Ибн ал-Асир сообщает, что Гюмюштекин ибн ал-Данышменд под Малатьей разгромил пятитысячную армию «Боэмунда франка, который был одним из франкских предводителей», а его самого взял в плен¹²¹⁵.

С укоризной повествует Ибн ал-Асир об освобождении «Боэмунда франка» из плена Данышмендидов за выкуп в сто тысяч динаров и обещание освободить дочь Яги Сияна. Само возвращение Боэмунда в Антиохию подняло моральный дух «его народа» и привело к обложению данью обитателей Мараша, Киннисрина и соседних поселений. Ибн ал-Асир заключает, что мусульмане пострадали вследствие того, что пришли в упадок «межевые столбы, установленные Данышмендом»¹²¹⁶.

Важной вехой в борьбе мусульман с крестоносцами Ибн ал-Асир считает победу мусульман при Харране. Он предваряет описание этого сражения кратким рассмотрением причин крайне удачных завоеваний «франков» земель ислама: постоянная вражда между мусульманскими правителями, отсутствие единомыслия, различные устремления и рассредоточенное богатство¹²¹⁷. Вражда была в самом разгаре между тюркскими эмирами Сукманом и Джекермишем, когда они услышали о приближении «франков» к Харрану. Эта новость заставила их на время забыть разногласия и поступить на «службу Аллаху» в надежде на воздаяние в будущем¹²¹⁸. Сукман располагал семью тысячами туркмен, а у Джекермиша было три тысячи тюрков, арабов и курдов.

Когда к месту сражения подошли войска «правителя Антиохии» Боэмунда и «владыки побережья» Танкреда, армия Балдуина была уже разгромлена. Сам Балдуин оказался в плену. Боэмунду и Танкреду удалось спастись только с шестью рыцарями¹²¹⁹. Сукман воспользовался захваченной амуницией и лошадьми «франков», чтобы под видом возвращающихся с поля боя «товарищей» захватить несколько крепостей¹²²⁰.

Ал-Каланиси также описывает битву при Харране, в которой «Аллах даровал победу мусульманам». «Это была большая и невиданная ранее победа мусульман, которые смогли напугать франков, уменьшить их численность и возможности к нападению, в то время как сердца мусульман вспыхнули храбростью и наполнились жадной победы в войне за веру против еретиков.

¹²¹⁵ Ibid. P. 32.

¹²¹⁶ Ibid. P. 60.

¹²¹⁷ Ibid. P. 79.

¹²¹⁸ Ibid.

¹²¹⁹ Ibid. P. 80.

¹²²⁰ Ibid.

Народ бурно обсуждал эту радостную весть о победе над франками, верил в их уничтожение и в то, что удача отвернулась от них»¹²²¹.

Очевидно, что ал-Каланиси верно оценивает значение победы над норманнами, т.к. вскоре после этого он отмечает, что «Боэмунд, правитель Антиохии, сел на корабль и отправился к франкам, чтобы просить у них помощи и подкрепления в борьбе против мусульман Сирии»¹²²². Под 1107 г. он сообщает, что Кылыч Арслан «послал одного из своих главных военачальников в Анатолию с большим войском туркмен, чтобы помочь царю Константинополя в его борьбе против Боэмунда и тех франков, которые вместе с ним направлялись в Сирию. Эти войска шли на соединение с царем греков и греческими армиями, которые он собрал». После того, как «франки потерпели позорное поражение», византийский император устроил торжественный пир для «тюркских войск Кылыч Арслана», наградил их почетными одеждами, распределил трофеи и отправил по домам¹²²³.

На первом месте у Камал ад-Дина находятся отношения крестоносцев с Алеппо и его правителем Ридваном. По его мнению, пленение Боэмунда эмиром Сиваса Данышмендом способствовало ослаблению натиска «франков» на область Алеппо¹²²⁴. Победа при Харране привела к тому, что «войско Халеба в своих набегах достигало области Антиохии, и Боэмунд обнаружил свою неспособность защитить ее. Лишь с небольшим числом лиц он смог ускользнуть от стычки с Сукманом. Он боялся мусульман и отправился морем в свою страну просить помощи у тех, кто прибывал сюда»¹²²⁵.

В отличие от ал-Каланиси, Камал ад-Дина не интересуется дальнейшая судьба Боэмунда за пределами Сирии, и только смерть норманна была расценена арабским хронистом как избавление мусульман от зла¹²²⁶.

Ал-Каланиси негативно оценивает политику преемника Боэмунда Танкреда. Он считает ее «несправедливой» тиранией в отношении армян Артаха, которые предпочли сдаться правителю Алеппо Ридвану. После этого Танкред «собрал всех франков, которые находились на его территории», выбил Ридвана из Артаха и совершил набег на Алеппо, чем посеял «беспокойство и страх»

¹²²¹ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 45—46.

¹²²² Там же. С. 49.

¹²²³ Там же. С. 59—60.

¹²²⁴ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 131.

¹²²⁵ Там же. С. 133.

¹²²⁶ Там же. С. 135.

среди мусульман¹²²⁷. Он сообщает, как Танкред выступает из Антиохии на покорение Тарса «со своим войском и своим проклятым сбродом»¹²²⁸.

С другой стороны, он признает, что Танкред способен проводить разумную политику. «Танкред осадил ал-Атариб и захватил город после длительной блокады в конце месяца джумаада этого года (1111–1112 – Прим. переводчика). Он пощадил гарнизон города, и кто пожелал, смог остаться, не пожелавшие же ушли. После этого между князем Фахр ал-Мулук Рудваном и Танкредом был заключен договор о дружбе на том условии, что князь будет ежегодно платить ему из доходов Алеппо дань в размере двадцати тысяч динар и десяти лошадей, а также освободит пленников. На этой основе и был заключен мир»¹²²⁹.

Танкред принял с почетом и обещал защиту сельджукскому принцу, который доводился двоюродным братом султану Гийас ал-Дунья вал-Дин Мухаммаду. При этом некие «тюрки, которые находились на службе у Танкреда», поспешили примкнуть к этому сельджукскому принцу¹²³⁰. Ал-Каланиси представляет этого сельджукского принца как «сына Такаша, сына султана Алп-Арслана и брата султана Малик-шаха Справедливого»¹²³¹. Некоторое время этот опальный принц оставался при дворе князей Антиохии и выступал вместе с ними в походы против мусульман, но затем предпочел искать убежище в Египте у ал-Афдала¹²³².

Камал ад-Дина в большей степени интересуют отношения правителя Антиохии Танкреда и сельджукского правителя Ридвана. В 1105 г. при Артахе Танкреду удалось взять реванш за поражение при Харране. По словам хрониста, «пешие мусульмане устояли, но конница обратилась в бегство»¹²³³. Для норманнов не составило труда истребить пехоту в количестве трех тысяч человек¹²³⁴. Эта победа была большим несчастьем для жителей Алеппо, и Танкред начал совершать набеги в восточном направлении от Антиохии¹²³⁵.

Из прочтения Камал ад-Дина складывается впечатление, что не норманнские правители Антиохии, а именно Ридван предстает инициатором нападений.

¹²²⁷ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 52.

¹²²⁸ Там же. С. 72.

¹²²⁹ Там же. С. 77.

¹²³⁰ Там же. С. 94.

¹²³¹ Там же.

¹²³² Там же. С. 103.

¹²³³ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 134.

¹²³⁴ Там же.

¹²³⁵ Там же.

Норманны, зачастую «обескураженные известием о нарушении перемирия», стремятся минимизировать ущерб от сельджукских набегов. Когда Ридван предлагает выплатить Танкреду двадцать тысяч динаров за снятие осады ал-Асариба, тот отказывается под предлогом того, что потратил на отражение сельджукской атаки сумму в тридцать тысяч. При этом неизменным требованием норманнского князя является возвращение своих пленных подданных: армян и мусульманских крестьянок из округа ал-Асариба. Также Танкред «успокоил сердца феллахов-мусульман, дав им гарантию безопасности» при разрушении стен ал-Асариба¹²³⁶.

Усама ибн Мункыз мало что помнит об основателе Антиохийского княжества Боэмунде I, которого он называет «Маймуном». Его первые воспоминания связаны с периодом правления Танкреда, которого он называет «первый властитель Антиохии после Маймуна»¹²³⁷.

С ранних лет Усама запомнил жестокость правителя Антиохии Танкреда, который во время перемирия был восхищен мастерством мусульманского всадника Хасануна так, что щедро его одарил. А после окончания перемирия, когда Хасанун оказался в плену у Танкреда, он приказал выколоть ему правый глаз, «чтобы он не мог ничего видеть, когда будет нести щит и закроет им левый глаз». Подобная жестокость кажется запредельной, когда Усама говорит, что Танкред за год до этого обещал освободить Хасануна, если тот окажется у него в плену. Причину несоблюдения Танкредом своего обещания Усама усматривает в языковом барьере, существующем между мусульманами и «франками». «Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят только по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят»¹²³⁸.

Несмотря на то, что ал-Каланиси больше внимания уделял событиям, связанным с отношениями Дамаска и королевства крестоносцев в Палестине, он особо останавливается на наиболее драматическом эпизоде отношений норманнского княжества Антиохии и Алеппо. Битва при Сармаде, известная по латинским источникам как сражение на Кровавом поле, в представлении ал-Каланиси имеет огромное значение. «Это была одна из величайших побед, и за все прошлые века никогда больше исламу не оказывалась такая божественная помощь»¹²³⁹. В качестве «славного знака», символизирующего победу мусульман, ал-Каланиси сообщает о найденных на поле боя трупах нескольких лошадей, которые были так густо утыканы стрелами, что напоминали ежей.

¹²³⁶ Там же. С. 136 и сл.

¹²³⁷ Усама ибн Мункыз. Книга назидания. С. 125.

¹²³⁸ Там же. С. 126.

¹²³⁹ Гибб Г. Дамасские хроники крестоносцев. С. 115.

Противостоящие мусульманам норманны Антиохии в терминах священной войны именуются как «неверные и заблудшие»¹²⁴⁰, «упрямые неверные»¹²⁴¹, «нечестивый сброд»¹²⁴². По сообщению ал-Каланиси, эта «действительно огромная армия, полностью оснащенная и хорошо вооруженная», состояла из франков и армян¹²⁴³. Но после уничтожения этой армии под ударами туркмен при Сармине ал-Каланиси признает, что Антиохия лишилась «своих верных воинов»¹²⁴⁴.

Вероятно, что одним из следствий этого сражения явилась долгая полоса мира и спокойствия для жителей Алеппо. Ал-Каланиси с 1120 по 1124 г. сообщает о регулярном продлении мира между франками и правителями Алеппо¹²⁴⁵, что привело к следующим последствиям: «провинции богатели с обеих сторон, и дороги между их территориями стали безопасными для путешественников»¹²⁴⁶.

Камал ад-Дин сообщает, что жители Алеппо предпочли призвать «франков» Антиохии против Ильгази ибн Артука и туркмен. Войска Алеппо и Антиохии выступали вместе против сельджуков. На предложения последних о сдаче жители Алеппо отвечали, что не желают «никого с Востока»¹²⁴⁷. И только «вероломство» франков заставило отчаявшихся жителей Алеппо принять власть Ильгази¹²⁴⁸.

Вероятно, Камал ад-Дин был уверен в возможности существования прочного мира с «франками» и взаимовыгодного процветания Антиохии и Алеппо в том случае, если бы «франки» не так «страстно желали лишить ислам всех его владений»¹²⁴⁹. С другой стороны, сельджукские «правители Востока»¹²⁵⁰ готовы были «пожертвовать своей жизнью в священной войне»¹²⁵¹ и стремились к уничтожению могущества «франков» в Сирии.

Описание Камал ад-Дином сражения при Сармаде (битва на Кровавом поле) в 1119 г. является оригинальным и содержит некоторые интересные подробности. Он сообщает, что войско Ильгази было огромным и составляло

¹²⁴⁰ Там же. С. 113.

¹²⁴¹ Там же. С. 114.

¹²⁴² Там же. С. 115.

¹²⁴³ Там же. С. 114.

¹²⁴⁴ Там же. С. 115.

¹²⁴⁵ Там же. С. 116, 118, 119.

¹²⁴⁶ Там же. С. 119.

¹²⁴⁷ Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб. С. 147.

¹²⁴⁸ Там же. С. 148.

¹²⁴⁹ Там же. С. 149.

¹²⁵⁰ Там же.

¹²⁵¹ Там же. С. 150.

сорок тысяч человек¹²⁵². В основном это были туркмены¹²⁵³, которые откликнулись на призыв Артукида и атабека Нуреддина.

Камал ад-Дин не забывает упомянуть, что посланцы Алеппо побуждали Ильгази «к постоянным набегам на франков»¹²⁵⁴. Кади Абу-л-Фадл ибн Хашшаб, сидя «на кобыле с копьём в руке», горячими проповедями поднимал боевой дух мусульман накануне сражения¹²⁵⁵. И когда «даровал Аллах победу мусульманам, а франки были побеждены», «вестник победы» явился в Алеппо во время полуденной молитвы¹²⁵⁶.

Ал-Каланиси крайне немногословен в своих оценках из-за его стремления к объективности и бесстрастности в изложении описываемых событий. Тем не менее, те немногие оценки, которые он дает, позволяют заключить, что перед нами мусульманин, государственный чиновник высокого ранга и патриот Дамаска. О франках он знает очень немного и совершенно не стремится к этому.

Очевидно, что «франки» Антиохии являются для Камал ад-Дина противниками мусульман, но при этом он относится к ним более-менее терпимо и допускает возможность мирного сосуществования в Сирии. Об этом свидетельствует сухой и спокойный стиль изложения событий. Он практически не использует термины «священной войны» при описании отношений между крестоносцами и тюркскими правителями. Те и другие, в его представлении, являются завоевателями и принадлежат к кланам военных аристократов, которые ведут между собой нескончаемую борьбу за власть и доходы с земель. Его интересуют отношения завоевателей и их подданных, которые являются важным критерием для оценки правителей сельджуков и норманнов.

Усама ибн Мункыз не испытывает явной ненависти к «франкам», скорее, они для него являются источником раздражения и неудобств. Он признает их храбрость и опытность в военном деле, но при этом они кажутся ему странными, а их обычаи и манера поведения диковинными.

Ибн ал-Асир является наиболее информированным из мусульманских авторов. Он ясно осознает свой долг как мусульманского историка представлять деяния «франков» наиболее враждебно. Но при этом он не может скрыть своего уважения к хорошим качествам врагов Аллаха и мусульман. В особенности его интересуют «хитрости», к которым прибегают «франки» на войне с мусульманами.

¹²⁵² Там же. С. 149.

¹²⁵³ Там же. С. 151.

¹²⁵⁴ Там же. С. 149.

¹²⁵⁵ Там же. С. 150.

¹²⁵⁶ Там же.

ГЛАВА 5

НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ В МАЛОЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛАТИНСКИХ АВТОРОВ

5.1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Р.А. Гусейнов в статье «Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы» отмечал, что тема отношений крестоносцев и тюрок-сельджуков «монографически не разработана»¹²⁵⁷. В связи с этим еще менее разработанной выглядит тема взаимоотношений норманнов и тюрок-сельджуков. Вместе с тем исследователи находили возможность рассматривать данный вопрос под различными углами зрения и пытались дать объяснение феномену столь различных народов, которые сыграли несоизмеримую с их численностью роль в истории Востока.

В своем фундаментальном исследовании по истории Византийской империи академик Ф.И. Успенский писал о значительной роли норманнов и тюрок-сельджуков, которую им довелось сыграть в истории Европы и Азии¹²⁵⁸.

¹²⁵⁷ Гусейнов Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы // Тюркологический сборник 1973. М., 1975. С. 32.

¹²⁵⁸ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XII вв. Восточный вопрос / Ф.И. Успенский; сост. Л.В. Литвинова. М., 1997. С. 11, 20, 24, 106, 116–117, 129.

По его мнению, именно норманны стали прибегать к «странному приему»: заключению «дружественных союзов» с сельджуками¹²⁵⁹.

В качестве такого союза академик Ф.И. Успенский рассматривает отношения Боэмунда и тюркского эмира Данышменда. В основе столь «странного союза» находились амбициозные планы норманнского и тюркского вождей, направленные на свержение византийской власти в Малой Азии¹²⁶⁰. Однако Ф.И. Успенский подчеркивает, что данным планам не суждено было сбыться, так как они не были «выражением действительного, но скорее воображаемого порядка, который не осуществился»¹²⁶¹.

В последние годы жизни (1926–1928) Ф.И. Успенский активно занимался проблемой взаимоотношений Востока и Запада в XI–XIV вв., а именно – вопросом «о значении для Европы, в частности и для Византии, появления на арене мировой истории турок и монголов»¹²⁶². Автор отмечал, что «турецкий вопрос в истории Византии и христианских стран занимает важное место»¹²⁶³, а завоевание сельджуков он относил к одному из двух, наряду с завоеваниями монголов, «всемирно-исторических явлений»¹²⁶⁴.

В.В. Бартольд в работе «Турция, ислам и христианство» говорил о выступлении в XI в. «с обеих сторон новых воинственных народов – турок со стороны мусульман, франков со стороны христиан»¹²⁶⁵. Общими свойствами для этих народов были «религиозное воодушевление» и «культ войны для войны, имевший для таких воинственных народов, как тюрки и франки, еще больше значения, чем для арабов и греков»¹²⁶⁶. При этом данный культ у турок имел более «варварский характер», в то время как у франков он сохранился в форме «легенды о Георгии Победоносце и представлений о христианском рыцарстве»¹²⁶⁷.

¹²⁵⁹ Там же. С. 120.

¹²⁶⁰ Успенский Ф.И. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 1879. Т. XI. С. 253.

¹²⁶¹ Там же. С. 254.

¹²⁶² Успенский Ф.И. Движение народов из Центральной Азии в Европу. I. Турки. II. Монголы // Византийский временник. 1947. Т. I (XXVI). С. 9.

¹²⁶³ Там же. С. 13.

¹²⁶⁴ Там же. С. 14.

¹²⁶⁵ Бартольд В.В. Турция, ислам и христианство // Сочинения. Работы по истории ислама и Арабского халифата / под. к изд. А.Б. Халидов, отв. ред. И.Н. Винников. М., 1966. Т. 6. С. 421.

¹²⁶⁶ Там же.

¹²⁶⁷ Там же.

«Сходясь на поле брани и в мирной жизни (мусульмане продолжали жить под властью христиан, христиане – под властью мусульман), противники не могли не узнать друг друга, и это сближение не могло пройти бесследно ни для тех, ни для других. В подробностях этот культурно-исторический процесс еще недостаточно выяснен. Некоторые ориенталисты видят в европейском рыцарском идеале признаки влияния восточного, именно персидского, рыцарства; но факты скорее говорят в пользу влияния европейского рыцарского идеала на мусульман»¹²⁶⁸.

Советский востоковед-тюрколог В.А. Гордлевский (1876–1956) в монографии «Государство Сельджукидов Малой Азии» приводит норманнов как первых «франкских» союзников сельджуков¹²⁶⁹, которые оказали значительное влияние на расстановку политических сил в Малой Азии¹²⁷⁰.

В.А. Гордлевский отмечает в обрядах малоазийских сельджуков сходство с обрядами латинских крестоносцев: когда вассал ведет своего сюзерена, держа его лошадь под узды; ношение вассалом попоны¹²⁷¹. У представителей братства ахи автор находит отклики посвящения в рыцари средневековой Западной Европы: удар по спине¹²⁷², острижение волос¹²⁷³. В.А. Гордлевский причисляет себя к сторонникам мнения, по которому рыцарские обряды Западной Европы были заимствованы с Востока в эпоху крестовых походов¹²⁷⁴. Он также заявляет, что «западный феодализм» (во всяком случае, внешние черты — титулатура, церемониал) шел к Сельджукидам и с Запада (из Византии), и с Востока (от армян)¹²⁷⁵.

В отличие от В.А. Гордлевского, Каэн более подробно говорит о присутствии норманнских контингентов на службе сельджукских правителей Рума¹²⁷⁶. В частности, он считает, что норманнские наемники могли приходить как из Антиохийского княжества, так и из Сицилийского королевства, и могли иметь предводителей из своей среды. Ни сельджуки, ни христиане не считали подобную практику преступной по отношению к исповедуемой ими

¹²⁶⁸ Там же.

¹²⁶⁹ Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 154.

¹²⁷⁰ Там же. С. 28.

¹²⁷¹ Там же. С. 81.

¹²⁷² Там же. С. 107.

¹²⁷³ Там же. С. 108.

¹²⁷⁴ Там же. С. 113.

¹²⁷⁵ Там же. С. 82.

¹²⁷⁶ Cahen C. La Turquie pré-ottomane. Istanbul, 1988. P. 191–192.

религии. По мнению Каэна, возможность найма западноевропейских контингентов закончилась в связи с монгольским завоеванием в 1243 г.

Советский ученый, историк-тюрколог А.Д. Новичев (1902–1987) начинает историю Турции с основания Сельджукского султаната в Малой Азии¹²⁷⁷. Он считает, что организованные римским папой и «крупными феодалами» крестовые походы для обретения власти и богатств на Востоке отсрочили на время падение Константинополя и угрозу тюркских нашествий на Западную Европу¹²⁷⁸. Более того, противостоящие «неминуемому вторжению сельджуков» крестоносцы «почти целое столетие заставили их держаться в пределах границ той территории Малой Азии, на которую они были оттеснены»¹²⁷⁹.

При этом из всех «четырёх главных крестовых походов» (1096–1204) только Первый (1096–1099) «имел для Сельджукидов тяжёлые последствия»¹²⁸⁰. В течение XII в. сельджуки пребывали на востоке Малой Азии, где вели нескончаемые войны с мелкими тюркскими княжествами и крупным государством Данышмендидов. А.Д. Новичев считает, что Византия чрезмерно увлеклась борьбой за господство в Сирии и пропустила усиление могущества сельджуков в Малой Азии¹²⁸¹.

В совместной монографии ученых-тюркологов Д.Е. Еремеева и М.С. Мейера «История Турции: в Средние века и Новое время»¹²⁸² отмечена роль «вождей франкских наемников» в быстром продвижении тюркских завоевателей вглубь Малой Азии¹²⁸³.

В книге Османа Турана «История сельджуков и тюркско-исламская цивилизация» в общем историческом контексте норманны предстают «примитивным и варварским» народом, который, тем не менее, извлек пользу из знаний и культуры мусульман Сицилии¹²⁸⁴ и действовал разумно, «... властвуя над исламской цивилизацией и оберегая мусульманское население...»¹²⁸⁵. Говоря о Русселе де Баллиоле, Осман Туран признает, что мятеж норманнского наемника послужил причиной первого вмешательства в византийские дела

¹²⁷⁷ Новичев А.Д. История Турции в 4-х томах. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л., 1963. Т. 1. С. 5.

¹²⁷⁸ Там же. С. 8.

¹²⁷⁹ Там же. С. 10.

¹²⁸⁰ Там же.

¹²⁸¹ Там же.

¹²⁸² Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в Средние века и Новое время. М., 1992.

¹²⁸³ Там же. С. 47.

¹²⁸⁴ Turan O. Selcuklar Tarihi ve Turk-Islam medeniyeti. Istanbul, 1969. S. 329.

¹²⁸⁵ Ibid. S. 352—353.

тюркского бея Артука и предоставил ему возможность далеко продвинуться в Малой Азии¹²⁸⁶. И. Кафесоглу ограничивается упоминанием поддержки «франкскими наемниками» византийских войск Исаака Комнина при отражении туркмен во главе с Артуком и Тутаком¹²⁸⁷.

Французский историк П. Виймар в монографии «Крестовые походы»¹²⁸⁸ прямо заявляет, что норманны «играли определяющую, если не главную роль в мире Средиземноморья во времена крестовых походов»¹²⁸⁹. Поэтому он считает необходимым уделить им достаточно внимания на страницах своего труда. Проблема осложняется крайне пестрой политической, этнической, социально-экономической картиной средневекового Востока, «мозаикой Леванта»¹²⁹⁰. У Бозмунда изначально существовал план обосноваться на Востоке «с помощью политики, защищающей интересы местных христиан»¹²⁹¹.

П. Виймар обращает внимание на то, что норманны «проникли в Южную Италию приблизительно в эпоху первых турецких набегов на Восточную Анатолию»¹²⁹². Методы, с помощью которых норманны основывали свои «маленькие феодальные княжества», были «очень похожи на приемы турецких кочевников»¹²⁹³. Наконец, он прямо говорит, что «процесс развития их власти напоминает продвижение тюрков в Анатолии»¹²⁹⁴.

Виймар считал, что одной из главных задач, которую должны были решить правители Латинских государств на Востоке, был захват Анатолийского плато. Это был единственно возможный вариант сухопутного пути для подкреплений из Западной Европы. Норманнам удалось продвинуться в этом направлении дальше остальных, но «византийцы и тюрки, сменяя друг друга, все же изгнали их из Сирии»¹²⁹⁵. Виймар заявляет, что Первый крестовый поход был единственным и последним предприятием, в ходе которого удалось преодолеть «Анатолийскую преграду». Все последующие армии крестоносцев исчезали в Малой Азии под ударами тюрков-сельджуков. По этой причине никогда впредь

¹²⁸⁶ Ibid. S. 213.

¹²⁸⁷ Kafesoglu I. A history of the Seljuks / ed. and trans. by G. Leiser. Carbondale; Edwardsville, 1988. P. 50.

¹²⁸⁸ Виймар П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. СПб., 2006.

¹²⁸⁹ Там же. С. 35.

¹²⁹⁰ Там же. С. 38.

¹²⁹¹ Там же. С. 53.

¹²⁹² Там же. С. 35.

¹²⁹³ Там же. С. 36.

¹²⁹⁴ Там же.

¹²⁹⁵ Там же. С. 35.

не могли существовать полноценные государства крестоносцев на Востоке¹²⁹⁶. Однако дальше констатации этих фактов исследователь не пошел.

Французский исследователь М. Баливе в своей работе «Норманны и тюрки»¹²⁹⁷ отметил удивительную симметрию в действиях столь непохожих друг на друга народов-завоевателей в Восточном Средиземноморье XI–XII вв.: норманнов и тюрок-сельджуков. Сами источники дают возможность утверждать, что, будучи врагами, норманны и тюрки-сельджуки относились друг к другу с восхищением, как к равным и даже как к братьям¹²⁹⁸.

Автор считает, что в основе этих отношений лежала некая «функциональная симметрия»: выдающаяся роль, которая принадлежала норманнам и тюркам соответственно в христианском и мусульманском сообществах; избрание многими представителями этих народов карьеры наемников¹²⁹⁹; хронология завоеваний в Средиземноморском регионе; стремление быть столпами веры: у тюрок – верно служить халифам, а у норманнов – поддерживать власть римского папы¹³⁰⁰; стремление под прикрытием идеалов «священной войны» совершать военные походы; создание могущественных в военном отношении государств, чьи правители носили претенциозно высокие титулы; Византия традиционно является для норманнов и тюрок как работодателем, так и жертвой¹³⁰¹; на покоренных территориях устанавливается строгий порядок и вводится эффективное управление, а также развивается культурный эклектизм; обе группы верили в свою особую миссию и обладали чувством идентичности «*turcite*» et «*normanite*»¹³⁰²; стремление к легитимации территориальных приобретений¹³⁰³; похожие военно-тактические приемы и представление о военной доблести; забота о репутации непобедимых воинов¹³⁰⁴; свойственный обоим народам «дух великой культурной открытости, и даже синкретизма» в отношении культуры других народов¹³⁰⁵; признание современниками специфичности и оригинальности этих двух групп.

¹²⁹⁶ Там же. С. 160—161.

¹²⁹⁷ Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale : deux adversaires «symétriques»? // *Turcica*. 1990. Vol. 30. P. 309—329.

¹²⁹⁸ Ibid. P. 309—310.

¹²⁹⁹ Ibid. P. 311.

¹³⁰⁰ Ibid. P. 313.

¹³⁰¹ Ibid. P. 315.

¹³⁰² Ibid. P. 317.

¹³⁰³ Ibid. P. 319.

¹³⁰⁴ Ibid. P. 321.

¹³⁰⁵ Ibid. P. 324.

Подобную симметрию Баливе считает уместной только для периода XI–XII вв. Постоянный приток туркмен из Средней Азии привел к образованию в Малой Азии настоящего «Средиземноморского Туркестана»¹³⁰⁶. Напротив, крайне малочисленные норманны не могли рассчитывать на нечто подобное, и к XIII в. под ударами мамлюков совершенно утратили свои позиции в Сирии. В то время как норманны оставались жить только в памяти последующих поколений европейцев, тюрки были грозной реальностью для христианского мира. Османская империя пережила бурный расцвет в XVI–XVII вв. и была близка к тому, чтобы превратить «древнее внутреннее море римлян в турецкое озеро»¹³⁰⁷.

Насколько оправданным является подход М. Баливе к поиску «функциональной симметричности» в деяниях норманнов и тюрок-сельджуков? Некоторое сходство очевидно, но, как признает сам Баливе в начале своей работы, что общего может быть у «мира германского и мира тюрко-монгольского, народа засушливых азиатских степей и густого скандинавского леса, пастухов Евразийского континента и моряков северных морей и великого океана?»¹³⁰⁸

Турецкий историк И. Кафесоглу высказал мысль о том, что «...огузы и сельджуки мигрировали, – подобно германцам и упоминаемым Идриси, во дворце которых он писал свое сочинение, норманнам, – но кочевниками они не были...»¹³⁰⁹. Таким образом, М. Баливе и И. Кафесоглу сходятся в мысли о том, что у норманнов и тюрок-сельджуков было нечто общее. Это общее заключалось, по мнению Кафесоглу, в их страсти к постоянному движению, хотя оба народа при этом не были кочевниками.

Подобную мысль высказал византинист А.П. Каждан в монографии по византийской культуре, в которой он говорит о чуждости понятия подвижности для византийца: «подвижным был прежде всего степняк-печенег, о котором рассказывали, что он сутками не слезает с седла, или надменный латинский рыцарь, направлявшийся с берегов Нормандии в Иерусалим»¹³¹⁰.

Вероятно, ответ на этот вопрос кроется в тесной связи этих двух народов со своими кочевыми предками. Хотя норманны восприняли культурные ценности Западноевропейской цивилизации, а тюрки-сельджуки впитали

¹³⁰⁶ Ibid. P. 325.

¹³⁰⁷ Ibid.

¹³⁰⁸ Ibid. p. 309

¹³⁰⁹ Kafesoglu İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan: Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // Tarih Dergisi. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 184.

¹³¹⁰ Каждан А.П. Византийская культура (X—XII вв.). М., 2006. С. 30.

иранскую культуру, глубоко внутри они оставались «кочевниками». Страсть к движению побуждала их активно действовать в исторически сложившихся условиях и стремиться к захвату доминирующего положения в доступных им христианских или мусульманских сообществах¹³¹¹.

Э. Гиббон отмечал определенное сходство между ведущими кочевой образ жизни германцами и «скифами»: «Политическое общество германцев было с виду союзом независимых воинов. Скифские племена, известные под новейшим названием орд, имели внешнюю форму многочисленных и разноразличившихся семейств, которые в течение многих поколений расплодилось из одного и того же первоначального рода. Самые ничтожные и самые невежественные из татар сохраняют, с сознательной гордостью, неоценимое сокровище своей генеалогии, и каковы бы ни были различия ранга, установленные неравным распределением собственности, они уважают, и в самих себе и одни в других, потомков первого основателя племени»¹³¹².

С другой стороны, норманны и тюрки-сельджуки были не единственными потомками кочевников, которые проникли на территории, где формировались цивилизации Запада и Востока. Например, венгры мигрировали в бывшую римскую провинцию Паннонию, где основали собственное государство. Хотя венгры совершали набеги на Западную Европу в течении X–XI вв., тем не менее это не привело к последующим завоеваниям на окраинах христианского мира и даже в крестовые походы они отправлялись под принуждением вассальной клятвы, данной германским императорам.

Таким образом, «функциональную симметрию» норманнов и сельджуков нельзя объяснить одной только страстью к движению, унаследованной от кочевых предков. Очевидно, что вопрос отношений норманнов и тюрок-сельджуков нуждается во всестороннем изучении.

¹³¹¹ Головнев А.Е. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 252.

¹³¹² Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи. М., 2008. Т. 6. С. 167–168.

5.2. ЛЕГЕНДА О ТРОЯНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ НОРМАННОВ И ТЮРОК-СЕЛЬДЖУКОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ XI–XII ВВ.

В 1097 г. от армии крестоносцев, продвигавшейся через Малую Азию, отделилась часть во главе с Робертом Нормандским, Боэмундом и Танкредом. По мнению норманнского хрониста Рауля Канского, норманнские предводители составили авангард войска крестоносцев «как единоплеменники, с единой мыслью о том, чтобы распространить славу единой своей родины»¹³¹³. Неподалеку от Дорилеи норманнский отряд был атакован объединенными силами Румского султана Кылыч-Арслана I и эмира Каппадокии и Тавра Гази ибн Данышменда.

Участник Первого крестового похода, норманнский рыцарь, имя которого не сохранилось, так описывал завязку этого сражения: «Тюрки сразу стали гудеть, свистеть и кричать, произнося высоким голосом неизвестное мне дьявольское слово на своем языке. Муж мудрый Боэмунд, увидев вдали бесчисленных тюрок, гудящих и вопящих демонским голосом, немедленно приказал всем воинам спешиться и быстро раскинуть шатры. <...> После этого тюрки уже отовсюду окружили нас, размахивая мечами, метая копыя и разя и также удивительным образом стреляя из луков во все стороны. Мы же, хотя не могли им ни противостоять, ни выдержать напора такой массы врагов, но, однако же, единодушно выступили туда»¹³¹⁴.

Несколько часов длилось ожесточенное сражение норманнов и тюрок, исход которого решило появление арьергарда крестоносного войска, состоявшего из провансальцев и лотарингцев. С их приходом тюрки обратились в бегство и, как пишет хронист, «мы их преследовали, убивая, весь этот день»¹³¹⁵.

По всей видимости, норманнский рыцарь впервые столкнулся с тюрками в столь крупной битве, т.к. для него в новинку была манера и «звуковое

¹³¹³ Gesta Tancredi. P. 508.

¹³¹⁴ Цит. по: Деяния франков и прочих иерусалимцев / Т.Г. Мякин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. Новосибирск, 2010. С. 161.

¹³¹⁵ Деяния франков. С. 163; Gesta Francorum. III, 9, P. 48.

сопровождение» боя тюрками. Поэтому он очень эмоционально выражает свое отношение к тюркам после первого столкновения: «Кто будет когда-либо настолько мудр или учен, чтобы описать благоразумие, воинственность и храбрость тюрков? Тюрков, которые думали устроить народ франков грозой своих стрел, подобно тому, как они устрашали арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков. Но, если Богу угодно, их сила никогда не сравнится с нашей. Они справедливо говорят, что сами родом от франков, ибо никто не может быть прирожденным воином¹³¹⁶, кроме франков и их. Скажу истину, которой никто не осмелится противостоять. Ведь если они всегда были бы тверды в вере Христовой и святом христианстве... Если бы уверовали они правой верой и разумом в Него, правящего на небе и земле, то не найти было бы никого могущественнее, храбрее и изобретательнее в сражениях, чем они. И вот, однако же, благодаря Богу они были побеждены нашими»¹³¹⁷.

Данный текст совершенно не вяжется с духом Первого крестового похода и приводит в недоумение современного исследователя. Мало того, что Аноним с известными оговорками восхищается «благоразумием», «воинственностью», «храбростью» и «могуществом» тюрков, в его хронике сами тюрки говорят о своем общем с франками происхождении и принадлежности к рыцарскому званию.

Почти слово в слово этот отрывок из сочинения Анонима воспроизводится в хронике «История Иерусалимского похода» священника Сервейского Петра Тудебоды¹³¹⁸. До сих пор идут жаркие споры о том, чья хроника появилась первой: Анонима или Петра Тудебоды¹³¹⁹.

Аргументом в пользу вторичности хроники Петра Тудебоды может быть тот факт, что он вслед за дословным воспроизведением отрывка из хроники Анонима дополнительно высказывает уже свои оригинальные суждения о тюрках после описания сражения у Дорилеи: «Что еще можно сказать о благоразумии и мужестве тюрков? Они действительно очень свирепы и носят за плечами

¹³¹⁶ Авторы перевода считают, что существует проблема «адекватного перевода в хронике «Деяния франков» термина “miles”» (Деяния франков и прочих иерусалимцев. С. 116). Они утверждают, что в контексте данной хроники этот термин может быть переведен как «воин» или «конный воин» (Там же. С. 119). На мой взгляд, перевод термина «miles» как «рыцарь» в данном отрывке, повествующем о родстве франков и турок, вполне оправдан.

¹³¹⁷ *Gesta Fracorum*. III, 9, P. 50—51.

¹³¹⁸ Tudebod P. *Historia de Hierosolymitano Itinere* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. 3. P., 1866.

¹³¹⁹ Об этом подробно: Деяния франков и прочих иерусалимцев. С. 102.

колчаны, полные отравленных стрел, от природы они очень воинственны и, как мы говорили выше, похвалялись своим происхождением от франков»¹³²⁰.

Гвиберт Ножанский¹³²¹ при написании своего труда где-то между 1104 и 1108 г.¹³²² «Деяния Бога через франков» «использовал сочинения Анонима, которое он дополнил»¹³²³.

«Конечно, сами франки, которые избежали такой опасности [в битве с тюрками у Дорилеи – В.П.], единодушно согласились, что не существует больше нигде среди людей племя, подобное тюркам: с настолько подвижной душой и деятельным оружием; т.к. они впервые столкнулись с ними на поле битвы и пришли в замешательство от нового для них оружия. Наши ничего не знали о подвижности их конницы, которая удивительно легко уклонялась от наших атак и ударов: в особенности полной неожиданностью была их способность пускать стрелы во время отступления. Они придерживались того мнения, что являлись соплеменниками франков; и среди прочих народов только одним тюркам и франкам принадлежит звание рыцаря»¹³²⁴.

«Человек большой культуры, поэт и историк»¹³²⁵ Бодри Дольский¹³²⁶ переработал отрывок из хроники Анонима: «Мы посмеем сказать, что тюрки были воинственны, ибо душа их была полна отваги не менее, чем хитростью, и неизменно они прибегают к оружию. Зачастую враги несут смерть издалека, т.к. пользуются луком и многими другими военными приспособлениями, которые они пытались применять. Но многое было ими позабыто из того, что можно было использовать в сражении, поскольку прошло много времени с тех пор как умели. Они хвастали, что ведут свою родословную от рода франков, а предки их отступили от христианства. Говорили также, что никто другой от природы не может быть рыцарем, кроме них и франков. Если бы только добровольно вернулись бы к христианству, то тогда могли бы похвалиться своим происхождением от рода франков. Это было бы наилучшим решением,

¹³²⁰ Tudebod P. *Historia*... P. 27—28.

¹³²¹ Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. P., 1869. T. 4. P. 113—221.

¹³²² Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001. С. 32.

¹³²³ Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков / отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспаров. М., 1972. С. 364.

¹³²⁴ Guiberti... P. 162.

¹³²⁵ Лучицкая С.И. Образ другого... С. 33.

¹³²⁶ Baldrici episcopi Dolensis. *Historia Jerosolimitana* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. P., 1869. T. 4.

т.к., несомненно, мужи они изобретательные, хитроумные и воинственные, но, — О горе! — чуждые Богу. Их благородное происхождение оказалось размытым, поскольку они, как говорят, были исключены из числа тех, кто произошел от истинной оливы, которой является Христос»¹³²⁷.

Несмотря на то, что все приведенные выше отрывки различны в деталях описания тюрок, в целом они очень похожи. С большой долей вероятности можно утверждать, что именно хроника Анонима ближе всего находится к первоисточнику, если такой существовал. Для нас имеет значение тот факт, что никто из хронистов не выразил удивление по поводу заявлений тюрок об их общем происхождении с франками. Французский византист и переводчик хроники Анонима Луи Брейе комментирует данный отрывок как «любопытный намек»¹³²⁸ на легенду о троянском происхождении франков и тюрок.

Историк-медиевист С.И. Лучицкая как специалист в области истории средневековых христианских представлений об исламе выражает свое удивление по поводу столь необычного пассажа и объясняет его проявлением особенностей, присущих описанию Другого, миметическим сходством, когда Другой становится тождественным «Я», и граница инаковости нарушается¹³²⁹. «Таким образом, если военные качества мусульман и признаются, то лишь в том случае, когда мусульман преобразуют в христианских рыцарей, обнаруживают общее с ними происхождение и пр., — т.е. «Другого» делают «своим»»¹³³⁰. В то же время нестабильность идентичности христиан компенсируется непоколебимостью религиозного барьера, разделяющего христиан и иноверцев.

С.И. Лучицкая справедливо утверждает, что «хронисты весьма часто с похвалой отзываются о военных доблестях мусульманских воинов» будь то турки-сельджуки Малой Азии, арабы Сицилии или мавры Испании¹³³¹. Но в данном случае из всех мусульманских народов только турки претендуют на кровное родство с франками.

Французский историк А. Боссуа¹³³² считает, что легенда о троянском происхождении европейских народов для современных историков является абсурдом сродни невероятным басням, а для людей той эпохи, для которых

¹³²⁷ Ibid. P. 35—36.

¹³²⁸ Gesta Fracorum. P. 51

¹³²⁹ Лучицкая С.И. Образ другого... С. 213.

¹³³⁰ Там же. С. 214.

¹³³¹ Там же. С. 212.

¹³³² Bossuat A. Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle // Annales de Normandie. T. 8, 1958. P. 187—197.

не было разницы между литературой и историей, являла собой подобие расовой теории и имела силу истины, которая служила делу укрепления национального единства¹³³³.

Легенда о троянском происхождении была очень популярной в Западной Европе с VII по XV в., т.е. на протяжении всего периода средневековья. Своим троянским происхождением похвалялись не только франки, норманны, бретонцы, но и венецианцы, венгры, жители провинции Эно, Фландрии, Брабанта, правящие дома Бургундии и Австрии, города Тур, Мец, Реймс, Женева, Ксантен и многие другие¹³³⁴.

Жак Пусе считает, что легенда о троянском происхождении в Средние века и Новое время была неким пережитком Римской империи, тем не менее представляла собой, прежде всего, активно действующую политическую идеологию, которая менялась на протяжении веков в зависимости от различных целей¹³³⁵.

В некотором смысле легенда о Трое объединяла народы Европы не в реальной истории, но в воображении, исторической фантазии. Но вместе с тем этот мнимый и исторически ложный текст способен был оказывать сильное влияние на реальную историю. В качестве примера Пусе ссылается на войны эпирского царя Пирра с римлянами, в которых легенда о троянском происхождении сыграл большую роль, связанную с сицилийским городом Сегестой, которую якобы основали выходцы из Трои. Говорит Пусе и о большом влиянии этой легенды в средние века на политические и военные отношения Англии и Франции, Шотландии и Франции, между тюрками и Западом, между Венецией и Падуйей и т.д.¹³³⁶

Легенда о троянском происхождении зачастую служила средством легитимации различных политических и идеологических притязаний¹³³⁷. Римляне стремились отмежеваться от эллинистической традиции, возвести свой род к богам и тем самым оправдать претензии на мировое господство¹³³⁸. Норманнские герцоги нуждались в придании легитимности завоеванным ими

¹³³³ Ibid. P. 197.

¹³³⁴ Poucet J. Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance // *Folia Electronica Classica*. 2003. №5 URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (дата обращения: 28.10.2012).

¹³³⁵ Ibid.

¹³³⁶ Poucet J. Les Troyens aux origines des peuples d'Occident, ou les fantasmes de l'Histoire // *Folia Electronica Classica*. 2003. № 5, URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (28.10.2012).

¹³³⁷ Лучицкая С.И. Образ другоро... С. 213.

¹³³⁸ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands // *Annales de Normandie*. T. 26. 1995. P. 402.

территориям¹³³⁹. Правители Бургундии пытались обосновать независимость созданного ими государства¹³⁴⁰.

И.Я. Эльфонд считает, что легенда о троянском происхождении являлась династическим мифом, который возводил основание династии «к временам даже более древним, чем эпоха классической античности». Таким образом, «античная традиция служила облагораживанию династического мифа»¹³⁴¹. Он создавался в интересах правящей династии как «le mythe d'anoblissement par excellence» (миф дворянства по преимуществу)¹³⁴² и оставался таким в сознании современников вплоть до XVI в.

Вместе с тем по мнению М.Е. Грабарь-Пассек, в XI–XII вв. в средневековой литературе наметился интерес не только к историческим и династическим вопросам, но и к событиям самой войны и ее героям: «В трактовке троянского сюжета ясно намечаются две линии: первая носит характер пессимистической оценки судьбы человека, примыкая к ортодоксальному церковному учению о бренности земной жизни, непрочности земной славы и величия. Произведения с этой тенденцией делают упор на трагический исход Троянской войны. Вторая линия связана непосредственно с исторической обстановкой XII и XIII вв. — временем крестовых походов, со стремлением к выходу за пределы узких феодалов, к знакомству с далекими неведомыми странами, к покорению богатого Востока, сулившему и обогащение, и славу»¹³⁴³.

Легенда о Троянской войне в период расцвета рыцарского эпоса и открытие дороги на Восток во время крестовых походов пробуждали интерес к Азии и Византии¹³⁴⁴. В то же время М.Е. Грабарь-Пассек подчеркивает изначально враждебную политическую направленность Троянской легенды по отношению к Византии: «Не только сам Эней, потомки которого основали Рим, остается как бы идеальным прародителем западных королей, но и другие троянские беглецы, Антенор и его потомки, а также сыновья Гектора, число которых в средневековых легендах все увеличивается, становятся любимыми

¹³³⁹ Ibid. P. 401.

¹³⁴⁰ Асейнов Р.М. Политическая мифология и проблема самоопределения Бургундии в XV в. // Средние века. 2002. Вып. 63 (3). URL: <http://www.en.srednieveka.ru/journal/cat/110> (дата обращения: 28.10.2012).

¹³⁴¹ Эльфонд И.Я. Эволюция династического мифа в культуре Франции позднего Средневековья [Электронный ресурс] // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. Режим доступа: <http://Annales.info/evrope/small/dinnmif.htm> (дата обращения: 2.11.2012).

¹³⁴² Poucet J. Les Troyens aux origines des peuples d'Occident, ou les fantasmes de l'Histoire // Folia Electronica Classica. 2003. № 5, URL: <http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/05/anthenor2.html> (дата обращения: 28.10.2012).

¹³⁴³ Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. С. 199.

¹³⁴⁴ Там же. С. 197.

героями. Гомер не только неизвестен в оригинале, но и не пользуется симпатиями – ведь он стоял за греков, и его наследницей представляется западным хронистам и поэтам ненавистная и враждебная Византия. Именно эту крутую перемену политических симпатий надо всегда иметь в виду при изучении средневековых версий Троянской войны»¹³⁴⁵.

Римские историки признавали за некоторыми галльскими племенами право считать себя потомками троянцев. По словам Цезаря, римский сенат «неоднократно именовал эдую братьями по крови»¹³⁴⁶. Корнелий Тацит передает, что эдуи первыми получили право становиться сенаторами, т.к. «они единственные из Галлов именовались братьями Римского народа»¹³⁴⁷. Лукан¹³⁴⁸ и Аполинарий Сидоний¹³⁴⁹ сообщают, что арверны заявляли о своем братском родстве с римлянами по крови и общем происхождении от «илионского народа»¹³⁵⁰. Несмотря на столь очевидные свидетельства римских авторов, ни одно из галльских племен так и не обзавелось собственным мифом о троянском происхождении по примеру римлян.

Источниками создания легенды о троянском происхождении франков послужили две раннесредневековые хроники: составленная в 660 г. «История франков» Фредегара¹³⁵¹ и анонимная хроника «Gesta Regum Francorum»¹³⁵², или «Liber Historiae Francorum», датируемая 727 г. По мнению Ж. Пусе, эти две латинские хроники взаимно дополняют друг друга¹³⁵³.

¹³⁴⁵ Там же. С. 192.

¹³⁴⁶ Caesaris Iuli Commentariorum De Bello Gallico. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/caesar/gall1.shtml> (дата обращения: 2.11.2012). I, 33. «Haeduos, fratres consanguineosque saepe numero a senatu appellatos».

¹³⁴⁷ Tacitus C. Annales ab excessu divi Augusti [Electronic resource]. Oxford, 1906. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0077%3Abook%3D11%3Achapter%3D25> (дата обращения: 2.11.2012). XI, 25. «... soli Gallorum fraternitatis nomen cum populo Romano usurpant».

¹³⁴⁸ Lucanus M.A. Pharsaliae Libri X. [Electronic resource]. Leipzig, 1835. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0133%3Abook%3D1%3Acard%3D396> (дата обращения: 2.11.2012).

¹³⁴⁹ Apollinaris Sidonius. Poems and Letters [Electronic resource]. Vol 1–2. L. ; Cambridge, Massachusetts, 1936. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:2008.01.0549:book=7:poem=7:section=2&highlight=iliaco> (дата обращения: 2.11.2012).

¹³⁵⁰ Lucanus M.A. Pharsaliae. I, 427–428: «Aruernique ausi Latio se fingere fratres // sanguine ab Iliaco populi...»; Apollinaris, Sidonius Poems and Letters. 7.7.1: «Aruerni audebant se quondam fratres Latio dicere et sanguine ab Iliaco populos computare...».

¹³⁵¹ Monod G. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne: La Compilation Dite de Frédégaire. Vol. 10. P., 1885.

¹³⁵² Liber Historiae Francorum / ed. Bruno Krusch // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores Rerum Merovingicarum, II. Hannover, 1888. P. 215–328.

¹³⁵³ Poucet J. Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance.

Из известных нам средневековых авторов Фредегар первый называет Трою родиной франков, а Приама — «первым франкским королем»¹³⁵⁴: «Потом, как написано в исторических книгах, их королем был Фрига. После этого они разделились на две части: одна отправилась в Македонию и стала называть себя македонянами — по имени того народа, который принял их к себе. Когда они, соединившись с этим народом, умножились, из их имени произошли позднейшие македоняне, очень храбрые воины. Ведь и впоследствии, во времена Филифа и его сына Александра, молва об их храбрости подтвердилась. Другую их часть, вышедшую из Фригии, заманил в ловушку Одиссей, но не поймал их, а только изгнал, и они с женами и детьми странствовали по многим местам и избрали себе короля по имени Франкион, от его имени они и были названы франками. Франкион был очень храбр и воевал со многими народами, опустошил часть Азии, перешел в Европу и поселился между Рейном и Дунаем. После смерти Франкиона, т.к. они сильно уменьшились в числе, они выбрали из своей среды герцогов. Однако они оставались независимыми и долго жили под началом герцогов до времени консула Помпега, который воевал с ними и с другими германскими племенами, и подчинил их римлянам. Но франки сейчас же вступили в союз с саксами, восстали против Помпега и отказались ему подчиняться. Помпег умер, сражаясь в Испании со множеством племен. С того времени и до сего дня ни один народ не мог победить франков. Так же, как македоняне, принадлежавшие к тому же племени, они, несмотря на многие тяжкие войны, всегда старались быть свободными и не подчиняться чужому владычеству...»¹³⁵⁵.

«*Liber Historiae Francorum*» более подробно повествует о троянском происхождении франков: «Но другие правители, бывшие в этом городе, Приам и Антенор, взяв с собой оставшуюся часть троянского войска, с двенадцатью тысячами человек поднялись на корабли и прибыли к устью реки Танаис. Потом они попали в болота Меотиды и достигли Паннонии, лежащей недалеко от Меотийских болот. Здесь они остановились, построили город и назвали его Сикамбрией. Они долго оставались там и стали великим народом»¹³⁵⁶.

В это время против римского императора Валентиниана восстало «злое племя аланов»¹³⁵⁷, которое римлянам удалось разбить, но часть племени бежа-

¹³⁵⁴ Monod G. *Études critiques*. I. IV. P. 35: «Exinde origo Francorum fuit, Priamo primo régi habuerunt».

¹³⁵⁵ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 193; Monod G. *Études critiques*. I. IV—VI. P. 35—36.

¹³⁵⁶ *Liber Historiae Francorum*. P. 241—242.

¹³⁵⁷ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 194.

ла за Дунай и скрылась в Меотийских болотах. Римский император призвал выгнать оттуда «этот злобный народ»: «троянцы собрались вместе, тайком подстерегли аланов – на это они были мастера – и изрубили их. Тогда император Валентиниан назвал их франками – это слово аттическое, в переводе оно означает «дикие» – за твердость и исключительную храбрость духа»¹³⁵⁸.

После этого Валентиниан отправил к «троянцам» сборщиков податей, которых франки подстерегли и убили, чтобы окончательно освободиться от римлян. В ответ на это разгневанный Валентиниан отправил войско против «троянцев», в битве с которым франки потерпели поражение и погиб их вождь Приам. «Они ушли из Сикамбрии, достигли крайних пределов Рейна и германских областей, поселились там со своими князьями Маркомиром, сыном Приама, и Сунно, сыном Антенора, и жили там долго. После смерти Сунно они решили избрать себе короля, как было принято у других народов. Они избрали Фарамунда, сына Маркомира»¹³⁵⁹.

Для нас приведенные выше латинские хроники представляют интерес не только как первоисточники возникновения легенд о троянском происхождении франков и других европейских народов, но и как первое упоминание в латинской традиции о троянском происхождении тюрок.

Фредегар не только повествует о разделении «троянцев» на македонцев и франков, но и говорит о некоем третьем народе: «Молва утверждает, что третьим по счету того же происхождения было племя торков. Когда продвигавшиеся со множеством сражений франки переправились из Азии в Европу и собрались идти вверх по берегу Дуная (река между Океаном и Тракией), часть из них предпочла остаться и выбрала себе короля по имени Торкот, по этой причине племя получило название тюрок»¹³⁶⁰.

Насколько серьезно можно относиться к сообщению Фредегара о тюрках? Хроника Фредегара по большей части является компиляцией из работ более ранних авторов, в которой различают несколько наслоений¹³⁶¹.

Английский ученый Рансимен¹³⁶² с большим предубеждением относится к авторству Фредегара, тем не менее сведения самой хроники о троянском

¹³⁵⁸ Liber Historiae Francorum. P. 243.

¹³⁵⁹ Цит. по: Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 195; Liber Historiae Francorum. P. 244.

¹³⁶⁰ Monod G. Études critiques. I. IV. P. 36.

¹³⁶¹ Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. С. 192.

¹³⁶² Runciman S. Teucri and Turci // Medieval And Middle Eastern Studies: In Honor of Aziz Suryal Atiya. Leiden, 1972. P. 344–348.

происхождении тюрок Анатолии он не считает фальшивкой, интерполяцией или заблуждением. Более того, Рансимен предполагает, что на Западе было известно о некоем турецком посольстве, которое прибыло в Константинополь в 586 г.¹³⁶³ По его мнению, тюрки-сельджуки могли узнать о троянской легенде до Первого крестового похода от викингов-скандинавов, которые сохраняли в своей устной традиции предания о троянском происхождении. В XIII в. эта устная традиция нашла отражение в Младшей Эдде: «Из первых глав мы узнаем, что у Юпитера был сын, Дарданус, который стал основателем Трои. Приам был его наследником в пятом поколении; и после падения Трои часть троянцев отправилась на Восток. Через двадцать поколений после Приама их вождем стал Водин или Один, который жил с женой Фригидой, или Фригг в «*Tyrkland*». Они решили эмигрировать и отправились в Ютландию, где Один основал город-государство, в котором сохранились некоторые институты, существовавшие в Трое и к которым «*tyrks*» привыкли. Во главе с его наследниками это государство расширилось; и со временем троянский язык стал языком Норвегии, Дании, Саксонии и Англии. Скорее всего, это Северное королевство, имевшее трояно-турецкое происхождение, находилось в Исландии»¹³⁶⁴.

Таким образом, скандинавы из Исландии, которые служили в варяжском корпусе при дворе византийских императоров, находились под командованием норманнских авантюристов в Малой Азии, направлялись в паломничество в Иерусалим, участвовали в Манцикертском сражении и попадали в турецкий плен. Одним словом, связи скандинавов с тюрками-сельджуками могут объяснить, почему последние, по словам хронистов первого крестового похода, «утверждали» и «хвастались» своим троянским происхождением¹³⁶⁵.

Идеи Рансимена относительно троянского происхождения тюрок-сельджуков очень интересны и оригинальны, хотя они не столько проясняют поставленные ранее вопросы, сколько ставят перед исследователем новые. Безусловно, трудно объяснить столь ранние свидетельства о существовании тюрок в западной традиции.

Непонятно, почему Рансимен пренебрегает литературной традицией, существовавшей в Западной Европе, в пользу скандинавского эпоса, существовавшего в форме устных сказаний. До сих пор Младшая Эдда остается крайне

¹³⁶³ Ibid. P. 346.

¹³⁶⁴ Ibid. P. 347.

¹³⁶⁵ Ibid.

сложным для изучения и противоречивым источником. Кроме этого, легенда о троянском происхождении франков возникла на несколько столетий раньше первых попыток записать предания скандинавов.

Логичнее было бы предположить, что тюрки-сельджуки могли узнать о Троянской легенде не от скандинавов, а от норманнов, которые не только приобщились к культуре Западной Европы в Нормандии, но и сохранили память о своем скандинавском происхождении. Вместе с тем почти синхронно с тюрками-сельджуками норманны появляются на территории Византии, а с середины XI в. начинают активно проникать в Малую Азию в качестве наемников византийских императоров.

Очевидно, что традиция троянской легенды не только не угасала в Западной Европе, но только набирала обороты вплоть до XVI в. Благодаря норманнским хронистам она расцветает в Нормандии в XI–XII вв.

Основатель норманнской историографической традиции, хронист франко-норманнского происхождения Дудо из Сен-Кантена между 1015 и 1025 г. пишет историю первых норманнских правителей, чтобы облагородить происхождение тех, кого еще не так давно именовали «пиратами»¹³⁶⁶. «Даки, прозванные так от данаев или данов, похвалялись своим происхождением от Антенора, который, после разрушения Трои, ускользнул из гущи ахейцев и достиг берегов Иллирии вместе со своими соратниками. Эти же Даки, как известно, изгнанные из своей земли, во главе с вождем Гастингсом со временем заволокли и свирепо стали захватывать Францию»¹³⁶⁷.

Дудо удалось невозможное: пользуясь игрой слов, фонетическим сходством первого слога, он объединяет в одно целое датчан из Скандинавии (*dani*), данайцев из эпоса Гомера (*danaï*) и даков из Иллирии (*daci*). Пьер Буэ¹³⁶⁸ считает, что в данном случае Дудо под влиянием хроники Фредегара и «*Liber Historiae Francorum*» «творчески» переработал текст «Энеиды» Вергилия о странствии Антенора: перенес место высадки троянцев из долины реки По (где находился «залив Иллирии»¹³⁶⁹, по Вергилию) на Дунай в Дакию, тем самым произвел «данов» от «даков», нисколько не смущаясь тем, что «данайцы» Вергилия были «греками»¹³⁷⁰. Эта модель троянского происхождения

¹³⁶⁶ Dudonis Sancti Qvintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum. Caen, 1865. P. 130.

¹³⁶⁷ Ibid. P. 130.

¹³⁶⁸ Bouet P. Dudon de Saint-Quentin et Virgile: l'« Énéide » au service de la cause normande // *Annales de Normandie*. T. 23. 1990. P. 215—236.

¹³⁶⁹ Современный «Венецианский» залив.

¹³⁷⁰ Bouet P. Dudon. P. 228.

норманнов в дальнейшем применялась многими средневековыми авторами для создания новых генеалогий, в том числе Саксоном Грамматиком, который выводил датчан (данов) от «данайцев», ссылаясь при этом на хронику Дудо¹³⁷¹.

Продолжатель Дудо Вильгельм Жюмьежский¹³⁷² подошел к вопросу происхождения норманнов более основательно с исторической точки зрения. В 1070 г. он закончил работу над своей хроникой, в которой дополнил данные Дудо, взятые из «Энеиды» Вергилия и «Liber Historiae Francorum». Вильгельм был уверен, что норманны, или «dani», произошли от готов из Сканзы¹³⁷³. Он выводит происхождение «троянцев» от библейского Ноя через его сына Яфета, от которого произошло мифическое племя «магогов», которые путем этимологических ухищрений, благодаря иллюзорному этимологическому сходству, становятся «готами из Сканзы». Модель превращения «магогов» в «готов» Вильгельм позаимствовал у Исидора Севильского¹³⁷⁴, а саму идею происхождения норманнов от готов, по всей видимости, взял из «Гетики» Иордана¹³⁷⁵.

«Готы из Сканзы» (Скандинавии) во главе со своим королем Беригом (Berig) первоначально отправились в Германию, затем в болота Меотиды, а после этого заняли Дакию (Datia), которая также была известна как Данмарка (Danamarcam). Таким образом, Вильгельм вернулся к предложенной Дудо версии и поставил знак равенства между «dani» и «daci». Вильгельм считал, что и «троянцы» произошли от «готов», поэтому он создает вторую генеалогическую линию, в соответствии с которой после падения Трои «две тысячи рыцарей и пятьсот мужей»¹³⁷⁶ во главе с Антенором отправились в Германию, а затем в Дакию (Datia), которую они переименовали в Данмарку (Danamarcam) по имени своего короля Даная¹³⁷⁷.

Ордерик Виталий предложил свой вариант происхождения норманнов от троянцев: «По своему происхождению троянцы, как говорят, берут начало от отважного племени скифов. После разграбления Трои фригиец Антенор добрался до Иллирии, где долгое время скитался вместе с товарищами по изгнанию в поисках места для поселения. В результате он поселился на берегу океана на севере и стал владеть прибрежными землями вместе со своими

¹³⁷¹ Poucet J. Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance.

¹³⁷² Guillaume de Jumege. Gesta Normannorum ducum / ed. J. Marx. Rouen, P., 1914.

¹³⁷³ Ibid. I. 4.

¹³⁷⁴ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands. P. 407.

¹³⁷⁵ Ibid. P. 408.

¹³⁷⁶ Guillaume de Jumege. Gesta. I. 4.

¹³⁷⁷ Ibid.

соратниками и потомками. От его сына Дана этот народ, происходивший от троянцев, стал называться данами. Они изначально были жестокими и воинственными людьми и управлялись сильными королями, но они отвергали веру в Христа очень долгое время»¹³⁷⁸.

По мнению П. Буэ, Ордерiku удалось весьма оригинальным образом объединить версии троянского происхождения норманнов Дудо и Вильгельма Жюмьежского: троянцы происходят от скифов/готов, Антенор приводит их Иллирию, откуда они мигрируют на север в Германию/Дакию и там становятся данами/данайцами¹³⁷⁹. В основе идентификации норманнов-троянцев-скифов лежит воинственный, отважный дух этих племен, который Ордерик, в отличие от своих предшественников, рассматривает как дефект их характера.

Легенда о троянском происхождении данов и норманнов в той или иной из приведенных выше вариаций находит свое отражение в трудах многих норманнских и англо-норманнских хронистов XII в.: Вильгельма Малмсьберрийского, Роберта из Торины, Генриха Хантингтонского (ум. 1160), Жерве Кентерберрийского (ум. 1210), в национальном эпосе Нормандии «Романе о Роллоне» поэта Васа и в «Романе о Трое» Бенуа де Сен-Мора.

В одной из дошедших до нас редакций «Истории деяний в заморских землях» Вильгельм Тирский говорит о троянском происхождении тюрок-сельджуков: «С самого начала племя тюрок или туркоманов (ибо оба они происходят от одного рода) было северным. Как они сами утверждают, и это содержится в наших хрониках, что они были названы по имени их вождя Турка, который после падения Трои вывел их в области Гипербореи, где они отказались от использования оружия и бродили в заботе о стадах овец и рогатого скота. Племя совершенно нецивилизованное, не имевшее постоянного местопребывания»¹³⁸⁰.

Французский хронист Ригор (1150–1209) в соответствии с канонической версией Фредегара и «*Liber Historiae Francorum*» считает, что после разрушения Трои Франсион и Турк отправились во Фракию, где какое-то время жили на берегах Дуная. «Но после некоторого времени Турк со своими людьми, отделившись от своего кровного родственника Франциона, перебрался в нижнюю Скифию и правил там. От него ведут свое происхождение

¹³⁷⁸ Orderici Vitalis. IX. 4. P. 654—655.

¹³⁷⁹ Bouet P. De l'origine troyenne des Normands. P. 409.

¹³⁸⁰ Цит по: Lushchenko M. L'image de l'Asie Mineure et des Turcs dans les textes narratifs du Moyen Âge français (XIIe — milieu du XVe siècle). Vancouver, 2011. P. 107.

остроготы, ипоготы, вандалы и норманны»¹³⁸¹. По всей видимости, Ригор не хотел сказать, что тюрки являлись предками норманнов и что в данном случае произошла накладка при переписывании старой легенды на новый лад.

Альберт из Любека, который в 1172 г. сопровождал герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва во время его паломничества в Иерусалим, говорит о приеме, оказанном им в Малой Азии сельджуком султаном Кылыч Арсланом II: «И так они прошли к городу, который на языке тюрков называется Ракилей, на нашем языке Эраклия... Герцог же, придя туда, был великолепно принят тюрками и затем был проведен до Аксарата, где его встретил с величайшей радостью султан, обнимая и целуя его, говоря, что он его родственник. И когда герцог спросил, в каком они состоят родстве, тот ответил: “Некая благородная госпожа из немецкой земли вышла замуж за короля руменов, который родил от нее дочь, она же прибыла в нашу страну и от нее происхожу я”»¹³⁸².

В то же время итало-норманнские хронисты второй половины XI в.: Готфрид Малатерра¹³⁸³, Амато из Монтекассино¹³⁸⁴, Вильгельм Апулийский¹³⁸⁵, которые столь ярко и подробно описали деяния сыновей Танкреда Готвильского, не потрудились даже намекнуть на троянское происхождение и тем самым придать блеск власти новых сеньоров Южной Италии и Сицилии. По всей видимости, политические и идеологические амбиции норманнских завоевателей в этом регионе Средиземноморья не требовали подобной формы легитимации. Легенда о троянском происхождении франков по своей сути была направлена против признания власти римского папы¹³⁸⁶. Южноиталийские норманны являлись вассалами римских пап, поддержка которых в немалой степени способствовала их успешной легитимации.

¹³⁸¹ Ригор. Деяния Филиппа-Августа. Избранные фрагменты // Кентавр. *Studia classica et mediaevalia*. 2008. № 4. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Rigord/frameset2.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

¹³⁸² Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия, середина XII — середина XIII в. / Составление, пер. и коммент. М.Б. Свердлова. М., 1990. С. 362.

¹³⁸³ Malaterra G. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Bologna, 1928. T. 5.

¹³⁸⁴ Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino*, ed. V. de Bartholomeis. Roma, 1935.

¹³⁸⁵ Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscard* / ed., tr., comm. et intr. par M. Mathieu. Palermo, 1961.

¹³⁸⁶ Ж. Пузе со ссылкой на Вателе (P. Wathelet) говорит о том, что легенда о троянском происхождении франков возникла против власти папы или императора, поскольку франки никогда не были под игом римлян и в политическом отношении не принадлежат Риму (Poucet J. *Le Mythe de l'origine troyenne au Moyen Âge et à la Renaissance*).

У норманнов из Южной Италии не было необходимости подтверждать свою принадлежность к французской нации путем внедрения легенды о троянском происхождении в сознание своих поданных, т.к. в своих владениях они были вассалами папы, а не французских королей. В вопросе национальной самоидентификации они сохраняли традицию, берущую начало от Вильгельма Жюмьежского¹³⁸⁷, и расшифровывали термин «норманны» как «люди, пришедшие с Севера»¹³⁸⁸, а точнее, из Норвегии¹³⁸⁹.

В хрониках норманнских авторов Первого крестового похода мы также не наблюдаем случаев использования легенды о троянском происхождении, за исключением приведенного выше отрывка у Анонима об общем происхождении франков и тюрок. Вместе с тем Робер де Клари после взятия Константинополя в 1204 г. франками и венецианцами трактует это событие как месть грекам за их преступления против троянцев.

Сообщение Робера может представлять интерес как иллюстрация того, откуда другие народы, в частности тюрки-сельджуки, могли узнать о троянской легенде. Робер рассказывает о вторжении на земли латинской империи «влахов и куманов», которые пожелали для ведения переговоров встретиться с предводителем франков Пьером де Брешелем: «Тогда мессир Пьер отправился туда, прихватив трех рыцарей; и он оседлал большого коня; и когда он появился вблизи войска влахов и Иоанн Влашский узнал, что он приехал, то отправился ему навстречу, а вместе с ним знатные люди Влахии; и тогда они приветствовали его и устроили ему добрый прием, и потом они с большим удивлением глядели на него, т.к. он был очень высоким, и они говорили с ним о том и о сем и наконец сказали ему: «Сеньор, мы очень дивимся вашей доброй коннице, и мы очень изумлены тем, что вы ищете добычу в этой стране, вы, который сами из столь далекой земли, и тем, что вы явились сюда завоевывать новую землю». «Разве у вас нет земель в вашей стране, — сказали они, — с которых вы можете прокормиться?» И мессир Пьер ответил им: «Ола-ла! — сказал он, — неужто вы

¹³⁸⁷ Guillaume de Jumege. Gesta. I. 4: «Nortmanni autem dicuntur, quia lingua eorum Boreas North uocatur, homo uero man; inde Northmanni, id est homines boreales per denominationem nuncupantur».

¹³⁸⁸ Malaterra. I. 3. P. 8: «Et quia ipsi ab aquiline venerant, Normanni dicti...»; Amatus. I. 1. P. 9—10: «laquel gent premerement habiterent en une ysulle qui se clamoit «Nora»; et pour ce furent clamez «Normanb», autresicomme «home de Nore». «Man» est à dire, en langue thodesche, «home»»; Guil. Apul. I. 6—10: «Hos quand ventus, quem lingua soli genialis nort vocat, advexit boreas regionis ad oras, a qua digressi fines petiere Latinos, et man est apud hos, homo quod perhibetur apud nos; Normanni dicuntur, id est homines boreales».

¹³⁸⁹ Малаатерра считает, что основатель Нормандии герцог Ролло был родом из Норвегии (Malaterra. Op. cit. I. 1. P. 8: «ex Norveja»).

не слышали, как была разрушена великая Троя и из какой башни?». «Ну, как же! Конечно, – сказали влахи и куманы, – мы хорошо наслышаны об этом, но это было так давно». «Разумеется, – сказал мессир Пьер, – но Троя принадлежала нашим предкам, а те из них, кто уцелел, они пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и т.к. Троя принадлежала нашим предкам, то мы поэтому и прибыли сюда, чтобы завоевать землю»¹³⁹⁰.

Можно предположить, что норманнские предводители при первых контактах с тюрками в Малой Азии могли воспользоваться троянской легендой для достижения своих личных целей. В то время, когда Жерве Франкопулос, Роберт Криспин, Руссель де Баллиоль устраивали мятежи в Малой Азии, они остро нуждались в легитимации собственных политических устремлений. Антивизантийская направленность текста позволяла сплотить различных врагов империи в Малой Азии: местных сепаратистов и тюрков-сельджуков. Первых можно было привлечь «малоазийским» происхождением «франков», а вторых – легендой о троянском происхождении франков и тюрков.

Политическую подоплеку троянской легенды для Малой Азии отмечал С. Рансимен. Так, восхищение норманнов военным мастерством тюркских лучников он объясняет тем, что крестоносцы считали византийские «научные методы ведения войны упадническими» на фоне примитивного военного искусства кочевников¹³⁹¹. А легенда об общем происхождении норманнов и тюрков-сельджуков от троянцев базируется «более на общем соперничестве с греками, чем на каком-либо этнологическом основании»¹³⁹².

Вследствие крестовых походов и в связи с ростом интереса к Востоку в конце XII в. появляются первые рассказы о происхождении «тюрков», не имеющие ничего общего с бытовавшей на Западе традицией. Архиепископ Тирский Вильгельм¹³⁹³ между 1170 и 1185 гг. пишет «Историю деяний в заморских землях», в которой целую главу посвящает племени тюрков, или туркоманов (*turcorum, seu turcomannorum*)¹³⁹⁴. Для Вильгельма это один народ, с той только разницей, что под первыми он понимает тюрков-сельджуков, а под другими – племена оставшихся верными кочевому укладу

¹³⁹⁰ Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 75.

¹³⁹¹ Runsimen S. A history of the crusades: The First Crusade and the foundation of the kingdom of Jerusalem. New York, 1995. Vol. I. P. 157.

¹³⁹² Ibid.

¹³⁹³ Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. P., 1855. T. 201.

¹³⁹⁴ Ibid. P. 220.

жизни¹³⁹⁵. Вильгельм подробно повествует о происхождении туркоманов и излагает события, начиная с переселения тюрок в Персию и избрания ими правителя по имени Сельджук.

Сила традиции, опиравшейся на авторитет Фредегара, была так велика, что вера в троянское происхождение тюрок оставалась непререкаемой в Западной Европе. Винсент из Бове¹³⁹⁶ (1190–1264) является автором гигантской по объему и универсальной по содержанию энциклопедии «Великое зеркало», которая была переведена на множество языков и пользовалась большим влиянием и авторитетом на протяжении нескольких столетий. В части «Историческое зеркало», в котором систематически изложены знания по истории, Винсент пишет: «После ее (Трои – В.П.) разрушения, великое множество беглецов разделилось на два народа, одни последовали за Франконом, внуком короля Трои Приама, сыном Гектора, а другие за Турком, сыном Троила сына Приама. Вследствие этого и по сей день эти два народа называются франками и тюрками»¹³⁹⁷.

¹³⁹⁵ Ibid. P. 222.

¹³⁹⁶ Vincent de Beauvais. *Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi*. Duaci, 1624. T. 4.

¹³⁹⁷ Vincent de Beauvais. *Op. cit.* II. 66. P. 68.

5.3. БОЭМУНД В НИКСАРЕ¹³⁹⁸ (1100–1103 гг.)

Вопрос пребывания Боэмунда в плену у тюркского эмира Сиваса Гюмюштекина ибн Данышменда¹³⁹⁹ является недостаточно изученным в историографии. Нельзя сказать, что данному событию не придавалось какого-либо значения, т.к. историков крестовых походов в большей степени интересовали события, происходившие на Ближнем Востоке в отсутствие правителя Антиохии. Этому взгляду

¹³⁹⁸ Никсар (Niksar) первоначально именовался Кабирой (Κάβειρα) и был столицей понтийского царства Митридата Великого. В I в. до н. э. Помпей Великий переименовал город в Диосполь (Διοσπόλις). В эпоху Августа город стал называться Севастия (Σεβαστή), а с установлением Византийской империи город получил название Неокесария (Νεοκαισάρεια). Город имеет не только богатую историю, но и расположен в чрезвычайно плодородном регионе в самом центре малоазийской провинции Понт. Со времен Митридата Понтийского Неокесария и ее округа славилась изобилием зерна, оливкового масла, вином, в ней находился царский дворец, шахты, водяные мельницы, зоологические сады и охотничьи угодья. В Неокесарии начиналась дорога на север через горы к Черному морю, на юг шел торговый путь в Куману Понтику, а с запада на восток проходила военная дорога до долины реки Сатла. Но при столь значительных экономических и географических факторах сам регион Неокесарии в масштабах Малой Азии был тихим и процветающим захолустьем, т. к. располагался равно далеко от побережья Понта и от главных торговых путей Анатолии. Главное достоинство данного региона состояло в его стратегическом положении, которое давало ключ ко всему Понту во времена завоеваний римлян и тюрок-сельджуков, и вместе с тем предоставляло надежную защиту от внешних вторжений. Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. Washington, 1985. Vol. I. P. 107.

¹³⁹⁹ На текущий момент в исторической науке нет единого мнения относительно имени, титула, происхождения этого правителя. Все, что о нем известно, базируется на крайне противоречивых данных источников. По этой причине вопросы, связанные с ранней историей династии Данышмендидов, остаются открытыми. Mordtmann A.D. *Die Dynastie der Danischmende* // *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. Leipzig, 1876. Bd. XXX. P. 467—486; Mélikoff I. *La geste de Melik Dânişmend. Étude critique du Dânişmendnâme* // *Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul*, 10—11. Vol. II. P., 1960; Oikonomidès N. *Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium* // *Revue numismatique*. Année 1983. 6e série. T. 25. P. 189—207; Босворт К.Э. *Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии*. М., 1971.

Вероятно, что в данном случае речь идет о сыне прославленного в «Данышмендنامه» завоевателя Анатолии и основателя династии Данышменда Ахмед Гази (1071—1084), Гюмюштекине Ибн Данышменде Гази (1084—1104). Demir M. *Danişmendli Emâretî'nin Kurucuları* // *Sakarya Üniversitesi Fen Edebiyat Dergisi*. Sakarya, 2008. Cilt 10. Sayı 1. P. 141—149; Cahen C. *La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle)* // *Byzantion*. 1948. T. 18. P. 46—47.

в немалой степени способствовали латинские хронисты, которые были немногословными или недостоверными при описании перипетий, связанных с пленом вождя Первого крестового похода. То же можно сказать о византийских¹⁴⁰⁰, арабоязычных, сирийских и армяноязычных историках. В то же время Боэмунд провел три года своей жизни на севере Малой Азии. Это составило почти половину из того времени, которое он пробыл на Востоке с 1097 по 1104 г.

Летом 1100 г.¹⁴⁰¹ Боэмунд был занят расширением границ приобретенного за год до этого Антиохийского княжества, когда получил сообщение от армянского правителя малоазийского города Мелитены Гавриила с предложением сдать ему город. В это время Мелитену осаждал тюркский эмир Сиваса Гююштекин ибн Данышменд. Боэмунд не преминул воспользоваться предложением Гавриила и отправился на север в сопровождении своего племянника Ричарда Салернского, небольшого количества рыцарей¹⁴⁰² и армянских союзников¹⁴⁰³.

По дороге в Мелитену Боэмунд совершенно неожиданно для себя попал в засаду, устроенную Гююштекином¹⁴⁰⁴. В этой жестокой схватке удалось уцелеть немногим из тех, кто сражался или искал спасение в бегстве¹⁴⁰⁵. Гююштекин пощадил Боэмунда, Ричарда Салернского и «других не менее знатных и сильнейших мужей»¹⁴⁰⁶, заковал в кандалы и увел с собой в Никсар¹⁴⁰⁷.

¹⁴⁰⁰ Ф.И. Успенский высказал предположение, что византийский историк Анна Комнина умышленно умалчивала «... о многом, что касается дипломатических сношений византийского правительства, вызванных пленом Боэмунда» (Успенский Ф.И. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. 1879. Т. XI. С. 249).

¹⁴⁰¹ Yewdale R.B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1917. P. 92.

¹⁴⁰² По данным Альберта Ахенского, у Боэмунда было триста всадников (Alberti Aquensis Chronicon Hierosolymitanum de Bello Sacro // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Tome quatrième. P., 1869. P. 524). Фульхерий Шартрский утверждает, что Боэмунд шел на Мелитену «с небольшим войском» (cum pauca gente) (Fulcheri Carnotensis Historia Hierosolymitana: 1095—1127. Heidelberg, 1913. P. 345—346). Ибн ал-Асир считает, что Боэмунда сопровождало войско в пять тысяч человек (Gabrieli F. Arab Historians of the Crusades. L., 2009. P. 36).

¹⁴⁰³ Matthew of Edessa. P. 177.

¹⁴⁰⁴ Матфей Эдесский сообщает, что норманны оказались совершенно безоружны перед лицом врага. «Их войска отложили оружие и шли одетые, подобно женщинам, сопровождающим похоронную процессию, ибо они отдали свое военное снаряжение слугам, чтобы те несли его. Кроме этого, эти воины, лишенные оружия допустили возможность стать пленниками» (Matthew of Edessa. P. 176—177).

¹⁴⁰⁵ Fulcheri Carnotensis. P. 346—347, Alberti Aquensis. P. 524.

¹⁴⁰⁶ Orderici Vitalis. P. 775. По всей видимости, здесь речь идет о норманнских рыцарях, сопровождавших Боэмунда.

¹⁴⁰⁷ Matthew of Edessa. P. 177; Historia Ierosolimitana. P. 524.

В нашем распоряжении имеются три источника, повествующих о годах, проведенных Боэмундом в плену: хроника Альберта Ахенского, которая создавалась между 1120 и 1130 г.¹⁴⁰⁸; агиографический текст, посвященный чудесам святого Леонарда Лиможского¹⁴⁰⁹, записанный где-то между 1106 и 1111 г.¹⁴¹⁰; и X книга «Церковной истории» Ордерики Виталия, написанная в 1135 г.¹⁴¹¹ Как видно, все они датируются практически одним временем.

Вопрос авторства никогда не становился предметом специальных дискуссий ни в случае с Альбертом Ахенским¹⁴¹², ни с Ордерики Виталием. Авторство агиографического текста приписывается Валерану – епископу Саксонского города Наумбурга (1091–1111)¹⁴¹³. Очевидно, что никто из перечисленных авторов не покидал пределы Западной Европы.

Происхождение всех этих историй довольно туманно, но, по мнению исследователей, их корни следует искать на Востоке, а точнее, в Сирии, где устные предания о пленении Боэмунда стали частью «Les Chétifs» («Пленники») – «chanson de geste» из эпического цикла крестоносцев¹⁴¹⁴. Не вызывает сомнения, что Альберт Ахенский использовал Les Chétifs и другие chansons de geste при написании своей «Истории»¹⁴¹⁵. То же с большой долей уверенности можно сказать в отношении Ордерики Виталия и Валерана.

Начало устной традиции мог положить сам Боэмунд с товарищами, который зимой 1106 г. предпринял паломничество по Западной Европе, в ходе которого он был желанным гостем во многих замках, городах и святых местах¹⁴¹⁶. Ордерики сообщает, что когда Боэмунд отправился в святилище святого Леонарда в Лиможе, он «... путешествуя через города и замки Галии, был с почетом принят равно клиром и народом, поведал о различных событиях,

¹⁴⁰⁸ Historia Ierosolimitana. P. xxv.

¹⁴⁰⁹ Scriptum Galeranni episcopi de miraculo Boimundi // Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquiorum saeculo XVI qui asservantur in bibliotheca nationali parisiensi, ediderunt hagiographi Bollandiani. t. II Bruxellis, 1890.

¹⁴¹⁰ Poncelet A. Boémond et S. Léonard // Analecta Bollandiana. 1912. Vol. 31. P. 32.

¹⁴¹¹ Ibid. P. 29.

¹⁴¹² Historia Ierosolimitana. P. xxiii—xxiv.

¹⁴¹³ Poncelet Albert. Boémond et S. Léonard. P. 31—32. Евдейл высказывает сомнение в авторстве Валерана, но, в отличие от Понселе, не выдвигает никаких контраргументов (Yewdale R.B. Bohemond. P. 98).

¹⁴¹⁴ Warren F.M. The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital and the French Epic // Publications of the Modern Language Association of America. 1914. Vol. 29. P. 347; Holmes U.T., McLeod Jr. W.M. Source Problems of the Chétifs, a Crusade Chanson de Geste // Romanic Review. 1937. Vol. 28. № 2. P. 104—105.

¹⁴¹⁵ Albert of Aachen: Historia Ierosolimitana. P. xxvi—xxvii.

¹⁴¹⁶ Warren F.M. The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital... P. 355.

в которых лично участвовал»¹⁴¹⁷. Также будучи в Шартре, стоя перед большим количеством знати, собравшейся послушать его в кафедральном соборе города, «поведал о своих делах и свершениях»¹⁴¹⁸.

Весной того же года Ордерик посетил земли, расположенные севернее Луары, по которым странствовал правитель Антиохии¹⁴¹⁹. Примерно в это же время там мог находиться и Валеран, который взял на себя труд поведать о чудесном освобождении Боэмунда в благодарность за гостеприимство клириков из святилища святого Леонарда¹⁴²⁰. Поэтому Ордерик и Валеран могли услышать историю плена если не из уст самого Боэмунда, то наверняка от людей, которые лично его слышали.

Версия пленения Боэмунда, изложенная у Альберта Ахенского, выглядит наиболее правдоподобной, т.е. начисто лишённой вымысла и наиболее логичной. Он сообщает, что прежде чем отправиться в Никсар с пленённым Боэмундом Данышменд, или «Dopimanus», «...с великим триумфом, захваченной добычей и отрубленными головами»¹⁴²¹ явился к Мелитене, чтобы потребовать сдачи города от Гавриила. Последний отказал, ссылаясь на то, что пока Балдуин граф Эдессы жив и здоров, он город не сдаст. В ответ «великолепный правитель тюрок»¹⁴²² посоветовал сильно не полагаться на графа Эдесского и пообещал, что скоро завладеет Балдуином также, как и Боэмундом¹⁴²³. Во время этих переговоров, Боэмунд скрытно от «тюрок» через некоего «сирийца», передал Балдуину прядь своих волос «как знак своего пленения и горя»¹⁴²⁴. Этим знаком Боэмунд давал знать, чтобы тот поспешил к нему на выручку и вырвал бы его из рук тюрок, пока те не увели его «в свои неизвестные и варварские земли»¹⁴²⁵. Альберт добавляет, что Данышменд был рад, что захватил Боэмунда, «знаменитейшего правителя и главу христиан»¹⁴²⁶ и очень боялся, что христиане смогут отнять его силой или хитростью¹⁴²⁷.

¹⁴¹⁷ Orderici Vitalis. XI, 9. P. 808.

¹⁴¹⁸ Ibid. P. 809.

¹⁴¹⁹ Ibid. P. 810.

¹⁴²⁰ Poncelet A. Boémond et S. Léonard. P. 33.

¹⁴²¹ Alberti Aquensis Chronicon. VII, 28. P. 525.

¹⁴²² Ibid.

¹⁴²³ Ibid.

¹⁴²⁴ Ibid.

¹⁴²⁵ Ibid. VII, 29. P. 525.

¹⁴²⁶ Ibid.

¹⁴²⁷ Ibid.

Балдуин преследовал Данышменда три дня, но, сомневаясь в верности «ложных христиан»¹⁴²⁸, опасаясь вражеских засад и имея недостаток в рыцарях, повернул к Мелитене¹⁴²⁹.

В девятой книге Альберт подробно рассказывает о пребывании Боэмунда в плену¹⁴³⁰. Византийский император Алексей Комнин, который «всегда подозревал Боэмунда в стремлении лишить его власти»¹⁴³¹, часто отправлял посланников с письмами к Данышмendu с предложением отдать ему Боэмунда за двести шестьдесят тысяч золотых монет, «желая обречь того или на вечную ссылку, или подвергнуть непрерывным мукам, дабы он не мог бы более вредить своими хитрыми проделками империи»¹⁴³².

Когда об этом предложении узнал «Солиман, который в это время был правителем города Никея»¹⁴³³, он предложил Данышмendu разделить деньги пополам, т.к. «всегда был его другом и союзником на войне и во многих набегах»¹⁴³⁴. Но Данышменд не пожелал поделиться с союзником, чем вызвал его гнев. Солиман разорвал договор и начал войну с Данышмендом. Альберт говорит, что после «третьей битвы и нескончаемого числа набегов»¹⁴³⁵ Солиман обратил Данышменда в бегство, чем заставил последнего «проливать слезы и часто вздыхать о своей неудаче, в присутствии всех своих друзей»¹⁴³⁶, чтобы с их помощью найти выход из сложившейся ситуации, но в первую очередь придумать, как отомстить Сулейману за нанесенные обиды.

«Закованный в кандалы»¹⁴³⁷ Боэмунд с помощью «искусного уха»¹⁴³⁸ подслушал причитания Данышменда и стал осторожно выспрашивать у «охранников и зрителей»¹⁴³⁹ о причине «печали, поразившей столь великодушного правителя и весь его дом»¹⁴⁴⁰. Когда Данышмendu стало известно

¹⁴²⁸ Ibid. VII, 29. P. 526.

¹⁴²⁹ Ibid.

¹⁴³⁰ Ibid. IX, 33. P. 610.

¹⁴³¹ Ibid.

¹⁴³² Ibid.

¹⁴³³ Ibid. IX, 34. P. 610. Кылыч Арслан сельджуковский правитель Иконийского султаната (1092—1107). Сулейманом звали его отца, который умер в 1086 г.

¹⁴³⁴ Ibid. IX, 34. P. 611.

¹⁴³⁵ Ibid.

¹⁴³⁶ Ibid.

¹⁴³⁷ Ibid. IX, 35. P. 611.

¹⁴³⁸ Ibid.

¹⁴³⁹ Ibid.

¹⁴⁴⁰ Ibid.

о любопытстве пленника, он самолично «спустился в то место узилища, в котором пребывал заключенный в железные кандалы»¹⁴⁴¹ Боэмунд и поведал тому о своих горестях, т.к. считал его «умным человеком и изобретателем великих замыслов»¹⁴⁴². Когда Боэмунд ответил, что он знает, как помочь Данышменду, тот «стал беспрестанно просить Боэмунда научить его плану, который тот придумал»¹⁴⁴³. Боэмунд предложил отпустить его на свободу за половину суммы, предложенной Алексеем, а также поменять железные оковы на «узы безраздельной любви и верности всех христианских правителей»¹⁴⁴⁴. «Друзья мои и родственники, которые обитают в Антиохии, в Эдессе, в Иерусалиме и по всем прочим местам будут связаны с тобой узами верности и всегда будут заботиться о твоей чести и пещься о твоей безопасности»¹⁴⁴⁵. Далее Боэмунд продолжает убеждать Данышмента в преимуществе дружбы и верности христиан, по сравнению с обладанием большой суммой денег, которые «день ото дня уменьшаются и разделяются»¹⁴⁴⁶. А также в том, что с военной поддержкой христиан Данышменд и Боэмунд не только разобьют Солимана и завладеют Румом, но завоюют «императорскую власть и земли»¹⁴⁴⁷.

Некоторое время Данышменд колебался, стоит ли принять предложение Боэмунда и протянуть тому свою правую руку, не посоветовавшись со своим окружением¹⁴⁴⁸. Через несколько дней Данышменд признал, что предложение Боэмунда «кажется хорошим и выгодным для всех, но только с тем непременным и незыблемым условием, чтобы каждая сторона честно придерживалась дружбы и союза в соответствии со своим законом и вероисповеданием»¹⁴⁴⁹.

По словам Альберта, к этому моменту Боэмунд уже два года находился в плену, поэтому немало обрадовался, что «Божьей милостью снискал благоволение в глазах Данышмента»¹⁴⁵⁰. Последний отправил официальный отказ Алексею принять выкуп, а Боэмунду назначил сумму в сто тысяч золотых монет, за которыми тот отправил гонцов к своим «родственникам и друзьям

¹⁴⁴¹ Ibid.

¹⁴⁴² Ibid.

¹⁴⁴³ Ibid.

¹⁴⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁴⁵ Ibid. IX, 35. P. 612.

¹⁴⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁴⁹ Ibid.

¹⁴⁵⁰ Ibid. IX, 35. P. 613.

в Антиохию, Эдессу и Сицилию»¹⁴⁵¹. Собранные деньги должны были свозиться в район Мелитены, где гонцов ждали лично Данышменд и Боэмунд, где проверялись вес и качество монеты. В этом месте, по мнению Альберта, Боэмунд и Данышменд не только заключили союзный договор, но и стали, наконец, друзьями¹⁴⁵². После того, как «личные слуги и казначеи»¹⁴⁵³ унесли деньги, Данышменд обменялся рукопожатием с Боэмундом в знак «большой любви»¹⁴⁵⁴ и отпустил того со всеми людьми в Антиохию.

Не получивший своей доли от выкупа, Солиман стал настраивать против Данышменда «Солтана, короля Хоросана и Багдада»¹⁴⁵⁵, упирая на то, что тот втайне от короля «освободил Боэмунда, воинственного мужа, чрезвычайно опытного в военных делах, постоянно измышляющего козни и интриги против правления тюрок и греков»¹⁴⁵⁶. Вслед за этим Солиман отправили письмо Данышменду как «брату и сыну племени тюрок»¹⁴⁵⁷ с предложением заманить Боэмунда в ловушку и тем самым оправдаться в глазах единоплеменников. «Но Данышменд не согласился нарушить свою верность, дабы все тюрки не считались никчемным народом среди христиан и прочих язычников»¹⁴⁵⁸.

Итак, в соответствии с версией Альберта, Боэмунд около двух лет провел в кандалах и в карцере под резиденцией Данышменда в Никсаре. Он находился в окружении охранников и своих собратьев по несчастью. Благодаря своему «искусному слуху» ему удалось узнать о затруднениях Данышменда и с помощью присущего ему дара убеждения и красноречия привлечь тюркского эмира на свою сторону. При этом Боэмунд выступает как «учитель» Данышменда. Он не только «учит» его, как поступить с византийским императором и враждебно настроенным Солиманом, но и предлагает совместно завоевать земли и отобрать власть у этих правителей. Они заключают договор о дружбе и сотрудничестве, каждый на основании «своего закона и вероисповедания», и Данышменд остается верным ему до конца.

¹⁴⁵¹ Ibid.

¹⁴⁵² Ibid.

¹⁴⁵³ Ibid.

¹⁴⁵⁴ Ibid.

¹⁴⁵⁵ Ibid. IX, 37. P. 613. В данном случае речь идет о сельджукском султани Беркьяруке (1094—1105) (Ibid. P. 688).

¹⁴⁵⁶ Ibid. IX, 37. P. 613.

¹⁴⁵⁷ Ibid.

¹⁴⁵⁸ Ibid.

Две другие версии, созданные Валераном и Ордериком Виталием, едва ли могут претендовать на большее правдоподобие, вместе с тем они могут содержать важные детали, которые помогут воссоздать более полную картину проведенного Боэмундом времени в Никсаре.

Валеран очень подробно рассказывает о пленении Боэмунда и событиях, которые ему предшествовали. Прежде всего, Боэмунд вел успешные войны с язычниками, нисколько не заботясь о своей безопасности¹⁴⁵⁹. Один из них (правитель Мелитены — В.П.) пожелал принять христианство, но, боясь мести своего соседа и союзника Данышменда (*Danisman, Persarum inclitus*)¹⁴⁶⁰, попросил поддержки у Боэмунда. После этого «предатель» язычник и Данышменд устроили засаду в некоем узком ущелье, в котором напали на небольшой отряд Боэмунда сразу с двух сторон¹⁴⁶¹. Валеран описывает мужество, с которым защищались христиане, но в то же время отмечает, с каким искусством сражались турки¹⁴⁶², которые убивали христиан «без пощады, словно овец»¹⁴⁶³. Напрасно зывал Боэмунд к помощи святого Михаила¹⁴⁶⁴. Напрасно призывал своих воинов либо победить, либо триумфально погибнуть¹⁴⁶⁵. Не имея возможности больше обороняться, Боэмунд сдался Данышменду.

Пленный Боэмунд оказывается в «окруженном со всех сторон стенами узилище»¹⁴⁶⁶. Валеран описывает его как «башня», которая «была чрезвычайно укреплена природой и искусством, окружена неусыпным вниманием отборных воинов и стражников, чтобы никто не мог без разрешения ни войти, ни выйти из нее»¹⁴⁶⁷. В то же время у Боэмунда с Данышмендом был договор, по которому Боэмунда могли навещать «гости», которые находились с Боэмундом «иногда по десять, иногда по двадцать человек»¹⁴⁶⁸.

Кроме этого, у Боэмунда были союзники в ближайшем окружении тюркского эмира: «Жена Данышменда, тайная христианка, выдающемуся предводителю и христианскому мужу во всем сочувствовала и достойно относилась:

¹⁴⁵⁹ *Scriptum Galeranni*. P. 276.

¹⁴⁶⁰ «Данисман, известный перс» (*Ibid*. P. 276).

¹⁴⁶¹ *Ibid*.

¹⁴⁶² *Ibid*. P. 276—277.

¹⁴⁶³ *Ibid*.

¹⁴⁶⁴ *Ibid*.

¹⁴⁶⁵ *Ibid*. P. 277.

¹⁴⁶⁶ *Ibid*. P. 278.

¹⁴⁶⁷ *Ibid*.

¹⁴⁶⁸ *Ibid*.

припасы, одежду и все прочее необходимое скрытно через посланцев передавала»¹⁴⁶⁹. И если Данышменд собирался применить к узникам жестокое обращение, то его жена с помощью женских чар смягчала его гнев; а охранявших Боэмунда стражей она лаской, угрозами, обещаниями убеждала воздерживаться от избиения и оскорблений пленников¹⁴⁷⁰.

В то же время «родственники и друзья» Боэмунда в Южной Италии не находили себе места и искали способ вызволить его из плена, прибегая в основном к молитвам, раздаче милостыни и пожертвованиям в местные и чужеземные святилища¹⁴⁷¹. Но первым после Бога в деле освобождения пленника мог быть только Святой Леонард Лиможский¹⁴⁷². С этого момента он появляется в рассказе Валерана как главное действующее лицо, по просьбам друзей и родственников Боэмунда и его самого. Ведь спасение христианских пленников является его специализацией¹⁴⁷³.

В одну из ночей Святой Леонард явился Боэмунду и сообщил, что освободить его может только сам Данышменд, который сам к нему придет и попросит о помощи¹⁴⁷⁴. Тут выясняется, что Святой Леонард мог бы легко освободить Боэмунда, но не сделал этого, т.к. не хотел, чтобы Боэмунд стал клятвопреступником¹⁴⁷⁵. Оказывается, что между Данышмендом и Боэмундом был заключен договор. Только непонятно, имеется ли в виду договор, о котором говорилось ранее, или совершенно другой. Договор, по которому Боэмунд освобождался из узилища содержал следующее: ему больше не грозил карцер, голод и другие пытки, с тем только условием, чтобы он не помышлял о бегстве¹⁴⁷⁶. Этот договор распространялся также на рыцарей и слуг из его окружения¹⁴⁷⁷.

Далее Валеран сообщает, что между Данышмендом и Солиманом существовала вражда, которая началась задолго до «прихода христиан» и сопровождалась частыми сражениями и набегами¹⁴⁷⁸. И в этой борьбе на тот момент Данышменд

¹⁴⁶⁹ Ibid.

¹⁴⁷⁰ Ibid.

¹⁴⁷¹ Ibid.

¹⁴⁷² Ibid.

¹⁴⁷³ Ibid.

¹⁴⁷⁴ Ibid. P. 281.

¹⁴⁷⁵ Ibid.

¹⁴⁷⁶ Ibid.

¹⁴⁷⁷ Ibid.

¹⁴⁷⁸ Ibid. P. 282.

оказался слабее Солимана¹⁴⁷⁹. Последний отправил к Данышменду посольство с предложением в назначенный день сойтись с ним в решающей битве, и тогда пусть победитель получит владения проигравшего¹⁴⁸⁰. Напрасно Данышменд старался получить совет у своих приближенных. Тогда Святой Леонард явился жене Данышменда и дал спасительный совет, сопровождаемый следующими словами: «вера твоя спасет мужа, освободит отечество, обратит в бегство врага, вернет свободу, восстановит утраченное и распространит вашу власть до пределов вражеских»¹⁴⁸¹. Сам совет, данный «вернейшему советнику мужа» святым Леонардом, состоял в том, чтобы освободить пленника за сумму, которая того устроит, заключить с ним союз и твердую дружбу и совместно с ним отправиться на битву с Солиманом ради неизбежной победы¹⁴⁸².

Этот совет жена передала Данышменду, говоря между прочим, что лучше иметь Боэмунда среди друзей и предпочесть его верность деньгам¹⁴⁸³. Что норманны собирают деньги не ради богатства, а чтобы править с их помощью¹⁴⁸⁴. Что они охотно потратят их на военные издержки, а не хозяйственные нужды; будут экономить на своих потребностях, чтобы проявить щедрость к своим сторонникам¹⁴⁸⁵.

Но Данышменд отверг совет жены, называя ее «покровительницей христиан», ничего не понимающей в вопросах войны и мира в силу своей принадлежности к женскому полу¹⁴⁸⁶. Он объяснил ей, что «отпустить Боэмунда означает потерять власть и погибнуть самим. Боэмунд — общий враг всех мусульман, вождь франков, погибель тюрок. Со всех сторон мы окружены франками, армянами, ассирийцами и теми же тюрками, но среди всех людей он самый страшный»¹⁴⁸⁷. Что союз и дружба между христианами и мусульманами означает переход в добровольное рабство¹⁴⁸⁸.

Вслед за этим уже лично Данышменду явился Святой Леонард и стал убеждать того, что данный совет исходит не от человека, а от Бога¹⁴⁸⁹, что «не следует

¹⁴⁷⁹ Ibid.

¹⁴⁸⁰ Ibid. P. 282—283.

¹⁴⁸¹ Ibid. P. 283.

¹⁴⁸² Ibid.

¹⁴⁸³ Ibid.

¹⁴⁸⁴ Ibid.

¹⁴⁸⁵ Ibid.

¹⁴⁸⁶ Ibid. P. 284.

¹⁴⁸⁷ Ibid.

¹⁴⁸⁸ Ibid.

¹⁴⁸⁹ Ibid.

тебе бояться Боэмунда из-за того, что он является христианином по вероисповеданию. Ибо никто не будет тебе вернее, никто не будет тебе полезней во всех твоих нуждах»¹⁴⁹⁰. Впечатленный явлением святого, Данышменд изменил свое прежнее мнение и сделал следующее заключение: «Мне не важно, от кого придет помощь, когда подвергаются поруганию право и обычай»¹⁴⁹¹. Затем пришел в башню, где пребывал Боэмунд, и предложил дать ему полную свободу сроком на один месяц, чтобы тот мог собрать выкуп в Антиохии и вернуться с ним в Никсар¹⁴⁹². Валеран не указал сумму выкупа, но, по всей видимости, она была большой, т.к. Боэмунд начал торговаться и заявил, что не сможет собрать такие деньги в Антиохии¹⁴⁹³. Тогда Данышменд предложил заключить договор о союзе и дружбе между ними. На что Боэмунд, помня о Святом Леонарде, охотно согласился. «Это, сказал он, возможно и будет для тебя очень полезным. Если мы объединимся, кто устоит против нас? Если я буду твоим другом, кто посмеет быть врагом? Рука твоя будет на вражеском горле, если твоими друзьями будут франки»¹⁴⁹⁴. Далее Боэмунд представляет этот союз как богоугодное дело: «Совершенно очевидно и не подлежит никакому сомнению, что, поскольку Бог нам содействует, все свершится в противоположность замыслам Солимана. Воспарит сердце над печальями, и то, что угрожало тебе, станет угрожать врагам. Те, кто вышел в поисках добычи, сами добычей станут, утратят свою собственность те, кто собирался похитить чужую. Бог противится гордым, Божьим судом свершится правосудие ввиду твоего меча»¹⁴⁹⁵.

Наконец Данышменд и Боэмунд сошлись на сумме выкупа в пять тысяч золотых¹⁴⁹⁶. Жена Данышменда представила Боэмунда «как выдающегося предводителя всему войску Данышменда»¹⁴⁹⁷. Призывала их «заключить нерушимый союз с франками и тем самым объединиться в единый народ»¹⁴⁹⁸, а также помочь собрать деньги для выкупа Боэмунда. Воины Данышменда собрали три тысячи золотых, а также верблюдов и других животных¹⁴⁹⁹.

¹⁴⁹⁰ Ibid.

¹⁴⁹¹ Ibid. P. 285.

¹⁴⁹² Ibid.

¹⁴⁹³ Ibid.

¹⁴⁹⁴ Ibid.

¹⁴⁹⁵ Ibid.

¹⁴⁹⁶ Ibid.

¹⁴⁹⁷ Ibid. P. 286.

¹⁴⁹⁸ Ibid.

¹⁴⁹⁹ Ibid.

Жена Данышмеда прибавила к этому мулов, уздечки и прочее снаряжение для верховой езды¹⁵⁰⁰. После этого Данышменд и Боэмунд в присутствии свидетелей с обеих сторон скрепили клятвами договор о союзе и дружбе¹⁵⁰¹. Собрали «норманно-тюркское» войско¹⁵⁰² и «с помощью Боэмунда Данышменд подчинил своей власти царство Солимана за четыре дня»¹⁵⁰³.

Таким образом, версия Валерана добавляет много новых деталей касательно пребывания Боэмунда в Никсаре. Участие святого Леонарда в освобождении Боэмунда выглядит вполне естественным, учитывая, что данный текст посвящен ему. К тому же в хрониках того периода участие святых было обычным явлением, т.к. для людей той эпохи мир горный был важнее мира дольного. Станным может показаться, что тюркский эмир является орудием Божьей воли и может являться союзником и даже другом христианина без отказа от своей веры. Можно предположить, что поскольку Данышменд был женат на христианке, данное противоречие снималось¹⁵⁰⁴.

Боэмунд и его товарищи пребывают в некоей хорошо укрепленной башне, где, по договору с Данышмендом, имеют сносные условия проживания. Благодаря заступничеству жены Данышменда они не испытывают нужды в необходимых вещах.

Ордерик Виталий представил наиболее яркую и романтическую версию плена правителя Антиохии. Он сообщает, что когда Боэмунд оказался в плену у Данышменда (Ордерик называет его «Dalimann») император Алексей предложил за него выкуп в сто тысяч золотых¹⁵⁰⁵. Данышменд отказал Алексею, т.к. считал за великую честь обладать таким пленником, которого турки именovali «маленьким Богом христиан»¹⁵⁰⁶. Ордерик говорит, что к Боэмунду «в узилище даже язычники относились с почтением»¹⁵⁰⁷.

¹⁵⁰⁰ Ibid.

¹⁵⁰¹ Ibid.

¹⁵⁰² Ibid. P. 286—287.

¹⁵⁰³ Ibid. P. 287.

¹⁵⁰⁴ Вероятность того, что эмир Сиваса был женат на христианке, довольно велика, т. к. в Малой Азии конца XI в. браки между тюрками и христианами были очень распространены. Врионис говорит, что феномен смешанных браков между тюрками и христианами привел к образованию нового поколения анатолийцев в начале XII в., которые в источниках фигурируют как «mixovarvaroi». Эти «полуварвары» присутствуют в туркменских армиях (Vrionis S. The decline of Medieval Hellenism in Asia Minor... P. 176).

¹⁵⁰⁵ Orderici Vitalis. P. 775.

¹⁵⁰⁶ Ibid.

¹⁵⁰⁷ Ibid. P. 776.

Ордерики сообщает, что у Данышменда была дочь по имени Мелац, которая «была очень красива и очень умна, и обладала огромной властью во всем доме отца, владела большим богатством, многочисленными слугами и рабами»¹⁵⁰⁸. «Услышав о деятельном характере франков, она воспылала к ним такой любовью»¹⁵⁰⁹, что, подкупив тюремщиков, часто спускалась к ним в темницу и вела беседы о христианской религии¹⁵¹⁰. Она также обеспечивала пленников всем необходимым, припасами и одеждой¹⁵¹¹.

В версии Ордерики Данышменд и Солиман являлись родными братьями. В то же время между ними уже два года шла война, в которой намечался день для решительного сражения. Тогда Мелац, «наслышанная о достоинствах конницы франков»¹⁵¹², предложила показать себя в битве с Солиманом. Боэмунд дал ей очень куртуазный ответ и заявил, что «с рыцарским вооружением, без сомнения, мы всем покажем как галлы бьют мечом и копьём»¹⁵¹³. Мелац взяла клятву с норманнов слушаться во всем ее, после чего открыла им свой замысел¹⁵¹⁴. В соответствии с ним, они должны будут вступить в битву с Солиманом, обратить его в бегство, вернуться в башню и не спешить разоружаться¹⁵¹⁵. Мелац отдаст приказ стражникам, охраняющим верхние уровни, спуститься во внутренний двор к воротам, и тогда норманны, по ее знаку, обезоружат охрану и дадут ей бежать¹⁵¹⁶. После этого норманны должны будут захватить цитадель и удерживать ее, пока Мелац не заключит с отцом мирный договор¹⁵¹⁷. Наверху в цитадели есть ворота, через которые по каменной лестнице норманны могут попасть во дворец Данышменда, где находятся его покои и казна¹⁵¹⁸.

Мелац убедила стражников освободить пленников и дать им оружие. Они появились на поле боя в разгар сражения «и с норманнским кличем, Господи

¹⁵⁰⁸ Ibid. Перевод греческого прилагательного «μελας» означает «черный» или «смуглый» (Warren F.M. *The Enamoured*. P. 349).

¹⁵⁰⁹ Ibid. P. 776.

¹⁵¹⁰ Ibid. P. 777.

¹⁵¹¹ Ibid.

¹⁵¹² Ibid.

¹⁵¹³ Ibid.

¹⁵¹⁴ Ibid.

¹⁵¹⁵ Ibid.

¹⁵¹⁶ Ibid.

¹⁵¹⁷ Ibid.

¹⁵¹⁸ Ibid. P. 778.

помоги!»¹⁵¹⁹ ударили по врагу. Ордерик говорит, что в армии Солимана было некоторое количество христиан, которые, узнав Боэмунда, дезертировали и присоединились к католикам¹⁵²⁰. Во время боя Боэмунд с особой жестокостью убил некоего Марцибана (Marciban), сына Солимана. Данышмед бросился к норманну с просьбой пощадить его племянника. Но «христианский боец» с притворным сожалением сказал вкрадчиво, что совершил это по неведению¹⁵²¹.

После победы над Солиманом норманны вернулись в Никсар и легко завладели крепостью без пролития крови¹⁵²². Ордерик объясняет их успех тем, что «город был беззащитен, т.к. все мужчины участвовали в сражении, а дома оставались дрожащие от страха женщины и дети»¹⁵²³. Когда вернулся Данышменд, он в гневе стал упрекать свою дочь за самовольство и пообещал казнить ее вместе с пленниками¹⁵²⁴. Он собрал трибунал во дворце, где была только придворная знать¹⁵²⁵. Тогда норманны вышли из потаенных мест дворца с обнаженными мечами, и от резни их удерживала только клятва, данная Мелац¹⁵²⁶. В этой ситуации Данышмед согласился выслушать следующие условия: заключение мира с христианами на всю оставшуюся жизнь; обмен пленными, всеми, которые находятся в эмирате и в Антиохийском княжестве; награждение Боэмунда и его рыцарей за участие в битве; переход Мелац в христианство¹⁵²⁷. Данышменд и его приближенные в гневе отвергли эти условия как неприемлемые¹⁵²⁸. Тогда Боэмунд поместил Данышменда с его свитой под стражу в одну из комнат во дворце и великодушно разрешил жене эмира и его придворным, в сопровождении безоружных евнухов, доставлять припасы и все необходимое¹⁵²⁹. На пятнадцать дней норманны стали владельцами «цитадели, дворца и окружающей его стены»¹⁵³⁰, держа под охраной и наблюдением все окрестные дороги.

¹⁵¹⁹ «et signum Normannorum: Deus, adiuva!» (Ibid.).

¹⁵²⁰ Ibid.

¹⁵²¹ Ibid.

¹⁵²² Ibid. P. 779.

¹⁵²³ Ibid.

¹⁵²⁴ Ibid.

¹⁵²⁵ Ibid.

¹⁵²⁶ Ibid.

¹⁵²⁷ Ibid. P. 780.

¹⁵²⁸ Ibid.

¹⁵²⁹ Ibid. P. 781.

¹⁵³⁰ Ibid. P. 780.

Наконец, Данышменд согласился заключить мир с христианами, отпустить всех пленников и даже пообещал отдать в жены Боэмунду свою дочь¹⁵³¹. По совету Мелац, призывавшей Боэмунда не верить ее отцу, он отправил в Антиохию за пленными мусульманами и войском Ричарда Салернского и некого Саркиса¹⁵³². В это время Боэмунд вел частые разговоры с Данышмендом и его окружением, «обходительными и сладкими речами»¹⁵³³ он сумел внушить им не только дружелюбие, но и любовь. Данышменд щедро поделился сокровищами из своей казны с христианами и отпустил всех пленников, которые пополнили ряды соотечественников Боэмунда¹⁵³⁴. Когда вернулся Ричард Салернский, Данышменд встретил его с почестями и, «по обычаям родины»¹⁵³⁵, снабдил их припасами и всем необходимым. В Никсаре Боэмунд и Данышменд заключили между собой «вечный мир»¹⁵³⁶. Мелац последовала за Боэмундом и Ричардом в Антиохию, приняла христианство и вышла замуж за Рожера Салернского¹⁵³⁷.

Отчет Ордерика отличается не только красочностью, но и подробностью изложения. Его описание места пленения Боэмунда в Никсаре находит подтверждение в археологических исследованиях¹⁵³⁸. Версия Ордериком является пропагандой нового крестового похода, направленного скорее против византийцев, чем мусульман. Но если к созданию этой легенды приложил руку Боэмунд, как об этом говорилось выше, то в ней были отражены детали реально происходивших событий.

Таким образом, мы рассмотрели три основных отчета, созданных в латинской традиции, о пребывании в плену Боэмунда. Разумеется, что все они нуждаются в дальнейшем тщательном изучении. Но предварительно можно сделать вывод о том, что приведенные версии отражают точку зрения на произошедшие события не только западных хронистов, но, в значительной степени, самого Боэмунда.

¹⁵³¹ Ibid. P. 781.

¹⁵³² Ibid.

¹⁵³³ Ibid. P. 782.

¹⁵³⁴ Ibid. P. 783.

¹⁵³⁵ Ibid.

¹⁵³⁶ Ibid.

¹⁵³⁷ Ibid. P. 783–784.

¹⁵³⁸ Брайер и Винфилд находят в Никсаре хорошо укрепленную цитадель, на территории которой сохранились руины дворца Данышмендидов (Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. P. 108). Размер цитадели составляет около километра в длину и не более ста метров в ширину. Что говорит о том, что удерживать ее можно было даже небольшими силами. По восточному склону холма, на котором расположена цитадель, тянутся стены, которые разделяют город на районы. Эти стены изобилуют башнями различной формы (Ibid. P. 110). Возможно, что в одной из этих башен находился Боэмунд со своими товарищами.

5.4. НОРМАННСКАЯ И СЕЛЬДЖУКСКАЯ КОННИЦА В МАЛОЙ АЗИИ XI–XII ВВ.: КОПЬЕ И ЛУК КАК ПРЕИМУЩЕСТВА ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Профессор университета Прованса М. Баливе нашел немало сходных черт в политико-религиозной и военной экспансии норманнов и сельджуков в Восточном Средиземноморье. В частности, он считает, что норманнскую и сельджукскую конницу объединяла страсть к метательному оружию: копьям и стрелам¹⁵³⁹. А также применение маневра ложного отступления, который были способны осуществить только дисциплинированные конные войска¹⁵⁴⁰.

Современному историку нелегко вообразить то, как происходили сражения тысячу лет назад, что представляли собой тактика и вооружение норманнских рыцарей или сельджукских конных лучников. В данном случае археологические данные крайне скудны, а нарративные источники полны противоречий и зачастую имеют мало общего с исторической реальностью. В результате исследователи нередко оказываются в плену стереотипов. Автор видит свою задачу в выявлении подобных стереотипов, связанных с вооружением и тактикой норманнов и турок сельджуков в Малой Азии, с последующим критическим осмыслением.

В XI в. орды кочевников – огузов и туркоманов устремились завоевывать Малую Азию, принадлежавшую Византии. Их усилия координировали и направляли султаны из династии великих Сельджуков (1037–1157 гг.), поэтому кочевников завоевателей принято называть сельджуками. Результатом завоеваний сельджуков стало образование государства на огромной территории от Средиземного моря до Китая. Победа над византийцами при Манцикерте в 1071 г., дала сельджукам возможность прочно утвердиться в Малой Азии и основать первые государства с тюркскими династиями.

В то же время, на западных границах Византийской империи появились завоеватели другого рода, которые происходили из провинции Нормандия. Эти норманны были крайне немногочисленны, но в течение нескольких де-

¹⁵³⁹ Balivet M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires «symétriques»? // *Turcica*, vol. 30, 1998. P. 320. Как это наглядно демонстрирует вышивка ковра из Байо, норманнские рыцари использовали копье не только для таранного удара, но и в качестве метательного оружия – дротика.

¹⁵⁴⁰ Ibid.

сятилетий они отвоевали Южную Италию у византийцев, Сицилию у арабов и попытались захватить византийские владения на Балканах.

С середины XI в. норманнские контингенты появляются на службе у византийских императоров, и местом их преимущественного расселения и деятельности является Малая Азия. Норманнские предводители «франкских тагмат» отличались склонностью к мятежу и стремлением к созданию собственных независимых княжений. Удачно сложились обстоятельства для образования норманнского государства в Северной Сирии во время Первого крестового похода. Антиохийское княжество, созданное южноиталийскими норманнами, оказалось самым жизнеспособным из всех государств, основанных крестоносцами на Востоке.

Очевидно, что достигнутые к концу XI в. успехи в немалой степени были следствием не только высокого военного искусства двух различных народов: норманнов и тюрок-сельджуков, но и применения некоторых тактических приемов, умений и навыков, которые давали преимущество в глазах современников.

В качестве примера можно привести обмен посольствами между султаном Маликшахом и Караханидским правителем Шамс ал-Мульком, когда последний прислал великому Сельджукиду палицу и меч со зловещим описанием силы применения этого оружия в руках Караханидов¹⁵⁴¹. В ответ, Маликшах показал перед свидетелями блестящее искусство владения палицей, мечом, а также луком. А затем отправил Шамс ал-Мульку оружие сельджуков – лук, который тот, по словам хрониста Садр ад-Дина, не смог даже натянуть¹⁵⁴². Таким образом, искусное владение оружием рассматривалось средневековыми авторами не только как символ превосходства одного народа над другими, но и как отличительный признак того или иного племени.

В какой степени стереотипы восприятия норманнской и сельджукской конницы современниками соответствовали реалиям XI–XII вв., мы попытаемся выяснить на широком круге источников, представленных византийскими, латинскими и мусульманскими авторами.

Византийцы считали норманнов образцом для подражания в военном искусстве верховой езды и владения копьём¹⁵⁴³. Они также считали ношение копья отличительным признаком норманнских всадников в противоположность

¹⁵⁴¹ Садр ад-Дин Али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-сeldжукийя, пер. З.М. Бунятова. М., 1980. С. 67.

¹⁵⁴² Там же.

¹⁵⁴³ Анна Комнина. Алексиада. X,3, С.270.

варягам с острова Фулы, «вооруженным секирами»¹⁵⁴⁴ или варягам, «носящим мечи на плечах»¹⁵⁴⁵.

Византийская принцесса Анна Комнина в «Алексиаде» описала подробности тактики и вооружения норманнов и сельджуков, которые мы рассматривали во второй главе книги. Следует еще раз отметить, как искусно Анна описала разнообразие вражеских армий: «пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена». Также она уделяет внимание искусству тюрок во владении луком и необычным тяжелым доспехам норманнов, которые делали конницу неодолимой.

Византийский военачальник Никифор Вриенний с военной точностью описал одно из первых сражений норманнов во главе с Русселем де Баллиолем и сельджуков эмира Артуха, произошедшее в 1074 г. в районе реки Сакарья. Зная о многочисленности неприятельского войска, в качестве места сражения Руссель избрал ровную и узкую долину у подножия горы Софон. Артух начал атаковать стрелами с окрестных высот и, разделив войско на три части, попытался окружить норманнов. Отряд Русселя терял лошадей до тех пор, пока норманны не «решились наконец выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы»¹⁵⁴⁶. Никифор констатирует, что в результате этой стремительной атаки погибло много врагов, но сами норманны попали в окружение и большей частью были взяты в плен¹⁵⁴⁷.

Данное описание битвы вполне можно было бы назвать «классическим» для сражений, в которых принимали участие норманны и сельджуки. В соответствии с традиционной тюркской тактикой, Артух стремится измотать противника стрельбой из луков и окружить. Руссель группирует силы в заранее выбранном месте и под обстрелом ожидает момента для решительной конной атаки. И хотя численный перевес был не на стороне Русселя, он явно надеялся на победу.

Сельджукские конные лучники вызывали шок и восхищение у латинских авторов первого крестового похода. Аноним говорит, что турки пытались устроить грозой своих стрел норманнов, как до этого им удалось устроить «арабов, сарацин, армян, сирийцев и греков»¹⁵⁴⁸. По мнению Петра Тудебоды, турки «очень свирепы и носят за плечами колчаны, полные отравленных

¹⁵⁴⁴ Там же. II, 9, С. 108. Михаил Пселл. Хронография. С. 145.

¹⁵⁴⁵ Анна Комнина. Алексиада. II, 9, С. 108.

¹⁵⁴⁶ Никифор Вриенний. Исторические записки. М., 1997. С. 90–92.

¹⁵⁴⁷ Там же.

¹⁵⁴⁸ *Histoire anonyme III*, 9, P. 50. «Qui putabant terrere gentem Francorum minis suarum sagittarum, sicut terruerunt Arabes, Saracenos, et Hermetios, Suranios et Grecos».

стрел»¹⁵⁴⁹. Гвиберт Ножанский пишет, что сельджукская конница «удивительно легко уклонялась от наших атак и ударов: в особенности полной неожиданностью была их способность пускать стрелы во время отступления»¹⁵⁵⁰.

Фульхерий Шартрский описывает сельджуков в битве при Дорилее, как «... лучников. Ибо в их обычае было использовать это оружие. Все они были всадниками»¹⁵⁵¹, которые обрушили на крестоносцев «дождь из стрел»¹⁵⁵². В битве под Антиохией турки под ударом тяжелой кавалерии крестоносцев «по своему обычаю бросились врассыпную и стали метать стрелы»¹⁵⁵³. В другом месте Фульхерий пишет, что «турки же лучники по обычаю нас с тыла обходившие и дождем стрел поражавшие, уже луки опустили и обнажили мечи»¹⁵⁵⁴ или «турки обрушили такую тучу стрел, что у христиан не осталась целой ни одна из частей тела»¹⁵⁵⁵.

Наиболее подробно и красочно описал атаку сельджукской кавалерии при Дорилее латинский хронист XII в. Вильгельм Тирский. «Отряды турок, тотчас же ринувшись на наше войско, выпустили такое огромное количество стрел, что казалось это град, падающий с неба; едва первая туча упала, описав дугу, как за ней последовала другая, не менее густая; и те, кто остались невредимыми сначала, были сражены мгновение спустя. Эта манера боя была полностью не знакома нашим воинам; они не могли его вести на равных, ибо не имели к нему никакой привычки и видели, как их лошади, оставшиеся без защиты, падают; сами же они, неожиданно получившие смертельные раны, которых невозможно было избежать, попытались отогнать врага, бросившись на него и разя мечом и копьем. Однако те, в свою очередь неспособные противостоять подобному натиску, не замедлили ускользнуть, чтобы уйти

¹⁵⁴⁹ Peter Tudebod. *Historia de Hierosolymitano Itinere* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome troisième. Paris, 1866. P. 27–28. «Sunt namque ferocissimi, humeris et sagittas et pharetras toxicatis refertas portantes».

¹⁵⁵⁰ Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos* // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869. P. 162. «Nostris enim inexperta erat tanta eorum in equitando agilitas, in evitandis nostrorum incursibus vel ictibus mira pernicitas : praesertim quum non soleant ipsas emittere nisi fugaciter pugnando sagittas».

¹⁵⁵¹ Fulcheri Carnotensis *Historia Hierosolymitana*: 1095–1127. Heidelberg, 1913. P. 193. «... sagittariorum. mos enim eorum est talibus uti armis. equites erant omnes».

¹⁵⁵² Ibid. P. 194. «... pluviam sagittarum vehementer emittentes».

¹⁵⁵³ Ibid. P. 255–256. «... sparsim, ut mos eorum est, prosilire et sagittas coeperunt jacere».

¹⁵⁵⁴ Ibid. P. 498. «Turci autem ex more sagittarii nos retro gyrantes et sagittarum pluvia plagantes, iam arcuum officia dimiserant, iam vaginis enses traxerant».

¹⁵⁵⁵ Ibid. P. 790. «tantus tamen nimbus sagittarum ingruerat a Turcis, ut nulla pars corporis ab ictu et vulnere tuta esset Christianis».

от первого удара, и наши воины, не найдя никого перед собой, обманутые в своих ожиданиях, были вынуждены вернуться к своему войску. Тогда как они удалялись, не достигнув успеха в своих намерениях, турки вновь стремительно соединились и начали метать свои стрелы, обрушивавшиеся на наши ряды подобно ливню, не оставляли никого без губительной раны. Наши люди как могли противостояли, защищенные своими шлемами»¹⁵⁵⁶.

Вильгельм говорит о значительных потерях в войске крестоносцев, даже среди хорошо экипированных рыцарей, вследствие столкновения с сельджуками¹⁵⁵⁷. Вслед за этим он описывает, как сельджуки собирались перейти к последней стадии сражения: «повесив луки на плечи, не нуждаясь более в их услугах, приступили с мечами в рукопашную»¹⁵⁵⁸.

При рассмотрении приведенных отрывков становится ясно, что латинские авторы при создании своих произведений зачастую следовали не реальности, а вымыслу. Трудно поверить Петру Тудебоду, который говорит о тюрках, что они носили на плечах или за плечами «колчаны, полные отравленных стрел». А также Вильгельму Тирскому, который сообщает, как сельджуки «повесили луки на плечи».

Английский исследователь Р. Смайл, полный доверия к авторитету архиепископа Вильгельма Тирского, признает этот способ ношения лука и стрел за «натуральный тюркский обычай»¹⁵⁵⁹. Другой английский ученый Д. Николь видит в этом необычном поведении сельджуков указание на то, что в данном случае речь идет о тяжеловооруженных воинах «гулямах, а не о кочевых тюрках»¹⁵⁶⁰.

Более всего вероятно, что в этих и подобных случаях создатели хроник следовали не реальности, а античной традиции, ведь подобным образом носили луки и колчаны герои поэмы Вергилия «Энеида»¹⁵⁶¹. Поэт и его произведение о странствиях Энея были необычайно популярны в средневековой Европе. Аноним, Петр Тудебод, Гвиберт Ножанский и даже Вильгельм Тирский искренне считали, что турки являлись потомками троянцев. Поэтому кажется очевидным, что в представлении латинских авторов тюрки при Дорилее вели себя как «троянцы».

¹⁵⁵⁶ Цит. по: Перну Р. Крестоносцы. Перевод с французского: Карачинский А. Ю. и к.и.н. Малинин Ю. П. / Научный ред. к.и.н. Малинин Ю. П. СПб., 2001. С. 139.

¹⁵⁵⁷ Guillaumus Tyrenus Archiepiscopus. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Migne J.P. T. 201. P., 1855. III, 14, P. 288.

¹⁵⁵⁸ Ibid. III, 14, P. 288. «arcu ab humeris dependente, et ejus neglecto officio, gladiis instant cominus».

¹⁵⁵⁹ Smaile R.C. Crusading warfare. «... a normal Turkish custom». С. 82.

¹⁵⁶⁰ Николле Д., МакБрайд А. Армии мусульманского Востока VII–XI века. М., 2004. P. 29–30.

¹⁵⁶¹ Vergili Maronis Opera. Ed. John Conington. New York, 1895. «humeris de more habilem suspenderat arcum» I, 318, P. 90; «Gorytique leves humeris et letifer arcus» X, 169, P. 271.

Наиболее интересные отчеты о столкновении норманнской и сельджукской конниц в Малой Азии и Сирии можно найти у норманнского автора Рауля Канского, который, хотя и не был очевидцем многих описываемых им событий, тем не менее, бывал на Востоке после 1107 г. и имел возможность получать информацию из первых рук: от Боэмунда и Танкреда.

Рауль Канский дает более сложное и подробное описание битвы при Дорилее, в котором присутствует как традиционное для латинских авторов описание тактики сельджуков, так и оригинальные сравнительные характеристики различных видов вооружения. В одном месте он говорит, как отряд конных тюркских «стрелков»¹⁵⁶² обошел тяжеловооруженных западноевропейских всадников и напал на многочисленную, но плохо вооруженную толпу крестоносцев, которых сначала обстреляли из луков, а затем стали истреблять мечами¹⁵⁶³.

Рауль считает, что сельджуки воспринимали происходящее при Дорилее не как битву с врагами, а как наказание «осужденных за тяжкие преступления»¹⁵⁶⁴. Поэтому они отложили луки и «отважно» схватились за мечи¹⁵⁶⁵, в то время как норманны «потрясали копьями»¹⁵⁶⁶. Рауль говорит, что в этом противостоянии «наконечники копий оказали огромную услугу»¹⁵⁶⁷ норманнам, в то время как меч показался Раулю менее эффективным оружием. «Что против этого меч? Я считаю, что мечом можно убить ближнего и пощадить дальнего, проткнуть в рукопашном бою и угрожать издалека. Если в нескольких словах сказать о его свойствах, то длина меча определяет его возможности. На расстоянии обнаженным мечом можно только угрожать, но поразить невозможно»¹⁵⁶⁸.

Вслед за этим Рауль говорит, что сельджуки отступили и начали обстреливать норманнов. «Но когда они снова взялись за луки, полет великого множества стрел не пощадил тех, кого пощадил мечи и поразил того, кого

¹⁵⁶² Radulfus. Cadomensis Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata. // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Ed. J. Migne. T. 155. P., 1844–1891. «spiculatores». P. 510.

¹⁵⁶³ Ibid. «Turba itaque illa equites nostros praetervolans, ad plebeculam transilit, numero tamen maximam, sed viribus imbecillam. Hi palantes praefestinantis militiae vestigia legebant, muros periculis opposuisse putantes, cum subito irruunt primo sagittis, mox ensibus saevientes».

¹⁵⁶⁴ Ibid. P. 511. «Quibus quidem jam non putabatur haec pugna, sed poena: nec adversus hostes confligendum, sed tanquam de capitalium rerum condemnatis, ultio secunda».

¹⁵⁶⁵ Ibid. «Irruunt itaque primi arcubus projectis, audacius strictis mucronibus saevituri».

¹⁵⁶⁶ Ibid. «Fit fragor; hi lanceas vibrant, illi gladios».

¹⁵⁶⁷ Ibid. «Adeo cuspis fraxinea largae prodiga opis».

¹⁵⁶⁸ Ibid. «Quid contra haec mucro? Mucro, inquam, cujus est proximum caedere, remotis parcere; immergi cominus, minari eminus; utque paucis ejus facultatem includam, cujus licentiae pares habet terminos longitudo, evaginatus minari poterat, laedere non poterat vel emissus».

не поразил меч. Где мечи не продвинулись, проникли стрелы. Что до этого момента представляло собой тяжелое бремя: кольчуга, щит и шлем, теперь определяли границу между жизнью и смертью»¹⁵⁶⁹.

Рауль передает, как отряд Танкреда попал в засаду, устроенную тюрками под Артахом, у которых было преимущество внезапности и в знании местности, а также в количестве: на каждое латинское копье приходилось по десять и более тюркских луков¹⁵⁷⁰. «При первом столкновении копье действовало энергично, пробивало и выбивало. Но вскоре от подобной нагрузки утомилось настолько, что было не способно пробивать как щиты, так и броню на груди и животе. И потому что у одной лошади ослабла подпруга седла, у другого был срезан наконечник копья, или турок мечом разрубил копье пополам, то можно было подумать, что этот потрясающий дротиком человек, скорее вооруженный дубинкой пехотинец, чем рыцарь с копьем. В то же время более скромный лук, наносит гораздо большее количество ран. Лук стреляет всегда и часто становится причиной ранений. Лучника почти невозможно достать и он начинает страдать от ран в самый последний момент сражения. Лук полезен как с близкого расстояния, так и с дальнего, при наступлении и при отходе. Даже когда с помощью лука нельзя добиться желаемого успеха, он редко становится причиной разочарования своего владельца»¹⁵⁷¹.

Даже поверхностное знакомство с византийскими и латинскими источниками позволяет утверждать наличие связи между искусным владением оружием и принадлежностью к определенному этносу. Но является ли в таком случае упоминание определенного оружия и его использования в исторических хрониках только символом или для этого были вполне реальные основания, на которые могли бы опираться идеи о военно-тактическом превосходстве над противником?

¹⁵⁶⁹ Ibid. «Sed resumptis arcubus, grando volans quibus enses pepercerant, non parcit; quos non attigerant, perfodit; ubi nec ascenderant, descendit. Hactenus ergo sarcina tantum gravis, loricae, scuta et galeae: nunc gratissimus obex, vitae mortisque fines disternit».

¹⁵⁷⁰ Ibid. P. 525. «Caeterum hostis sagittifer plurimo sui numero plurimum immanis, nostro viso latebras spernit, occurrit palam, pudet latuisse, qui hastas singulas denis et supra arcubus oppugnabat. Congrediuntur itaque Turci Latini, incolae peregrinis, gnari locorum, hominumque locorumque ignaris».

¹⁵⁷¹ Ibid. P. 525. «Primo in congressu lancea viget, lancea perfodit, lancea dejicit: quae mox tanto sub onere fatiscens, ut penetrare peltas, pectora, clavengos nequit integra: quoniam hanc clitellae dissilientes extenuant; illam cuspis truncata decurtat, aliam Turcus ensis dimidiat, ut hastitenens putetur potius venisse armatus sude pedes, quam lancea miles: at frugalior longe arcus vulnenumque ditior, semper mittit, crebro laedit, nunquam mittitur, sero laeditur: cominus, eminus, ante, retro fervidus; etiam cum ab intentione propria fallitur, casu saepe ministro, non permittitur falli».

Д. Николь считает, что в Западной Европе этого времени наиболее значительное развитие получило взятое наперевес копьё, зажатое между согнутой в локте рукой и туловищем, при котором всадник вкладывал в удар поступательный момент движения на коне. По его мнению, именно норманны стали проводниками этого нового тактического приема в районе Средиземноморья¹⁵⁷². Ряд важнейших побед норманнов в Южной Италии, Балканах и Сирии были одержаны благодаря именно такому способу применения копья¹⁵⁷³. Парадоксально, но лучшее описание этой манеры боя норманнских рыцарей дал арабский писатель и полководец Усама ибн Мункыз (который с детства неоднократно принимал участие в отражении набегов норманнов Антиохии на земли Шейзара): «Я считаю, что всякий, кому случится биться копьями, должен прижимать руку с копьём и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Ведь если он пошевелит рукой с копьём или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины»¹⁵⁷⁴.

Известный исследователь истории средневекового рыцарства Ж. Флори рассматривает эту новую манеру боя в специальной работе. На основе изучения западных и восточных источников он пришел к следующим выводам: начало применения рыцарской конницей копья наперевес датируется примерно серединой XI в.¹⁵⁷⁵. Местом появления этой новой техники конного боя являлась Нормандия, откуда норманны принесли ее в Испанию, Южную Италию, Сицилию и Анатолию¹⁵⁷⁶. Во время Первого крестового похода новый метод атаки галопом стал хорошо известен византийцам, тюркам-сельджукам и арабам на Ближнем Востоке, где, в частности, его мог изучить и перенять знаменитый арабский полководец и писатель Усама ибн Мункыз¹⁵⁷⁷.

Применение копья подобным образом доминировало в военном деле Грузии с второй половины XI в. вплоть до Нового времени¹⁵⁷⁸, чему в немалой степени посопособствовали норманнские наемники в Малой Азии¹⁵⁷⁹.

¹⁵⁷² Nicolle D., McBride A. The Normans // Elite series T. 9. L., 1987. P. 6.

¹⁵⁷³ Ibid. P. 7.

¹⁵⁷⁴ Усама ибн Мункыз. Книга назидания / пер. Ю. И. Крачковского М., 1958. С. 91–92.

¹⁵⁷⁵ Flori J. Encore l'usage de la lance... La technique du combat chevaleresque vers 1100 // Cahiers de Civilizations Medievales, No. 31. 1988. P. 238.

¹⁵⁷⁶ Ibid. P. 239.

¹⁵⁷⁷ Ibid. P. 240.

¹⁵⁷⁸ Tsursumia M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. Vol. XII. Woodbridge, 2014. P. 85.

¹⁵⁷⁹ Ibid. P. 87.

Эта тактика была не только очень эффективна при завязке боя, но и выглядела очень эффектно в глазах современников. По мнению Дж. Биркенмейера, «именно гибкость, в сочетании с шокирующей мощью, делала войско норманнов чрезвычайно эффективной наступательной силой»¹⁵⁸⁰. Д. Дуглас считает, что «... на Востоке, к первой четверти XII в. норманнский тип атаки и «прославился» и внушал страх. Считали, что эта атака почти «неотразима», а ее эффект был таков, как «если бы в стенах Вавилона проделали дыру». Поэтому неудивительно, что в Первом крестовом походе тактика турок сводилась в основном к уменьшению этой труднопреодолимой атаки...»¹⁵⁸¹. Д. Дуглас продолжает мысль тем, что конные атаки норманнов разрабатывались «с расчетом на массовый шок врага»¹⁵⁸².

Вместе с тем Д. Дуглас специально оговаривает тот факт, что большинство побед норманнов были следствием тактических действий конницы против пехоты¹⁵⁸³. В то же время при встрече с более подвижным противником, например, с легкой конницей сельджуков, или же с дисциплинированной и хорошо обученной пехотой подобная манера боя была менее эффективной¹⁵⁸⁴. Победа при Гастингсе в 1066 г., а также при Диррахии в 1081 г. были одержаны во многом благодаря применению не только рыцарской конницы, но пехоты: пеших копейщиков и лучников¹⁵⁸⁵.

Известно, что турки-сельджуки отдавали предпочтение луку и, благодаря использованию конных лучников, выиграли немало сражений, в том числе, битву при Манцикерте¹⁵⁸⁶.

К сожалению, современной исторической науке неизвестно, что представлял собой сельджукский лук. Но с большой долей вероятности можно предположить, что принципиально по своим характеристикам он не отличался от своих собратьев, распространенных на огромных просторах Евразии

¹⁵⁸⁰ Birkenmeier J. *The Development of the Komnenian Army: 1081–1180*. Leiden, Boston, 2002. P. 354–355.

¹⁵⁸¹ Дуглас Давид Ч. *Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг.*: Перевод с английского Марничиной Е.С. СПб, 2003. С. 117–118. Арабский историк Каланиси называет конную атаку франков не иначе, как «знаменитой».

¹⁵⁸² Там же. С. 119.

¹⁵⁸³ Там же.

¹⁵⁸⁴ Nicolle D., McBride A. *The Normans*. P. 7.

¹⁵⁸⁵ Bennett M. *The Myth of the Military Supremacy of Knightly Cavalry // Medieval Warfare 1000–1300*. Aldershot, 2006. P. 178.

¹⁵⁸⁶ Ammatucci G. *Storia dell’Arcieria Islamica: i Trattati*. [Electronic resource] / G. Ammatucci // Arcosofia, n. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, Aprile/Maggio, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (accessed: 29.11.2013).

и на протяжении тысячелетий являвшихся основным оружием кочевников. Композитный лук, состоящий из дерева, рогов, костей и жил, представлял собой идеальное сочетание веса, размера и силы, и давал возможность поражать цель на значительном расстоянии¹⁵⁸⁷.

На изготовление лука уходило от одного года до двух лет. Различные виды материалов, служивших для его изготовления, зависели от климата и региона, где лук применялся. Как правило, на создание среднеазиатского типа композитного лука шли бараний рог и ахиллесовы сухожилия животных¹⁵⁸⁸. Р.А. Гусейнов отмечает, что для производства сельджукского лука применялась осина и рог козла, а на тетиве имелось специальное кольцо для оттягивания¹⁵⁸⁹.

Тюркский конный лучник был способен на полном скаку прицельно поражать врага на расстоянии 35 метров, выпуская пять стрел за две с половиной секунды¹⁵⁹⁰. Луки и стрелы помещались в специальные футляры или колчаны, которые носились на пояском ремне. В колчан помещалось до 90 стрел с железными наконечниками, которые изготавливались из тростника и березы¹⁵⁹¹. Стрелы отличались огромным разнообразием в зависимости от цели применения. «Имелись трехперые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивавшие щит и панцирь»¹⁵⁹². Важной особенностью тюркских стрел была способность воспроизводить различные звуки во время полета: во время охоты это были, как правило, нейтральные, призванные не вспугнуть жертву. Зато во время войны применялись стрелы, издававшие истошный «вой», который наводил ужас на противников, в особенности осажденных.

В 1964 г. византинист У. Каэги впервые выдвинул тезис о том, что искусное владение сельджуков луком и стрелами стало важнейшим военным фактором, который в сочетании с политической, экономической и социальной слабостью Византии в XI в. позволил им стать господствующей силой в Малой Азии¹⁵⁹³.

¹⁵⁸⁷ Nicolle D., McBride, A. Attila and the nomad hordes: warfare on the Eurasian steppes 4th-12th centuries // Elite series T. 30. L., 1990. P. 12. Патерсон приводит дальность стрельбы из туркоманского лука в 260 метров. Paterson W. F. The Archers of Islam // Journal of the Economic and Social History of the Orient, Vol. 9, No. ½. Nov., 1966. P. 82–83.

¹⁵⁸⁸ Nicolle D. Saracen faris 1050–1250 // Warrior series. T. 10. L., 1994. P. 46.

¹⁵⁸⁹ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация... С. 140.

¹⁵⁹⁰ Nicolle D. Saracen faris. P. 11.

¹⁵⁹¹ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация... С. 140.

¹⁵⁹² Ibid.

¹⁵⁹³ Kaegi W. E. The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia // Speculum. Vol. 39. No. 1. Janv., 1964. P. 108.

Ч. Боулс¹⁵⁹⁴ категорически не согласен с мнением У. Каэги, и в своей работе попытался доказать, что «огневая мощь и мобильность» тюрок-сельджуков не могли дать им решительного преимущества над противником на полях сражений Анатолии¹⁵⁹⁵. Ч. Боулс отмечает ряд существенных недостатков тактики и вооружения кочевников: зависимость от климатических и экологических условий¹⁵⁹⁶, необходимость находится в опасной близости от противника¹⁵⁹⁷. Главный вывод Ч. Боулса состоит в том, что при столкновении с тяжелой конницей, поддерживаемой другими родами войск, у конных лучников не было ни малейшего шанса победить, кроме как заманить противника в засаду или ловушку¹⁵⁹⁸.

С другой стороны, нельзя отрицать наличие в войсках сельджуков тяжелой конницы¹⁵⁹⁹. По мнению Гусейнова Р.А., тяжелая конница была заимствована у византийцев или крестоносцев; «страдала малоподвижностью и не получила у сельджуков большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять маневр»¹⁶⁰⁰. Однако данное утверждение вызывает определенные сомнения, так как в этот период тяжелая конница была более жизнеспособной в государствах Ближнего Востока¹⁶⁰¹, чем когда-либо. Она радикально отличалась от западноевропейской наличием конных лучников, но при этом были гулямы тюркских правителей, которые практически не уступали западноевропейским рыцарям, как тяжеловооруженные воины¹⁶⁰². Насколько бы эффективной ни была тактика сельджукских лучников на расстоянии, тем не менее исход сражения решался в следующей за атакой рукопашной схватке¹⁶⁰³. Вильгельм Тирский говорит о значительных потерях в войске крестоносцев, даже среди хорошо экипированных рыцарей. Вслед за этим Вильгельм описывает, как сельджуки после

¹⁵⁹⁴ Bowlus C.R. Tactical and Strategic Weaknesses of Horse Archers on the Eve of the First Crusade // *Autour de la Premiere Croisade*. P., 1996. P. 159–166.

¹⁵⁹⁵ Ibid. P. 162.

¹⁵⁹⁶ Ibid. P. 160–162.

¹⁵⁹⁷ Ibid. P. 163.

¹⁵⁹⁸ Ibid. P. 166.

¹⁵⁹⁹ Гусейнов Р. А. Сельджукская военная организация... С. 136; С. 140.

¹⁶⁰⁰ Там же. С. 136.

¹⁶⁰¹ France J. Crusading warfare and its adaptation to eastern conditions in twelfth century // *Mediterranean historical review*. № 15, 2000. P. 55.

¹⁶⁰² Ibid. P. 54.

¹⁶⁰³ Smaile R.C. *Crusading warfare*. Cambridge, 1995. P. 83.

атаки конных лучников собирались перейти к последней стадии сражения: «повесив луки на плечи, не нуждаясь в их услугах, приступили с мечами в рукопашную»¹⁶⁰⁴.

В.М. Запорожец считает, что тяжелая конница «появлялась» в войсках сельджуков в случае необходимости нанесения решительного удара. Так, в сражении при Манцикерте в 1071 г. Алп Арслан разделил войско на две части: «Одна часть была спрятана в засаде, другая, которой командовал лично Альп Арслан, сменила луки и стрелы на копья, мечи и булавы, надела кольчуги, латы и шлемы и стала, таким образом, отрядом тяжелой кавалерии. для того, чтобы в бою отличать своих от противника, хвосты у всех лошадей были завязаны узлом. Этот отряд тяжелой сельджукской кавалерии внезапно атаковал правый фланг византийцев и смял его»¹⁶⁰⁵.

В то же время, по мнению историка, тяжелая кавалерия сельджуков не могла конкурировать с крестоносцами ни по количеству, ни по качеству вооружения. «Общая численность крестоносцев точно не известна. По разным оценкам их было от 300 до 600 тысяч человек. Из этого числа 100 тысяч составляла тяжелая кавалерия. Тяжелой рыцарская кавалерия называлась в силу нескольких причин. Во-первых, в стальные доспехи были облачены всадники, во-вторых, стальными латами были защищены кони. И, наконец, в-третьих, боевые кони были животными особой породы, они были крупнее и сильнее обычных лошадей. Тяжелая кавалерия крестоносцев была практически неуязвима для сельджуков, основным вооружением которых были легкие луки и стрелы»¹⁶⁰⁶. Поэтому победа крестоносцев при Дорилее (Эскишехир) была закономерным результатом применения рыцарской конницы¹⁶⁰⁷.

Благодаря своей «быстрой приспособляемости к меняющейся обстановке и особенностям вооружения» противника сельджуки смогли преодолеть превосходство рыцарской конницы. «Во время второго крестового похода сельджуки обратили в недостаток то, что ранее давало европейским рыцарям преимущество над туркменами – тяжелое защитное вооружение»¹⁶⁰⁸. В то же время сельджуки переняли тяжелое защитное вооружение у крестоносцев и успешно использовали его в битве при Яссычменом¹⁶⁰⁹.

¹⁶⁰⁴ Guillaumus Tyrensus. P. 288.

¹⁶⁰⁵ Запорожец В.М. Сельджуки. М., 2011. С. 126.

¹⁶⁰⁶ Там же. С. 181.

¹⁶⁰⁷ Там же. С.183.

¹⁶⁰⁸ Там же. С. 242.

¹⁶⁰⁹ Там же. С. 243.

В.М. Запорожец выдвинул две взаимоисключающие концепции о формах существования тяжелой кавалерии у сельджуков, которые требуют дополнительных разъяснений. Бесспорными можно признать только выводы автора о значительном влиянии в этот период тяжелой кавалерии на исход судьбоносных сражений при Манцикерте и Дорилее. Однако ценность добытых подобным путем сведений едва ли можно признать значительной.

Таким образом, исследователи не дают четкого ответа, в какой момент и при каких обстоятельствах появляется у сельджуков тяжелая кавалерия, как она выглядела и каким было ее назначение. Б.Н. Заходер считает, что так как сельджуки не были внешними завоевателями, как монголы, они действовали изнутри при поддержке господствующего сословия на подвластных территориях. Если вначале реальная военная сила состояла из туркмен, то вскоре в нее были добавлены «привычные мусульманскому миру X–XI веков войсковые соединения»¹⁶¹⁰. Вероятно, что данный род войск комплектовался не из кочевников, а состоял из класса военных рабов — гулямов. В первую очередь Сельджукиды нуждались в поддержке этих немногочисленных элитных подразделений против своих кочевых единоплеменников, а точнее против беспорядков и анархии, вносимой кочевниками, в налаженный быт завоеванных провинций Ближнего и Среднего Востока¹⁶¹¹. В целях сохранения мира и спокойствия сельджукские султаны своих подданных кочевников «стремились отправлять на границы государства, для набегов и борьбы с христианскими государствами»¹⁶¹².

По всей видимости, именно тяжеловооруженную конницу гулямов упоминает анонимный автор¹⁶¹³, участник Первого крестового похода, итало-норманнский рыцарь под именем «Agulani»¹⁶¹⁴. «И Агуляне были числом три тысячи, которые не боялись ни копья, ни стрел и никакого другого оружия, поскольку все они и их лошади были со всех сторон покрыты железом. Они не желали идти в бой, ни с каким иным оружием, как только с мечами»¹⁶¹⁵.

¹⁶¹⁰ Заходер Б.Н. Средиземноморье и Ближний Восток. Вып. 1. М., 1940. С. 5.

¹⁶¹¹ Sourdel D., Bosworth C.E., Inalcik H. «Chulam» // The Encyclopedia of Islam. New edition. Prepared by a number of leading orientalists. Vol. II. Leiden: E.J. Brill, 1991. P. 1083; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 411–412.

¹⁶¹² Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 412.

¹⁶¹³ Histoire anonyme de la premiere croisade, texte etabli et traduit par L. Brehier. Paris: Les Belles Lettres, 1924. 258 p

¹⁶¹⁴ Histoire anonyme. III, 9. P. 48 (при Дорилеи); IX, 21. P. 112 (под Антиохией).

¹⁶¹⁵ Ibid. «Et Agulani fuerunt numero tria milia; qui neque lanceas neque sagittas neque ulla arma timebant, quia omnes erant undique cooperti ferro et equi eorum, ipsique nolebant in bellum ferre arma nisi solummodo gladios».

Д. Николь полагает, что подобный тип вооружения тяжелой конницы был наиболее характерен для населения Северо-западного Ирана в доисламскую эпоху. Развитие подобного рода войск было обусловлено в первую очередь угрозой вторжения конных лучников тюрок-сельджуков¹⁶¹⁶.

По мнению Дж. Франса, под агулянами следует понимать тяжеловооруженную конницу, которой в эту эпоху располагали и Багдадский и Каирский халифаты. Однако из прочитанного текста статьи Франса со всей очевидностью следует, что под термином агуляне норманнский хронист понимал не всадника, но персидскую тяжелую лошадь. То есть животное, которое ни в чем не уступало лошадям крестоносцев¹⁶¹⁷. Интересно, что вслед за Франсом подобное предположение, не вдаваясь в подробности, высказывают в своих работах другие исследователи¹⁶¹⁸.

В «Песне об Антиохии» содержится подробное описание народа Agolant, который упоминается в составе войск эмира Корбарана (Кербози): «Эти последние были сильным и гордым народом, полные свирепой решимости победить, они не носили никакого иного оружия кроме острых мечей и были покрыты железом со всех сторон. Позвольте мне рассказать нечто забавное про их лошадей. Они не желали нести всадника вооруженного копьем, щитом или с поднятым знаменем и делали все возможное, чтобы избежать этого»¹⁶¹⁹.

Очевидно, что создатели «Песни об Антиохии» неверно перевели или, скорее, творчески переработали этот отрывок, взятый из латинской хроники Первого крестового похода. Этот отрывок очень напоминает приведенный у Роберта Монаха в «Иерусалимской истории» (написана между 1116 и 1122 г.): «Там было три тысячи агулян, у которых не было оружия, даже мечей. Они были покрыты со всех сторон железом и не боялись вражеского оружия. Их лошади совершенно отказывались нести седока со знаменем и копьем, и приходили в бешенство от того, кто действовал подобным образом»¹⁶²⁰.

¹⁶¹⁶ Nicolle D. The Military Technology of Classical Islam. Vol. 1–3. Edington, 1982. P. 375

¹⁶¹⁷ France J. Technology and Success of the First Crusade // War and Society in the Eastern Mediterranean: 7th – 15th centuries / ed. by Y. Lev. Leiden, 1996. P. 166–167.

¹⁶¹⁸ Vanderburie J. The Fatimid Failure against the Crusaders at the End of the First Crusade // Carnival. 2010. Vol. 12. P. 74, 84.

¹⁶¹⁹ The Chanson D'Antioche: An Old-French Account of the First Crusade. Ashgate Publishing, Ltd., 2013. P. 257.

¹⁶²⁰ Robert the Monk's History of the First Crusade: Historia Iherosolimitana / Trans. by C. Sweetenham. Aldershot, 2005. P. 150.

Издатель сочинения Роберта Монаха К. Свитенхам считает, что данный отрывок появился в его «Иерусалимской истории» вследствие ошибочного перевода Робертом на старофранцузский язык латинского текста Анонима¹⁶²¹. По его мнению, «Иерусалимская история» была первой хроникой Крестового похода, которая была переведена на старофранцузский язык. Именно эта хроника послужила источником для создания «шансон де жест», в частности для «Песни об Антиохии»¹⁶²².

Соавтор и коллега К. Свитенхама по изданию «Песни об Антиохии» С. Эджингтон считает, что «шансон де жест» послужила источником для создания некоторых хроник Первого крестового похода и, в частности «Иерусалимской истории»¹⁶²³. По ее мнению, в «Песни об Антиохии» косвенно упоминаются агуляне. Когда по зову эмира Корбарана (Кербоги) явились некие «очень храбрые» воины, у которых «на теле белыми были только глаза и зубы, каждый из них был вооружен мечом с острым, как бритва лезвием из отливающей зеленой стали. Эти клинки были настолько хороши, что Бог не смог создать бы подобного им оружия, ибо они любого могли разрубить пополам»¹⁶²⁴.

В военных операциях гулямы обычно были задействованы, как отдельное подразделение, либо, как составная часть обычных войск. В бою гулямы занимали ключевую позицию в центре и применялись в качестве ударной силы там, где не справились регулярные части. Как отмечалась выше, Сельджукиды нуждались в поддержке этих немногочисленных элитных подразделений против своих кочевых единоплеменников, а точнее против беспорядков и анархии, вносимой кочевниками, в налаженный быт завоеванных провинций Ближнего и Среднего Востока.

Очевидно, что особое восхищение у хронистов Первого крестового похода вызвал тюркский конный лучник. Вероятно, что появление некоего особого подразделения в битвах при Дорилее и Антиохии также не могло остаться незамеченным в стане крестоносцев. Очевидно, эти воины не получили возможности показать себя достойно в сражении против тяжеловооруженной рыцарской конницы, так как, в соответствии с их описанием, они были лучше приспособлены сражаться против легкой кавалерии конных лучников.

¹⁶²¹ Ibid. P. 26.

¹⁶²² Ibid. P. vii – viii.

¹⁶²³ The Chanson D'Antioche. P. 3.

¹⁶²⁴ Ibid. P. 228.

Можно предположить, что тяжеловооруженная конница гулямов была бы незаменима для решающего удара в Манцикертском сражении или в битве при Дорилее. Но, тем не менее, уникальность и драматизм данной ситуации состоит в том, что основная роль в завоевании Малой Азии принадлежала именно легковооруженной коннице кочевников¹⁶²⁵.

Как бы то ни было, применение противоборствующими сторонами различных видов вооружений и войск не может противоречить тому утверждению, что в Анатолии основу обеих армий составляла конница, с той разницей, что первоначально сельджуки использовали легкую кавалерию кочевников¹⁶²⁶, а норманны в качестве ударной силы отдавали предпочтение тяжеловооруженным конным воинам — рыцарям (*milites*).

Возможно, что данные предпочтения в оружии и его применении были обусловлены не только причинами этнокультурного характера, но и социальной принадлежностью. Когда и почему норманнские рыцари стали презрительно относиться к любому другому виду боя, кроме как на коне с копьем или на мечях?¹⁶²⁷ Дать развернутый ответ на вопрос в рамках данной работы не представляется возможным, но этот стереотип был очень жизнеспособным на протяжении XII столетия в Западной Европе и на Востоке¹⁶²⁸.

В то же время, в XI в. встречаются свидетельства об использовании норманнами конных лучников в битве при Гастингсе в 1066 г. Уникальный памятник средневекового искусства — ковер из Байе представляет собой льняное полотно длиной около 70 метров и шириной около 50 сантиметров, на котором цветными шерстяными нитями вышиты сцены, повествующие о событиях норманнского завоевания Англии. Всего ковер содержит пятьдесят сцен с латинскими надписями. Предположительно гобелен был создан в Англии около 1070 г. по заказу брата Вильгельма Завоевателя — прелата Нормандской церкви эрла Кента Одо. Среди загадок и тайн гобелена чрезвычайно интригует изображение конного лучника.

Д. Николь и Граветт, считают, что норманны придавали большое значение использованию лучников, да и сам Вильгельм Завоеватель имел репутацию прославленного стрелка из лука¹⁶²⁹. Среди возможных объяснений присутствия фигуры конного лучника на ковре из Байе исследователи допускают: ошибку

¹⁶²⁵ France J. *Crusading warfare and its adaptation to eastern conditions in twelfth century*. P. 55.

¹⁶²⁶ Гусейнов Р. А. *Сельджукская военная организация...* С. 136.

¹⁶²⁷ Hatto A. T. *Archery and Chivalry: A Noble Prejudice* // *Modern Language Review*. No. 35. 1940. P. 43.

¹⁶²⁸ *Ibid.* P. 47.

¹⁶²⁹ Nicolle D., Gravett C. *The Normans: Warrior knights and their castles*. L., 1987. P. 24.

вышивальщика; возможное, но маловероятное, применение норманнами конных лучников или профессиональных лучников пехотинцев, передвигающихся на лошадях. Норманнские лучники по своим навыкам, дисциплинированности, умении вести обстрел по площадям очень походили на византийцев и турок сельджуков. Исследователи допускают, что некоторые «короткие луки», вышитые на гобелене, являлись композитными по своей структуре и происходили из Южной Европы. Применять подобные луки могли нанятые Вильгельмом чужеземцы¹⁶³⁰.

Изображения конных лучников встречаются в манускриптах Каролингской эпохи. На одной из иллюстраций Золотой Псалтыри IX в. из монастыря Сент-Галлена изображена группа франкских всадников, одетых в броню, со шпорами на ногах, один или два из которых стреляют из лука по осажденной крепости¹⁶³¹.

Историк оружия Павел фон Винклер при рассмотрении картин ковра из Байе отмечал «могущественное влияние востока на нормандское вооружение», связанное с активными контактами норманнов с мусульманами в Малой Азии¹⁶³². Д. Николь считает серьезной ошибкой историков вооружения рассматривать Западную Европу в изоляции в то время, когда существовал «значительный технологический контакт» между Каролингской Европой, Византийской империей, Исламским миром и «степными» культурами «Венгрии, Румынии, Украины и Южной России»¹⁶³³. «Искушенные в военном деле степные народы» сыграли главную роль в развитии военных технологий, оказавших значительное влияние на Европу¹⁶³⁴.

Почему же традиция применения конных лучников не прижилась в Западной Европе? Большинство исследователей считает, что дело в социальном предрассудке, в соответствии с которым рыцари считали ниже своего достоинства использовать лук на войне и придерживались данного мнения в течение столетий вопреки осознанию очевидного превосходства такого рода оружия¹⁶³⁵.

¹⁶³⁰ Ibid. P. 25.

¹⁶³¹ Nicolle D., Reynolds W. Carolingian cavalryman AD 768 – 987. L., 2005. P. 27.

¹⁶³² П. фон Винклер. Армия Карла Великого. Зарождение рыцарства. Спб., 1894. уточнения, комментарии, подбор иллюстраций А. Зорич. 2012. // URL: http://www.medievalmuseum.ru/04weapon/medieval_weapons_charlemagne.htm (Дата обращения: 07.05.2015).

¹⁶³³ Nicolle D., Gravett C. The Normans: Warrior knights and their castles. P. 27.

¹⁶³⁴ Ibid.

¹⁶³⁵ Шпаковский В. Чем лук не угодил рыцарям? URL: http://www.pravda.ru/science/useful/02-02-2013/1143090-ritter_luck-3/ (Дата обращения: 07.05.2015); Nicolson H. Medieval Warfare: theory and practice of war in Europe 300–1500. L., 2003.

Норманны и другие крестоносцы по-прежнему делали ставку на массивную атаку тяжелой кавалерии¹⁶³⁶. Для борьбы с сельджуками Боэмунд применял специальный тактический прием, при котором пехота использовалась «исключительно для поддержки кавалерии»¹⁶³⁷.

Тем не менее можно утверждать, что ни одна армия, действовавшая на Востоке в ту эпоху, не смогла бы выжить без конных лучников. Легкая кавалерия, известная как конные сержанты, была в западноевропейских армиях наряду с тяжелой конницей¹⁶³⁸. Но специфика боевых действий в Азии против сельджуков поставила перед крестоносцами вопрос о создании нового вида легкой кавалерии известного, как туркополы¹⁶³⁹.

Туркополы были незаменимы в качестве разведчиков, вестовых, проводников, охранения на марше, преследователей, устроителей засад¹⁶⁴⁰. Но на полях сражений, действующие как самостоятельные тактические единицы против сельджукской конницы, туркополы были не просто бесполезны, но даже опасны для собственных войск. Попытка туркополов вступить в перестрелку с противником привела к поражению норманнов у Сармина в 1115 г. и настоящей катастрофе на Кровавых полях в 1119 г.¹⁶⁴¹ Харрари считает, что именно после этих двух сражений и неспособности туркополов противостоять давлению сельджукской конницы, использовали конных лучников в составе массивной атаки тяжелой кавалерии¹⁶⁴².

Д. Николь считает, что с XI по XIII в. сельджукская конница претерпела значительные изменения. Если первая волна сельджукских конных лучников применяла тактику «рассредоточения и преследования»¹⁶⁴³, то в течение двух поколений сельджукская конница обратилась к давней традиции конных лучников Среднего Востока: ведение залпового обстрела плотными группами,

¹⁶³⁶ France J. Crusading warfare and its adaptation to eastern conditions in twelfth century. P. 61.

¹⁶³⁷ Дуглас Давид Ч. Норманны. С. 132.

¹⁶³⁸ France J. Crusading warfare and its adaptation to eastern conditions in twelfth century. P. 51.

¹⁶³⁹ На данный момент туркополы и все, что с ними связано: происхождение, этническая и конфессиональная принадлежность и т.д. является наиболее спорным вопросом в историографии крестовых походов. По мнению автора, проблема туркополов достаточно полно и удачно раскрывается в специальной работе, посвященной данному вопросу: Harrari Y. The military role of Frankish Turcopoles: A reassessment // *Mediterranean historical review*. № 12: 1, 1997. P. 75–116.

¹⁶⁴⁰ Ibid. P. 114.

¹⁶⁴¹ Ibid. P. 97.

¹⁶⁴² Ibid. P. 97, P. 114.

¹⁶⁴³ Nicolle D. Saracen faris. P. 9.

зачастую стоящими на месте¹⁶⁴⁴. Это позволяло сократить количество запасных лошадей и использовать более тяжелое вооружение.

По его мнению, уже с XII в. на пространствах Азербайджана и Анатолии профессиональная элита сельджукской конницы больше отдавала предпочтение копьям, мечам, булавам и дротикам, а не стрельбе из лука. При этом Д. Николь отмечает, что эти изменения практически не коснулись воинов из тюркских племен, которых принято называть туркоманами¹⁶⁴⁵.

Ученый предполагает, что данные изменения в тактике сельджукской конницы произошли в конце XI в. и стали следствием столкновений с крестоносцами во время первого крестового похода¹⁶⁴⁶. Чтобы сохранить эффективность этой тактики в борьбе против тяжеловооруженной «франкской» конницы требовался высокий уровень тренированности, осознание морального превосходства и бесперебойное снабжение войск всем необходимым, в особенности стрелами¹⁶⁴⁷. Д. Николь делает вывод о том, что успех первого крестового похода был следствием не столько превосходства европейского вооружения и тактики, сколько упадком в военном отношении раздробленных сельджукских формирований¹⁶⁴⁸.

М. Шатцмиллер¹⁶⁴⁹ отмечает полное отсутствие в мусульманских сочинениях о военном искусстве, созданных до эпохи крестовых походов, какого-либо упоминания о тактике тюркских конных лучников¹⁶⁵⁰. Но уже в XII в. появляются военные трактаты, созданные по заказу правителей Айюбидской династии, в которых обобщается многолетний опыт борьбы с крестоносцами и немалое внимание уделяется руководству по обучению стрельбе из лука. В их числе можно назвать труд Мурды ибн Али Марди ал-Тарсуси «Ал-Табсира»¹⁶⁵¹, написанный между 1187 и 1192 г.

¹⁶⁴⁴ Ibid.

¹⁶⁴⁵ Ibid.

¹⁶⁴⁶ Ibid. P. 27–28.

¹⁶⁴⁷ Ibid. P. 28.

¹⁶⁴⁸ Ibid. P. 28.

¹⁶⁴⁹ Shatzmiller M. The Crusades and Islamic warfare — a re-evaluation // *Der Islam*. Vol. 69. Issue 2. Hamburg, 1992. P. 247–288.

¹⁶⁵⁰ Ibid. P. 261.

¹⁶⁵¹ Cahen C. Un traité d'Armurerie composé pour Saladin // *Bulletin d'Etudes Orientales*. T. XII. Institut Francais De Damas, Damascus 1947–48. P. 103–163; Boudot-Lamotte, A. Contribution à l'étude de l'archerie musulmane // *Arabica*. T. 17, Fasc. 1. Feb. 1970. P. 47–68.

В главе «Упоминания о превосходстве стрельбы из лука и стрелами» Мурда подробно рассматривает традиции стрельбы из лука, его происхождение, различные типы, девять неотъемлемых качеств стрелка, положение туловища, головы, ног, мысленный настрой; различные этапы обучения стрельбе, включая пятнадцать техник, в том числе шесть техник в нетрадиционных условиях: стрельба с неподвижно стоящей лошади, с несущейся галопом и рысью, стрельба из положения лежа на спине лошади, стрельба из максимально натянутого лука, стрельба из двух луков одновременно, стрельба сидя; различные техники хвата лука; стрельба по движущемуся и по стоящему на месте всаднику, стрельба по всаднику с копьём и по всаднику с мечом и множество прочих деталей¹⁶⁵².

М. Шатцмиллер предполагает, что трактат Мурды является попыткой записать существующую давнюю и богатую устную традицию отлично зарекомендовавшей себя системы обучения стрельбы из лука. По ее мнению, в данном случае Мурда исходил из современных ему военных реалий и все вышеизложенные инструкции предназначались «конному лучнику, Тюрку»¹⁶⁵³.

На вопрос, почему в написании руководств среди прочих военных дисциплин стрельба из лука выходит на первый план, М. Шатцмиллер отвечает, что это искусство было более развито и пользовалось популярностью, как один из видов спорта¹⁶⁵⁴. В данном случае, объяснение, которое дает Д. Николь, выглядит более убедительным: военная необходимость борьбы с крестоносцами привела к введению тактики залповой стрельбы по площадям большими группами конных лучников, что в свою очередь обеспечивал высокий уровень тренированности последних.

Подобную мысль высказывают в своих исследованиях и другие ученые. Специалист в области изучения истории мусульманских лучников Д. Ама-туччи рассматривает конных сельджукских лучников как представителей кочевых народов Евразии, которые с раннего возраста обучались искусству верховой езды и стрельбы из лука. Однако в военном контексте без должной дисциплины и организации эти навыки были на довольно примитивном уровне. По этой причине, а также благодаря тяжелому вооружению и такти-

¹⁶⁵² Boudot-Lamotte, A. Kaws // *The Encyclopedia of Islam*. New edition. Prepared by a number of leading orientalist. Vol. IV. Leiden: E.J. Brill, 1997. P. 795–803; Ammatucci G. *Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati*. [Electronic resource] / G. Ammatucci // *Arcosofia*, n. 4, Suplemento di n. 2 di Arco, Febbraio/Marzo, 2006. URL: http://www.arcosofia.net/database/N4/storia_amatuccio3.htm. (accessed 29.11.2013).

¹⁶⁵³ Shatzmiller M. *The Crusades and Islamic warfare*. P. 263.

¹⁶⁵⁴ Ibid.

ке рыцарей, во время первого крестового похода удалось одержать верх над сельджукскими ордами. Но это преимущество будет длиться недолго, пока присущий тюркам способ сражения не получит развитие в наиболее эффективных и передовых военно-политических системах, созданных Саладином и мамлюками Египта¹⁶⁵⁵.

По мнению Д. Аматауччи, поединок между тяжеловооруженной рыцарской конницей и тюркскими конными лучниками продолжался в течение двух столетий и закончился с падением Акры в 1291 г. и полным изгнанием крестоносцев из Святой земли. В числе главных военных причин поражения христиан в этом противостоянии Аматауччи называет полное отсутствие знаний о Востоке и слепую веру в превосходство тяжелой кавалерии, что привело к недооценке эффективности мусульманских лучников¹⁶⁵⁶.

Исследование Д. Аматауччи подтверждает тот факт, что традиция использования конных лучников была привнесена в Исламский мир именно тюрками, поскольку она получила развитие только на Ближнем Востоке. Арабы Испании со временем сделали выбор в пользу арбалета. Мусульмане Сицилии под владычеством норманнов сохранили верность традиции стрельбы из арабского лука и на протяжении трех столетий служили норманнам, швабам и анжуйцам в качестве пеших лучников¹⁶⁵⁷.

Таким образом, и у норманнов, и у сельджуков существовали предпочтения в выборе и применении определенного вида оружия, обусловленные, прежде всего, этнокультурными и социальными предпосылками. Неудивительно, что мы находим указания на это у византийских и латинских авторов XI–XII вв.

¹⁶⁵⁵ Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. [Electronic resource] / G. Ammatucci // Arcosofia, – n. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, Aprile/Maggio, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (accessed 29.11.2013).

¹⁶⁵⁶ Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. [Electronic resource] / G. Ammatucci // Arcosofia, – n. 3, Suplemento di n. 5 di Arco, Settembre/Ottobre, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N3/storia_amatuccio2.htm (accessed 30.11.2013). Д. Аматауччи ссылается на христианские трактаты XIII–XIV вв., в которых рассматривались различные способы отвоевания Святой земли. В 1309 г. Раймонд Луллий предлагал комплектовать армии крестоносцев лучниками христианами для борьбы с мусульманской легкой кавалерией. В 1291 г. францисканец Фиденцио из Падуи предложил не только набирать в экспедицию на Восток лучников и арбалетчиков в большом количестве, но и обучать поголовно всех христианских солдат вплоть до рыцарей стрельбе из лука.

¹⁶⁵⁷ Ammatucci G. Storia dell'Arcieria Islamica: i Trattati. [Electronic resource] / G. Ammatucci // Arcosofia, – n. 2, Suplemento di n. 3 di Arco, Aprile/Maggio, 2005. URL: http://www.arcosophia.net/database/N2/storia_amatuccio1.htm (accessed 29.11.2013).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XI в. средневековый Запад перешел от обороны к территориальной экспансии по всем направлениям, которая развернулась уже за границами католических государств. Авангардом и наиболее активным проводником этой экспансии в Южной Италии и Сицилии выступили норманны. Воспитанная в духе завоевательных традиций первых норманнских герцогов, норманнская аристократия искала возможности для агрессии не только в Европе, но и в Малой Азии. Длительное время в исторической науке вопрос о миграции норманнов в Малую Азию было принято рассматривать как часть истории Византии, крестовых походов, Нормандии, завоеваний норманнов в районе Средиземноморья. Последовательное рассмотрение историографии, латинских, византийских, армяноязычных, сирийских и мусульманских групп источников, а также данных нумизматики и сфрагистики позволяет говорить о глубоких связях норманнов с Малой Азией и о значительной роли, которую они сыграли в истории региона в XI–XII вв.

На современном этапе накоплен обширный материал и достигнут достаточно высокий уровень развития методологии для того, чтобы непосредственно приступить к изучению процесса проникновения норманнов в Малую Азию. Данный процесс подразделяется на два периода, первый из которых длился с середины до конца XI в., а второй начался вместе с Первым крестовым походом и продолжался до конца первой трети XII в.

Норманны приходили в Малую Азию в качестве паломников с начала XI в. С 1035 г. появляются первые отряды рыцарей, которые служили в качестве наемников при дворе византийских императоров. С 40-х гг. XI в. норманн-

ские контингенты отправляются имперским правительством на восточные границы империи. Приходившие из Южной Италии норманнские предводители во главе отрядов в несколько сотен воинов владели домами и замками в феме Армениак. Зачастую они имели огромный опыт завоевательных кампаний в Испании, Южной Италии и Сицилии. Именно эти формирования норманнских наемников, последовательно возглавляемые Жерве Франкопулосом, Робертом Криспином и Русселем де Баллиолем, имели достаточно сил и возможностей, чтобы оказывать огромное влияние на расстановку сил в империи. Они были независимы в командовании отрядами своих соотечественников и могли поднять мятеж, если бы сочли себя оскорбленными или не получили бы должного денежного содержания.

К концу XI в. в византийской исторической традиции (Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Никифор Вриенний, Михаил Пселл, Михаил Атталиат) сформировался образ норманна-христианина, варвара, чужеземца, наемника, который нес службу в Малой Азии в качестве тяжеловооруженного всадника. С другой стороны, в глазах представителей малоазийской провинциальной аристократии норманн являлся «своим», приравнивался к «ромею». Подобное отношение во многом упрощало его адаптацию в византийском обществе и содействовало карьерному росту при условии соблюдения политической лояльности.

У итало-норманнских авторов норманны предстают как паломники, наемники и изгнанники, которые утратили благосклонность норманнских правителей в Нормандии или в Южной Италии. Служба норманнов у византийских императоров расценивалось как очень престижное и прибыльное занятие. Превосходство норманнов над византийцами в военном деле являлось залогом успешной карьеры и в то же время было поводом для зависти со стороны «коварных греков».

Взаимодействие норманнов и византийцев в Малой Азии добавило негативные черты к образу византийцев в норманнской традиции. К «коварству», «изнеженности» и «женоподобности» «греков» норманнские хронисты добавили «зависть» к успехам норманнских предводителей в Малой Азии.

Первые контакты норманнов и тюрок-сельджуков происходили в Малой Азии, чему способствовала политика византийских императоров, которые стремились с помощью норманнов остановить экспансию кочевников на восточных границах империи. Данные контакты происходили как в форме боевых стычек, так и в форме союзов, которые заключали между собой предводители норманнов и тюрок-сельджуков. Подобного рода союзы не вызвали

настороженности со стороны византийских авторов, поскольку они были уверены в их непрочности и недолговечности.

До Первого крестового похода латинские авторы не рассматривали борьбу норманнов с вторжениями сельджуков в Малой Азии как «священную войну», которую вели норманны против арабов-мусульман в Испании и на Сицилии.

В армянской исторической традиции образ норманна в Малой Азии оформляется в первой половине XII в. Ретроспективный взгляд на период до Первого крестового похода представлен у Матфея Эдесского, который рисует героический образ христианского воина, тяжеловооруженного всадника, совершающего подвиги на войне против тюрок-сельджуков. Матфей также пишет о «коварстве» их предводителей, указывая на их жадность и предательство единоверцев.

У мусульманских авторов норманны в Малой Азии перед Первым крестовым походом представлены как «самые храбрые воины Рума», тяжеловооруженные всадники, которые служили в войсках христианских правителей: византийцев и армян. Они обитали в скрытых долинах и крепостях, откуда совершали разбойничьи набеги и причиняли много вреда мусульманам.

По мнению византийских и мусульманских авторов, союзы между норманнами и тюрками-сельджуками были крайне нестабильны. Инициаторами их нарушения, как правило, выступали сельджуки. В случае поражения норманнов, которые составляли наиболее боеспособную часть византийского войска, потери всегда несла империя.

Война была главным ремеслом норманнов, с помощью которого они надеялись приобрести богатства на службе империи, а если повезет, то и обзавестись обширными владениями за счет Византии. Последнее стало возможным вследствие условий, сложившихся в Малой Азии во второй половине одиннадцатого века: ослабление Византии и экспансия тюрок-сельджуков.

Стремление норманнов к сепаратизму создавало огромные проблемы для Византии. В результате норманнских завоеваний империя лишилась Южной Италии и Сицилии, понесла огромные издержки в военных кампаниях на Балканах. В результате мятежа Русселя де Баллиоля Византия лишилась возможности оперативно противодействовать сельджукской угрозе и была вынуждена обращаться за помощью к сельджукам в борьбе против норманнов. Таким образом, действия норманнов привели к утрате контроля византийцев над Малой Азией и способствовали успеху завоеваний сельджуков.

Византийцам удалось частично решить «норманнскую проблему» в Малой Азии до начала Первого крестового похода. Некоторые предводители норманнов нашли свою смерть от «коварства» византийцев: Жерве Франкопулос был утоплен в Босфоре, а Роберт Криспин и Руссель де Баллиоль были отравлены. Впоследствии Алексей Комнин стал проводить политику ассимиляции в отношении норманнов.

Невозможно себе представить последствия существования норманнского государства в Малой Азии к началу Первого крестового похода. Очевидно, Константинополь был бы завоеван на сто лет раньше.

Участие норманнов в Первом крестовом походе и создание Антиохийского княжества привели к трансформации образа норманнов в сознании латинских и византийских авторов. Из паломников и наемников они превратились в крестоносцев-завоевателей, правителей владений на Востоке.

В хрониках Первого крестового похода нашла отражение борьба за умы современников. Норманнская точка зрения была представлена в хрониках Анонима, Рауля Канского и Ордерика Виталия. Она отличалась антивизантийской направленностью и утверждением лидирующего положения норманнов в Первом крестовом походе.

Некоторые норманнские авторы (Аноним, Ордрик Виталий) не в полной мере разделяли устремления своих начальников. Аноним постепенно разочаровывался в Боэмунде и оставил его ради службы под знаменами Раймунда Сен-Жильского. В свою очередь Ордрик был готов воспевать успехи норманнов в той мере, в какой они способствовали росту могущества и влияния Римско-католической церкви. Личное отношение авторов несколько не помешало им с максимальной полнотой передать чаяния и желания норманнских предводителей в Первом крестовом походе и заложить идеологические основы норманнского государства на Востоке.

В то же время амбиции предводителей норманнов встречали сильное противодействие со стороны лотарингцев, провансальцев и византийцев. Альберт Ахенский, нейтрально относившийся к норманнам-крестоносцам, является источником ценных сведений об отношениях норманнов с различными группами пришельцев и автохтонного населения Малой Азии.

Восточно-христианские и мусульманские авторы XII–XIII вв. представляли норманнов главными организаторами и предводителями движения крестоносцев на Востоке. Армяноязычные и сирийские хронисты считали их прямыми наследниками Римской империи. Наряду с термином «франк» для обозначения норманнов и других выходцев из Западной Европы они использовали

термин «римляне». Вполне естественно, что восточно-христианские авторы испытывали большую симпатию к «единоверцам» и возлагали на них надежды, связанные с восстановлением утраченных позиций. Матфей Эдесский отмечал личную храбрость и великую набожность отдельных предводителей норманнов. Он также с осуждением говорил об их непомерных амбициях, стремлении к территориальным захватам, к доминированию, вере в собственное превосходство.

Изучение легенды о Троянской войне в латинской традиции дает ключ к пониманию восприятия норманнами народов Малой Азии. Данный текст изначально имел антивизантийскую направленность и попутно подогревал интерес к Востоку в среде западноевропейского рыцарства. Легенда о Трое оказывала большое влияние на политические и военные отношения между народами.

Легенда о троянском происхождении служила задачам легитимации различных политических и идеологических притязаний. Она также являлась династическим мифом. Этот рудимент Римской империи был действующей моделью политической идеологии. На его фундаменте средневековые авторы «создавали» народы и династии, а политики заключали союзы и развязывали войны.

Участник Первого крестового похода итало-норманнский рыцарь Аноним закладывает основы традиции, в соответствии с которой многие латинские авторы воспринимали сельджуков как «благоразумных», «храбрых», «могущественных», «изобретательных в сражении» врагов, которые являлись «прирожденными рыцарями» и вели свой род от «франков». Тот факт, что тюрки-сельджуки похвалялись своим троянским происхождением, свидетельствует о длительных контактах норманнов и сельджуков в Малой Азии перед Первым крестовым походом.

Наличие такого прочного основания для развития норманно-сельджукских отношений в сознании современников не только объясняет восхищение авторов Первого крестового похода доблестями сельджуков, но и позволяет предположить, что восприятие норманнами своих противников на Востоке было далеко не враждебным. Осознание норманнами и тюрками-сельджуками «общего происхождения» и наличие качеств, соответствующих «рыцарскому идеалу» у обоих сообществ, указывает на возможность существования тесных связей, базировавшихся на принципах равенства и взаимного уважения.

В связи с этим не такими фантастическими кажутся отчеты латинских авторов (Альберт Ахенский, Ордрик Виталий, Валеран) о трехгодичном пребывании Боэмунда в Никсаре, в плену у эмира Сиваса Гюмюштекина ибн Данышменда.

По большей части данные отчеты были созданы со слов самого Боэмунда и отражали в значительной степени точку зрения норманнского князя.

По версии Альберта, ибн Данышменд отказывался передать Боэмунда за выкуп Алексею Комнину, заключил договор с Боэмундом о дружбе (каждый на основании «своего закона и вероисповедания») и остался верным ему до конца. Валеран утверждал, что союз между Боэмундом и ибн Данышмендом был заключен при посредничестве Святого Леонарда и содействии Бога. По договору между двумя лидерами норманны и тюрки должны были составить «единый народ» и собрать «норманно-тюркское войско» для борьбы с врагами эмира Сиваса. Наконец, Ордерик рисует самую романтическую картину освобождения из плена предводителя норманнов, в соответствии с которой посредником заключения «вечного мира» между христианами и мусульманами выступила дочь ибн Данышменда — Мелац.

ИСТОЧНИКИ

1. Анна Комнина. Алексиада / Анна Комнина; пер. с греческого Я.Н. Любарского. – СПб.: Алетейя, 1996. – 703 с.
2. Аристакэс Ластивертци. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци / Аристакэс Ластивертци; перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К.Н. Юзбашяна. — М.: Наука, 1968. – 195 с.
3. Безобразов, П.В. Хрисовул императора Михаила VII Дуки / П.В. Безобразов // Византийский временник. – 1899. – Т. 6. – С. 140–148.
4. Всеобщая история Вардана Великого: (с примеч. и прил.) / Вардан Великий; пер. Н.О. Эмина. – М.: Тип. Лазарев. ин-та вост. яз., 1861. – XXIV, 218 с.
5. Гарбузова, В.С. Сказание о Мелике Данышменде / В.С. Гарбузова. – М.: Издательство восточной литературы, 1959. – 188 с.
6. Гибб, Г. Дамасские хроники крестоносцев / Г. Гибб; пер. с англ. Е.Б. Межевитинова. – М.: Центрполиграф, 2008. – 253 с.
7. Гусейнов, Р.А. Из «Хроники» Михаила Сирийца / Р.А. Гусейнов // Письменные памятники Востока. Ежегодник 1973. – М.: Наука, 1979. – С. 28–44; Ежегодник 1974. – М., 1981. – С. 12–24; Ежегодник 1975. – М.: Наука, 1982. – С. 17–30, 46–53; Ежегодник 1976–1977. М.: Наука, 1982. – С. 74–85.
8. «Деяния франков и прочих иерусалимцев». Перевод на русский язык и комментарий. Учебно-методическое пособие / Т.Г. Мякин, Г.Г. Пиков, В.Л. Портных. – Новосибирск: НГУ, 2010. – 251 с.
9. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории) / Ибн ал-Асир; пер. с арабского языка, примечания и комментарии П.Г. Булгакова [дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолдина]. – Ташкент – Цюрих : Изд-во АН РУз, 2005. – 595 с.

10. Ибн Джубайр. Путешествие / Ибн Джубайр; пер. с араб. языка, вступ. статья и прим. Л.А. Семенова, отв. ред. С.Х. Кямилев. – М.: Глав. ред. вост. лит. изд. Наука, 1984. – 295 с.
11. Камал ад-Дин. Зубдат ат-таварих аль-Халеб (Сливки, снятые с истории Халеба) / Камал ад-Дин; пер. и комм. Л.А. Семенова // Семенова, Л.А. Из истории Средневековой Сирии. Сельджукский период. – М.: Наука, 1990. – С. 105–217.
12. «Картлис Цховреба» (История Грузии) / под ред. акад. Р. Метревели. – Тбилиси: Издательство АРТАНУДЖИ, 2008. – 454 с.
13. Кекавмен. Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Кекавмен ; подготовка, введение, перевод с греческого и комментарий Г.Г. Литаврина. – М.: Алетей, 2003. – 711 с.
14. Киракос Гандзакечи. История Армении / Киракос Гандзакечи; пер. с древнеарм., предисловие и комментарий Л.А. Ханларян, отв. ред. М.О. Дарбинян-Меликян. – М.: Наука, 1976 (Памятники письменности Востока). – 359 с.
15. Михаил Пселл. Хронография / Михаил Пселл; введение, перевод и комментарий Я.Н. Любарского. – М.: Наука, 1978. – 319 с.
16. [Насир-и Хусрау]. Сафар-наме. Книга путешествия / Насир-и Хусрау; пер. и вступ. статья Е.Э. Бертельса, под общ. ред. В.А. Гордлевского, И.Ю. Крачковского, илл. Е.Я. Хигер. – М.; Л. : Academia, 1933. – 212 с.
17. Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087) / Никифор Вриенний; отв. ред. и автор комментариев А.А. Калинин. – М.: Посев, 1997. – 199 с.
18. Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1972. – 558 с.
19. Панченко, Б.А. Каталог моливдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе (с табл. II–VIII) / Б.А. Панченко // Известия Русского Археологического института в Константинополе. – 1908. – Том 13. – С. 78–151.
20. Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Робер де Клари; пер. и комм. М.А. Заборова. – М.: Наука, 1986 (Памятники исторической мысли). – 175 с.
21. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. I. / Ибн-ал-Атир; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. – 1886. – Т. I. Вып. I. – С. 19–22.
22. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. II. / Имад-эд-дин Исфаханский; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. – 1886. – Т. I. Вып. III. – С. 189–202.

23. Розен, В.Р. Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом. III. / Садр-эд-Дин ал-Хусейни; пер. бар. В.Р. Розен // Записки Восточного отделения русского археологического общества / под ред. бар. В.Р. Розена. – 1887. – Т. I. Вып. IV. – Р. 243–252.
24. Розен, В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлеч. из летописи Яхьи Антиохийского / Яхья Антиохийский; изд., пер. и объяснил бар. В.Р. Розен, доц. С.-Петербур. ун-та, гл.-кор. Спец. шк. живых вост. яз. в Париже. – Санкт-Петербург: тип. Акад. Наук, 1883. – 634 с.
25. Садр ад-Дин али ал-Хусайни. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя. Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-Селджукийя (Сообщения о сельджукском государстве. Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях) / Садр ад-Дин али ал-Хусайни; издание текста, перевод, введение, примечания и приложения З.М. Бунятова. – М.: Наука, 1980. – 273 с.
26. Смбат Спарамет. Летопись / Смбат Спарамет; пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. – Ереван: Айастан, 1974. – 198 с.
27. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Усама ибн Мункыз; пер. Ю. И. Крачковского. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 328 с.
28. Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби // Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков; примеч. и коммент. А. Желтякова, М. Залумяна и Г. Путуридзе. Институт востоковедения АН СССР. – Вып. 3. – М.: Наука. Глав. ред. вост. Лит-ры, 1983. – 376 с.
29. Abulfedae. Annales Moslemici / Abulfeda; latinus ex arabici fecit J.J. Reiske. – Lipsiae: apud Christ. Gottl. Hilscherum, 1778. – Vol. I. – xxviii, 329 p.
30. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / ed. F. Miklosich et I. Müller. – Vindobonae: C. Gerold, 1887. – Vol. V. – 479 p.
31. Actes de Lavra / édition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Collomp d'après les descriptions, photographies et copies de Gabriel Millet et Spyridon de Lavra. – P.: Lethiellieux, 1937 (Archives de l'Athos. – pt. 1). – Vol. I. – xxxi, 249 p.
32. Ademar S. Cibardi monachus. Historiarum libri tres / Ademar S. Cibardi monachus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1853. – T. 141. – P. 9–86.
33. Albert of Aachen. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem / Albert of Aachen; ed. and trans. Susan B. Edgington. – Clarendon: Press Oxford Medieval, 2007. – 1016 p.

34. Alberti Aquensis. *Chronicon Hierosolymitanum de Bello Sacro* / Alberti Aquensis // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1879. – T. IV. – P. 265–715.
35. Amatus di Montecassino. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino* / Amatus di Montecassino; a cura di V. de Bartholomeis. – Roma: Tipografia del Senato, 1935 (Fonti per la Storia d'Italia). – cxix, 423 p.
36. *Anales palatinos del Califa de Córdoba al-Hakam II*, por 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī (360–364 H. = 971–975 J.C.) / 'Isā ibn Ahmad al-Rāzī; Abū Marwān Ḥayyān ibn Khalaf Ibn Ḥayyān; traducción de un Ms. árabe de la Real Academia de la Historia por E.G. Gómez. – Madrid: Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1967. – 293 p.
37. Annae Comnenae. *Alexiadis libri XV* / Anna Comnena; ed. C.F. Niebuhr, L. Schopenus, A. Reifferscheid. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1839 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). – Vol. I. – xlix, 461 p.; 1878. – Vol. II. – xii, 828 p.
38. Annae Comnenae. *Alexias* / ed. by Diether Reinsch, Athanasios Kambylis, Athanasios comp. by Foteini Kolovou. – Berolini [Berlin]; Et Novi Eboraci [New York]: W. de Gruyter, 2001 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae – Series Berolinensis 40). – vi, 833 p.
39. *Annali Genovesi di Gaffaro e de' suoi continuatori dal MXCIX dal MCXCIII* / Gaffaro; a cura de L.T. Belgrano. – Genova: Tipografia del. R. Istituto sordo-muti, 1890 (Fonti per la storia d'Italia). – Vol. I. – cviii, 266 p.
40. Anonimi Barenensis. *Chronicon* / Anonimus Barenensis; ed. L. Muratori // *Rerum Italicarum scriptores*. – Mediolanum: ex typographia Societatis palatinae, 1724. – T. V. – P. 147–157.
41. Anonymi *Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum* / Anonymous; ed. B.A. Lees. – Oxford: Clarendon Press, 1924. – xxx, 156 p.
42. *Archives de l'Orient latin* / publiées sous le patronage de la Société de l'Orient latin. – P.: E. Leroux, 1881. – T. I. – 936 p.; 1884. – T. II. – 1173 p.
43. Aristakès de Lastivert. *Récit des malheurs de la nation arménienne* / Aristakès de Lastivert; éd. et trad. M.Canard et H. Berbérien. – Bruxelles: Éditions de Byzantion, bd de L'Empereur, 1973 (Bibliothèque de Byzantion. – 5). – xlvi, 148 p.
44. *Armenia and the Crusades: tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa* / Matthew of Edessa; translated from the original Armenian with a commentary and introduction by Ara Edmond Dostourian, foreword by Krikor H. Maksoudian. – Lanham: National Association for Armenian Studies and Research, 1993. – 375 p.
45. Baldrici Episcopi Dolensis *Historia Jerosolimitana* / Baldrici Episcopi Dolensis // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1879. – T. IV. – P. 1–89.

46. Bartolf of Nangis. *Gesta Francorum expugnantium Iherusalem* / Bartolf of Nangis // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P. : Imprimerie royale, 1866. – T. III. – P. 489–543.
47. Bibicou, H. Une page d'histoire diplomatique de Byzance au xie siècle: Michel VII Doukas, Robert Guiscard et la pension des dignitaires / H. Bibicou // *Byzantion*. – 1959. – Vol. 29–30. – P. 43–75.
48. Caffaro. *Genoa and the Twelfth-Century Crusades* / Caffaro; ed. And trans. by M. Hall and J. Phillips. – Farnham: Ashgate, 2013 (*Crusade texts in translation*. – 26). – 280 p.
49. *Cartulaire de l'église du Saint-Sépulcre de Jérusalem, publié d'après le manuscrits da Vatican* / par M. Eugène de Rozière. – P.: Imprimerie Nationale, 1849. – 331 p.
50. *Chartes de Terre Sainte provenant de l'Abbaye de N.-D. de Josaphat* / N.F. Delaborde. – P.: E. Thorin, 1880 (*Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome*. – Fasc. 19). – 153 p.
51. *Chronicles of the First Crusade* / ed. and introd. by Christopher Tyerman. – L.: Penguin Books, 2012. – 398 p.
52. *Chronique de Matthieu d'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le prêtre jusqu'en 1162* / Matthew d'Edesse, Grégoire; l'auteur et traducteur E. Delaurier. – P.: A. Durand, 1858. – 553 p.
53. *Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites* / Michel le Grand; traduite pour le premiere fois sur la version armenienne du pretre Ischok par V. Langlois. – Venise : Typographie de l'Académie de Saint-Lazare, 1868. – 378 p.
54. *Chronique de Robert de Torigni, abbé du Mont-Saint-Michel; suivie de divers opuscles historiques de cet auteur et de plusieurs religieux de la même abbaye* / Robert de Torigni; éd. Léopold Delisle. – Rouen: A. Le Brument et Ch. Métérie, 1872. – T. I. – lxx, 369 p.; 1873, – T. II. – xix, 415 p.
55. *Das Register Gregors VII = Gregorii VII registrum* / hrsg. von Erich Caspar. – Berlin: Weidmann, 1920 (*Monumenta Germaniae Historica. Epistolae*. – 4, *Epistolae selectae*. – 2). – T. II. Fas. I (T. I. Buch I–IV). – xlii, 347 s.; 1923. – T. II. Fas. II (T. II. Buch V–IX). – S. 348–711.
56. *Dudo Decanus S. Quintini Veromandenses. Historiarum libri tres* / Dudo // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – T. 141. – P.: Garnier Frères, 1853. – T. 141. – P. 605–758.
57. *Dudonis Sancti Qvintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum* / Dudo. – Gaen: F. le Blanc-Hardel, 1865. – 317 p.

58. Ekkehardus Uraugiensis. *Chronica* / Ekkehardus Uraugiensis // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – T. 154. – P.: Garnier Frères, 1853. – T. 154. – P. 459–1062.
59. Fauroux, M. *Recueil des actes des ducs de Normandie de 911 à 1066* / Marie Fauroux, complété d'un index rerum par Lucien Musset – Caen: Société d'impressions Caron, 1961 (*Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie.* – 26). – 560 p.
60. Fulcheri Carnotensis *Historia Hierosolymitana: 1095–1127* / Fulcheri Carnotensis; hrsg von Heinrich Hagenmeyer. – Heidelberg: Winter, 1913. – 915 p.
61. Gabrieli, F. *Arab Historians of the Crusades* / Francesco Gabrieli; trans. by E. J. Costello. – L.: Taylor & Francis e-Library, 2009. – 227 p.
62. Galterii cancellarii *Bella antiochena* / Galterius cancellarius, mit erläuterungen und einem anhang hrsg. von Heinrich Hagenmeyer. – Innsbruck: Verlag der Wagnerschen universitäts und buchhandlung, 1896. – 391 p.
63. Gaufredus Malaterra. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius* / Gaufredus Malaterra // *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani.* – Bologna: N. Zanichelli, 1928. – T. 5. –172 p.
64. Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. *Ope [Compendium historiarum]* / Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae; ab C.F. Niebuhrii, I. Bekkero suppl. et emen. – Bonn: E. Weber, 1839. – T. II. – 824 p.
65. *Gesta Francorum et aliorum Hierosolimatorum: The deeds of the Franks and the other pilgrims to Jerusalem* / Anonymous, ed. and trans. R. Hill. – L.: Thomas Nelson and Sons, 1962. – xlv, 220 p.
66. Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei. *Chronicon syriacum* / Gregorii Abulparagii sive Bar-Hebraei; e. codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notisque illustravit P.I. Bruns, edidit ex parte vertit notisque adiecit G.G. Kirsch. – Lipsiae: Apud Adamum Pridericum Boehmum, 1789. – 647 p. lii.
67. Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos* / Guibertus abbat monasterii Sanctae Mariae Novigenti // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1879. – T. IV. – P. 113–221.
68. Guibertus S. Mariae de Novigento. *Gesta Dei per Francos* / Guibertus S. Mariae de Novigento // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1853. – T. 156. – P. 679–838.
69. Guillame de Jumege. *Gesta Normannorum ducum* / Guillame de Jumege, ed. J. Marx. – Rouen; Paris: A. Lestringant, 1914. – 418 p.

70. Guillaume de Pouille. *La Geste de Robert Guiscar / Guillame de Pouille*; edition, traduction, commentaire et introduction par M. Mathieu. – Palermo: Istituto siciliano di studi bizantini e neellenici, 1961. – 461 p.
71. Guillelmus Tyrensis Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum / Guillelmus Tyrensis Archiepiscopus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1855. – T. 201. – P. 209–892.
72. Guillelmi Appuli. *Historicum poema de rebus Normannorum in Sicilia, Appulia et Calabria gestis, usque ad mortem Roberti Guiscardi Ducis / Guillelms Appulus*; ed. L. Muratorius // *Rerum Italicarum scriptores. – Mediolanum: ex typographia Societatis palatinae*, 1724. – T. V. – P. 245–278.
73. Guillermi Apuliensis. *Gesta Roberti Wiscardi / Guillerms Apuliens*; ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio* / ed. Rudolfo Köpke. – Hannover: Hahn, 1851. – T. IX. – P. 239–298.
74. Hagenmeyer, H. *Epistulae et chartae ad historiam primi belli sacri spectantes quae supersunt aevo aequales ac genuinae: die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100: eine Quellensammlung zur Geschichte des ersten Kreuzzuges mit Erläuterungen. – Innsbruck: Wagner'sche Universitäts-Buchhandlung*, 1901. – 488 p.
75. *Histoire anonyme de la premiere croisade / Anonym; texte etabli et traduit par L. Brehier. – P.: Les Belles Lettres*, 1924. – 258 p.
76. *Historiae Normannorum scriptores antiqui, res ab illis per Galliam, Angliam, Apuliam, aptae principatum, Siciliam et Orientem gestas explicantes, ab anno 838 ad annum 1220, insertae sunt monasteriorum foundationes variae, series episcoporum ac abbatum, genealogiae regum, ducum, comitum, & nobilium, plurima denique alia vetera, tam ad profanam quam ad sacram illorum temporum historiam pertinentia / ex mss. codd. omnia fere nunc primum edidit Andreas Duchesnius Turonensis. – Lutetiae Parisiorum: R. Fouet, N. Buon, S. Cramoisy*, 1619. – 1104 p.
77. Ibn al-Athir. *Extrait de la chronique intitulee Kamel-Altevarykh par Ibn Alaty / Ibn al-Athir // Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – Paris: Imprimerie nationale, 1872. – T. I. – P. 187–744.
78. Ioannis Cinnami. *Epitom rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Ioannus Cinnam*; ed. C.F. Niebuhr, A. Meineke. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1886 (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*). – xxv, 409 p.
79. Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum / Ioannis Scylitzae*; ed. J. Thurn. – Berlin: de Gruyter. 1973 (*Corpus fontium historiae byzantinae*). – lvi, 580 p.

80. Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum libri XVIII / Ioannus Zonara; ed. C.F. Niebuhrii, M. Pinderi, T. Büttner-Wobst. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1897 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). – T. III. – xxi, 933 p.
81. Itinirarium peregrinorum et gesta regis Ricardi // Chronicles and Memorials of the Reign of Richard / ed. by W. Stubbs. – L.: Longman, 1864. – Vol. I. – cxi, 468 p.
82. İslam kaynaklarına göre Malazgirt savaşı / metinler ve çeviriler F. Sümer, A. Sevim. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1971 (Türk Tarih Kurumu yayınlarından. Seri 19). – 150 s.
83. Jus Graeco-Romanum. Novellae constitutiones / ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. – Lipsiae: T.O. Weigel, 1857. – P. III. – xxxiv, 748 p.
84. L'Estoire de la Guerre sainte. Histoire en vers de la troisième croisade (1190–1192) / Ambroise, publiée par Gaston Paris. – P.: Leroux, 1897. – 558 p.
85. La chanson d'Aspremont, chanson de geste du XIIe siècle. Texte du manuscrit de Wollaton Hall / éd. L. Brandin. – P.: Champion Editeur, 1970. – T. I (vers 1–6154). – 203 p.; T. II (vers 6155–11376). – 210 p.
86. La chronographie de Bar Hebraeus: ktābā dmaktbānūt zabnē : l'histoire du monde d'Adam à Kubilai Khan / Gregorius Abū al-Farağ Barhebraeus; traduit du syriaque par Philippe Talon. – Fernelmont: Ed. modulaires européennes, 2013 (Nouvelles études orientales). – T. I. – 342 p.; – T. II. – 311 p.; – T. III. – 221 p.
87. Lamperti monachi Hersfeldensis Opera: accedunt Annales Weissenburgenses / Lampertus Hersfeldensis; recognovit O. Holder-Egger. Accedunt Annales weissenburgenses. – Hannoverae: Hahn, 1894 (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. – 7, Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. – 38). – lxxviii, 490 s.
88. Laurent, V. Byzance et l'Angleterre au lendemain de la conquête normande. A propos d'un sceau byzantin trouvé à Winchester / V. Laurent // Numismatic Circular. – 1963. – Vol. 71. – P. 93–96.
89. Leonis Marsicani et Petri Diaconi. Chronica monasterii Casinensis / Leo Marsicanus, Petrus Diaconus; ed. Wattenbach // Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum / ed. G.H. Pertz. – Stuttgart: Hiersemann, 1846. – T. VII. – P. 440–990.
90. Les chétifs / ed. G.M. Myers. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1981 (The Old French Crusade Cycle, 5). – xxxviii, 371 p.
91. Liber Historiae Francorum // Monumenta Germaniae Historica, Scriptores Rerum Merovingicarum / ed. B. Krusch. – Hannover: Hahn, 1888. – T. II. – P. 215–328.

92. Loud, G.A. A Calendar of the Diplomas of the Norman Princes of Capua / G.A. Loud // Papers of the British School at Rome. – 1981. – Vol. 49. – P. 99–143.
93. Lupi Protospatarii. Chronicon / Lupus Protospatarius // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1854. – T. 155. – P. 121–144.
94. Mattieu de Edesse. Extrait de la chronique de Mattieu de Edesse // Recueil des Historiens des Croisades. Documents Armeniens / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1869. – T. I. – P. 1–150.
95. Mélikoff, Irène. La geste de Melik Dānišmend. Étude critique du Dānišmendnāme / Irène Mélikoff. – P.: A. Maisonneuve, 1960 (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul. – 10–11). – Vol. II. – 812 p.
96. Michaelis Attalioae. Historia / Michael Attaliota; ed. C.F. Niebuhrii, W. Bruneto de Presule, I. Bekkerus. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1853 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). – xii, 336 p.
97. Michael Attaleiates. The Historie / Michael Attaleiates; transl. by Anthony Kaldellis and Dimitris Krallis. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012 (Dumbarton Oaks medieval library). – xx, 636 p.
98. Michaelis Glicae. Annales / Michael Glica; ed. C.F. Niebuhrii, rec. I. Bekkerus. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1836 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). – xvi, 649 p.
99. Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien / Michel le Syrien; éditée pour la première fois et traduite en français par J.B. Chabot. – P.: Ernest Leroux, 1905. – T. III. – 540 p.
100. Miguel Atalates. Historia / Consejo Superior de Investigaciones Científicas de Inmaculada Perez Martin. – Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2002 (Nueva Roma. Bibliotheca Graeca et Latina Aevi Posterioris. – 15.). – lxxi, 229, 386 p.
101. Milo Crispin. Miraculum quo B. Maria subvenit Guillelmo Crispino Seniori; ubi de nobili Crispinorum genere agitur / Milo Crispin // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1854. – T. 150. – P. 735–744.
102. Monod, G. Études critiques sur les sources de l'histoire mérovingienne: La Compilation dite de Frédégaire / G. Monod – P.: F. Vieweg, 1885. – V. 10. – 176 p.
103. Nicéphore Bryennos. Histoire / introduction, texte, traduction par Paul Gautier. – Bruxelles: Byzantion, 1975 (Corpus Fontium Historiae Byzantinae-9). – 409 p.
104. Nicephori Bryennii. Commentarii / Nicephor Bryenni; ed. C.F. Niebuhrii, A. Meineke, P. Possinus. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1886 (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). – xviii, 245 p.

105. Nicetae Choniatae. *Historia* / Nicetas Choniata; ed. C.F. Niebuhrii, I. Bekkerus. – Bonnae: Impensis ed. Weberi, 1885 (*Corpus scriptorum historiae Byzantinae*). – xv, 974 p.
106. Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. *Historia Ecclesiastica* / Vitalis Ordericus // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1855. – T. 188. – P. 17–984.
107. Osbernus. *De expugnatione Lyxbonensi* / Osbernus // *Chronicles and Memorials of the Reign of Richard* / ed. by W. Stubbs. – L. : Longman, 1864. – Vol. I. – P. cxli–clxxxii.
108. Ottonis Episcopi Frisingensis. *Gesta Friderici I imperatoris* / Otto episcopus Frisingensis; ed. R. Wilmans // *Monumenta Germaniae Historica inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quingentesimum* / ed. G.H. Pertz. – Hannover: Hahn, 1868. – T. XX. – P. 347–491.
109. Peter Tudebod. *Historia de Hierosolymitano Itinere* / Peter Tudebod // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1866. – T. III. – P. 1–119.
110. Pietro da Eboli. *Liber ad honorem Augusti di Pietro di Eboli. Secondo il Cod. 120 della biblioteca civica di Berna* / Pietro da Eboli; a cura di G.B. Siragusa. – Roma: Forcani E.C. tipografi del Senato, 1906 (*Fonti per la storia d'Italia*. – 39). – xciv, 172.
111. Pirri, Rocco. *Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata* / auctore Don Rocco Pirro, editio tertia emendata continuatione aucta cura studia A. Mongitore, accessere V.M. Amico. – Panormi: apud haeredes P. Cappulae, 1733. – Vol. I. – 765 p. – Vol. II. – 1422 p.
112. Pontoppidan, Erich. *Gesta et vestigia Danorum extra Daniam: praecipue in Oriente, Italia, Hispania, Gallia, Anglia, Scotia, Hibernia, Belgio, Germania et Sclavonia: maximam partem ipsis scriptorum, non exoticorum minus, quam domesticorum, verbis adumbrata* / Erich Pontoppidan. – Lipsiae; Hafniae: Sumptibus Iacobi Preussii, 1740. – T. I. – 400 p.; 1741. – T. II. – 447 p.; 1741. – T. III. – 496 p.
113. Radulfus Cadomensis. *Gesta Tancredi principis in expeditione Hierosolyminata* / Radulfus Cadomensis // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1854. – T. 155. – P. 189–590.
114. Raimundi de Aguilers canonici Podiensis *historia Francorum qui ceperunt Iherusalem* / Raimundus de Aguilers // *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux* / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1866. – T. III. – P. 231–305.

115. Recueil de chroniques de Tourain / pub. par A. Salmon. – Tours: Ladevèze, 1854. – clii, 491 p.
116. Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII–MCCXCI) / ed. R. Röhricht. – Oeniponti: Libraria Academica Wagneriana, 1893. – 529 p.
117. Regesta regni Hierosolymitani (MXCVII–MCCXCI): Additamentum / ed. R. Röhricht. – Oeniponti: Libraria Academica Wagneriana, 1904. – 136 p.
118. Roberti Monachi. Historia Iherosolimitana / Robertus Monachus // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / ed. l'Académie royale des Inscriptions et belles-lettres. – P.: Imprimerie royale, 1866. – T. III. – P. 721–822.
119. [Robert Wace]. Le Roman de Rou et des ducs de Normandie / par Robert Wace; avec des notes pour servir à l'intelligence du texte par F. Pluquet, A. Le Prevost, E.H. Langlois. – Rouen: Eduarde Frère, 1827. – T. I. – 414 p.; T. II. – 543 p.
120. Rodulfus Glaber Clunniacensis monachus. Historiarum libri quinque / Rodulfus Glaber // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1853. – T. 142. – P. 609–698.
121. Romualdi Salernitani Chronicon [A.m. 130–A.C.1178] / Romualdus; a cura di C.A. Garufi // Rerum Italicarum scriptores. – Città di Castello: Tipi dell' editore S. Lapi, 1914. – T. VII. – xlii, 443.
122. [Şadruddîn Ebu'l Hasan 'Ali ibn Nâşir ibn 'Ali el-Hüseynî]. Ahbâr üd-devlet is-Selçukiyye / Şadruddîn Ebu'l Hasan 'Ali ibn Nâşir ibn 'Ali el-Hüseynî; Muhammed İkbâl'in 1933 de neşrettiği metinden tercüme eden Necatî Lûgal. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1943 (Türk Tarih Kurumu yayınları rindan. – 2. seri, no. 8). – xiii, 150 s.
123. Scriptores monastici. Scriptores rerum gestarum Willelmi Conquestoris / ed. I.A. Giles. – L.: Caxton Society, 1845. – 301 p.
124. Scriptum Galeranni episcopi de miraculo Boimundi / Galeranni episcopi // Catalogus codicum hagiographicorum latinorum antiquiorum saeculo XVI qui asservantur in bibliotheca nationali parisiensi, ediderunt hagiographi Bollandiani. – Bruxellis: Apud editores, 1890. – T. II. – P. 276–295.
125. Seippel, A. Rerum normannicarum fontes arabici e libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis Christianensis / A. Seippel. – Osloae: A.W. Brøgger, 1896. – fasc. I. – 150 p.; 1928. – fasc. II. – 45 p.
126. Stephani Rotomagensis. Draco Normannicus / Stephanus Rotomagensis // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I / ed. R. Howlett. – L.: Longman, 1885. – Vol. II. – P. 585–781.

127. *Syllabus Graecorum Membranarum* / ed. F. Trinchera. – Neapol: J. Kataneo, 1865. – xxxii, 647 p.
128. *The Annals of the Saljuq Turks. Selections from al-Kamil fi'l-Ta'rikh of Ibn al-Athir / Ibn al-Athir*; trans. and annot. by D.S. Richards. – L.: Routledg, 2002. – 304 p.
129. *The Chanson d'Antioche: An Old-French Account of the First Crusade* / ed. and trans. by S. Edgington, C. Sweetenham. – Farnham: Ashgate Publishing, 2013 (*Crusade Texts in Translation*. – 22). – 440 p.
130. *The Chronicle of Ibn Al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil f'i-l-ta'rikh. The Years 491—541/1097—1146 : The Coming of the Franks and the Muslim Response / Ibn Al-Athir*; trans. and annot. by D.S. Richards. – Aldershot: Ashgate, 2006 (*Crusade texts in translation*. – 13). – Part 1. – 408 p.
131. *The Chronicle of Michael the Great Patriarch of the Syrians / Michael the Great*, trans. from classical armenian by Robert Bedrosian. – New Jersey: Long Branch, 2013. – 169 p.
132. *The Damascus chronicle of the Crusades / extract. and trans. from the Chronicle of Ibn Al-Qalānīsī* by H.A.R. Gibb. – L.: Luzac & Co, 1932. – 368 p.
133. *The First Crusade. The Accounts of Eyewitnesses and Participants* / ed. A.C. Krey. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1921. – 299 p.
134. *The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni*, ed. and trans. by E.M.C. Van Houts. – Oxford: Clarendon Press, 1992 (*Oxford Medieval Texts*). – Vol. I: Introduction and Books I–IV. – 296 p.; 1995 (*Oxford Medieval Texts*). – Vol. II: Books V–VIII. – 362 p.
135. *The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans on the First Crusade / Ralph of Caen*; ed. and trans. Bernard S. Bachrach, David S. Bachrach. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 183 p.
136. *The Deeds of the Franks and other Jerusalem-bound pilgrims: the earliest cronicle of the first crusades* / ed. and trans. by D. Nirmal. – Lanham; Maryland: Rowman & Littlefield, 2011. – 154 p.
137. *The First and Second Crusades from an Anonymous Syriac Chronicle / Anonymous Syriac*; ed. and trans. A.S. Tritton, H.A.R. Gibb // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – 1933. – Vol. 92. – P. 69–102, 273–306.
138. *Three Byzantine Military Treatises / text, translation and notes by G.T. Dennis*. – Washington (D.C.): Dumbarton Oaks research library and collection, 1985 (*Dumbarton Oaks texts*. – 9; *Corpus fontium historiae Byzantinae. Series Washingtonensis*. – 25). – ix, 380 p.

139. Thomson, R.W. The historical compilation of Vardan Arevelc'i / Vardan Arevelc'i, R.W. Thomson // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1989. – Vol. 43. – P. 125–226.
140. Turpini Historia Karoli magni et Rotholandi / ed. F. Castets. – Montpellier: au bureau des publications de la Société pour l'étude des langues romanes, 1880. – 92 p.
141. [Ugo Falcando] La Historia: o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium / Hugo Falcandus; a cura di G.B. Siragusa // *Rerum Italicarum scriptores*. – Rome: Forzani, Tip. del Senato, 1897 (Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall'Istituto storico italiano. scrittori 12). – xlv, 197.
142. Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, during the time of the Crusades / Vahram; trans. from the original armenian, with notes and illustrations by C.F. Neumann. – L.: J.L. Cox, 1831. – 110 p.
143. Vincent de Beauvais. Bibliotheca mundi Vincentii Burgundi / Vincent de Beauvais. – Duaci: Ex Officina Typographica Baltazaris Belleri, 1624. – T. 4. – 1389 p.
144. Walter the Chancellor. The Antiochene Wars: A Translation and Commentary / Walter the Chancellor; ed. and trans. T.S. Asbridge, S.B. Edgington. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 242 p.
145. Willelmi Malmesbiriensis monachi. De gestis regum Anglorum libri quinque: Historiae novellae libri tres / Willelmus Malmesbiriensis; ed. by W. Stubbs. – L.: Eyre and Spottiswoode, 1889. – Vol. II. – 707 p.
146. Willelmus Calculus. Historiae Normannorum / Willelmus Calculus // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1882. – T. 149. – P. 779–911.
147. Willelmus Pictaviensis. Gesta Willelmi Conquestoris / Willelmus Pictaviensis // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina* / ed. J.P. Migne. – P.: Garnier Frères, 1882. – T. 149. – P. 1217–1270.

ЛИТЕРАТУРА

148. Арутюнова-Фиданян, В.А. Армянские средневековые историки об экспансии Византийской империи на Восток в X–XI вв. / В.А. Арутюнова-Фиданян // Историко-филологический журнал. – 1978. – № 2. – С. 191–206.
149. Арутюнова-Фиданян, В.А. Армянско-Византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. – 236 с.
150. Апанович, О.С. Наемные и вассальные христианские контингенты на службе у анатолийских сельджуков // Причерноморье в средние века. – 2009. – Т. 7. – С. 72–117.
151. Бартенев, А.С. Из истории крестьянского восстания в Нормандии в конце X века // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. – 1940. – Т. 5. Вып. 1. – С. 117–128.
152. Бартенев, А.С. Образование герцогства Нормандского // Ученые записки Саратовского университета. Саратов, Серия Исторического факультета. – 1939. – Т. 1 (14). – С. 167–202.
153. Безобразов, П.В. Боэмунд Тарентский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1883. – Т. CCXXVI. – С. 37–119.
154. Безобразов, П.В. Материалы для истории Византийской империи // Журнал Министерства народного просвещения. – 1889. – Т. CCLXIV. – С. 23–84.
155. Бибииков, М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. – М.: Ладомир, 1997. – 186 с.
156. Босворт, К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. – М.: Наука, 1971. – 324 с.

157. Брюн, С.П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии. Опыт рецепции византийской историографии на заре крестовых походов // *Культура и цивилизация*. – 2013. – Вып. 1–2. – С. 33–48.
158. Брюн, С.П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв.: к истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах востока. – М.: Мaska, 2015. – Том 1. – 571 с.; – Том 2. – 636 с.
159. Буайе, Р. Викинги: История и цивилизация / пер. с франц. М.Ю. Некрасов. – СПб.: Евразия, 2017. – 417 с.: ил.
160. Бутырский, М.Н. Печать протопроэдра Умберта Грисина // *Античная древность и средние века*. – 2011. – Вып. 40. – С. 226–233.
161. Васильев, А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов (до 1081 г.) / вступ. статья, прим., науч. ред., перев. с англ. и имен. указ. А.Г. Грушевского. – СПб.: Алетейя, 1998. – 490 р.
162. Васильевский, В.Г. Избранные труды по истории Византии. – М.: Дарь, 2010. – Книга 1. – 928 с.; Книга 2. – 848 с.
163. Васильевский, В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII вв. // *Труды Васильевского В.Г.* – СПб.: Императорская Академия Наук, 1908. – Т. I. – С. 177–377.
164. Васильевский, В.Г. Русско-византийские отрывки // *Журнал Министерства народного просвещения*. – 1875. – Т. CLXXXII. – С. 270–315.
165. Виймар, П. Крестовые походы. Миф и реальность священной войны. – СПб.: Евразия, 2006. – 383 с.
166. Виппер, Р.Ю. История средних веков: Курс лекций / Р.Ю. Виппер. – Киев: Airland, 1996. – 384 с.
167. Всемирная история Ф. Шлоссера / пер. с нем. и ред. Н.Г. Чернышевский, Н.А. Серно-Соловьевич и В.А. Зайцев. – СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1869. – Т. II. – 698 с.
168. Галямичев, А.Н. Судьба медиевиста в России XX века: жизненный и научный путь В.А. Ермолаева // *Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: науч. докл. / редкол. А.В. Гладышев, Т.В. Андреева, В.Г. Вовина-Лебедева [и др.]; авт. предисл. А.В. Гладышев, Б.Б. Дубенцов*. – СПб: Нестор-История, 2006. – С. 42–49.
169. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

170. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской Империи / пер. с англ. – М.: Терра – Книжный клуб, 2008. – Т. 6. – 592 с.
171. Голенищев-Кутузов, И.Н. Средневековая Латинская литература Италии. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 304 с.
172. Головнев, А.Е. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УРО РАН; «Волот», 2009. – 252 с.
173. Гончаров, Е.Ю. Античные и византийские заимствования на монетах Анатолии и Северной Месопотамии XI–XIII вв. // Оригинал и повторение. Подлинник, реплика, имитация в искусстве Востока / ред.-сост. П.А. Куценков, М.А. Чегодаев. – М.: Государственный институт искусствознания, 2014. – С. 94–115.
174. Гончаров, Е.Ю. Арабские деньги норманнских королей. Сицилия. XI–XII вв. // Нумизматика / ред. Н.А. Зыкова. – 2013. – № 1 (33). – С. 32–45.
175. Гордлевский, В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 199 с.
176. Гусейнов, Р.А. Бар-Эбрей и его «Всеобщая история» // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку: АН АзССР, 1960. – С. 53–63.
177. Гусейнов, Р.А. Сельджукская военная организация // Палестинский сборник. – 1967. – № 17(80). – С. 131–147.
178. Гусейнов, Р.А. Сирийские источники по истории Византии XI–XII вв. // Византийский Временник. – 1972. – Вып. 33 (58). – С. 120–128.
179. Гусейнов, Р.А. Сирийский аноним 1234 г. о Византии и ее соседях // Античная древность и средние века. – 1973. – Вып. 10. – С. 146–150.
180. Гусейнов, Р.А. Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы // Тюркологический сборник. 1973. – М.: Наука, 1975. – С. 24–37.
181. Грабарь-Пассек, М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. – М.: Наука, 1966. – 318 с.
182. Джонс, Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / пер. с англ. З.Ю. Метлицкой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 445 с.
183. Добиаш-Рожественская, О.А. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении) / – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 120 с.
184. Дуглас, Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. / пер. Е.С. Марничиной. – СПб.: Евразия, 2003. – 416 с.

185. Заборов, М.А. Введение в историографию крестовых походов: (Латинская хронография XI–XIII вв.) / отв. ред. А. П. Каждан; АН СССР. – М.: Гл. ред. восточ. лит. изд. Наука, 1966. – 382 с.
186. Заборов, М.А. История крестовых походов в документах и материалах: Учебное пособие для вузов по специальности «История». Рецензенты: кафедра истории средних веков МГУ, проф. З.В. Удальцова. – М.: Высшая школа, 1977. – 272 с.
187. Заборов, М.А. Крестоносцы на Востоке. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – 320 с.
188. Заборов, М.А. Советская историография крестовых походов // Средние века. – 1964. – Вып. 25. – С. 272–282.
189. Запорожец, В.М. Сельджуки. – М.: Военное издательство, 2011. – 272 с.
190. Зюмтор, П. Вильгельм Завоеватель / пер. с фр. В.Д. Балакин; вступ. ст. В.В. Эрлихман. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 309 с. (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; – вып. 1221).
191. Еремеев, Д.Е. История Турции в Средние века и Новое время: Учеб. пособие / Д.Е. Еремеев, М.С. Мейер. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 248 с.
192. Каждан, А.П. Гийом Тирский о составе господствующего класса в Византии (конец XI–XII вв.) / А.П. Каждан, М.А. Заборов // Византийский Временник. – 1971. – Т. 32. – С. 48–54.
193. Каждан, А.П. Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения / А.П. Каждан, Б.Л. Фонкич // Византийский Временник. – 1973. – Т. 34. – С. 32–54.
194. Каждан, А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. – М.: Наука, 1974. – 291 с.
195. Каждан, А.П. Византийская культура (X–XII вв.) / А.П. Каждан. – М.: Алетея, 2006. – 280 с.
196. Калинина, Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина; отв. секретарь С.Л. Никольский; [отв. ред. сер. Е.А. Мельникова]. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 190–210.
197. Карпов, С.П. История Трапезундской империи. – М.: Алетея, 2007. – 656 с.
198. Куглер, Б. История крестовых походов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.

199. Курышева, М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза // Византийский Временник. – 2006. – Т. 65 (90). – С. 150–162.
200. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Издательская группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
201. Литаврин, Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. – М.: Наука, 1977. – 309 с.
202. Литаврин, Г.Г. Как жили византийцы. – М.: Наука, 1974. – 233 с.
203. Литаврин, Г.Г. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена / Г.Г. Литаврин, А.П. Каждан // Византийский временник. – 1961. – Т. 20. – С. 287–289.
204. Литаврин, Г.Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI–X вв. // Византийский Временник. – 1986. – Т. 46. – С. 100–108.
205. Лихачев, Н.П. Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В.С. Шандровская, Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1991. – 360 с.
206. Люттвак, Э.Н. Стратегия Византийской империи / пер. с англ. А.Н. Коваля. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. – 664 с.
207. Лучицкая, С.И. Идея обращения иноверцев в хрониках первого крестового похода // Одиссей. Человек в истории. 1997: Культурная история социального. – М.: Наука, 1998. – С. 121–143.
208. Лучицкая, С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. – М.: Алетейя, 2001. – 398 с.
209. Николле, Д. Армии мусульманского Востока VII–XI века. / пер. Н. Феногенов. – М.: Астрель, 2004. – 64 с.
210. Новичев, А.Д. История Турции в 4-х томах. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. – Т. 1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). – 314 с.
211. Норвич, Д. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание 1016–1130 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 367 с.
212. Норвич, Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства. Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание 1130–1194 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 399 с.
213. Норвич, Д. История Византии / пер. с англ. Н.М. Забилоцкого. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 542 с.

214. Острогорский, Г.А. История Византийского государства / пер. с нем. М.В. Грацианский, ред. П.В. Кузенков. – М.: Сибирская благовонница, 2011. – 895 с.
215. Острогорский, Г.А. К истории иммунитета в Византии // Византийский Временник. – 1958. – Т.13 (38). – С. 55–106.
216. Перну, Р. Крестоносцы / перевод с французского А.Ю. Карачинского, Ю.П. Малинина; научный ред. к.и.н. Ю.П. Малинин. – СПб.: «Евразия», 2001. – 320 с.
217. Портных, В.Л. «Деяния франков» и Петр Тудебод: проитальянская направленность двух хроник // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов II региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2008. – С. 38–45.
218. Пти-Дютайи, Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков / пер. с фр. С.П. Моравского. – СПб: Евразия, 2001. – 448 с.
219. Райс, Т.Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии / пер. с англ. О.И. Миловой. – М.: Центрполиграф, 2004. – 238 с.
220. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 599 с.
221. Семенова, Л.А. Русы в «Книге стран» ал-Йа'куби (из истории изучения) // Арабский Восток. Сборник статей / отв. ред. Б.Г. Сейранян, А.О. Филоник. – М.: Инст. востоковедения РАН, 1997. – С. 118–134.
222. Серен, Е.А. Эмиграция норманнов в Византию и «Тагмы франков» (XI в.) // Античная древность и средние века. – 2001. – Вып. 32. – С. 163–174.
223. Скабаланович, Н.А. Византийское государство и церковь в XI веке. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – Кн. I. – 448 с. – Кн. II. – 416 с.
224. Степаненко, В.П. Византия в международных отношениях на Ближнем Востоке (1071–1176 гг.). – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. – 218 с.
225. Степаненко, В.П. Мараш и графство Эдесское в Девольском договоре 1108 г. // Византийский Временник. – 1987. – Т. 48 (73). – С. 53–63.
226. Степаненко, В.П. Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10–40 годах XII в. // Византийский Временник. – 1988. – Т. 49 (74). – С. 119–126.
227. Степаненко, В.П. Рубениды Киликии и графы Эдессы в первой половине XII в. (к структуре графства Эдесского) // Античная древность и средние века – 1990. – Вып. 25. – С. 151–159.

228. Степаненко, В.П. Цицилия, «дама Тарса и сестра короля»: (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества, 1108–1137 гг.) // Византийский Временник. – 1990. – Т. 51 (76). – С. 119–123.
229. Стоклицкая-Терешкович, В.В. Борьба между западноевропейскими государствами за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов (с конца XI –до конца XIII века) // Издания АН. Серия истории, философии и литературы. – 1944. – № 5. – С. 211–221.
230. Успенский, Ф.И. История Византийской империи XI–XII вв. Восточный вопрос. / сост. Л.В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – 829 с.
231. Успенский, Ф.И. История крестовых походов. – М.: Дарь, 2005. – 352 с.
232. Успенский, Ф.И. Мелик Гази и Дзуль-Нун Данишменды // Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. – 1879. – Т. XI. – С. 229–268.
233. Франкопан, П. Первый крестовый поход: Зов с Востока / пер. М. Витебского. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018 г. – 352 с.
234. Флори, Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи / пер. с франц. И.А. Эгипти. – СПб.: Евразия, 2013. – 336 с.
235. Хазанов, А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М.: Наука, 1975. – 344 с.
236. Хазанов, А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.
237. Шакк, фон А.Ф. История норманнов в Сицилии / пер. с нем. Н.М. Соколов. – СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1896. – 383 с.
238. Шейнэ, Ж.-К. История Византии / пер. с фр. В.Б. Зусевой. – М.: АСТ: Астрель, 2006 (Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека»). – 158 с.
239. Шукуров, Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). – СПб.: Алетейя, 2001. – 448 с.
240. Шукуров, Р.М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // Византийский временник. – 2010. – Т. 69. – С. 132–163.
241. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо, пер. с франц. М. Гершензона. – М.: АСТ; – СПб.: Полигон, 2007. – 1086 с.
242. Юзбашян, К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 302 с.

243. Юзбашян, К.Н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристакееса Ластивертци // Византийский Временник. – 1959. – Т. 16 (41). – С. 14–28.
244. Юрченко, А.Г. Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингисхана. – Praha: Resears Support Scheme, 2000. – 348 с.
245. Якуб, А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв.: становление и развитие историографической традиции: монография. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – 461 с.
246. Прицак, О. Походження Русі. – Київ: Обереги, 1997. – Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). – 1080 с.
247. A history of the Crusades. The first hundred years / ed. K.M. Setton and M.W. Balduwin. – Vol. 1. – Philadelphia: University of Wisconsin Press, 1969. – xxxi, – 707 p.
248. Abulafia, D. Historiographical essays Institutes and individuals: some medieval historians of the twentieth century // Journal of Medieval History. – 1992. – Vol. 18. – P. 183–201.
249. Albu, E. Bohemond and the Rooster: Byzantines, Normans, and the Artful Ruse // Anna Komnene and Her Times / ed. by T. Gouma-Peterson. – New York: Garland, 2000. – P. 157–168.
250. Albu, E. Probing the passions of a Norman on Crusade: the Gesta Francorum et aliorum Hierasolimitanorum // Anglo-Norman Studies. Proceedings of the XXVII Battle Conference / ed. by J. Gilligham. – 2005. – Vol. 27. – P. 1–15.
251. Albu, E. The Normans in their Histories: Propaganda, Myth and Subversion. – Woodbridge: The Boydell Press, 2001. – 260 p.
252. Albu, E. The Normans and their Myths // The Haskins Society journal. – 2003. – Vol. 11. – P. 123–136.
253. Asbridge, T. Alice of Antioch: a case study of female power in the twelfth century // The Experience of Crusading: Defining the Crusader Kingdom / éd. P. Edbury, J. Phillips. – Cambridge, Cambridge University Press, 2003. – Vol. 2. – P. 29–47.
254. Asbridge, T. The Creation of the Principality of Antioch 1098–1130. – Rochester: Boydell and Brewer, 2000. – 233 p.
255. Asbridge, T. The «Crusader» Community at Antioch: the impact of Interaction with Byzantium and Islam // Transactions of the Royal Historical Society. – 1999. – 6th series. Vol. 9. – P. 305–325.
256. Asbridge, T. The significance and causes of the battle of the Field of Blood // Journal of Medieval History. – 1997. – Vol. 23. № 4. – P. 301–316.

257. Atiya, A.S. The crusade: historiography and bibliography. – Bloomington: Indiana University Press, 1962. – 170 p.
258. Aube, P. Les empires Normands d'Orient XI–XIII siècle. – P.: Tallandier, 1985. – 388 p.
259. Avcıoğlu, D. Türklerin Tarihi. – İstanbul: Tekin Yayınevi, 1978. – Birinci Kitap. – S. 1–558; İkinci Kitap. – S. 559–1062.
260. Balard, M. Les Latins en Orient, XIe–XVe siècle). – P. : Presses universitaires de France, 2006. – 452 p.
261. Balard, M. Les Normands vus par les chroniqueurs byzantins du XIIe siècle // Les Normands en Méditerranée, dans le sillage des Tancrède / ed. P. Bouet, F. Neveux. – Caen: Université de Caen, 2001. – P. 225–234.
262. Balivet, M. Les Turcs au Moyen-Age: des Croisades aux Ottomans (XIe–XVe siècles). İstanbul: Les Editions Isis, 2002 (Analecta Isisiana. — 59). – 156 p.
263. Balivet, M. Normands et Turcs en Méditerranée médiévale: deux adversaires “symétriques”? // Turcica. – 1990. – Vol. 30. – P. 309–329.
264. Barlow, J.F. A short history of the Normans in South Europe. – L.: The British Library, 2010. – 268 p.
265. Bates, D. The Normans and Empire. – Oxford: Oxford press, 2013. – 256 p.
266. Bates, D. The rise and fall of Normandy, c. 911–1204 / ed. D. Bates, A. Curry // England and Normandy in the Middle Ages. – L.: The Hambledon press, 1994. – P. 19–35.
267. Baykara, T. Türkiye Selçukluları Devrinde Niksar // Araştırma Sonuçları Toplantısı. – 1983. – I. 23–26 mayıs. – S. 189–194.
268. Bayram, M. Danişmend Oğulları'nın Dinî ve Millî Siyaseti // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. – 2005. – Sayı 18. – S. 131–147.
269. Beech, G.T. A Norman-Italian adventurer in the East: Richard of Salerno 1097–1112 // Anglo-Norman Studies. Proceedings of the XV Battle Conference / ed. M. Chibnall. – 1993. – Vol. 15. – P. 25–40.
270. Beihammer, A.D. Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, ca. 1040–1130. – New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2017 (Birmingham Byzantine and Ottoman Studies. – 20). – 458 p.
271. Bennett, M. Stereotype Normans in Old French Vernacular Literature // Anglo-Norman Studies. Proceedings of the IX Battle Conference / ed. R. A. Brown. – 1987. – Vol. 9. – P. 25–42.
272. Bennet, M. The Normans in the Mediterranean // A companion to the Anglo-Norman World. – Woodbridge: The Boydell Press, 2003. – P. 87–102.

273. Birkenmeier, J.W. The Development of the Komnenian Army: 1081–1180. – Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002 (History of warfare 5). – 263 p.
274. Bennett, M. The Myth of the Military Supremacy of Knightly Cavalry / ed. J. France // *Medieval Warfare 1000 – 1300*. – Aldershot: Ashgate, 2006. – P. 171–184.
275. Bliese, J. The courage of the Normans – a comparative study of battle rhetoric // *Nottingham medieval studies*. – 1991. – Vol. 35. – P. 1–26.
276. Bloch, H. Monte Cassino, Byzantium, and the West in the Earlier Middle Ages // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1946. – Vol. 3. – P. 163–224.
277. Blöndal, S. The Varangians of Byzantium: an aspect of Byzantine military history / trans., rev., and rewritten by Benedikt S. Benedikz. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1978. – 242 p.
278. Boehm, L. Die «Gesta Tancredi» des Radulf von Caen: ein Beitrag zur Geschichtsschreibung der Normannen um 1100 // *Historisches Jahrbuch*. – 1956. – Bd. 75. – P. 47–72.
279. Boehm, L. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannishen historiographie // *I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo*. – Spoleto: Presso la Sede des Centro, 1969. – P. 623–704.
280. Boemondo: Storia di un principe normanno: Atti del Convegno di studio su Boemondo, da Taranto ad Antiochia a Canosa, storia di un principe Normanno: Taranto, Canosa, maggio-novembre 1998 / a cura di Franco Cardini, Nunzio Lozito, Benedetto Vetere. – Gelatina: Mario Congedo, 2003. – 131 p.
281. Bondoux, R. Les villes // *La Bithynie au moyen age* / ed. B. Geyer; J. Lefort. – Paris: Lethielleux, 2003 (Réalites Byzantines, vol. 9). – P. 377–410.
282. Bossuat, A. Les origines troyennes: leur rôle dans la littérature historique du XVe siècle // *Annales de Normandie*. – 1958. – T. 8. – P. 187–197.
283. Bowlus, C.R. Tactical and Strategic Weaknesses of Horse Archers on the Eve of the First Crusade // *Autour de la Premiere Croisade*. – Paris, 1996. – P. 159–166.
284. Brand, C.M. Byzantium confronts the West, 1180–1204. – Cambridge: Harvard University Press, 1968. – 394 p.
285. Brandileone, F. Le prime relazioni tra i Normanni d'Italia e l'impero d'Oriente // *Scritti della Facoltà giuridica di Roma in onore di Antonio Salandra*. – Milano: Dottor F. Vallardi, 1928. – P. 191–203.
286. Brehier, L. Les Aventures d'un chef normand en Orient au Xle siècle // *Revue des cours et des conferences*. – 1912. – XX. – P. 172–188.

287. Brown, P. The Gesta Roberti Wiscardi: A 'Byzantine' history? // *Journal of Medieval History*. – 2010. – Vol. 37. № 2. – P. 162–179.
288. Brown, R.A. The Normans. – Woodbridge: Boydell & Brewer, 1984. – 244 p.
289. Brown, R.A. The Normans and the Normans conquest. – Woodbridge: Boydell & Brewer, 1994. – 272 p.
290. Bryer, A. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. – Vol. I. – Washington: Dumbarton Oaks Publications Office, 1985. – 394 p.
291. Byzantine Asia Minor (6th–12th Cent.). National Hellenic Research Foundation, International Symposium 6 / ed S. Lampakis. – Athens: Institute for Byzantine Research, 1998 (Hellenism: Ancient, Medieval, Modern. – 27). – 448 p.
292. Byzantine warfare / ed. by John Haldon. – Farnham: Ashgate, 2007 (The International Library of Essays on Military History). – 610 p.
293. Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025–1204 / ed. by M. Whitby. – Oxford; New York: Published for The British Academy by Oxford University Press, 2007 (Proceedings of the British Academy. – 132). – xxvii, 428 p.
294. Byzantium and the West c. 850–1200: Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford 30 March–1st April 1984 / ed. by J. D. Howard-Johnston. – Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. – 332 p.
295. Burnett, C. Antioch as a link between Arabic and Latin culture in the twelfth and thirteenth centuries // *Occident et Proche-Orient: contacts scientifiques au temps des croisades* / éd. I. Draelants, A. Tihon et B. Van den Abeele. – Turnhout: Brepols Publishers, 2000. – P. 1–78.
296. Cahen, C. La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes // *Byzantion*. – 1934. – T. 9. – P. 613–642.
297. Cahen, C. La première pénétration turque en Asie Mineure (second moitié du XIe siècle) // *Byzantion*. – 1948. – T. 18. – P. 5–67.
298. Cahen, C. La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. – P.: Librairie Orientaliste, 1940. – 768 p.
299. Cahen, C. La Turquie pré-ottomane. – Istanbul: Institut français d'études anatoliennes d'Istanbul: Dıvıt Matbaacılık ve Yayıncılık, 1988. – 410 p.
300. Cahen, C. Le régime féodal de l'Italie Normande. – P.: Librairie Orientaliste, 1940. – 145 p.
301. Cahen, C. Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale. – Damas: éditions Institut français de Damas, 1977. – 496 p.

302. Cahen, C. Orient et Occident au temps des Croisades. – P.: Auber, 1983. – 304 p.
303. Cahen, C. The Formation of Turkey. The Seljukid Sultanate of Rum: Eleventh to Fourteenth Century / trans. and ed. by P.M. Holt. – L.: Longman, 2001. – 320 p.
304. Cahen, C. The Historiography of the Seljuqid Period // *Historians of the Middle East* / ed. by Bernard Lewis, Peter M. Holt. – L.: Oxford University Press, 1962. – P. 59–78.
305. Canosa, R. du. Etnogenesi normanne e identità variabili: il retroterra culturale dei Normanni d'Italia fra Scandinavia e Normandia. – Torino : S. Zamorani, 2009. – 189 p.
306. Capitani, O. Specific Motivations and Continuing them in the Norman Chronicles of Southern Italy in the Eleventh and Twelfth centuries // *The Normans in Sicily and South Italy (Lincei Lectures 1974)* / ed. by O. Capitani, G. Galasso, R. Salvini, C.N.L. Brooke. – Oxford: Oxford University Press, 1977. – P. 1–46.
307. Catalogue of the Byzantine seals at Dumbarton Oaks and the Fogg Museum of Art. The East / ed. E. McGeer, J. Nesbitt, N. Oikonomides. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. – Vol. 4. – 248 p.; 2005. – Vol. 5. – 215 p.
308. Chalandon, F. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène (1081—1118). – P.: Librairie A. Picard et fils, 1900. – 345 p.
309. Chalandon, F. Histoire de la domination normande en Italie et Sicile. – P.: Librairie A. Picard et fils, 1907. – 814 p.
310. Chalandon, F. Histoire de la première croisade jusqu'à l'élection de Godfroi de Bouillon. – Paris: Auguste Picard, 1925. – 375 p.
311. Charanis, P. Byzantium, the West and the origin of the First Crusade // *Byzantion*. – 1949. – T. 19. – P. 17–36.
312. Charanis, P. Cultural diversity and the breakdown of Byzantine power in Asia Minor // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1975. – Vol. 29. – P. 1–20.
313. Chevedden, P.E. A Crusade from the First: The Norman Conquest of Islamic Sicily, 1060–1091 // *Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean*. – 2010. – Vol. 22. № 2. – P. 191–225.
314. Cheynet, J.-C. L'implantation des Latins en Asie Mineure avant la Première Croisade // *Migrations et diasporas méditerranéennes (Xe–XVIe siècles)* / éd. M. Balard, A. Ducellier. – P.: Publications de la Sorbonne, 2002. – P. 115–124.
315. Cheynet, J.-C. Le rôle des Occidentaux dans l'armée byzantine avant la Première Croisade // *Byzanz und das Abendland im 10 und 11 Jahrhundert* / ed. E. Konstantinou. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1997. – P. 111–128.

316. Cheynet, J.- C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux xe–xiie siècle // Guerre et société. Byzance – Occident, (viiiie –xiiiie siècle) / éd. D. Barthelemy et J.-C. Cheynet. – P.: ACHCByz, 2010. – P. 42–60.
317. Cheynet, J.-C. Mantzikert: une désastre militaire? // Byzantion. – 1980. – Vol. 50. Fasc. 2. – P. 410–438.
318. Cheynet, J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). – P.: Publications de la Sorbonne, 1990 (Byzantina Sorbonensia. – 9). – 523 p.
319. Cheynet, J.-C. The Duchy of Antioch during the Second Period of Byzantine Rule // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean: Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003 / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf. – Leuven; Paris; Dudley: Peeters: 2006 (Orientalia Lovaniensa Analecta. – 147). – Vol. 1. – P. 1–16.
320. Chibnall, M. The Normans. – Oxford: Blackwell, 2006. – 199 p.
321. Ciggaar, K.N. Bizantine Marginalia to the Norman conquest // Anglo-Norman Studies IX Proceedings of the Battle Conference / ed. by R.A. Brown. – 1986. – Vol. 9. – P. 43–69.
322. Ciggaar, K.N. Visitors from North-Western Europe to Byzantium. Vernacular Sources: Problems and Perspectives // Byzantines and crusaders in non-Greek sources, 1025–1204 / ed. by M. Whitby. – Oxford; New York: Published for The British Academy by Oxford University Press, 2007 (Proceedings of the British Academy. – 132). – P. 123–155.
323. Ciggaar, K.N. Adaptation to Oriental Life by Rulers in and around Antioch: Examples and Exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean: Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003 / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf. – Leuven; Paris; Dudley: Peeters: 2006 (Orientalia Lovaniensa Analecta. – 147). – Vol. 1. – P. 261–282.
324. Ciggaar, K.N. Western travelers to Constantinople: the West and Byzantium, 962–1204: cultural and political relations. – Leiden; New York; Köln: Brill, 1996. – 405 p.
325. Conquête, acculturation, identité: Des normands aux hongrois: les traces de la conquête / Université de Rouen. GRHIS. Groupe de recherche d'histoire. – Rouen: Publications de l'université de Rouen, 2001 (Publications de l'Université de Rouen. – No. 302; Cahiers du GRHIS. – No. 13). – 109 p.
326. Constable, G. The historiography of the Crusades // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. – Washington: Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. – P. 9–31.

327. Coppola, J. Bohémond Ier: Prince d'Antioche // Les dossiers d'archéologie. – 2005. – Vol. 299. – P. 88–97.
328. Coppola, J. Les Normands au Proche-Orient. Batailles et châteaux de la première croisade // Les dossiers d'archéologie. – 2005. – Vol. 299. – P. 76–87.
329. Crusaders and Muslims in Twelfth-century Syria / ed. by M. Shatzmiller. – Leiden; New York; Köln: Brill, 1993. – 248 p.
330. Crusading and Pilgrimage in the Norman World / ed. by K. Hurlock, P. Oldfield. – Woodbridge: The Boydell Press, 2015. – 248 p.
331. David, C.W. Robert Curthose Duke of Normandy. – Cambridge: Harvard University Press, 1920. – 272 p.
332. Davidson, H.R.E. The Viking road to Byzantium. – L.: George Allen & Unwin, 1976. – 342 p.
333. Davies, R. Nations and National Identities in the Medieval World: An Apologia // Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis-Revue belge d'Histoire contemporaine. – 2004. – Vol. 34. № 4. – P. 567–579.
334. Davis, R.H.C. The Normans and Their Myth. – L.: Thames and Hudson Ltd, 1976. – 144 p.
335. Dédéyan, G. Histoire du peuple arménien. – Toulouse, Privat, 2007. – 991 p.
336. Dédéyan, G. Les Arméniens en Occident, fin du Xe siècle–début du XIe // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 9e congrès. – Dijon, 1978 (Occident et Orient au Xe siècle). – P. 123–139.
337. Dédéyan, G. Les Arméniens entre Grecs, musulmans et croisés. Étude sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). – Lisbonne: Bibliothèque arménologique de la Fondation Calouste Gulbenkian, 2003. – Vol. II. – 1540 p.
338. Dédéyan, G. Les Arméniens sur la frontière sud-orientale de Byzance, fin IXe–fin XIe siècles // La Frontière. Séminaire de recherche sous la direction d'Yves Roman. – Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1993. – P. 67–85.
339. Dédéyan, G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat // Cahiers de civilisation médiévale. – Janvier-mars 1989. – 32e année (n°125). – P. 25–42.
340. Demir, M. Danişmendli Emâreti'nin Kurucuları // Sakarya Üniversitesi Fen Edebiyat Dergisi. – 2008. – Cilt 10. Sayı 1. – S. 141–149.
341. Dozy, R. Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age. – Leyde: E.J. Brill, 1881. – T. II. – 480, cxvii p.

342. Douglas, D.C. The Norman achievement 1050–1100. – Berkeley and Los Angeles: University of California press, 1969. – 271 p.
343. Douglas, C. The Norman fate 1100–1154. – Berkely and Los Angeles: University of California press, 1976. – 258 p.
344. Drell, J.H. Cultural Syncretism and Ethnic Identity: The Norman ‘conquest’ of Southern Italy and Sicily // *Journal of Medieval History*. – 1999. – Vol. 25. No. 3. – P. 187–202.
345. Ducange C. Glossarium media et infimae latinitatis / conditum a Carolo DuFresne, domino DuCange, auctum a monachis Ordinis S. Benedicti cum supplementis integris D.P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G.A.L. Henschel sequuntur Glossarium gallicum, tabulae, indices auctorum et rerum, dissertationes. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre. – Niort: Léopold Favre, 1883. – T. I. – 802 p.; T. II. – 688 p.; 1884. – T. III. – 642 p.; 1885. – T. IV. – 494 p.; 1885. – T. IV. – 629 p.; 1886. – T. VI. – 619 p.; 1886. – T. VII. – 694 p.; 1887. – T. VIII. – 471 p.; 1887. – T. X. – ccxlv, 172 p.
346. Ducange C. Les Familles d’Outre Mer de Du Cange / publ. par E. G. Rey. – P.: Impr. Nationale, 1869. – 998 p.
347. Dujčev, I. Normani de Oriente Bizantino // *Atti del Congresso internazionale di studi sulla Sicilia normanna*: Palermo, 4-8 dicembre 1972. – Palermo: Università di Palermo, Istituto di storia medievale, 1973 (stampa 1974). – P. 105–131.
348. Edgington, S.B. Pagan Peverel: An Anglo-Norman Crusader // *Crusade and Settlement: Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East and presented to R.C. Smail / ed. by Peter W. Edbury*. – Cardiff: University College Cardiff Press, 1985. – P. 90–93.
349. Edgington, S.B. Antioch: Medieval City of Culture // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean: Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the crusader principality: Acta of the congress held at Hernen Castle in May 2003 / éd. K. Ciggaar, M. Metcalf, A.A. Bredios Foundation – Leuven; Paris; Dudley: Peeters: 2006 (Orientalia Lovaniensa Analecta. – 147).* – Vol. 1. – P. 247–259.
350. Erdman, C. Oridgin of the Idea of Crusade / trans. From the German by M.W. Marshal, W. Coffart. – New Jersey: Princeton University Press, 1977. – 447 p.
351. Falk, A. Franks and Saracens: Reality and Fantasy in the Crusades. – L.: Karnac Books, 2010. – 238 p.
352. Ferreiro, A. The siege of Barbastro 1064–65: a reassessment // *Journal of Medieval History*. – 1983. – Vol. 9. – P. 129–144.

353. Figliuolo, B. Ancora sui Normanni d'Italia all Prima Crociata // Archivio Storico per le Province Napolitane. – 1986. – Vol. 104. – P. 1–16.
354. Flori, J. Encore l'usage de la lance... La technique du combat chevaleresque vers 1100 // Cahiers de Civilisations Medievales. – 1988. – No. 31. – P. 213–240.
355. Flori, J. De l'anonyme Normand à Tudebode et aux Gesta Francorum, l'impact de la propaganda de Bohémond sur la critique textuelle des sources de la Première Croisade // Revue d'Histoire Ecclesiastique. – 2007. – Vol. 102. – P. 717–746.
356. Foss, C. Pilgrimage in Medieval Asia Minor // Dumbarton Oaks Papers. – 2002. – Vol. 56. – P. 129–151.
357. France J. Technology and Success of the First Crusade // War and Society in the Eastern Mediterranean: 7th – 15th centuries / J. France; ed. Y. Lev. – Leiden: New York: E.J. Brill, 1996. – P. 163–177. (Medieval Mediterranean, – v. 9).
358. France J. Crusading warfare and its adaptation to eastern conditions in twelfth // Mediterranean historical review. – 2000. – № 15. – P. 49–66.
359. France, J. The Normans and crusading // The Normans and their Adversaries at War: Essays in Memory of C. Warren Hollister / ed. Richard P. Abels, Bernard S. Bachrach. – Woodbridge: Boydell, 2001 – P. 87–101.
360. France, J. The Use of the Anonymous Gesta Francorum in the Early Twelfth Century Sources for the First Crusade // From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500 / ed. A.V. Murray. – Turnhout: Brepols, 1998. – P. 29–42.
361. Frankopan, P. Turning Latin into Creek: Anna Komnene and the Gesta Roberti Wiscardi // Journal of Medieval History. – 2013. – Vol. 39. № 1. – P. 80–99.
362. Frère, É. Manuel du bibliographe normand. – Rouen: A. Le Brument, 1858. – T. I. – 491 p.; 1860. – T. II. – 623 p.
363. From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500 / A.V. Murray. – Turnhout: Brepols, 1998. – xxiii, 328 p.
364. Gabriele, M. An Empire of Memory: The Legend of Charlemagne, the Franks, and Jerusalem before the First Crusade. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 256 p.
365. Gallina, M. La «precrociata» di Roberto il Guiscardo: un'ambigua definizione // Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate: atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve, Bari, 17–20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca. – Bari: Dedalo, 2002. – P. 29–48.
366. Gauttier d'Arc. Histoire des conquêtes des Normands, en Italie en Sicile et en Grèce. – P.: L. de Bure, 1830. – 504 p.

367. Giros, C. Les fortifications medievales // *La Bithynie au moyen age* / ed. B. Geyer; J. Lefort. – Paris: Lethielleux, 2003 (Réalités Byzantines, vol. 9). – P. 209 – 224.
368. Greenfield, R. Drawn to the Blazing Beacon: Visitors and Pilgrims to the Living Holy Man and the Case of Lazaros of Mount Galesion // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2002. – Vol. 56. – P. 213–241.
369. Grégoire, H. Encore la chanson de Roland et Byzance // *Byzantion*. – 1939. – T. 14. – P. 689–691.
370. Grousset, R. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem (1095–1130). L'anarchie musulmane. – P.: Librairie Académique Perrin, 1934. – T. I. – 883 p.
371. Grousset, R. L'épopée des Croisades. – P.: Librairie Académique Perrin, 1995. – 321 p.
372. Hagenmeyer, H. Chronologie de l'histoire du royaume de Jérusalem, règne de Baudouin Ier (1101–1118) // *Revue de l'Orient latin*. – 1902. – T. IX. – P. 384–464; 1903–1904. – T. X. – P. 372–405.
373. Hagenmeyer, H. Chronologie de la première croisade // *Revue de l'Orient latin*. – 1898. – T. VI. – P. 214–293, 490–540; 1899. – T. VII. – P. 277–340, 430–503; 1900–1901. – T. VIII. – P. 318–382.
374. Hagger, M. Kinship and Identity in Eleventh-century Normandy: The case of Hugh de Grandmesnil, c. 1040–1098 // *Journal of Medieval History*. – 2006. – Vol. 32. – P. 212–230.
375. Haldon, J.F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204. – L.: UCL Press, 2003. – 389 p.
376. Harris, J. Byzantium and the First Crusade: Three Avenues of Approach // *Estudios Bizantinos*. – 2014. – № 2. – P. 125–141.
377. Haskins, C.H. The Normans in European history. – Boston and New York: Houghton, 1915. – 258 p.
378. Hatto, A.T. Archery and Chivalry: A Noble Prejudice // *Modern Language Review*. – 1940. – No. 35. – P. 40–54.
379. Heng, G. Cannibalism, the First Crusade, and the Genesis of Medieval Romance // *Differences*. – 1998. – Vol. 10, no. 1. – P. 98–173.
380. Hermans, J. The Byzantine view of the Normans. Another Norman myth? // *Anglo-Norman Studies II Proceedings of the Battle Conference* / ed. R.A. Brown. – 1979. – Vol. 2. – P. 78–92.
381. Hiestand, R. Boemondo I e la prima Crociata // *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate: atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve, Bari, 17–20 ottobre 2000* / a cura di Giosuè Musca. – Bari: Dedalo, 2002. – P. 65–94.

382. Hill, P. *The Norman commanders: Masters of Warfare 911–1135*. – Barnsley South Yorkshire: Pen and Sword Military, 2015. – 240 p.
383. Hillenbrand, C. *The Crusades: Islamic Perspectives*. – New York: Routledge, 2000. – 648 p.
384. *Histoire générale du IV siècle à nos jours. L'Europe féodale les croisades 1095–1270* / ed. E. Lavissee, A. Rambaud. – T. 2. – P.: Armand Colin, 1893. – 987 p.
385. Hodgson, N. Reinventing Normans as crusaders? Ralf of Caen's *Gesta Tancredi* // *Anglo-Norman Studies XXX Proceedings of the Battle Conference* / ed. by C.P. Lewis. – 2007. – Vol. 30. – P. 117–132.
386. Hoffmann, J. Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071–1210): Untersuchungen über Unabhängigkeitsbestrebungen und ihr Verhältnis zu Kaiser und Reich. – Munich: Institut für Byzantinistik und Neugriechische Philologie der Universität, 1974 (*Miscellanea Byzantina Monacensia*. – 17). – 182 p.
387. Holmes, U.T. Source Problems of the Chétifs, a Crusade Chanson de Geste // *Romanic Review*. – 1937. – Vol. 28. № 2. – P. 99–108.
388. Identité et ethnicité: concepts, débats historiographiques, exemples: IIIe–XIIe siècle: [table ronde tenue les 15–16 octobre 2004 à la Maison de la recherche en sciences humaines (MRSH) de l'Université de Caen Basse-Normandie] / [organisée par le CRAHM]; actes publiés sous la direction de Véronique Gazeau, Pierre Bauduin, Yves Modéran. – Caen: Publications du CRAHM, 2008. – 264 p.
389. *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate: atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve*, Bari, 17–20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca. – Bari: Dedalo, 2002. – ill, 417 p.
390. Iorga, N. Les narrateurs de la première croisade. – P.: J. Gamber, 1928. – 92 p.
391. Jamison, E.M. Some notes on the Anonymi *Gesta Francorum* with special reference to the Norman contingent from south Italy and Sicily in the First Crusade // *Studies on the history of medieval Sicily and South Italy*. – Manchester: University press, 1939. – P. 195–204.
392. Janin, R. La Bithynie sous l'empire byzantin // *Échos d'Orient*. – 1921. – Vol. 20. – P. 168–182.
393. Janin, R. Les Francs au service des «Byzantins» // *Échos d'Orient*. – 1930. – Vol. 29. № 157. – P. 61–72.
394. Jurukova, J. Sceaux de Constantin Humberto // *Actes du XIVe Congrès International des études byzantines*, Bucarest, 6–12 septembre, 1971 / ed. M. Berza, E. Stănescu. – Bucarest: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. – T. III. – 235–243 p.

395. Kaegi, W. E. The Contribution of Archery to the Turkish Conquest of Anatolia // *Speculum*. – 1964. – Vol. 39. – No. 1. Janv. – P. 96–108.
396. Kafesoglu, I. A History of the Seljuks: Ibrahim Kafesoglu's Interpretation and the Resulting Controversy / ed. and trans. by G. Leiser. – Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois University Press, 1988. – 224 p.
397. Kafesoglu, I. A short history of Turkish – Islamic states (Excluding the Ottoman State) / trans. by A.E. Uysal, ed. by E. Mercil, H.Y. Nuhoglu. – Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 1994. – 437 p.
398. Kafesoğlu, İ. Eleştiri-tanıtmı Prof. Dr. Osman Turan: Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden: Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // *Tarih Dergisi*. – 1965. – Cilt 15. Sayı 20. – S. 171–188.
399. Kaldellis, A. *Ethnography After Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. – 277 p.
400. Karaca, G.S. Overview of Byzantine-Norman Relations in XI. Century // *Tarih İncelemeleri Dergisi*. – 2012. – Cilt XXVII. Sayı 1. – S. 101–118.
401. Kayhan, H. Haçlılar Karşısında Dânişmendliler // *History Studies: International Journal of History*. – 2012. – Vol 4, Issue 2. – P. 227–234.
402. Kazhdan, A.P. *Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. – Berkeley: Los Angeles; L.: University of California Press, 1990. – 287 p.
403. Kazhdan, A.P. *Latins and Franks in Byzantium: Perception and Reality from the Eleventh to the Twelfth Century // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. – Washington: Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. – P. 83–100.
404. Köhler, M.A. *Alliances and Treaties between Frankish and Muslim Rulers in the Middle East. Cross-Cultural Diplomacy in the Period of the Crusades* / trans. by P.M. Holt, revised, edited and introduced by K. Hirschler. – Leiden; Boston: Brill, 2013 (The Muslim World in the Age of the Crusades. – 1). – 384 p.
405. König, D.G. *Arabic-Islamic Views of the Latin West: Tracing the Emergence of Medieval Europe*. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 448 p.
406. Köprülü, M.F. *The Seljuks of Anatolia: Their History and Culture According to Local Muslim Sources* / trans. and ed. by Gary Leiser. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1992. – 101 p.

407. Krey, A.C. A Neglected Passage in the Gesta and Its Bearing on the Literature of the First Crusade // *The Crusades and other historical essays / presented to D.C. Munro by his former students*, ed. L.J. Paetow. – New York: F.S. Crofts, 1928. – P. 57–78.
408. Kugler, B. Bohemund und Tankred, Fursten von Antiocheniem. Ein beitrag zur geschichte der normannen in Syrien. – Tübingen: Gerruckt bei Ludwig Friedrich Fues, 1862. – 79 S.
409. Kuhl, E. Time and identity in Stephen of Rouen's *Draco Normannicus* // *Journal of Medieval History*. – 2014. – Vol. 40. № 4. – P. 421–438.
410. Lack, K. *The Conqueror's Son: Duke Robert Curthose, Thwarted King*. – Stroud: Sutton, 2007. – 228 p.
411. Lemerle, P.E. *Byzance et la croisade* // *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Roma 1955)*. – Firenze: G.C. Sansoni, 1955. – Vol. 3. – P. 595–620.
412. *Les Normands en Méditerranée, dans le sillage des Tancrède* / ed. P. Bouet, F. Neveux. – Caen: Université de Caen, 2001. – 288 p.
413. Lewis, A.R. *Nomads and Crusaders, ad 1000–1368*. – Bloomington and Indianapolis: A Midland book, 1988. – 224 p.
414. Lewis, B. Ifrandj // *The Encyclopedia of Islam*. New edition. Prepared by a number of leadin orientalists / ed. by B. Lewis, V.L. Ménqge, Ch. Pellat, [J. Shhacht]. – Leiden: E.J. Brill, 1986. – Vol. III. – P. 1044–1046.
415. Le baron de Bazancourt. *Histoire de la Sicile sous la domination des normands*. – P. Librairie de amyot, 1846. – T. 1. – 416 p.; – T. 2. – 418 p.
416. Levy-Rubin, M. «The Errors of the Franks» by Nikon of the Black Mountain: Between Religious and Ethno-Cultural Conflict // *Byzantion*. – 2001. – Vol. 71. Fasc. 2. – P. 422–437.
417. Ligato, G. Le vicende della crociata lombarda. Gerusalemme o «regnum Babilonicum»? // *Deus non voluit. I Lombardi alla prima crociata (1100–1101). Dal mito alla ricostruzione della realtà* / éd. G. Andenna, R. Salvarani. – Milan: Vita e Pensiero, 2003. – P. 31–103.
418. Lindner, R.P. *Nomadism, Horses and Huns* // *Past and Present* – 1981. – No. 92. Aug. – P. 3–19.
419. Lopes, R.S. *La Sicilia nel tempo della conquista normana* // *Richere storico ed economiche in memoria di Corrado Barba*. – Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1970. – Vol. II. – P. 170–121.

420. Lorenz, S. Bohemund von Tarent und die Normannen als Herrscher von Antiochen. – Norderstedt: Grin verlag, 2007. – 22 p.
421. Loud, G.A. The «Gens Normannorum»: Myth or Reality? // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the IV Battle Conference*. – 1981. – Vol. 4. – P 104–116.
422. Louis, R. Les ducs de Normandie dans les chanson de geste // *Byzantion*. – 1958. – Vol. 28. – P. 390–419.
423. Maalouf, A. The Crusades through Arab Eyes / translated from the French by Jon Rothschild. – London: Saqi Books, 2006. – 295 p.
424. MacEvitt, C. The Chronicle of Matthew of Edessa: Apocalypse, the First Crusade, and the Armenian Diaspora // *Dumbarton Oaks Papers*. – 2007. – Vol. 61. – P. 157–181.
425. MacEvitt, C. The Crusades and the Christian World of the East: Rough Tolerance – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. – viii, 272 p.
426. MacEvitt, C. True Romans: Remembering the Crusades among Eastern Christians // *Journal of Medieval History*. – 2014. – Vol. 40. № 3. – P. 260–275.
427. Mcqueen, W.B. Relation between the Normans and Byzantium 1071–1112 // *Byzantion*. – 1986. – Vol. 56. – P. 427–476.
428. Magdalino, P. The Byzantine Army and the Land: from stratotikon ktema to military pronopia // Το εμπόλεμο Βυζάντιο (9ος–12ος αι.) / επ. Κ.Τσικνάκης. – Αθηνά: Χόρν, 1997 (Ινστιτούτο Βυζαντινών Ερευνών). – 15–36 p.
429. Magdalino, P. The Byzantine background to the First Crusade. – Toronto: Canadian Institute of Balkan Studies, 1996. – 38 p.
430. Malamut, E. Les voyageurs à l'époque médiévale / ed. B. Geyer; J. Lefort. – Paris: Lethielleux, 2003 (*Réalités Byzantines*, vol. 9). – P. 473–484.
431. Mallet, A. The “Other” in the Crusading period: Walter the Chancellor’s presentation of Najm al-Dīn Il-Ghāzī // *Al-Masāq: Journal of the Medieval Mediterranean*. – 2010. – Vol. 22. Issue 2. – P. 113–128.
432. Manselli, R. Normanni d’Italia alla prima crociata: Boemondo d’Altavilla // *Japigia*. – 1938. – XI. – P. 45–79, 147–184.
433. Marquis de la Force. Les conseillers latins d’Alexis Comnen // *Byzantion*. – 1936. – T. 11. – P. 153–165.
434. Martin, J-M. Les structures féodales normanno-souabes et la Terre Sainte // *Il Mezzogiorno normanno-svevo e le Crociate: atti delle quattordicesime giornate normanno-sveve*, Bari, 17–20 ottobre 2000 / a cura di Giosuè Musca. – Bari: Dedalo, 2002. – P. 225–250.

435. Mas Latrie, Louis de. Les Patriarches latins d'Antioche // *Revue de l'Orient latin*. – 1894. – T. II. – P. 192–205.
436. Mathieu, M. Cinq poésies byzantines des xie et xiie siècles // *Byzantion*. – 1953. – T. 23. – P. 129–142.
437. Mathieu, M. Normands et Byzantins // *Archivio storico pugliese*. – 1959. – T. 12. – P. 35–46.
438. Mathieu, M. Une source négligée de la bataille de Mantzikert: les «Gesta Roberti Wiscardi» de Guillaume d'Apulie // *Byzantion*. – 1950. – T. 20. – P. 89–103.
439. Mayer, H.E. Angevins versus Normans: The New Men of King Fulk of Jerusalem // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1989. – Vol. 133. № 1. – P. 1–25.
440. Mecit, S. The Rum Seljuqs: Evolution of a Dynasty. – L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2014 (Routledge Studies in the History of Iran and Turkey). – 212 p.
441. Melazzo, L. The Normans through their languages // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference* / ed. M. Chibnall. – 1993. – Vol. 15. – P. 243–250.
442. Melvinger, A. al-Madjuṣ // *The Encyclopedia of Islam*. New edition. Prepared by a number of leading orientalists / ed. by C.E. Bosworth, E. van Donzel, B. Lewis, Ch. Pellat. – Leiden: E.J. Brill, 1986. – Vol. V. – P. 1118–1121.
443. Ménager, R.L. Inventaire des familles normandes et franques émigrées en Italie méridionale et en Sicile (XIe–XIIe siècles) // *Roberto il Guiscardo e il suo tempo. Relazioni e comunicazioni nelle prime Giornate normanno-sveve* (Bari, maggio 1973). – Bari: Dedalo, 1991. – P. 279–410.
444. Merçil, E. Selçuklu devletleri tarihi. Siyaset, teşkilat ve kültür. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1995. – 599 s.
445. Moulin, G. du. Histoire generale de Normandie. Contenant les choses memorables aduenues depuis les premieres courses des Normands payens, tant en France qu'aux autres pays, de ceus qui s'emperent du pays de Neustrie sous Charles le Simple. Avec l'histoire de leurs ducs, leur genealogie, & leurs conquestes, tant en France, Italie, Angleterre, qu'en Orient, iusques a la reünion de la Normandie à la couronne de France. – Ruan: I. Osment, 1631. – 738 p.
446. Moulin, G. du. Les conqvestes et les trophées des Norman-François, aux royaumes de Naples & de Sicile, aux duchez de Calabre, d'Antioche, de Galilée, & autres principautez d'Italie & d'Orient. – Ruan: D. du Petit Val Imprimeur ord. du Roy, 1658. – 505 p.
447. Minorsky, V. History of Sharvan and Darband in the X–XI-th centuries. – Cambridge: W. Heffer and sons, 1958. – 219 p.

448. Minorsky, V. *Studies in Caucasian History*// Cambridge Oriental Series. – 1953. – № 6. – 190 p.
449. Mitchell, R. Light cavalry, heavy cavalry, horse archers, Oh my! What abstract definitions Don't tell us about 1205 Adrianople // *The Journal of Medieval Military History*. – 2008. – No. 6. – P. 95–118.
450. Moravcsik, Gy. *Byzantinoturcica*. –3. unveränderte Auflage. – Leiden: E.J. Brill, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. — X). – Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. – xxix, 609 s.; Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen. – xxv, 376 s.
451. Mordtmann, A.D. Die Dynastie der Danischmende // *Zeitschrift der deutschen morgenlindischen Gesellschaft*. – 1876. – Bd. XXX. – S. 467–486.
452. Murray, A.V. Ethnic Identity in the Crusader States: The Frankish Race and the Settlement of Outremer // *Concepts of national identity in the Middle Ages* / ed S. Forde, L. Johnson and A.V. Murray. – Leeds: Leeds Studies in English, 1995. – P. 59–73.
453. Murray, A.V. How Norman Was the Principality of Antioch? Prolegomena to a Study of the Origins of the Nobility of a Crusader State // *Family Trees and the Roots of Politics: the Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. K.S.B. Keats-Rohan. – Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd, 1997. – P. 349–360.
454. Murray, A.V. Norman Settlements in Latin Kingdom of Jerusalem // *Arhivio Normanno-Svevo*. – 2008. – Vol. 1. – P. 61–85.
455. Murray, A.V. Questions of Nationality in the First Crusade // *Medieval History*. – 1991. – Vol. 1. № 1. – P. 61–73.
456. Murray, A.V. The army of Godfrey of Boullion, 1096–1099: Structure and dynamics of a contingent of the First Crusade // *Revue belge de philologie et d'histoire. Histoire médiévale, moderne et contemporaine – Mitteleeuwse, moderne en hedendaagse geschiedenis*. – 1992. – Tome 70. fasc. 2. – P. 301–329.
457. Murray, A.V. From the Bosphorus to Khurasan: The Turkish Domination of Asia in the Perception of the Chroniclers of the First Crusade // *Journal of Seljuk Studies*. – 2018. – 8. – P. 82–98.
458. Mutařian, Cl. L'enjeu cilicien et les prétentions normandes (1097–1137) / Cl. Mutařian // *Autour de la Première croisade* / éd. M. Balard. – Paris, Publications de la Sorbonne, 1996 (*Byzantina Sorbonensia*. –14). – P. 453–461.
459. Neville, L. A History of the Caesar John Doukas in Nikephoros Bryennios // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – 2008. – Vol. 32. – P. 168–188.

460. Ni Chleirigh, L. *Gesta Normannorum? Normans in the Latin Chronicles of the First Crusade* // *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts* / ed. by K. J. Stringer and A. Jotischky. – Farnham: Ashgate Publishing, 2013. – P. 207–226.
461. Nicol, D.M. *Symbiosis and Integration: Some Greco-Latin Families in Byzantium in the 11th to 13th Centuries* // *Byzantinische Forschungen*. – 1979. – Bd. VII. – P. 113–135.
462. Nicholas L.P. *A Warlord's Wisdom: Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade* // *Speculum*. – 2010. – Vol. 85. № 3. – P. 534–566.
463. Nicolle, D. *The Military Technology of Classical Islam*. Unpublished Ph.D. thesis / David Nicolle. – Edinburgh, 1982. – Vol. I–III. – 521 p.
464. Nicolle, D. *The Normans* // *Elite series* – T. 9. – London: Osprey Publishing, 1987. – 65 p.
465. Nicolle, D. *The Normans: Warrior Knights and Their Castles*. – L.: Osprey Publishing, 1987. – 256 p.
466. Nicolle, D. *Attila and the nomad hordes: warfare on the Eurasian steppes 4th-12th centuries* // *Elite series*. – T. 30. – London: Osprey Publishing, 1990. – 65 p.
467. Nicolle, D. *Saracen faris 1050 – 1250* // *Warrior series*. – T. 10. – London: Osprey Publishing, 1994. – 65 p.
468. Nicolle, D. *Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350: Western Europe and the Crusader States*. – London: Greenhill Books, 1999. – 637 p.
469. Nicolle, D. *Arms and Armour of the Crusading Era, 1050 – 1350 : Western Europe and the Crusader States*. – London: Greenhill Books, 1999. – 637 p.
470. Nicolle, D. *Carolingian cavalryman AD 768 – 987*. – London: Osprey Publishing, 2005. – 64 p.
471. Nicolle, D. *Manzikert 1071. The Breaking of Byzantium*. – Oxford: Osprey Publishing, 2013. – 96 p.
472. Nicholson, R.L. *Tancred: a Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade and the Establishment of the Latin States in Syria and Palestine*. – Chicago: The University of Chicago libraries, 1940. – 247 p.
473. *Norman Expansion: Connections, Continuities and Contrasts* / ed. by K. J. Stringer, A. Jotischky. – Farnham: Ashgate Publishing, 2013. – 276 p.
474. *Norman Tradition and Transcultural Heritage. Exchange of Cultures in the 'Norman' Peripheries of Medieval Europe* / ed. T. Foerster, S. Burkhardt. – Farnham: Ashgate, 2013. – 312 p.
475. Norwich, J.J. *A Short History of Byzantium*. – L.: Penguin Books, 2013. – 431 p.
476. Norwich, J.J. *Byzantium: The Apogee*. – L.: Penguin Books, 1993. – 389 p.

477. Oikonomidès, N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). – Athènes: Fondation nationale de la recherche scientifique, Institut de recherches byzantines, 1996. – 319 p.
478. Oikonomidès, N. Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium // *Revue numismatique*. – 1983. – T. 25, 6e série. – P. 189–207.
479. Oikonomides, N. The Donation of Castles in the Last Quarter of the 11th Century // *Polychronion*. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / hrsg. von P. Wirth. – Heidelberg: Winter, 1966. – P. 413–417.
480. Oldoni, M. Mentalità ed evoluzione della storiografia normanna fra l'XI e il XII secolo in Italia // *Ruggero il Gran Conte e l'inizio dello Stato normanno. Relazioni e comunicazioni nelle Seconde Giornate normanno-sveve*, (Bari, maggio 1975). – Roma: Edizioni Dedalo, 1977. – P. 193–174.
481. Paterson, W. F. The Archers of Islam // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. – 1969. – Vol. 9. – No. ½. Nov. – P. 69–87.
482. Painter, S. Western Europe on the Eve of the Crusades // *A history of the Crusades. The first hundred years* / ed. K.M. Setton and M.W. Balduwin. – Vol. 1. – Philadelphia: University of Wisconsin Press, 1969. – P. 3–29.
483. Paul, N.L. A Warlord's Wisdom: Literacy and Propaganda at the Time of the First Crusade // *Speculum*. – 2010. – Vol. 85. Issue 3. – P. 534–566.
484. Pitarakis, B. Mines anatoliennes exploitées par les Byzantins: recherches récentes // *Revue numismatique*. – 1998. – Vol. 153. 6e série. – P. 141–185.
485. Polemis, D.I. Notes on Eleventh-Century Chronology (1059–1081) // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1965. – Bd. 58. – P. 60–76.
486. Poncelet, Albert. Boémond et S. Léonard // *Analecta Bollandiana*. – 1912. – Vol. 31. – P. 24–45.
487. Pontieri, E. I Normanni dell'Italia meridionale e la Prima Crociata // *Archivio Storico Italiano*. – 1956. – Vol. 114. – P. 3–17.
488. Potts, C. «Atque unum ex diversis gentibus populum effect»: Historical Tradition and the Norman Identity // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XVIII Battle Conference*. – 1995. – Vol. 18. – P. 139–152.
489. Potts, C. Normandy, 911–1144 // *A companion to the Anglo-Norman World*. – Woodbridge: The Boydell Press, 2003. – P. 19–42.
490. Précis de l'histoire et de la géographie du moyen age, depuis la décadence de l'empire romain jusqu'à la prise de constantinople par les turcs-ottomans / par M. Des Michels. – P.: Louis Colas, 1840. – 463 p.

491. Pryor, J.H. Stephen of Blois: Sensitive New-Age Crusader or Victim of History? // Arts: The Journal of the Sydney University Arts Association. – 1998. – Vol. 20. – P. 26–74.
492. Ramsay, W.H. The Geographical Conditions Determining History and Religion in Asia Minor // The Geographical Journal. – 1902. – Vol. XX. – № 3. – P. 257–275.
493. Ramsay, W.H. The Historical Geography of Asia Minor // Royal Geographical Society. Supplementary papers. – Vol. IV. – L.: John Murray, Albemarle Street, 1890. – 497 p.
494. Rey, E.G. Les Dignitaires de la principauté d'Antioche, grands officiers et patriarches (XIe–XIIIe siècle) // Revue de l'Orient latin. – 1900–1901. – T. VIII. – P. 116–157.
495. Rey, E.G. Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche // Revue de l'Orient latin. – 1896. – T. IV. – P. 321–406.
496. Riant, P.D.R. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. – Paris, 1865. – 448 p.
497. Riley-Smith, J. The First Crusade and the Idea of Crusading. – L.: Continuum, 2003. – 227 p.
498. Riley-Smith, J. The Motives of the Earliest Crusaders and the Settlement of Latin Palestine, 1095–1100 // The English historical review. – 1983. – Oct., № 389. – P. 721–736.
499. Ritchie, N. Bohemund, Prince of Antioch; the career of a norman crusader in Italy, in Syria and in the wars with the byzantine emperor // History Today. – 1978. – 28. – P. 293–303.
500. Rouche, M. Cannibalisme sacré chez les croisés populaires // La religion populaire: aspects du christianisme populaire à travers l'histoire / éd. Y. M. Hilaire. – Lille: Université de Lille III, 1981. – P. 29–41.
501. Rowe, J.G. Paschal II, Bohemund of Antioch, and the Byzantine Empire // Bulletin of the John Rylands Library. – 1966. – Vol. 49. – P. 165–202.
502. Rowe, J.G. The Papacy and the Crusaders in the East, 1100–1160. – Toronto: University of Toronto, 1955. – Vol. I. – 224 p.
503. Rubenstein, J. What is the Gesta Francorum, and Who Was Peter Tudebode? // Revue Mabillon. – 2005. – Vol. 16. – P. 179–204.
504. Runciman, S. A History of the Crusades: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. – New York: Cambridge, 1995. – Vol. I. – 394 p.
505. Runciman, S. A History of the Crusades: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187. – New York: Cambridge, 1995. – Vol. II. – 538 p.
506. Runciman, S. Teucro and Turci // Medieval And Middle Eastern Studies: In Honor of Aziz Suryal Atiya. – Leiden: E. J. Brill, 1972. – P. 344–348.

507. Russo, L. Boemondo. Figlio del Guiscardo e principe di Antiochia. – Avellino: Elio Sellino, 2009. – 255 p.
508. Russo, L. Il Liber di Raimondo d'Aguilers e la Sacra Lancia d'Antiochia // Studi Medievali. – 2006. – XLVII, fasc. II. – P. 785–837.
509. Russo, L. Il regno normanno del Mezzogiorno e «Outremer»: Scambi, interazioni e mancate occasioni // Gli Italiani e la Terrasanta / éd. A. Musarra. – Florence: SISMEL, 2014. – P. 137–149.
510. Russo, L. Il viaggio di Boemondo d'Altavilla in Francia (1106): un riesame // Archivio Storico Italiano. – 2005. – 163. – P. 3–42.
511. Russo, L. I Normanni e il movimento crociato. Una revisione // Il Papato e i Normanni. Temporale e Spirituale in età normanna / a cura di E. D'Angelo, C. Leonardi. – Firenze: Sismel-Edizioni del Galluzzo, 2011. – P. 163–174.
512. Russo, L. Tancredi e i Bizantini: Sui Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana di Rodolfo di Caen / L. Russo // Medioevo greco. – 2002. – Vol. 2. – P. 193–230.
513. Russo, L. La diaspora normande vue par les marges: la principauté d'Antioche entre histoire et historiographie // Tabularia. – 2016. – Vol. 16. – P. 157–175.
514. Savvides, Alexios G.C. Byzantino-Normannica: the Norman Capture of Italy (to A.D. 1081) and the First Two Invasions in Byzantium (A.D. 1081–1085 and 1107–1108). – Leuven; Paris; Dudley MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2007 (Orientalia Lovaniensia Analecta. – 165). – 96 p.
515. Schlumberger, G. Deux chefs normands des armées byzantines au XI-e siècle // Revue Historique. – 1881. – XVI. – P. 289–303.
516. Schlumberger, G. Les Principautés franques d'Orient d'après les plus récentes découvertes de la numismatique // Revue des Deux Mondes. – 1876. – XV. – P. 569–595.
517. Smail, R.C. Crusading Warfare 1097–1193. – L.: Cambridge University Press, 1967. – 272 p.
518. Shepard, J. Aspects of Byzantine Attitudes and Policy Towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries // Byzantium and the West c. 850–1200: Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford 30 March–1st April 1984 /ed. by J. D. Howard-Johnston. – Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. – P. 67–118.
519. Shepard, J. Byzantinorussica // Revue des études byzantines. – 1975. – T. 33. – P. 211–225.

520. Shepard, J. Cross-purposes: Alexius Comnenus and the First Crusade // *The First Crusade: Origins and Impact* / ed. by J. Phillips. – Manchester; New York: Manchester University Press, 1997. – P. 109–129.
521. Shepard, J. The Uses of Franks in Eleventh Century Byzantium // *Anglo-Norman Studies: Proceedings of the XV Battle Conference*. – 1993. – Vol. XV. – P. 275–307.
522. Shepard, J. When Greek Meets Greek: Alexius Comnenus and Bohemond in 1097–1098 // *Byzantine and Modern Greek Studies*. – 1988. – Vol. 12. – P. 189–198.
523. Shopkow, L. History and Community, Norman Historical Writing in the Eleventh and Twelfth Centuries / L. Shopkow. – Washington: Cathol. Univers. of America Pr., 1997. – xv, 327 p.
524. Simpson, A.J. Three Sources of Military Unrest in Eleventh Century of Asia Minor: the Norman Chieftains Herve Francopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul // *Mésogeios*. – 2000. – № 9–10. – P. 181–207.
525. Sumberg, L.A. The Tafurs and the First Crusade // *Mediaeval Studies*. – 1959. – V. 21. 1. – P. 224–246.
526. Sybel, H. von. Geschichte des ersten Kreuzzugs. – Düsseldorf: Schreiner, 1841. – 551 s.
527. Sybel, H. von. The History and Literature of the Crusades / ed. by L. D. Gordon. – L.: Chapman and Hall, 1861. – 356 p.
528. Şahin, S. Norman istilası'nın I. haçlı seferi'ne yansımaları (Antalya'nın ıssgaline kadar I. Bohemund ve Tancred'in faaliyetleri) // *Capadocia Journal of History and Social Sciences* / ed. Prof. Dr. İlyas Gökhan. – 2013. – Vol. 1. – P. 42–52.
529. Ter-Ghewondyan, A. The Arab Emirates in Bagratid Armenia / transl. Nina G. Garsoïan. – Lisbon: Livraria Bertrand, 1976. – 244 p.
530. The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500–1492 / ed. by J. Shepard. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1207 p.
531. The Cambridge History of Turkey. Byzantium to Turkey, 1071–1453 / ed. by K. Fleet. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Vol. I. – 522 p.
532. The Cambridge Medieval History. The Eastern Roman Empire (717–1453) / plan. by J.B. Bury, ed. by J.R. Tanner, C.W. Previte-Orton and Z.N. Brooke. – Cambridge: Cambridge University Press, 1923. – Vol. IV. — 993 p.
533. The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. – Washington: Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. – vii, 297 p.

534. The First Crusade: Origins and Impact / ed. by J. Phillips. – Manchester; New York: Manchester University Press, 1997. – xvi, 202 p.
535. The New Cambridge Medieval History c. 1024–c. 1198 / D.E. Luscombe, J. Riley-Smith. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – Vol. 4. Part 2. – 900 p.
536. The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazhdan. – New York: Oxford University Press, 1991. – Vol. I–III. – 2232 p.
537. Theotokis, G. Bohemond of Taranto's 1107–8 Campaign in Byzantine Illyria – Can it be viewed as a Crusade? // Rosetta. – 2012. – Vol. 11. – P. 72–81.
538. Theotokis, G. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the service of the Byzantine emperors (9th–11th c.). Numbers, Organisation and Battle Tactics in the operational theaters of Asia Minor and the Balkans // Βυζαντινά Σύμμεικτα. – 2012. – Vol. 22. – P. 125–156.
539. Theotokis, G. The Campaigns of the Norman Dukes of Southern Italy against Byzantium, in the years between 1071 and 1108 AD. – Glasgow: University of Glasgow, 2010. – 336 p.
540. Theotokis, G. The Norman Invasion of Sicily, 1061–1072: Numbers and Military Tactics / G. Theotokis // War in History. – 2010. – Vol. 14. № 4. – P. 381–402.
541. Thomson, R. William of Malmesbury, historian of the Crusade // Reading Medieval Studies. – 1914. – Vol. 29. – P. 121–134.
542. Thomson, R.W. The Crusaders through Armenian Eyes // The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World / ed. by A.E. Laiou, R.P. Mottahedeh. – Washington: Dumbarton Oaks Publishing Service, 2001. – P. 71–82.
543. Travaini, L. The Normans between Byzantium and the Islamic World // Dumbarton Oaks Papers. – 2001. – Vol. 55. – P. 179–196.
544. Tsursumia, M. Couched Lance and Mounted Shock Combat in the East: The Georgian Experience // Journal of Medieval Military History. – Vol. XII. – Woodbridge: The Boydell Press, 2014. – P. 81–108.
545. Turan, O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. – 2. baskı. – İstanbul: Turan Neşriyat Yurdu, 1969. – xix, 478 s.
546. Vanderburie, J. The Fatimid Failure against the Crusaders at the End of the First Crusade // Carnival. – 2010. – Vol. 12. – P. 68–89.
547. Van Houts, E.M.C. Normandy and Byzantium in the eleventh century // Byzantion. – 1985. – T. 55. – P. 544–559.

548. Van Houts, E.M.C. *The Normans in Europe*. – Manchester and New York: Manchester University Press, 2000. – 308 p.
549. Victorine de Casteney. *Les chevaliers normands en Italie et en Sicile, et considérations générales sur l'histoire de la chevalerie en France*. – P.: Maradan, 1816. – 305 p.
550. Vronis, S. *The Decline of Medieval Hellenism in Azia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. – Berkeley: University of California Press, 1971. – 564 p.
551. Warren, F.M. *The Enamoured Moslem Princess in Orderic Vital and the French Epic* // *Publications of the Modern Language Association of America* – 1914. – Vol. 29. – P. 341–358.
552. Webber, N. *The Evolution of Norman Identity, 911–1154*. – Woodbridge: The Boydell Press, 2005. – 195 p.
553. Wierzbński, S. *Normans and other Franks in 11th century Byzantium: the careers of the adventurers before the rule of Alexius I Comnenus* // *Studia Ceranea*. – 2014. – № 4. – P. 277–288.
554. Wolf, K.B. *Crusade and Narrative: Bohemond and the Gesta Francorum* // *Jornal of medieval history*. – 1991. – Vol. 17. № 3. – P. 207–216.
555. Wolf, K.B. *Making History: The Normans and Their Historians in Eleventh-Century Italy*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. – 187 p.
556. Yewdale, R.B. *Bohemond I. Prince of Antioch*. – Princepton: Princeton University Press, 1917. – 143 p.
557. Λεβενιώτης, Γ.Α. *Η πολιτική κατάρρευση του Βυζαντίου στην Ανατολή. Το ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το β' ήμισυ του 11ου αι.* / Γ.Α. Λεβενιώτης. – Θεσσαλονίκη: Αριστοτελείο πανεπιστήμιο θεσσαλονίκης, 2007. – 603 p.
558. Λεβενιώτης, Γ.Α. *Το στασιαστικό κίνημα του Νορμανδού Ουρσελίου (Ursel de Bailleul) στη Μικρά Ασία (1073–1076)* / Γ.Α. Λεβενιώτης. – Θεσσαλονίκη: Εκδόσεις Βάνιας, 2004 (Εταιρεία Βυζαντινών Ερευνών. – 19). – 235 p.

Научное издание

ПРУДНИКОВ Виталий Владимирович

DEUS ADIUVA!
НОРМАННСКИЕ РЫЦАРИ
В АНАТОЛИИ XI–XII вв.

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Д. А. Сарабьева*
Верстка *А. С. Яшин*

Подписано 09.10.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 18,0
Тираж 500 экз. Зак. № 395.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5